

КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ

Северо-Запад®

ББК 84(7СПА)
К 64
УДК 820(73)

К 64 Конан и ледяной страж: Романы.— СПб., «Северо-Запад», 1997 — 464 с.

ISBN 5-7906-0021-2.

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

© К. Kelly, обложка, 1990

© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Образ прекрасной пиратки Белит всегда вдохновлял последователей Мастера. Мятежная, не ведающая страха, она была верной спутницей Конана в его странствиях. Вниманию читателей предлагается роман Т. Рейли «Кормчие судьбы», объединенный с повестью Р. Говарда в единую дилогию.

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Глава первая ПИРАТЫ

Был полдень — время, когда сонное знойное море заливало город. Улицы, ведущие к порту, в этот час выглядели пустынными, даже собаки укрылись в тени домов и заборов. Торговец сидел у своей лавчонки, лениво отмахиваясь от жирных мух, рядом копошился в отбросах нищий старик. За углом, у порога таверны, прикрыв голову рваной мешковиной, дремал какой-то гуляка в разорванной на спине тунике.

На высокобортной галере, стоявшей возле пирса, разомлевшие от жары моряки неторопливо ставили большой полосатый парус. Крепкий бородатый мужчина — видимо, шкипер, — бранясь, подгонял их.

Царившие вокруг тишина и покой внезапно были нарушены гулким стуком копыт и шумом погони. Вдали, в самом начале улицы, ведущей к морю, показался всадник на черном коне и, ураганом промчавшись мимо по пыльному тракту, вылетел на пристань.

Там он осадил жеребца — так, что скакун присел на задние ноги, затем всадник спрыгнул на землю и помчался к пирсу и готовой отплыть галере. На бегу он обнажил меч — огромный, длиной в четыре локтя. Впрочем, это внушительное оружие не помешало ему с легкостью перепрыгнуть на палубу судна.

— Отчаливай! — заорал незнакомец и одним взмахом клинка перерубил швартовый канат.

— Ты кто такой, бандит? Нечего тут распоряжаться! — вскипел шкипер. — Кто тебе дал право взойти на мой корабль? — Обнаженный меч уперся в грудь моряка.

— Отчаливай! — рявкнул незнакомец. — Отчаливай, во имя Крома! Или твоя лоханка утонет в крови команды!

Затем непрощенный гость бросил тревожный взгляд на берег — там, в самом конце улицы, уже показался мчавшийся галопом отряд гвардейцев. Бородатый шкипер, несмотря на свою вспыльчивость, хорошо разбирался в людях — не было сомнений, что воин осуществит свою угрозу. А потому бородач отдал приказ и, отстранив острое меча, взялся за багор и оттолкнул судно от причала. Моряки быстро и сноровисто выполнили команду, потом взяли за весла — паруса наполнились ветром, и галера заскользила прочь от берега.

Гвардейцы на взмыленных лошадях вылетели на пирс. Вслед судну неслись проклятия, угрозы и приказы вернуться.

— Эх их разобрало! Пусть побесятся. — Усмешка скривила губы незнакомца. Он обернулся к шкиперу. — Не гневайся, приятель. Видит Кром, я заплачу тебе сколько скажешь, когда ты высадишь меня на берег. Кстати, куда мы направляемся?

Воин вложил клинок в ножны и выразительно тронул зазвеневший кожаный мешочек, притороченный к широкому поясу. Очень высокий, мощный, черноволосый, с мускулистыми руками, беглец был облачен в тускло поблескивающие доспехи; голову его прикрывал стальной рогатый шлем. Пурпурный плащ, наброшенный на плечи, скрепляла золотая бляха в виде головы оскалившегося неведомого зверя. Суровое лицо пестрили шрамы, а взгляд синих глаз был настороженным и внимательным. Шкипер посмотрел на берег, где все еще сустились воины, пытавшиеся раздобыть какую-нибудь лодку и продолжить погоню.

— Ну, я-то плыву в Куш! Товар у меня — украшения, шелка да сахар. Обратно пойду с рудой, слоновой костью и жемчугом. В накладе не останусь! — пробурчал моряк. Потом широко улыбнулся: — Я — Титус, аргосец. А ты кто? И чем ты так насолил этим олухам? Понятно, дело не мое, но все же...

— Мне нечего скрывать. — Рослый воин усмехнулся. — Я — Конан, киммериец! Приехал в Аргос поискать подходящее занятие. Крепкие руки и добрый меч всегда могут кому-нибудь понадобиться, верно? Прошлой ночью сидел я в кабаке, а тут сотник королевской гвардии пристал к подружке молодого воина. Тот распалился, ввязался в драку да и прибил старого блудодея! Потом сбежал вместе с девкой. Ну, законы ты знаешь: гвардия неприкосновенна и всегда права! Кто-то донес, что я там был, утром меня схватили да отвели к судье. Задница Нергала! Старый пенъ стал твердить мне о долге перед страной, королем и о всяких других вещах, в которых без кружки доброго вина не разберешься. Он, похоже, думал, что я знаю, где спрятались беглецы. Ну да, знаю! Но почему надо их выдавать? Судья зудел и зудел, а сам знаешь, что бывает, когда голова трещит с похмелья... Я и уснул, прямо у его стола, а он решил, что я издеваюсь, заорал, запричитал, пообещал сгноить в тюрьме... Мне это не понравилось. Пришлось достать меч, прорубить дорогу на улицу да и дать деру! Тут на счастье подвернулся конь начальника стражи... Быстрый жеребец! Жаль, что пришлось его оставить!

Закончив свою историю, Конан с сожалением развел руками.

— Да, этих крючкотворов я тоже не жалую, — ухмыльнулся бородатый шкипер. — Много они мне крови испортили! Сам знаешь, у нас кто богат, тот и прав! А дело-то у меня торговое... прицепиться всегда можно. Думаю, по возвращении мне все припомнят! Но я-то действовал под угрозой меча... — Он снова ухмыльнулся и перевел разговор на другое. — Путешествие у нас будет долгим, и я против тебя, Конан, ничего не имею. Тем паче, что на море беспокойно, и всегда может понадобиться такой воин, как ты. Да и от платы я тоже не откажусь... Может, вспрыснем сделку? Что-то в глотке пересохло... Пойдем! От моего вина у тебя в голове трещать не будет!

Они расположились на палубе, неподалеку от рулевых. «Аргуз» был небольшим судном, похожим на многие другие купеческие корабли. Его полукруглая корма плавно

опускалась в воду, нос был высоко загнут и украшен незамысловатой резьбой, большой парус из крепкого шелка укреплен кожаными полосами. В море, как правило, пользовались парусом, а не веслами — те шли в ход, когда случилось отчаливать от пристани и в безветренную погоду. Всего на галере имелось десять пар весел, одна мачта да палуба, под которой хранился груз. Команда состояла из двадцати матросов-гребцов, трех рулевых и шкипера Титуса. Все эти парни и мужчины были крепкими, бородастыми, дочерна загорелыми; их облачение выдавало людей небогатых. Короткие штаны да рубахи без ворота — вот и все! Многие были босы, другие обуты в кожаные ременные сандалии; кинжалы, висевшие на поясах матросов, чаще служили для трапез, чем для боя. Спала команда «Аргуза» прямо на палубе, между скамьями гребцов.

В ближайшие дни ветер дул в попутном направлении, и галера уверенно продвигалась к югу, вдоль берегов Шема и Стигии. Жара день ото дня усиливалась, и над палубой растянули сшитое из кусков ткани полотнище, чтобы хоть как-то укрыться от палящего солнца.

Конану путешествие по морю было в новинку. Он, однако, с легкостью обучался премудростям морского дела, удивляя моряков своей силой и сметкой. Киммерийский варвар играючи управлялся с огромным рулевым веслом, у которого обычно стояли трое дюжих мужчин. Быстро сделавшись своим среди команды, он часто смешил новых товарищей рассказами о воровских проделках в Ареджуне и Шадизаре и живо интересовался всем, что могли поведать моряки о странах, в коих случалось им побывать. Помимо того, киммериец ел за троих и пил за шестерых: крепкие напитки были его главной утехой и слабостью.

Прошло несколько дней — судно приближалось к берегам Куша. Как всегда, шкипер направил «Аргуз» в хорошо знакомую бухту, но на сей раз вместо деревни чернокожих моряки увидели лишь развалины жилищ да трупы.

— Такое место было! — Шкипер вцепился всей пятерней в бороду. — Такое место! Здесь торговали лучшим жемчугом на всем побережье! А теперь... Проклятые

пираты! О Митра, пусть души их поскорее уберутся на Серые Равнины, а тела поглотит океан! — И бородач крепко выругался.

— Что, если и мы на них нарвемся? — спросил Конан, потянувшись к перевязи с мечом.

— Война — не мое ремесло, но несколько раз нам удавалось отбиться да еще и презрительно пощипать морских разбойников. Надо будет, так повторим! Будем драться! Если только не повстречаем «Тигрицу» Белит...

— Белит? Кто такая Белит? — Привычным жестом варвар коснулся рукояти меча.

Шкипер пожал плечами.

— Никто не знает, откуда взялась эта ведьма! И она сама, и ее «Тигрица», битком набитая чернокожими! И как только женщина может командовать целой оравой черных головорезов? Говорят, они поклоняются ей, как богине... зовут ее Королевой Черного Побережья...

Затем шкипер показал на сложенное у мостика оружие: копья, короткие мечи, луки, колчаны со стрелами.

— Слабовато против ее банды... — с задумчивостью протянул он. — Но отдавать жизнь за медяк тоже обидно!

«Аргуз» вновь повернул в открытое море. Солнце только встало из-за горизонта, когда дозорный закричал, подзывая шкипера: по правому борту показалась стремительно приближающаяся галера под пурпурным флагом. Вскоре на палубе ее стали видны полубогаженные черные тела, потом донесся дикий вой — боевой клич чернокожих пиратов.

— Белит!

Лицо шкипера, несмотря на загар, сделалось почти белым.

— Левый борт — табаны! Лево руля, круче! Еще круче! Гребите к берегу! Навались на весла!

Бородач с проклятиями бросился подгонять гребцов.

— Ну, давайте, проклятые недоумки! Гребите, не то все мы окажемся в заднице Нергала, коль не успеем добраться до берега! Шевелитесь!

Стоя на корме, Конан наблюдал, как быстро сокращается расстояние между кораблями. Даже ему, не слишком искусственному в морских делах человеку, было ясно, что пираты настигнут «Аргуз» гораздо раньше, чем нос торговой галеры уткнется в прибрежный песок.

Дождем посыпались стрелы. Пока они еще не достигали купеческого судна, с плеском исчезая в волнах.

— Послушай-ка, борода, прикажи людям вооружаться, — произнес Конан. — Лучше встретить этот сброд мечом и копьём, чем бесславно погибнуть под их стрелами.

Но Титус не слушал, подгоняя гребцов бранью и тяжелыми кулаками. Те молча гребли, гребли изо всех сил — по их мускулистым телам струился пот.

— Быстрее, собаки! — рычал шкипер. — Пасть Нергала за нашими спинами!

Они были уже недалеко от берега, когда ветер резко стих и парус опал. Суда неумолимо сближались. Один из рулевых рухнул за борт: пиратская стрела пробила ему горло. Титус бросился к рулевому веслу.

Широко расставив ноги на качающейся палубе, Конан поднял лук. Теперь он хорошо видел белокожую женщину, что стояла на небольшой надстройке, венчавшей нос разбойничьей галеры. Рослые воины окружали ее, прикрывая щитами; по правому борту за лучниками сгрудились пираты с абордажными крючьями и обнаженными саблями.

Киммериец принялся посылать стрелу за стрелой. Большей частью они достигали цели: чернокожие с воплем валились на палубу. Но и на «Аргузе» все громче раздавались предсмертные хрипы и стоны раненых гребцов. Рулевые погибли первыми, и теперь Титус в одиночку пытался справиться с огромным рулевым веслом, выкрикивая ругательства и поминая всех богов разом.

На пиратском корабле лучников сменили копейщики, и Титус упал, пригвожденный к палубе тяжелым копьём. Моряки в ужасе смотрели на Конана: он был их последней надеждой.

Киммериец, отшвырнув лук, обнажил свой длинный меч.

— Что ж, парни, беритесь за оружие! Покажем этим собакам, что наши глотки не так просто перерезать! Бросайте весла! И так ясно, что мы попались!

Через несколько мгновений пиратская галера нависла над бортом «Аргуза», полетели абордажные крючья, затем на палубу с ревом и визгом посыпались чернокожие разбойники. «Белит! Белит!» — разносился над волнами их боевой клич.

Кровавой и короткой была эта битва. Словно черная волна затопила палубу «Аргуза», а когда она схлынула, остались лишь мертвые тела моряков да Конан, подобно мощному утесу возвышавшийся над поверженными. Стоя на корме, которая была сейчас на одном уровне с палубой пиратского корабля, киммериец рубил направо и налево — летели головы и отрубленные конечности, брызгала кровь, покрывая доски багровым месивом.

Однако натиск пиратов становился все ожесточеннее. Киммерийца охватила бешеная ярость, присущая в бою его соплеменникам; с горящими глазами он перепрыгнул на палубу пиратского судна. Меч его поднимался и опускался, сея смерть, и груда порубленных тел росла перед варваром с каждым взмахом клинка.

Внезапно кольцо пиратов раздалось, и чернокожие отступили, повинувшись громкому окрику. Конан увидел копьё, направленные ему в грудь, и самих копейщиков, застывших перед броском, словно изваяния из эбенового дерева. Властно подняв руку, перед строем их замерла белокожая женщина. Конан взглянул ей в глаза, и даже близость смерти не помешала его сердцу исполниться восхищением. И было от чего! Стройные длинные ноги плавно переходили в округлые бедра, прикрытые узорным шелком; тонкая талия и плоский живот были охвачены перевязью, украшенной драгоценностями; ножны кинжала сияли золотом. По обнаженным грудям и сильным загорелым плечам девушки струились смоляные пряди, темные глаза пылали. Большой, красиво очерченный рот и гордый профиль выдавали ее шемитское происхождение.

Белит, прекрасная Белит!

Да, то была Белит, в которой соединились грация пантеры и сила степного ветра. Она порождала волну страсти, желания обладать ее сильным, гибким, позолоченным солнцем телом.

Словно не замечая огромного окровавленного меча в руках варвара, Белит подошла к нему так близко, что острие клинка почти коснулось ее бедра.

— Кто ты? — прозвучал низкий голос девушки. — От Зингары до Атлаи мне знакомы все побережья и народы, но нет там подобных тебе. Где твой край? Где твоя родина? Откуда ты, воин?

— Из Аргоса.

Конан был настороже, опасаясь ловушки. Малейшее движение руки Белит к кинжалу стоило бы ей жизни.

— О нет, ты не аргосец, — сказала она, окинув взглядом черноволосого гиганта. — Мышцы твои как сталь, они не размякли от жизни среди мраморных стен и пышных ковров, и глаза твои ясны — в них нет скуки пресыщенных горожан. Откуда же ты явился?

В позе и низком звучном голосе Белит не было угрозы.

— Я Конан, киммериец, — сурово произнес воин.

Киммерия для людей Юга была почти мифической страной, далекой и неизвестной, краем земли, где среди сумрачных снегов обитали непобедимые великаны, не покидавшие своих гор и долин.

«Этот витязь достоин меня», — подсказал Белит безошибочный женский инстинкт. Девушка склонила голову.

— Меня зовут Белит, — словно царский титул произнесла она свое имя. — Белит, Королева Черного Побережья! А ты — северный тигр, холодный и недоступный, как снежные хребты твоей родины... Огонь в душах моих людей и сталь в их сильных руках сделали меня королевой. Будь же моим королем, и вместе мы не узнаем пределов своей силы и бесстрашия!

За спиной Белит копья поднялись вверх, сабли, мечи, кинжалы грохнули о щиты, и воздух наполнился приветственными криками. Конан, ошеломленный, замер; он ждал взрыва ненависти, и реакция пиратов поразила его. Похоже, Белит и в

самом деле была для них богиней — ее воле никто не смел противиться, ее решения принимались беспрекословно.

Киммериец окинул взглядом берег, потом — бесконечную гладь моря. Жизнь вновь улыбалась ему: плавать с этой молодой тигрицей, любить ее, участвовать в схватках, грабить...

— Хорошо, я останусь с тобой. — Он усмехнулся и опустил меч.

— О! — Радостный вскрик Белит был ему ответом.

Затем она обернулась к воинам и твердым голосом приказала:

— Добычу — в трюмы, трупы — на дно! Мы отплываем!

Несчастный «Аргуз» уже кренился на левый борт, и палубу лизали соленые волны. Привычно и быстро пираты перетаскивали груз, отцепили крючья. Освобожденная «Тигрица» спокойно покачивалась, пока ее палубу очищали от тел погибших, а раненых перетаскивали на корму — для осмотра и лечения. Конан бесстрастно наблюдал за этой суетой. Старый колдун, рослый и мускулистый, обработал его раны, присыпал порошком, похожим на пепел, к самым глубоким порезам приложил травы. Поплевал, жуя кору, на ушибы и ссадины. И Конан поразился, заметив, что уже не чувствует боли.

Он осмотрел корабль. Корму и нос длинной узкой пиратской галеры соединяли широкие балки; головы гребцов, сидевших по трое в ряд, были на уровне верхней палубы. Ритм ударам весел задавали барабанщики, стоявшие на корме у больших, обтянутых буйволиной кожей барабанов, и «Тигрица» плавно скользила по волнам.

Народ на корабле подобрался рослый да крепкий. Высокие поджарые пираты носили кто набедренную повязку, кто широкие, не доходящие до колен шаровары. На кожаных поясах висело самое разнообразное оружие, на шеях болтались амулеты. Плечи и торсы большинства чернокожих покрывала замысловатая вязь белесых шрамов. Эти узоры показались Конану необычными.

— Что это? — спросил он у чернокожего целителя.

Колдун Н'Гона рассмеялся и пояснил:

— Мы — народ маронг-туа, Дети Крокодила. У нас, когда юноша становится мужем, он уходит на время в Дом Предков. А там колдуны жертвенными ножами кромсают его тело, зато делают неуязвимой душу. Затем раны врачуют, и те, кто выжил, уже не боятся ни огня, ни меча.

Багряный диск солнца медленно опускался к черте, где волны сливались с небом. Величавой походкой Белит взойшла на корму, приблизилась к Конану и царственным жестом освободилась от украшений, оружия, шелковой набедренной повязки и сандалий. Все это она сложила у ног киммерийца, потом выпрямилась и подняла руки — взволнованная, нагая, с глазами, блестящими, словно два агата. И крикнула своим людям:

— Волки южных морей! Смотрите на танец, брачный танец Белит, дочери королей Асгалуна!

Маленькие ступни стали отбивать мерный ритм на окровавленных досках, руки змеились над головой, тело же ее оставалось неподвижным. Но вот она изогнула свой гибкий стан и закружилась в бешеной пляске. О, что это был за танец! В нем слились отточенная грация одалисок шемитских сералей и буйная страстность черных женщин Купа. Рокотали барабаны, и в такт двигались ступни Белит. Распаленные зрелищем пираты били в ладоши, гремели рукоятями клинков о щиты.

— Кхей-яяя! Кхей-яяя! — неся гортанный крик из множества глоток.

Движения прекрасной танцовщицы были то резкими и чувственными, то нежными и плавными. Не в силах отвести зачарованных взглядов, раненые забыли о боли и смерти, здоровые — обо всем на свете, кроме божественной Белит. Ее золотистое тело мелькало, кружилось, подобно видению, и, казалось, взлетало в воздух в сгущающихся над морем сумерках. Когда небесный купол покрылся звездными россыпями, Белит с торжествующим криком упала на широкую грудь Конана. Охваченный желанием, он подхватил нагую женщину и жарким поцелуем припал к ее губам...

Глава вторая ЛОТОС ЗАБВЕНИЯ

По всему южному побережью, от богатой и обильной Зингары до далекой жаркой Атлаи, ни купец, ни моряк, ни просто житель прибрежного поселения не знали покоя. Всех взбудоражила весть: Белит, эта жестокосердная ведьма, кровожадная тигрица, обзавелась любовником, свирепым варваром с Севера. Их погромы, грабежи и разбои на море и на суше заставляли трепетать всех. Неуловимые и, казалось, неуязвимые пираты появлялись тут и там, исчезали вместе с награбленным добром, вырезали команды, топили корабли, поджигали города. Черные бестии Белит не миловали никого, сея ужас и ненависть. Проклятия неслись вслед «Тигрице», и каждый молил своих богов избавить его от встречи с шемитской ведьмой и ее грозным спутником.

А те беспечно наслаждались жизнью и друг другом. Так шло время, пока в один прекрасный день «Тигрица» не пришвартовалась в устье большой мрачной реки. По ее берегам сплошной зеленой стеной тянулись непроходимые джунгли.

— Это Зархеба, река смерти, — молвила Белит. — Как-то мы преследовали стигийскую галеру, и она, удирая, поплыла вверх по течению... Прошло несколько дней, и река вынесла к нашей стоянке стигийский корабль. Он не был поврежден, и груз никто не тронул, но на борту из всей команды остался единственный человек, лишившийся рассудка. Он умер в бреду, так и не сказав, что случилось с

экипажем. Черные избегают этих мест, Конан! Они говорят, что вверх по реке есть город, полный невиданных сокровищ... Стены его высоки, улицы вымощены камнем, здания прекрасны... Он безлюден — но то ли древний бог, то ли демоны хранят его... Впрочем, то рассказы трусливых людишек! Вдвоем нам ничего не страшно, любимый, ведь так? Давай поднимемся по реке и посмотрим на этот Мертвый Город!

Конан долго не размышлял. Поход сулил новые приключения, и он одобрительно кивнул своей прекрасной возлюбленной. Варвар привык соглашаться с Белит, зная, что она всегда с трезвым расчетом продумывает свои планы, кои его меч и отвага воплощали в жизнь. И хотя команда «Тигрицы» совсем поредела в бесчисленных стычках, на борту оставалось еще достаточно отчаянных головорезов. И никого из них не интересовало, куда плыть, с кем сражаться, — главное, они были рядом с Белит, дрались за нее и во имя ее.

«Тигрица» медленно вошла в устье. Течение было слабым, и гребцы вполсили налегали на весла. За первым же поворотом корабль очутился в тени огромных деревьев. Ни пения птиц, ни плеска обитателей вод, ни привычного звериного крика; берега были пустынные, и за все время путешествия не попалось ни единой живой твари. Странную тишину нарушали только леденящие душу стоны, загадочные скрипы и шорохи в джунглях, глухой далекий вой. Неожиданно раздался и тут же смолк дикий нечеловеческий крик.

— Это обезьяна, — задумчиво молвила Белит и после паузы добавила: — Души грешников в наказание за неправедную жизнь попадают в их безобразные тела.

Конан обнял ее за плечи и усмехнулся: он не верил в подобные байки. Застыв в молчании, варвар прислушивался к загадочным звукам.

Поднялась луна — ее восход джунгли встретили шумом, доносившимся издалека. Над речными водами показался низко стелющийся, странно мерцающий туман. Казалось, звери, как и люди, избегают приближаться к темному потоку Зархебы.

Луна поднялась еще выше, осветив своим слабым сиянием людей, корабль и гладь реки. Весла в руках гребцов словно опускались в жидкое серебро; мертвенным блеском отсвечивали драгоценные камни на рукоятках мечей, в волосах Белит, на доспехах Конана.

Пестрая шкура леопарда, брошенная на доски палубы, служила в этот час ложом шемитке. Она облокотилась на руку, ее глаза внимательно и неотрывно следили за киммерийцем.

— Я чувствую, что мы плывем в страну духов, привидений и смерти, — тихо произнесла женщина. — Тайна окружает нас... Тайна и смерть... Ты не боишься, Конан?

Киммериец лишь пожал плечами.

— Я тоже не боюсь. Никогда и ничего не боюсь! Я часто смотрела в глаза смерти... Но...

Она задумчиво помолчала, а затем спросила:

— Конан, ты страшишься гнева богов?

— У нас, киммерийцев, суровые боги. И мрачен мир, куда попадает душа человека после смерти... Он — серый и туманный, в нем только холодный ветер, да острые скалы, да черные тучи... И бесконечно странствие душ людских, и безысходно оно в вечности. Но я не боюсь! Ни смерти, ни богов!

Белит тихо засмеялась.

— Да, жизнь земная, хоть она полна лишений и тягот, все же лучше такого существования! Но во что ты веришь, Конан? В каких богов?

Киммериец опустил на палубу.

— В своих странствиях я узнал о многих божествах. Кто не верит в них — слеп, как летучая мышь! Но слеп и тот, кто верит слишком глубоко. Что будет после смерти? Кому о том ведомо? Может, ждут человека Серые Равнины и тучи со снегом и льдом, как верят в Киммерии, или душу поглотит темнота, вечный мрак, как утверждают немедийцы... А может, душа утнездится в деревянном идоле в Доме Предков Н'Тоны... Слышал я еще, что кхитайцы чтят дракона Ху, Творца Мира. Лукав их бог! Его жрецы смотрят на мир так, будто он — зло и ловушка для душ люд-

ских. А души кхитайцев после смерти вечно возрождаются, попадая в тела всяких существ... Хорошо бы я был, сделавшись бабочкой или птичкой!..

И Конан расхохотался, поводя могучими плечами. Он не любил отвлеченных рассуждений, считая их пустой тратой времени. Но Белит не приняла шутки и продолжала серьезно смотреть на возлюбленного. Тот положил широкую ладонь на ее обнаженное бедро и, лаская шелковистую кожу, сказал:

— Младенцев питают молоком, но сильных людей кормят мясом. Оставим пустую болтовню мудрецам и философам, моя красавица. О Кром! Пока я жив, я хочу жить полной мерой! Добрый меч и честная схватка, кровь и битвы — вот мой удел! Я хочу познать объятия женских рук и теплую податливость их тел, изведать вкус мяса и крепкого вина... Я счастлив, когда обладаю всем этим! Живу, люблю, убиваю — радуюсь жизни!

— Но есть боги, и есть жизнь после смерти, — сказала Белит. — Я знаю, знаю! — Быстрым движением она прильнула к Конану. — Но моя любовь сильнее смерти! Душа моя — часть твоей души, а мое сердце неразрывно слито с твоим. Если я погибну, а ты будешь в смертельной опасности, я приду к тебе на помощь. Из бездны, из пекла, с Серых Равнин... Я принадлежу тебе, и никакая сила — ни смерть, ни боги, ни демоны — не разлучит нас!

Конан обнял ее в странном предчувствии, склонился к губам Белит, но внезапно громкий вопль дозорного прервал их объятия. Поднявшись, киммериец обнажил меч и ринулся на нос корабля. Там над палубой висел, корчась, один из пиратов, удерживаемый чем-то огромным, подобным дуге гигантского лука. У Конана перехватило дыхание; он понял, что чудовищная змея поднялась из речных вод и, изогнувшись, схватила ужасной пастью черного воина. Тот бился в конвульсиях, крича от боли и страха. Скользкая чешуя чудища блестела и переливалась в лунном свете.

Киммериец размахнулся и сильным ударом клинка почти перерубил тварь напополам. Во все стороны брызнула кровь, и огромный змей медленно погрузился в реку,

так и не выпустив свою добычу. Воды сомкнулись над ними.

Теперь Конан решил сам нести вахту и остался на носу галеры, однако за ночь ничего больше не случилось.

Едва солнце позолотило верхушки деревьев, киммериец увидел в рассветной мгле очертания города. Он разбудил Белит — девушка спала прямо на палубе, закутавшись в пурпурный плащ Конана. Шемитка подошла к борту и застыла, внимательно разглядывая открывшуюся картину; глаза ее расширились от любопытства и возбуждения. Да, перед ними был город — вернее, руины некогда прекрасного города! Покосившиеся, потрескавшиеся здания, сквозь изломы которых пробивались деревья, рухнувшие колонны, опутанные лианами, обломки башен и стен... Кустарник и сорная трава проросли в трещинах брусчатки. Джунгли наступали на город со всех сторон.

За спиной Белит сгрудились чернокожие воины, жадно разглядывая руины некогда пышных дворцов и главную площадь, посреди которой высилась мраморная пирамида. Что-то огромное темнело на ее вершине. Поначалу Конан решил, что это статуя, но его зоркий взгляд уловил едва заметное движение.

— Глядите! Там гигантская птица! — закричал один из пиратов, указывая на вершину сооружения.

— Лопни мои глаза! Это чудовищная летучая мышь! — заспорил другой.

— Это обезьяна, — отрезала Белит.

И вдруг неведомая тварь расправила мощные крылья, выпрямилась и полетела в сторону джунглей.

— Крылатая обезьяна! — воскликнул колдун Н'Гона. — Это злое чудище, о котором говорили наши предки, и это заколдованное место, где творятся ужасные дела!

— Замолчи! Держись за свои амулеты и молись богам! Мы причаливаем. — На губах Белит заиграла усмешка.

Как только сбросили сходни, шемитка поспешила первой сойти на берег, за ней шел Конан, а вслед спустились остальные. Вокруг царил тишина. Безлюдье и разруха окружали людей. Здесь, в этом царстве запустения и смер-

ти, прекрасная Белит была подобна чудному цветку, раскрывшемуся посреди могильных камней. Радость жизни, отвага и жажда новых приключений придавали ей силы — так свежие соки земли питают возросший на кладбище розовый куст.

Солнце медленно поднималось над джунглями, заливая ярким светом обвалившиеся крепостные стены и башни. Белит указала на круглое строение, пред которым высился массивный алтарь. Дорога из потрескавшихся мраморных плит вела к нему, и пираты без колебаний направились к древнему святилищу.

— Смотрите, это храм неведомых богов! — воскликнула Белит. — Даже тысячи дождей не смыли крови жертв... Я вижу темные потеки в желобках по бокам алтаря... Стены рассыпались, а этот камень цел... О, здепшие боги сильней жизни, смерти и самого времени!

— Кто же они? — спросил Конан.

— Предания о том молчат. Да и какое нам дело! — Белит отбросила со лба прядь черных волос. — Но в обычаях всех жрецов прятать свои богатства под алтарями. Глядите, там, в камне, есть выступы! Пусть четверо из вас попытаются сдвинуть эту плиту.

Она отошла в сторону, рассматривая из-под руки накренившуюся башню.

Конан и трое пиратов ухватились за каменный монолит и напрягли мышцы, пытаясь приподнять плиту. В тот же миг Белит пронзительно закричала. С проклятием отскочив от алтаря, киммериец бросился к ней. Все замерли.

— Что случилось? — выхватив меч, спросил киммериец.

— Змея! Змея в траве! — выдохнула Белит. — Найди и убей ее! — Она повернулась к пиратам. — Что встали? Отдвигайте плиту!

Пока варвар осторожно осматривал траву в поисках гадины, его место у плиты занял чернокожий воин. Пираты напряглись и слегка приподняли ее, как вдруг алтарь начал поворачиваться, а в башне раздался гул и страшный скрежет. Внезапно стены ее зашатались и рухнули вниз, похо-

ронив четверых людей под обломками. Раздался крик ужаса. Тонкие пальцы Белит впились в плечо Конана.

— Никакой змеи не было, — едва слышно прошептала она. — Боги всегда охраняют то, что им принадлежит... А я не хочу тебя потерять.

Алтарь завалило. Пираты с трудом растащили каменные глыбы и наконец добрались до изуродованных тел своих соратников. Четверо мертвецов лежали у открывшегося входа в склеп, обгадив камни алтаря своей кровью. Плита, алтарное навершие, была искусно укреплена на гранитных блоках, служила дверью в подземелье — и оттуда, казалось, ударило пламя. Лучи утреннего солнца отражались от множества граней самоцветов: бриллианты, рубины, изумруды, аметисты, сапфиры, опалы, лунные камни — несметные сокровища доверху заполняли склеп. Белит с восторженным криком опустилась на колени среди окровавленных обломков у края склепа и по локоть запустила руки в груды драгоценностей. Перебирая и лаская камни, она забыла обо всем на свете. Глаза ее зажглись безумным огнем: души шемитов в богатстве всегда находят радостное упоение. Да и то сказать: вид этих сокровищ потряс бы даже утопающего в роскоши вендийского владыку. Наконец Белит поднялась, держа в руках чудное ожерелье — пурпурные камни, нанизанные на золотую струну. Надев его, шемитка хриплым от возбуждения голосом приказала:

— Грузите драгоценности! И поторапливайтесь — вы, отродья Сета!

— Погляди, владычица. — Черная мускулистая рука вытянулась, указывала на «Тигрицу».

— Проклятие! — бросила Белит, обернувшись к своей галере. Она ожидала увидеть другой корабль, прибывший, чтобы отобрать ее добычу.

Однако река была пустынна, а с палубы поднялась крылатая обезьяна и полетела в джунгли.

— Что он там делал, этот демон? — со страхом произнес черный воин.

— Какая разница! — Белит гневно топнула ногой. — Вам что сказано! Сложите носилки из плащей и копий, грузите

их и тащите на корабли! А ты куда? — Последний вопрос относился к Конану.

— Осмотрю галеру, — буркнул варвар. — Эта летучая тварь могла напасть там, пробить дыру в днище или порвать парус.

Он побежал к берегу и взобрался на корабль. Осмотрел его и с хмурым выражением направился к тому месту, где недавно хозяйничал демон.

Вскоре он вернулся к Белит. Красные камни искрились на ее обнаженной груди, отбрасывая кровавые блики. Шемитка наблюдала за погрузкой, нетерпеливо поигрывая кинжалом. Громадный черный пират стоял в склепе, по пояс утонув в озере сияющих самоцветов, и щитом, словно лопатой, черпал переливающиеся камни, пересыпая их в подставленные носилки.

— Этот ублюдок пробил бочки с водой, — сказал Конан. — Мы сделали глупость, не оставив стражи, ведь из реки пить нельзя. Придется поискать источник... Пожалуй, я возьму двадцать парней и Н'Гону. Он чует воду, как верблюд в пустыне.

— Хорошо, — отмахнулась Белит, — иди! Мы останемся здесь и закончим с погрузкой.

Небольшой отряд углубился в джунгли. Свет сменился полумраком: яркие солнечные лучи не могли пробиться сквозь сплетающиеся кроны деревьев. Мечами прорубая путь сквозь густые заросли, люди медленно двигались вперед, пока не вышли на открытое место. Но и здесь им не удалось обнаружить ни ручейка, ни озера. Конан и его воины застыли, прислушиваясь к лесным звукам, но вокруг стояла гнетущая тишина. Ни пения птиц, ни шороха зверья... Киммериец тревожно огляделся.

— Н'Гона, води людей дальше, — приказал он. — Останьтесь на том краю прогалины. Стойте там и ждите. Мне кажется, что кто-то следит за нами.

Чернокожие пираты беспокойно переглянулись, но ослушаться не посмели. Конан, спрятавшись за стволом огромного дерева, стал напряженно вглядываться в ту сторону, откуда пришел их отряд. Но все скрывала густая зелень, и

покой джунглей, казалось, был нерушим — лишь вдали затихали голоса пиратов. Настороженный, словно зверь в засаде, киммериец уловил какой-то густой пряный аромат, потом что-то ласково коснулось его головы. Он мгновенно обернулся.

— О Кром! Черный лотос!

Из сплетения лиан склонялись к нему большие черные цветы, раскрывшие лепестки; они раскачивались и шелестели, хотя не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. И вот уже один из них прикоснулся к щеке Конана... Тот отскочил, зная, что вкус черного лотоса несет смерть, а аромат — кошмарные видения. Но было поздно! Киммериец вдруг почувствовал, как туманится сознание. Непослушными руками он попытался поднять меч, обрубить стебли, но сил не было. Он попробовал позвать своих воинов — губы онемели... Через мгновение джунгли вокруг него качнулись, подернулись маревом, и все поплыло перед глазами, ноги обмякли, и Конан, как подкошенный, рухнул в высокую траву. Он напряг мышцы в бесплодной попытке отползти подальше от чародейных цветов... И уже не слышал жуткого воя, криков и стонов, раздавшихся невдалеке.

Глава третья УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Сознание Конана было окутано тьмой — тьмой беспросветной и безоглядной. Затем пустота взорвалась вихрем; закружились, замелькали призрачные силуэты, нечеткие, страшные, безобразные. Мрак рассеивался, и перед внутренним взором киммерийца словно бы открылась панорама бескрайней равнины. Ее пересекала полноводная река, на берегах которой лежал город из зеленого камня, подобного кхитайскому нефриту. Город был прекрасен: грозно высились его крепостные стены, золотом отливали купола башен и крыши домов, облицованных мрамором, широкие улицы заполняли жители.

Но они не были человеческими существами: крылатые и огромные, они лишь отдаленно напоминали людей очертаниями тела, но больше походили на обезьян — разумных и мыслящих обезьян, достигших в своем развитии невиданных вершин. Знания их были обширны, а вкусы изысканны, и хоть жизнь их не длилась вечно, но по человеческим меркам она казалась долгой, очень долгой. Как все существа из плоти и крови, отлюбив и отстрадав, оставив потомство, они в конце концов умирали. Время процветания их расы длилось миллионлетия, но вот наступила Великая Перемена. Сместились магнитные полюса, ледники напозли на новые земли, русла рек изменились, равнины стали болотами, поля поглотили непроходимые джунгли. Жители города упорно пытались приспособиться к новым

условиям. Ни землетрясения, ни извержения вулканов не могли заставить их покинуть родные места.

Но однажды солнце перестало улыбаться с небес, и луна сделалась как кровь, и земля вздрогнула так, что рухнули крепостные стены и самые высокие башни. Река же почернела от какого-то ядовитого вещества, поднявшегося из самых земных глубин, и те, кто пил эту воду, либо умирали, либо сильно изменялись, и каждое поколение приобретало все новые и новые ужасные черты. Многовековая мудрость была позабыта, черное колдовство заняло место божественной магии. Знания уходили, а те, что еще помнились, использовались страшным и странным образом. Волшба и чародейство пришли им в замену; милостивые боги превращались в демонов, злобных, коварных, безжалостных. Междоусобицы и каннибализм погубили некогда могучее племя крылатых.

И вот, сотни лет назад, в окрестностях города впервые появились люди. К тому времени в городских руинах остался лишь один обитатель — отвратительный каприз природы, монстр с красными глазами. Таясь и вынашивая лишь ему ведомые планы, он следил за пришельцами. То были стигийцы; поражение в битве заставило их бежать в этот неведомый край. Враги шли за ними по пятам, пока небольшому отряду не удалось затеряться в джунглях. Смуглые, с орлиными лицами, вооруженные бронзовыми секирами и клинками, в кожаных доспехах, стигийцы канули в безбрежный лес и спустя несколько дней добрались до мертвого города. Их оставалось всего полсотни — израненных, измученных, грязных и голодных беглецов. Они повалились на мраморные плиты, в щелях которых алели распускавшиеся лишь раз в столетие цветы, и уснули, сморенные пережитыми лишениями.

Полная луна озарила приближающееся к ним чудовище, и в ее призрачном свете лепестки цветов заблестели, как алые пятна крови. Над каждым из спящих монстр свершил таинственный колдовской обряд и скрылся во мраке. Затем началась жуткая трансформация, и вскоре на месте людей лежали пятьдесят отвратительных гиев. Очнувшись, звери задрали морды вверх, и к небу полетел

тоскливый и скорбный вой, выворачивающий душу стон погубленных. Но лишь только вновь появился владыка мертвого города, они вскочили и помчались к нему, как стая покорных псов... И снова сознание Конана окутала тьма. Когда она рассеялась, новые картины начали сменять друг друга перед его глазами. Он видел длинные лодки, плывущие по мутной реке к зеленому городу, но, как только они пристали к земле и чернокожая команда высадилась на берег, гиены и красноглазая летучая обезьяна набросились на них. Крики ужаса и стоны умирающих наполняли джунгли. Желтые клыки хищников рвали плоть, хрустели кости, лилась кровь, а над всей этой бойней безумным огнем полыхали глаза крылатого вампира. Стремительно бросался он вниз, настигал жертву и, ломая ей шею, с глумливым хохотом выпивал горячую кровь.

Конан видел галеры, торговые парусники, боевые галеоны... И раз за разом, снова и снова гибли люди. Смерть царила в этом проклятом месте, опять и опять чудовище и его кошмарные слуги торжествовали победу.

Неожиданно в глубине сознания варвара возникло отчетливое видение: галера с черными гребцами, на носу которой стоял синеглазый черноволосый гигант в матово поблескивающих темных доспехах. Конан узнал самого себя на палубе «Тигрицы». В этот миг он понял, что все привидевшееся ему лишь сон. Отчаянным усилием воли киммериец заставил себя пробудиться и раскрыл глаза. Затем он попытался подняться, но не смог — и, чувствуя странную тяжесть во всем теле, пополз прочь от склонившихся над ним черных цветов. Однако голова его упала, и вновь наступило забытие.

Теперь он видел стоявшего на прогалине Н'Тону, чернокожего колдуна, окруженного воинами, — казалось, они кого-то ждали. И в тот момент, когда Конан осознал, что ждут его, наступил хаос. Люди закричали и, бросая оружие, в ужасе ринулись в джунгли.

Желание спасти своих товарищей помогло киммерийцу разорвать невидимые путы, что держали его во власти сна. Он встал и, шатаясь, побрел к прогалине. Лишь здесь он

окончательно проснулся, увидев на влажной земле след огромной гиены.

Солнце садилось, наступали сумерки. Напрягая голос, Конан звал и звал Н'Тону. Он понимал, что находился у зарослей черного лотоса долго, слишком долго; он предчувствовал и то, какая опасность грозит его отряду: он верил в реальность привидевшегося.

Никто не откликнулся, и киммериец быстро зашагал по следам чернокожих воинов. Вскоре он узнал место, которое видел во сне. Тут не было людей, только щиты, копья да топоры в беспорядке валялись на земле. С одной стороны прогалина кончалась обрывом, на самом краю которого темнел чей-то силуэт. Обнажив меч, Конан поспешил туда.

Человек... Высокий чернокожий старец, сидевший с безвольно опущенными руками... В глазах его застыло безумие, на губах выступила пена.

И только когда он вскочил и с отчаянным воем бросился на Конана, тот узнал Н'Тону. Он явно лишился рассудка, и киммерийцу ничего не оставалось, как, спасая свою жизнь, заколоть чернокожего колдуна.

Опустив меч и проклиная вынужденную жестокость, Конан подошел к краю обрыва. Багровые лучи заходящего солнца освещали недвижные тела воинов, раскиданные внизу по острым камням. Падая с такой высоты, никто не смог бы остаться в живых... Тучи черных мух уже вились над трупами, на ветвях ближних деревьев сидели невесть откудa взявшиеся стервятники.

Снедаемый тревогой, киммериец двинулся в обратный путь. Крепко стиснув обнаженный меч, он все время ускорял шаги и вскоре уже неслился через джунгли упругой поступью степного волка. Солнце скрылось, в зарослях было почти темно, ветви хлестали по лицу, лианы путались под ногами, но никто и ничто не смогло бы сейчас остановить Конана. Тишину леса нарушали лишь его прерывистое дыхание да лязг брони.

Наконец джунгли расступились, и он выскочил на открытый тенью деревьев речной берег. Перед ним темнели руины мертвого города; дальше, на темной глади Зархебы,

застыла галера. Смерть царила вокруг: развалины усеивали трупы пиратов, их изуродованные останки лежали на мраморных плитах, на обвалившихся колоннах, на камнях зданий и рухнувших башен. Всюду виднелись пятна свежей крови, оторванные конечности, полуобглоданные человеческие кости.

Варвар осторожно приблизился к «Тигрице». В вечерних сумерках что-то светлело на ее мачте, словно неведомый скульптор вырезал там изящную статую из слоновой кости или белого нефрита. Прекрасным было тело Белит — прекрасным даже в смерти! Прекрасным, но мертвым, как камни проклятого города... Онемевший от горя киммериец стоял и смотрел на свою возлюбленную, на королеву Черного Побережья, повешенную на рее собственного корабля.

Она висела на ожерелье из пурпурных камней, и в меркнувшем зареве заката самоцветы на смуглой шее Белит блестели и переливались, словно капли алой крови.

Глава четвертая

УДАР

В свете факелов на ступенях мраморной, увенчанной колонной пирамиды неподвижно сидел Конан. В руках его сверкало проклятое ожерелье, обнаженный меч лежал на коленях, а у ног — колчан со стрелами и лук. Луна еще не взошла; на небесах тускло блестели звезды. В темноте, за кругом света, слышались крадущиеся шаги. Красными отблесками отсвечивали драгоценные камни ожерелья, и красными отблесками вспыхивали глаза гиен...

На палубе «Тигрицы» спала своим последним сном Белит. Укутанная в пурпурный плащ, она лежала на прокаленных солнцем досках как живая. Смерть не искажила лица шемитки, не обезобразила его, только чуть заострился нос, четче обозначился профиль, поблекли щеки и губы.

До поздней ночи Конан в мрачном ожесточении таскал из трюма и швырял на палубу яркие шелка, золотозорные ткани, туранские ковры и пушистые меха из пиктских лесов. Он валил в кучу бесценный кхитайский фарфор, вендийские благовония, аквилонское оружие, пригоршнями сыпал драгоценности, украшения, золотые монеты и слитки. Теперь груда сказочных богатств высилась на корме — невиданный курган над телом погибшей королевы.

Закончив свой скорбный труд, варвар методично проверил, хорошо ли закреплены его доспехи, мягко ли выходит

меч из ножен, не затупился ли кинжал. Потом он перебрал за спину колчан, полный стрел, и поднял тяжелый мощный лук. Взял факелы и сошел на берег.

Дойдя до пирамиды, он закрепил факелы в трещинах среди камней и принялся ждать. Сейчас киммериец не испытывал ни страха, ни ярости; ум его работал с трезвой четкостью.

Он понял, что все случившееся было запланировано нечеловеческим разумом: бочки с водой разбиты специально, чтоб разделить людей. И уже без всякого черного лотоса виделись ему ясно прогалины в джунглях и воины, что ждали его там. Внезапно появившееся жуткое чудовище гнало обезумевших от страха людей к пропасти, к обрыву, ставшему их могилой...

Еще он видел берег, своих беспечно хохочущих товарищей; видел, как из джунглей выскочили огромные серые твари и бросили на людей, не ожидавших нападения. Никто из них не успел взяться за оружие, и началась кровавая бойня. Лишь Белит выхватила кинжал, готовая дорого продать жизнь.

Но подкравшийся сзади монстр сломал ей шею и с отвратительным чмоканьем припал к яремной вене. Выпил всю кровь, поднялся, не выпуская из лап добычу, и полетел к кораблю...

Конана передернуло. Он не понимал, почему до сих пор жив. Возможно, владыка мертвого города хотел измучить его тоской, страхом и неведением? Но он ошибался! В сердце варвара лишь сильнее и сильнее разгоралась жажда мести.

Взошла луна, бросив бледный свет на ступени пирамиды, обращенные к лесу. Кто-то зашевелился там во тьме, и в круг света скользнули два десятка огромных гиен. Конан видел, как блестят их влажные острые клыки, сверкают глаза... Сомнений не было: этих жутких существ сотворила не природа.

Он вскочил, поднял тяжелый лук. Запела спущенная тетива, с воем покатилась одна из гиен, потом другая, третья... Дождем смерти сыпались стрелы; киммериец пускал

их сильно и точно. Он ни разу не промахнулся в боевом угаре, и вот уже десяток мохнатых бестий корчились у подножия пирамиды. Но звери, словно замороженные, продолжали атаковать. Тогда, отбросив лук, Конан выхватил меч, а левой рукой сжал факел.

Одна из гиен прыгнула к нему и, перерубленная пополам, рухнула на мраморные плиты; остальные кружили, выжидая. Глядя в их пылающие глаза, Конан все больше и больше убеждался в том, что имеет дело не с обычными хищниками.

Что за неведомое чародейство, какая злобная волшебная духнула жизнь в этих тварей? Черная магия или извращенные знания? Конана сие не интересовало; главное — они были смертны.

Вдруг, будто по команде, оставшиеся в живых гиены разом бросились на киммерийца. Подняв повыше факел, он принялся орудовать мечом.

— Отродья Нергала! Проклятые ублюдки! — шипел он, круша и кромсая тела, перерубая кости, разбивая черепа.

Запах паленой шерсти и мяса ударил ему в ноздри, дикий вой и хохот гиен бил в уши... Под натиском множества тварей он не устоял и рухнул на ступени пирамиды. Отбросив бесполезное оружие, он руками разорвал пасть одному зверю, кулаком разможил череп другому, плечом, закованным в доспехи, раздавил третьего. Едва он успел вскочить на ноги, как последняя тварь прыгнула к нему, метя в живот, и даже прокусила кольчугу. Конан успел схватить ее, поднял обеими руками и с силой швырнул на ступени... Раздался предсмертный вой, и с хищной стаей было покончено.

Широко расставив ноги, киммериец стоял над поверженными врагами, утирая с лица пот и кровь, потом нагнулся, подняв меч. Вдруг он услышал хлопанье огромных крыльев — то приближался новый, куда более страшный противник. Конан задрал голову, ожидая удара сверху, но его не последовало. Пирамида внезапно содрогнулась, ступени под ногами киммерийца затряслись, за спиной заскрежетало; обернувшись, Конан увидел, что гигантская

мраморная колонна раскачивается, словно тростинка на ветру.

Он не стал долго раздумывать — сильно оттолкнувшись, прыгнул вниз. Второй прыжок перенес его с колеблющихся ступеней на землю, и в тот же миг пирамида рухнула, а колонна разлетелась на множество обломков, сбивших Конана с ног.

Он безуспешно пытался освободиться от кусков мрамора, один из которых придавил ему колени. Ремень плема лопнул, и тот слетел с головы; волосы слиплись от крови и пота, алые струйки сочились из многочисленных ран. Опираясь на руки, киммериец изо всех сил старался сбросить камень и подняться. Внезапно черная тень зловещим силуэтом мелькнула на звездном небе, и варвар краем глаза увидел крылатого демона. Тот приземлился и начал быстро приближаться.

Казалось, что, вытянув вперед мохнатые руки, прямо к Конану мчится огромный кривоногий человек с шипиковатой головой и плоским лицом. Красным злобным огнем горели его глаза, топорщилась шерсть, блестели клыки... Но это создание не было ни человеком, ни зверем, ни демоном! Жуткий вампир, последний из племени крылатых вампиров...

Конан никак не мог дотянуться до меча, отлетевшего в сторону во время падения. Обдирая руки, напрягая могучие мускулы, он пытался сдвинуть камень. Ему это почти удалось, но монстр уже был в двух шагах.

И в это мгновение над поверженным воином молнией мелькнул силуэт женщины. Она стояла раскинув руки, закрывая собой лежащего; ее кожа серебрилась в свете луны как слоновая кость, глаза горели, черные волосы развевались по ветру. Из груди ее вырвался боевой клич, и, подобно камню, выпущенному из пращи, она кинулась на крылатое чудовище.

— Белит! — захрипел Конан, и камень, давивший его ноги, вдруг рассыпался в прах.

Он вскочил, словно безумный, готовый к схватке.

— Белит!

Женщина оглянулась. Темные ее глаза сияли любовью — чистой, горячей, всепобеждающей любовью. Она протянула руки к Конану, улыбнулась ему — и тут же видение исчезло. Крылатый враг киммерийца в страхе присел на задние лапы, закрывая передними уродливую голову. В ушах Конана прозвучали слова: «Если я умру, а тебе придется сражаться в смертельной битве, я вернусь из бездны Серых Равнин, приду к тебе на помощь!»

Киммериец завыл, точно волк, потерявший свою подругу, схватил меч и прыгнул к чудовищу. Он размахнулся во всю силу своих стальных мышц... Удар! Огромное тело монстра развалилось надвое — страшная рана рассекла его от плеча до паха. Затем последний из древнего рода рухнул навзничь, ломая крылья. Огромные лапы судорожно дрогнули, глаза подернула мутная пелена; спустя мгновение они закрылись.

Варвар стоял, глядя на поверженного врага, а когда поднял голову, то увидел, что трупы гиен, рабов крылатого демона, исчезли. Вместо них на мраморных плитах лежали нагие смуглые воины с орлиными лицами. Прямо на глазах Конана они рассыпались в прах.

Он устало побрел к берегу, поднялся на палубу «Тигрицы», прошел на корму и выкатил из-под настила бочонок с вином. Выбив пробку, Конан пил и пил, пил, не хмелея и не чувствуя вкуса отборного вина. Наконец, отшвырнув пустой бочонок, он ударом меча перерубил швартовый канат, оттолкнул галеру веслом от берега и встал у руля. «Тигрица» плавно закачалась в водах Зархебы и медленно выплыла к середине реки. Там ее подхватило течение и несло до самого устья.

Выйдя на морской простор, Конан поставил парус. Боги были милостивы к нему: ветер гнал галеру к обжитым берегам. На закате второго дня варвар увидел дымки какого-то селения. Направив судно поближе к скалистому берегу, он спустился в трюм, достал бочонок со смолой и начал обливать ею палубу.

Закончив дело, прикрепил за спиной меч, проверил кинжал и, направив нос корабля в открытое море, заклинил

руль. Зажег факелы, разбросал по палубе, один засунул в смоляной бочонок и бросил его в трюм. Потом прыгнул за борт и поплыл к берегу.

Там, поднявшись на высокую скалу, он долго глядел, как полыхает уходящая в даль «Тигрица». Погребальный костер Белит, королевы Черного Побережья, был яростен и ярок, и дым его достигал берега. Быть может, потому из глаз Конана катились слезы.

КОРМЧИЕ СУДЬБЫ

Пролог

Редкий смельчак осмеливался нарушать покой подземелий, и многие из незваных гостей уже никогда не покидали Город-под-городом. Но сейчас запутанные ходы, которые так давно не тревожил звук человеческих голосов, содрогались от детского крика. Держа в правой руке факел, а в левой корзину, из которой доносились вопли голодного младенца, молодая женщина бежала по коридору. Она задыхалась и сама была готова расплакаться, но неведомая сила заставляла ее ускорять шаги.

Наконец женщина остановилась и, поставив корзину у ног, прислонилась к стене. Она была прекрасна даже для шемитки, красота которых давно вошла в легенду, и едва-едва достигла возраста материнства. Но что-то неувловимое читалось в ее лице, превращая его в холодную маску.

Ждать ей пришлось недолго. Темная фигура вынырнула из ближайшего коридора.

— Хаана, — позвал хриплый мужской голос, — неси ее сюда.

Нянька облегченно вздохнула и заторопилась на зов. На мгновение в свет ее догорающего факела попало лицо пришельца — близко посаженные глаза и необычный для шемита вздернутый нос, выбритая до блеска голова, — однако он тут же постарался уйти в тень.

— Я не знаю, что с ней делать, мудрейший, — затараторила женщина, не переводя дыхание, — она скоро перебудит весь дворец.

— Сегодня ночью никто не проснется. Давай ребенка,— ответил мужчина.

Как только корзинка оказалась в руках мужчины, младенец сразу умолк.

— Ты хорошая женщина, Хаана.— В голосе пришельца звучало сожаление.— Иди к себе, и забудь обо всем, что случилось!

— Да, господин.— Нянька повернулась спиной к себе-седнику, и в тот же момент в воздухе что-то блеснуло.

Без единого стога молодая женщина опустилась на землю и осталась неподвижной.

— Ты была хорошей женщиной, Хаана...— Покачивая головой, убийца скрылся в том же коридоре, из которого и появился.

Через несколько минут раздался дробный перестук копыт, а затем тишина вновь опустилась на дворец королей Асгалуна.

* * *

В храме Митры тускло горели свечи, озаряя огромный зал и коленопреклоненную фигуру у высокого алтаря.

Гулкий мужской голос отражался от каменных стен, многократно усиливался и перекатывался, подобно рокоту прибоя.

— Я исполнил твою волю, Бог Света, но мне страшно. Теперь у нас нет больше дочери, а королева проклинает мое имя. О Солнцеликий, дай мне знак, что это была действительно твоя воля! Что жрецы истолковали все верно...

— У богов не просят подтверждения, им повинуются, не рассуждая! — Тщедушная фигура жреца вынырнула из какого-то темного закоулка и подошла к алтарю. Он едва доставал до плеча коленопреклоненному мужчине и был вдвое уже в плечах, а большая, гладко выбритая голова на тощей шее придавала ему еще более хрупкий, незащищенный вид. Крючковатый нос и близко посаженные глаза выдавали в нем уроженца Хаурана.

— Прими случившееся и смирись, король шемитов! Твоя дочь избрана богами, и судьба ее предрешена.

С неожиданной для его грузной фигуры легкостью король поднялся на ноги и приблизился к жрецу. Тяжелые руки, привыкшие держать меч и поводья, легли на тощую шею.

— Слушай внимательно и запоминай, жрец. Если до утра я не получу подтверждения, что такова действительно воля вашего бога богов, я прикажу сжечь тебя и всех твоих прихлебателей на жертвеннике Птеора.

— Птеор не принимает человеческие жертвы! — прохрипел полузадушенный жрец.

— А эту примет, будь уверен. А потом мои люди прощепут город и найдут Белит, где бы ты ее ни прятал.. Все, поди прочь, пока я не убил тебя до назначенного времени.

Потирая шею, жрец вновь скрылся в тени.

— Услышь меня, Митра,— мужчина тяжело оперся на алтарь,— дай мне знак, молю.

— Не молись чужим богам, король Асгалуна.— К мужчине приблизилась высокая худенькая женщина с огромными, переполненными слезами глазами.— Мы потеряли дочь, а по чьей воле — уже не важно. Поздно, любимый, ты совершил ошибку, и ее уже не исправить. Все, что станется дальше с нами и нашим королевством, будет нам заслуженной карой. Ибо негоже властителю отрекаться от богов предков и внимать божествам инородцев! Это твой грех, любимый, но я готова разделить его с тобой, если только...

Договорить она не успела. Серебристо-серое сияние появилось на каменных плитах алтаря и, увеличиваясь в размерах, замерцало всеми цветами радуги.

— Не ропщите на небожителей, смертные, и не делайте различий между нами! Все мы, кто стоит на стороне Света, исполняем единую волю,— прозвучал мягкий шепот, наполнивший собою весь необъятный темный зал.— Мне понятна ваша боль, но жизнь вашей дочери слишком много значит для Великого Равновесия, и нарушить предначертание не в моих силах.

— Но что с ней будет? Она такая маленькая, беззащитная...— Слезы струились по лицу гордой королевы.— Как она проживет без нас?

— Много испытаний выпадет на ее пути, и страдание очистит ее душу, но в назначенный час она встретит моего избранника, понесет от него дитя и станет королевой в далекой западной стране. А ваш внук подарит знание и силу обитателям той неведомой земли, о королева. А теперь утешьтесь. Вскоре у вас будет еще дитя — сын и достойный наследник трона Шема.

Сияние померкло так же внезапно, как и появилось, а двое, так неожиданно получившие надежду, остались в храме вместе со своей бедой и новорожденной радостью.

* * *

— Шаафи, вот и она. — Высокий мужчина с окладистой черной бородой и улыбчивыми темно-кариими глазами внес в комнату большую плетеную корзину, прикрытую тонким белым покрывалом.

— Бедняжка, — хрупкая изящная шемитка поднялась с постели и поспешила навстречу мужу, — сколько же ей пришлось вынести!

— Ничего, мы будем любить маленькую королеву, как родную дочь, — Хоаким из Дан-Марки с любовью посмотрел на жену. — Корабль уже загружен, когда ты будешь готова к отъезду?

— Мне нужно совсем немного времени, только покормлю ее и переодену, — ответила Шаафи.

— Хорошо, когда солнце поднимется, мы тронемся в путь.

Так маленькая Белит, дочь короля Асталуна, обрела новых родителей — Шаафи и Хоакима, брата Джихана, двумя годами старше ее, и с новообретенной семьей отправилась в Субу, на Черное Побережье, которому было суждено стать ее второй родиной.

* * *

— Отстань, Румунга, отстань, — смеясь, повторяла чернокожая красotka, делая слабые попытки вырваться из объятий огромного негра.

— Здесь никого нет, Самди, и мы уже не дети, чтобы играть в игры, — хриплым от страсти голосом говорил мужчина. — Я дам тебе все, только согласишься.

Они шли сбившись вдоль полосы прибоя, и теплые волны океана деловали их босые ноги, но мужчина и женщина не видели, не слышали и не чувствовали ничего, кроме друг друга.

— Я служу Богу Света и не должна знать мужчин, я поклялась.

— Козье дерьмо! Твои сестры тоже служат ему, но у них есть семьи и дети. Тебе минуло тридцать весен, а ты все еще одна.

Рука мужчины сжала пышную обнаженную грудь Самди, и женщина почувствовала незнакомое ей раньше, еще смутное, но нарастающее желание.

— Такова его воля... — начала было она, но вторая рука Румунги скользнула вверх по ее бедру, и, отбросив последние сомнения, жрица засмеялась. — Но я так люблю тебя, черный наглец, что вряд ли смогу отказать еще раз. Я буду женой тебе и матерью твоим детям.

Не грянул гром, и молния не поразила отступницу. Их счастье длилось целых два часа. Когда они возвращались через джунгли в крааль, Румунга наступил босой ногой на крошечную, не больше пальца длиной, змейку, переползавшую через тропу. Вечером того же дня он умер.

Самди не плакала, когда омывала его тело, не плакала, когда зажгли погребальный костер, не плакала, когда старейшины опустили пояс Румунги в море. То, что было в ней от женщины, словно умерло. Осталась оболочка, способная двигаться и говорить, но чувствовать она уже не могла.

Жрица не роптала, она знала свою вину и покорилась заслуженной каре. Она принадлежала Великому Богу и должна была выполнить его волю. Ослушавшийся умирает, если не телом, то душой. Тело Самди будет жить столько, сколько потребуется для того, чтобы помочь избраннице Митры выполнить свой долг. А затем душа Самди соединится с душой Румунги в светлом мире, где Митра всегда благостен.

Глава первая

Мама, — звонко крикнула Белит, — можно, я пойду с Кримом в джунгли, за кокосом.

— Хорошо, только возвращайтесь к темноте, чтобы я не беспокоилась. — Шаафи готовила лепешки и не слухом вслушивалась в слова дочери.

Обрадованная Белит с диким воплем вылетела на улицу. Ее широкое, длинное платье развевалось на ветру, густые черные волосы, заплетенные в десяток косичек, рассыпались по плечам, а карие глаза горели решительным, непреклонным огнем, — словом, маленькая шемитка была готова к самым необыкновенным подвигам и приключениям.

Крим — главный помощник Белит во всех затеях и шалостях — особой красотой не отличался. Он был несколькими годами старше Белит и уже считал себя настоящим мужчиной. Но неуклюжесть, свойственная подросткам, и взрывы эмоций, прорывавшиеся сквозь напускную солидность, говорили о том, что детство еще не выпустило его из своих рук.

Дети кивнули друг другу и, взявшись за руки, пустились бежать через поле по направлению к джунглям.

— У меня есть нож, — на ходу сообщила Белит с чувством законной гордости.

— Подумаешь, — ответил мальчик, — а я спрятал на опушке копье.

Девочка не нашла, что ответить, и дальнейший путь до границы леса они проделали в молчании. Когда зеленая

стена деревьев сомкнулась за их спинами, путешественники остановились. Крим отправился на поиски своего спрятанного оружия, а Белит пристроилась на огромном валуне, лежавшем в центре поляны.

— Скоро ты там? — нетерпеливо позвала она.

— Женщина, когда мужчина занят, его нельзя торопить. — Чернокожий воспитатель погрозил ей пальцем. — И чему тебя только учат родители?

— Вот уж не вашим дурацким обычаями! — Девочка гордо задрала нос. — Будешь воспитывать свою черную жену, а меня не смей.

— А может быть, я когда-нибудь выберу в жены тебя, — спокойно возразил Крим.

— Родители не разрешат. Ты — черный, а я — белая, и вообще кровь шемитов нельзя смешивать с кровью всяких других людей.

— Странные у вас обычаи... — Крим приготовился произнести целую обличительную речь.

— Слушай, Крим, мы пришли охотиться или болтать всякую глупость? Копье ты нашел, кинжал у тебя есть тоже, у меня — нож. Так что пора идти.

Белит слезла с камня и подошла к мальчику.

— Слушаюсь, о моя госпожа. — Крим склонился в глубоком поклоне. — Пошли.

Девочка пошла впереди, повинаясь редким указаниям Крима, который по известным только ему приметам находил нужные повороты тропы. Они шли совершенно бесшумно — сказывались привычки детей, выросших в джунглях, — и не произносили ни единого слова. Наконец дети вышли на огромную поляну, поросшую густой высокой травой.

— Это круг ведьм, — сказал Крим, — здесь они танцуют свои страшные танцы, а потом сжигают фигурки людей, которым предназначено умереть в этом году.

— Ты-то откуда знаешь? — спросила Белит.

— Я слышал, как Унгеду разговаривал с моей теткой Самди, а она настоящая колдунья.

— Это та, которая живет в джунглях вдали от всех?

— Да, она прогневала великого Митру, и он наслал на нее кару.

— А какую?

— Не знаю, но мама говорила, что это была страшная кара.

— Еще говорят, что Митра самый благостный бог,— покачала головой Белит.

— Знаешь, богам видней, как и кого наказывать.— Крим не любил пустых разговоров.— Все, что мне сейчас важно,— это то, что именно на эту поляну приходит ужасный однорогий зверь. Сахем видел его сам.

— Да, Сахему можно верить,— подтвердила Белит.

— Если бы мне об этом рассказал не он, то я бы не поверил,— сказал Крим,— но мы должны все увидеть своими глазами.

— Лучшее место для засады — там.— Белит показала на густой кустарник, росший по левому краю поляны.

— Пожалуй, ты права, пойдем по краю — на эту траву нельзя наступать обычным людям.

— Глупости,— Белит не могла лишний раз не утвердить свое превосходство,— вы, черные люди, слишком легко верите во всякие выдумки.

— Выдумка это или нет, но я и шагу не сделаю на эту поляну,— упрямо мотнул головой Крим.— А ты поступай как знаешь.

— Я, наверное, пойду с тобой, а то еще примну траву, и эта однорогая тварь догадается, что здесь кто-то был.

Осторожно обойдя поляну по левому краю, дети добрались до кустов, словно предназначенных для устройства засады. Густые, покрытые острыми длинными колючками ветви переплетались в непроходимую изгородь и отлично скрывали наблюдателей со всех сторон. Лишь только у самой земли оставался небольшой зазор, сквозь который могли протиснуться только дети.

— Я хочу есть,— сказала Белит.— Что у тебя с собой?

— Сушеные ягоды.— Мальчик достал мешочек, прикрепленный к его травяной юбке.— Но много я тебе не дам — надо, чтобы хватило подольше.

— А я много и не прошу.— Белит поудобнее устроилась на корнях.— Чуть-чуть — чтобы не урчало в животе.

Крим высыпал на ладонь несколько ягод и протянул девочке.

— А ты? — набив рот, поинтересовалась Белит.

— Я пока не хочу, может быть, потом.

Перекусив, Белит сразу повеселела.

— Джихан просто лопнет от зависти, когда узнает, что мы поймали однорогого зверя.

— И опять ползет со мной драться,— добавил Крим.

— Точно, но на этот раз я в стороне не останусь,— воинственно тряхнула косичками девочка.— Прошлый раз мне помешала мама, а то бы я ему так надавала...

— Тише, спугнешь зверя, ты так яростно орешь, что любая живность в десяти днях пути отсюда уже разбежалась и попряталась.

— Могу врезать и тебе, если опять начнешь воспитывать.— Девочка нахмурилась.

— Ладно, ладно, успокойся, нам надо делать дело, а не ругаться.

— Уговорил.— Белит улыбнулась.

— Скоро сумерки, приготовься.

Солнце склонялось к западу, и тени деревьев удлинились все больше и больше, застилая поляну серым ковром.

— Посмотри, там в центре что-то шевелится,— шепнул Крим.

В центре поляны появилась серая клякса, сначала почти не различимая в тени деревьев, она росла, наливалась чернотой, приобретала объем — и вот в центре поляны появился огромный черный конь. Животное ничем не отличалось от сотен других коней, виденных детьми, — такие же ноги, мощное тело, густые грива и хвост, — но на голове, прямо между глаз, рос длинный, в локоть длиной, рог. Удивительный конь поднял голову и издал странный рокошующий зов, и тотчас же со стороны джунглей донесся ответный крик.

— Их здесь много,— восторженно прошептала Белит.— Ох, поймать бы хоть одного...

— Размечталась, посмотри, какой он огромный, тут нужен кто-то постарше, вроде Унгеду.

— Тише, смотри, он встал на задние ноги, обычные лошади так не делают.

На глазах у изумленных ребят конь встал на задние ноги, а передние начали странным образом укорачиваться, превращаясь в руки. Подобное же превращение произошло и с головой. Контуры лошадиной морды стали неясными, размытыми, волны серого сумрака заструились и потекли, а когда туман рассеялся, на поляне стоял высокий худощавый негр в длинном черном одеянии и остроконечной шапке.

— Надо бежать, Белит,— голос Крима дрожал,— это колдун, и он может в любой момент найти нас.

— Нет,— маленькая, но твердая рука Белит легла на плечо Крима,— если мы сдвинемся с места, нас заметят еще быстрее. И не забывай, кто-то из леса отвечал ему. Остаемся здесь и посмотрим.

Крим кивнул.

Незнакомец приложил руки ко рту и еще раз повторил зов. На этот раз отзыв прозвучал из нескольких мест, и, к ужасу детей, даже у них из-за спины. Темные фигуры, одетые так же, как и оборотень-конь, стали появляться по краям поляны.

— Их много,— сказал Крим.

— Даже слишком! Вот уж не думала, что вокруг так много колдунов.

— Угу, говорят, раньше колдовать умели все, даже дети.

Больше десятка черных фигур сошлись в центре поляны.

— Жалко, что нам ничего не слышно.

— Белит, ты в своем уме? Нам грозит страшная опасность, а ты хочешь сунуть нос поглубже в дела колдунов.

— Ничего я не хочу. Отстань.

Белит абсолютно не было страшно: все происходившее напоминало сказки, которые по вечерам любила рассказывать нянька. А у всех ее сказок был хороший конец. Сейчас появятся великие воины, будет битва, и злые силы улетят

в ночь, крича и рыдая. И нечего тут бояться. Для Крима же все было гораздо серьезнее. Выросший среди легенд и древних преданий, мальчик знал, на что способны колдуны, предавшие души тьме. Больше всего на свете он хотел сбегать с этой страшной поляны и навсегда забыть увиденное.

Колдуны развели огонь и уселись в центре поляны. Ожидания Белит явно не оправдывались, и девочка была разочарована — ни кровавых жертв, ни отважных воинов не предвиделось. Небо потемнело окончательно, но ничего не происходило, и детям наскучило сидеть без дела. Они начали перешептываться — в основном о том, что с ними сделают родители за позднее возвращение. Белит об этом не очень-то беспокоилась, но вот Крим уже предвидел жестокую порку: его отец отличался суровым нравом, и за малейшие оплошности мальчику серьезно доставалось.

— Надо что-то придумать,— почти в полный голос говорила Белит.— Иначе отец не оставит на тебе живого места.

— А может, рассказать все как было?

— Никто тебе не поверит, и еще попадет за вранье.

— А что скажешь ты, Белит?

— Лучше всего сказать, что мы заблудились.

— Тем более никто не поверит.— Мальчик был категоричен.— Чтобы мы заблудились в лесу, который уже исходили вдоль и поперек!

— Тогда лучшее, что можем сейчас сделать, это потихоньку выбраться отсюда и бежать к дому. Если мы успеем вернуться к полуночи, то нас накажут не так сильно.

— Угу, но надо быть очень осторожными,— сказал Крим.

Белит кивнула. Девочка много раз бывала в лесу днем и в сумерках, но ночного леса еще не видела никогда. Джунгли жили своей удивительной тайной жизнью, в которую так сложно проникнуть человеку. В густом подлеске, посверкивая огоньками глаз, копошилась всякая лесная мелочь. Птицы перелетали с ветки на ветку, громко хлопая крыльями, в воздухе крутились светляки, а под ногами шуршали ожившие в прохладе змеи. То здесь, то там раз-

давались вскрипы, вскрики, стоны, рычание, а иногда и хруст разгрызаемых костей — это чья-то и без того короткая жизнь оборвалась в зубах хищника... Девочке было страшно, и, чтобы почувствовать себя увереннее, она взяла Крима за руку.

Они обошли поляну, стараясь не потерять тропу, которая привела их в это колдовское место. Сердечки детей оглушительно стучали, потные ладошки похолодели, но по-прежнему крепко стискивали немудреное оружие.

— Тропа должна быть где-то здесь, — сказал Крим.

— А по-моему, мы уже ее прошли, — ответила Белит. — Мы, наверное, скоро сделаем полный круг и опять вернемся к проклятым кустам.

— Нет, нет, не волнуйся, я чувствую, что мы идем правильно.

За спиной у детей раздалось негромкое удовлетворенное урчание, и Белит вздрогнула: так рычит лев, когда уверен, что намеченная добыча уже никуда не денется. Обернувшись, она увидела два светящихся глаза всего в нескольких шагах от них. Крим закрыл собой Белит и направил копьё на огромного хищника.

— Беги, я его задержу. — В голосе мальчика не было страха. — Скорее!

— Я с тобой.

— Не глупи! Я метну копьё и постараюсь залезть на дерево. Если лев уйдет, то пойду вслед за тобой.

Белит побежала в направлении, указанном Кримом. Тьма, вопиющая множеством голосов, обступила ее со всех сторон, и девочка мчалась вперед, не разбирая дороги. Ветки и лианы хлестали ее по лицу; деревья, словно стараясь помешать, высывали из земли корни, но она бежала. И со всего размаху наткнулась на черную фигуру в остроконечной шапке.

...Крим в душе уже простился с жизнью — что может сделать ребенок против гигантского хищника? Он только надеялся задержать льва и дать возможность Белит убежать как можно дальше. Однако нападения не последовало. Огненные глаза пропали так же внезапно, как и появи-

лись. Зверь не ушел. — Крим бы слышал звук шагов... Нет, он исчез, растворился, растаял во мгле.

«Колдовство», — молнией пронеслось в голове мальчика.

Крим развернулся и помчался вслед за Белит. Он бежал гораздо быстрее нее, и врожденное чутье помогало ему ориентироваться, так что вскоре он увидел впереди себя маленькую фигурку в длинном белом одеянии, мелькавшую в лунном свете. Мальчик уже почти догнал подружку, когда перед девочкой из ниоткуда возникла черная фигура, и словно бы поглотила ее. Не раздумывая, Крим с диким криком бросился вперед. Он целился копьём в живот колдуну, однако, к его ужасу, копьё прошло сквозь незнакомца, не причинив ему никакого вреда, и по инерции Крим налетел прямо на черного мага.

Джунгли исчезли. Вокруг была полная мгла, без единого проблеска света, а вместо травы под босыми ногами Крима лежал холодный влажный камень.

— Белит, — испуганно позвал мальчик. — Белит, ты здесь?

— Да, — отозвался дрожащий голосок. — Я натолкнулась на колдуна и попала сюда.

— Иди ко мне, — позвал Крим.

— Я боюсь, — ответила Белит. — Иди лучше ты.

— Хорошо, только ты говори что-нибудь, чтобы я знал, куда идти.

— Угу, ты тоже не молчи, и тогда я попробую пойти тебе навстречу.

Так, перекликаясь, дети двинулись навстречу друг другу, а столкнувшись, дружно ойкнули. Они сели и, прижавшись поплотнее, стали искать выход из сложного положения. Крим обнимал худенькие, вздрагивавшие от рыданий плечики Белит и с ужасом думал о том, что их теперь ждет. Одни, лишённые воды и пищи, заточенные в полной темноте, — сколько они смогут продержаться? Помощи ждать неоткуда, и непроглядная тьма, окружавшая их со всех сторон, скорее всего, скрывает угрозу, а не спасение. И все же Крим не собирался сдаваться без боя.

- Белит, нам надо идти, — мягко сказал мальчик.
- Куда? — всхлипнула Белит.
- По-моему, с той стороны, — Крим показал направо, — идет воздух. Я чувствую какой-то запах.
- А вдруг там кто-то страшный?
- Сидеть и ждать еще страшнее.

И они пошли, вцепившись мертвой хваткой друг в друга. Эхо их шагов гулко отдавалось и множилось, и даже самый негромкий звук усиливался до грохота.

— Свет! — вдруг крикнул Крим. — Я вижу свет впереди. Смотри! Свет, Белит! Там свет!

— Бежим. — Девочка рванулась вперед.

— Нет. — Крим крепко сжал ее руку. — Слишком легко мы нашли выход. Пойдем потихоньку, как и шли.

Очень осторожно они двинулись навстречу неожиданной надежде. Лучик света, сначала едва заметный, становился все ярче, и наконец перед детьми возникла арка бьющего в лицо ослепительного сияния. Глаза, отвыкшие от света, слезились, и почему-то детям захотелось отвернуться и вновь спрятаться в тени.

— Пойдем туда? — спросила Белит.

— Да. — Крим не колебался. — Лучше уж свет, чем тьма.

— Да, ты прав. Лучше идти, чем сидеть и дрожать.

— Ты не хочешь есть?

— Хочу, только совсем чуть-чуть.

Крим вытряхнул на ладонь несколько ягод.

— Возьми.

— А ты? — Белит нахмурилась.

— Я не хочу, в горло ничего не лезет.

— Если не будешь ты, то и мне ничего не надо.

— Ладно, поедим вместе, — согласился мальчик.

Перекусив, дети повеселели.

— Крим, я готова.

— Тогда пошли.

Взявшись за руки, они переступили невысокий порожек арки и оказались в огромном, ярко освещенном зале. Белые каменные колонны поддерживали высокий свод, и на стенах, полу, потолке горело множество факелов. У дальней

стены находился высокий алтарь, засыпанный цветами. Дорожка из цветов вела от арки прямо к алтарю. В воздухе висел сладкий опьяняющий аромат, звучала негромкая музыка. Осторожно ступая по цветочной тропинке, Белит и Крим подошли к алтарю.

— Какие странные цветы. — Белит показала на цветок с длинным, в руку толщиной стеблем и бутоном, похожим на растянутый в полуулыбке рот.

— Ничего во мне нет странного! — ворчливо прошелестели кроваво-красные лепестки.

Белит взвизгнула и плотнее прижалась к Криму.

— И вопить тоже не надо. Спрашивай, что хотела, и дай поспать спокойно.

— Что у тебя можно спросить?

Груда цветов зашевелилась, и оттуда вынырнул еще один забавный цветок. Маленький, хрупкий, он был похож на сомкнутое око с длинными ресницами, окруженное снежно-белыми трепещущими лепестками. Зеленое веко затрепетало, и на путешественников взглянул удивительный глаз — с вертикальной прорезью зрачка и золотистой радужкой. Внимательно осмотрев замерших от изумления детей, он моргнул и подвинулся поближе к цветку-рту.

— Похоже, вы действительно не понимаете, куда попали, — заключил он.

— Я, любимейшее из творений Нергала, могу ответить на любой вопрос. Конечно, не бесплатно.

— А какая плата? — спросил Крим.

— Немножко крови, совсем чуть-чуть. Вам не будет даже больно.

Дети невольно отступили на шаг назад.

— Не надо его ни о чем спрашивать! Бежим отсюда, — предложила Белит.

— Нам некуда отсюда бежать, — безнадежно сказал Крим. — Разве что он знает куда.

— Ты хочешь?

— Выхода у нас нет.

Мальчик подошел к алтарю и сказал:

— Я хочу спросить тебя.

— Зови меня по имени — Клото, а мой смотрящий брат — Лахезис, есть еще один — Атропос, но он сейчас спит. Мы готовы ответить на любой вопрос за глоток твоей или ее крови. — Алые лепестки заулыбались, а глаз несколько раз подмигнул.

— Согласны.

— Протяни руку.

Крим протянул руку, и цветок-рот прижался губами к его локтевой ямке. Цветок-глаз закрыл веко и улегся обратно на грудку цветов. Через несколько мгновений жадные губы оторвались от источника вожделенной пищи и, обливаясь, заулыбались.

— Твой вопрос, мальчик!

— Как отсюда выбраться?

— Сбоку от нашего дома есть завиток в узор. Дернешь за него, и приоткроется дверь в стене. Там проход.

— И куда он ведет?

— А вот это — другой вопрос. За него тоже надо платить.

Крим не колеблясь протянул руку. Чудовищный цветок вновь припал красными губами к вене и на мгновение застыл в неподвижности. Насосавшись, порождение Нергала ответило:

— Ход ведет через долину теней, в сад волшебных цветов, поющих разными голосами песни древнего времени. Там звери с человеческими головами попытаются напасть на вас, но их можно обмануть.

— Как? — вырвалось у Белит.

— Плати. — Тонкий язычок высунулся сквозь окровавленные губы.

— Достаточно того, что ты уже получил.

— Уговор не меняется: один вопрос — одна плата. Впрочем, платить может и она.

— Нет, — твердо сказал Крим. — Хватит и моей крови.

— Нам все равно, лишь бы кто-то платил.

— Пей. — Крим в третий раз протянул руку жадному чудовищу.

— Любой из наших братьев может защитить вас от опасностей пути. Возьми с собой букет братьев, и их запах отгонит теней, человекоголовых зверей и последнего стража.

— А кто такой последний страж? — спросил мальчик. Голова его слегка гудела, колени подкашивались и предательски дрожали, но позволить кровожадной твари прикоснуться к Белит он не мог. Порождение порочных желаний Нергала сильно изменилось, его стебель раздулся более, чем в два раза, губы лоснились, а удивительный глаз уже не мог полностью открыться, веко лишь чуть-чуть приподнималось, а затем вновь опускалось.

— Нет, Крим, сейчас моя очередь.

Белит не колеблясь протянула левую руку цветку. Тварь прикоснулась к загорелой детской коже и вдруг отпрянула.

— Твоя кровь не такая, как у него, но она даже слаще! Последний страж, девочка, потому и называется последним, что после него тебе уже никогда и ни с кем не встретиться! Третий страж — мой любимый брат Атропос. И похоже, вам пора узнать его поближе!

Гибкие, похожие на змей, зеленые побеги вынырнули из груды цветов, оплели руки и ноги перепуганных детей и подняли их над алтарем.

— Теперь мы все в сборе и можем решить судьбу двоих, пришедших к нам.

— Отпустите! — Крим бился в тугих зеленых щупальцах.

— Клото, Лахезис, Атропос выносят решение! — Чудовище помолчало немного, словно в предвкушении, а затем прошелестело утробно и злое: — Нити этих двух жизней длинны, но одна из них золотая, а вторая — кровавая. Мы вправе прервать кровавую нить.

Щупальца разжались, и Крим рухнул на пол. Слабо застонав, он попытался встать, но потеря крови была слишком большой для детского тельца. Мальчик смог только опереться на алтарь, не вставая с колен. Представшая перед его глазами картина заставила содрогнуться.

Сдавленная зелеными щупальцами, Белит не могла даже кричать. Цветок-рот вырос до невероятных размеров, ле-

пестки приоткрылись, из угла рта капала фиолетовая жидкость. АЛЫЙ, заостренный на конце язык высовывался и трепетал, как у змеи. И к этой чудовищной пасти щупальца несли Белит...

— Вспомни, Крим, вспомни! — В ушах мальчика внезапно зазвучал мягкий женский голос.

«Любой из наших братьев может защитить вас от опасностей пути. Их запах отгонит тени, человекоголовых зверей и даже последнего стража», — сверкнуло молнией в памяти мальчика.

Крим выхватил из груди цветов у подножия алтаря первый попавшийся, оказавшийся миниатюрным подобием глаза, и бросил его прямо в открытый жадный рот.

Судорога пробежала по толстому стволу. Края лепестков начали чернеть и покрываться белым налетом. Сжимавшие Белит стебли обессиленно разжались, и девочка упала на алтарь.

Покрывавшие его цветы смягчили падение, и Белит, вскочив на ноги, принялась обеими руками швырять цветы в рот Нергаловой твари.

— Вот тебе! Вот! Вот! Вот!.. — кричала девочка, расплываясь за пережитый ужас.

Цветы увядали, превращаясь в сухие, покрытые беловатым налетом кучи.

— Мы ошиблись, — шепнул Клото посеревшими губами и замолчал уже навсегда.

Свет начал меркнуть.

— Крим, где-то здесь должен быть выход! — крикнула Белит.

— Не торопитесь, дети! — Через арку тьмы в зал прошла высокая темнокожая женщина, одетая в широкую мантию, украшенную серебряными звездами. — Ты подтвердила свое право, Белит, и испытание окончено. Я возвращаю вам свободу, дети.

Черный плащ взметнулся, и наступила тьма. Когда Белит открыла глаза, над ее головой посверкивали звезды, выглядывая сквозь переплетение ветвей. Ароматы ночных джунглей щекотали ноздри, негромко перекликались птицы, в

траве шепуршилась мелкая лесная живность. Все было таким, как и обычно, и ничто не напоминало Белит о пережитом кошмаре.

— Крим, — негромко позвала она, прикоснувшись ладошкой к щеке лежавшего рядом мальчика. Негритенок открыл глаза и, осмотревшись, облегченно вздохнул.

— Мне приснился страшный сон, Белит, — сказал он.

— И мне тоже. Подземелье, злые цветы, а сначала на этой поляне собирались оборотни.

— Но я видел то же самое, — изумленно сказал Крим.

— Значит, это... — вскрикнула девочка.

— Это был не сон, — закончил за Белит ее друг.

— Посмотри, поляна пуста, а мы лежим все в тех же зарослях. Уже перевалило за полночь, может быть, мы все-таки заснули, — а раз место заколдованное, то нам приснился один и тот же сон?

— А как же это? — Крим вытянул вперед левую руку. На локтевом сгибе худой мальчишеской руки был отчетливо виден уродливый рубец — словно множество острых зубов оставили свои метки на коже.

Девочке не хотелось верить в реальность происшедшего, но отрицать она больше не могла — сны не оставляют следов на теле...

— Белит! Крим! — раздалось внезапно во тьме. Кто-то звал их по именам.

— Лежи, не двигайся. — Крим сжал в кулаке нож. — Больше мы им не дадимся.

На поляне появилась темная фигура. В лунном свете дети разглядели множество посверкивавших украшений на руках и ногах, длинное копье, и наконец к своей величайшей радости они увидели, что в высокую прическу было воткнуто перо — знак племени Крима.

— Мы здесь! — закричал мальчик, продираясь сквозь кусты. Белит вторила ему, совершенно обезумев от радости. Со всех ног бросились они к спасительной фигуре.

— Тетя Самди! — Крим влетел прямо в раскрытые объятия. — Как хорошо, что ты нас нашла!

Белит стояла чуть поодаль, стесняясь приблизиться.

— Ну, иди же сюда, моя принцесса, — мягко позвала негритянка. — Как же я могла не найти вас, когда твоя мама, Крим, прибежала ко мне вся в слезах, оплакивая тебя. И тебя тоже, — кивнула она Белит.

Девочка уткнулась лицом в полотняную тунику Самди и горько плакала.

— Ничего, малыши, ничего, пойдемте ко мне, я вас покормлю, поспите у меня, а родне вашей я пошлю весточку.

— Мне надо домой, — всхлипнула Белит. — Мама очень беспокоится, я знаю.

— Я пошлю весть в дом Хоакима, — твердо сказала Самди. — Пошли.

Словно маленькие дети, они взяли за руки неожиданную спасительницу и пошли с ней по ночным джунглям. Ни одна тень не потревожила их путь, даже древесные духи попрятались в свои дупла, чтобы не испугать малышей. Они пришли в соломенную хижину Самди, напились теплого молока, и она уложила их спать на постель из шкур. Усталые Крим и Белит провалились в сладкий сон без сновидений.

Когда солнце позолотило лучами спокойную гладь океана, в дом Самди пришел гость. Был он мал ростом и хрупок, с гладко выбритой головой, крючковатым носом и пронизательными глазами — больше всего он напоминал уроженца Хаурана.

— Она прошла испытание, мудрейший, — сказала Самди, когда гость уселся у очага.

— Я уже знаю. Настало твое время, Нарушившая Клятву. Если ты выполнишь свой долг, вина будет снята и прощена.

— Я выполняю свой долг. Девочка получит все, что предсказано. Я начну учить ее с сегодняшнего дня.

— Помни, Хоаким не будет противиться. Он не хочет, чтобы Белит нарушила волю богов и вздумала сама выбирать себе судьбу. Последствия были бы слишком ужасны... Так что рассчитывай на его помощь во всем.

— Хорошо.

Незнакомец встал и подошел к спящим детям.

— Она очень похожа на мать. Любой, кто хоть раз видел королеву Асгалуна, узнает ее в этом ребенке. Позаботься об этом.

— Да, мудрейший.

— И вообще, будет лучше, если до наступления ее тринадцатой весны девочка проживет у тебя.

— Я постараюсь уговорить Хоакима и Шаафи.

— Постарайся, Самди, от твоих стараний зависит не только ее судьба, — жрец кивнул на Белит, — но и твоя собственная.

Запахнув темный плащ, незнакомец вышел из хижины.

— Да пребудет с тобой благословение богов, женщина. Самди опустилась на колени и склонила голову.

Когда она поднялась, никого уже не было. Тайственный гость исчез так же загадочно, как и появился. Женщина вернулась в хижину и начала возиться у очага, готова забтрук.

...Дети проснулись бодрыми и полными сил. Ужасы прошедшей ночи забылись, и они весело переговаривались, поглощая огромное количество молока и вкусных лепешек, только что испеченных Самди.

— Я предупредила ваших родителей, что вы немного проживете у меня.

— Моя мама не согласится, — грустно протянула Белит.

— Она уже согласилась, и твои родители тоже, — улыбнулась она Криму.

— Как же ты смогла послать им весть? — спросил Крим. — Неужели ночью ты ходила в поселок?

— Конечно, нет, я попросила птиц отнести письмо. Если захотите, то я могу научить этому и вас.

— Хочу, очень хочу! — Глаза Белит загорелись. — Хочу научиться всему!

— Если будет на то воля Митры, ты узнаешь все, что знаю я, — торжественно сказала Самди.

* * *

Когда дети вернулись домой, их никто не ругал, словно бы ничего и не произошло. Но Криму и Белит разрешили

бывать у Самди, когда им захочется, а жившая на отшибе женщина всегда с радостью встречала детей.

Высокая, статная, исполненная внутренней силы, Самди казалась Белит удивительной красавицей, и девочка старалась подражать ей во всем. Жрица Митры учила Крима и Белит говорить с животными, находить их жилища, избегать опасности, которые таят джунгли, и, наконец, она учила их владеть копьем и мечом. Сначала Крим презрительно улыбался при мысли, что его будет учить женщина, но увидев, как легко управляется Самди с тяжеленным клинком, с радостью согласился.

Так прошло три года. Может быть, самые счастливые в жизни Белит — рядом с ней была любящая семья, мудрая наставница и лучший друг.

Но рано или поздно в жизни происходят перемены.

Дочь короля Асгалуна встретила свою тринадцатую весну.

Глава вторая

Тринадцатилетие Белит Хоаким праздновал так, что половина селения плясала и пела, а вторая лежала, не в силах пошевелиться, перебрав крепкой настойки на кокосовом молоке. Радовались все, кроме двух человек — Белит и Крима.

— Но ведь вы когда-нибудь вернетесь? — спрашивала Белит.

— Сомневаюсь. — Крим тяжело вздохнул. — Отец купил слишком много земли, чтобы отпустить дармового работника. Он не позволит мне вернуться. Через несколько лун мне исполнится шестнадцать, и, значит, пора брать жену.

— Самди говорила, что твой отец уже кого-то для тебя присмотрел.

— Да, она дочка вождя того племени, куда уходит отец.

— Но ведь ты меня любишь?! — полувопросительно прошептала Белит.

— Очень.

Они сидели на берегу океана, рука об руку, — и прощались навсегда. Крим вырос и очень возмужал. Высокий, широкоплечий, он выглядел намного старше своих лет. Было в нем что-то надежное, мужское, и Белит чувствовала себя рядом с ним в полной безопасности.

Девочка тоже изменилась — мальчишеская резкость уступила место плавным, размеренным движениям, грубоватая речь стала более сдержанной, и в угловатом подро-

стке уже проглядывала будущая женщина. Крим любовался подругой.

— Ты стала очень красивой.

— Ты тоже красивый, Крим.— Белит потерлась щекой о широкое плечо друга.

— Я черный, а ты белая, и никогда наши пути не пересекутся. Никогда.

Слезы текли по щекам Белит.

— Мне пора,— странно звенящим голосом сказал юноша.

— Подожди, я хочу, чтобы ты был мне братом.

— Правда? Ты хочешь смешать кровь, как учила Самди?

— Да.

Юноша вытащил из ножен короткий кинжал и полоснул себя по предплечью. Алая струйка крови потекла по руке, и тяжелые капли упали на песок. Белит повторила движения друга и приложила свою руку к его. Черная и белая руки смешали свою кровь, и она заструилась по золотистому песку к океанской воде.

— Пусть вода, земля и джунгли услышат наши голоса,— хором произнесли они слова великой клятвы, по преданию подаренной первым людям самим Митрой.— Клянемся помнить друг о друге, идти друг за другом и положить свою жизнь за друга.

Древние слова звучали на берегу океана, когда солнце ложилось на покой в свое ложе, и солнце, вода, земля и джунгли слышали их и запомнили.

...После отъезда Крима Белит затосковала. Верный надежный друг, с которым столько было пройдено и прожито, уехал навсегда. Подружки, новые друзья, хлопоты по дому не могли заглушить боль. И только задушевные беседы с Самди как-то скрашивали серые будни. Девушка все больше и больше сближалась со жрицей Митры, и Шаафи порой не могла подавить ревность — дочь гораздо больше прислушивалась к словам Самди, чем к уговорам матери.

И наконец Шаафи решилась.

— Хоаким, нам нужно спасти Белит,— сказала она как-то раз, ложась в постель.

Заканчивавший последние подсчеты, Хоаким удивленно посмотрел на жену.

— А что, ей что-то угрожает?

— Подумай сам, молодая девушка целые дни проводит одна, среди черных. После отъезда Крима она никак не может утешиться, а в ее возрасте можно натворить глупостей.

— Говори толком, Шаафи! Что тебе не нравится?

— Все! Я боюсь, что она найдет утешение с одним из местных красавцев, ты же знаешь, как они вокруг нее вьются.

Хоаким нахмурился.

— Ты уже что-то заметила?

— Пока нет, но знаю, что такое семнадцатая весна и одиночество.

— И что теперь делать?

— Выдать ее замуж, и поскорее.

— Но она предназначена для избранника Митры, и Самди не согласится.

— Да кто она такая, эта Самди! — взорвалась шемитка.— Только и слышишь с утра до ночи: «Самди сказала», «Самди так думает», «Самди разрешила». Она уже когда-то нарушила клятву и может ошибаться, как и все.

— Успокойся.— Хоаким присел на краешек кровати и нежно погладил загрубевшую руку жены.— Она просто любит девочку и желает ей добра.

— Нет.— Шаафи приподнялась на локте.— Она никого не любит, она просто выполняет свой долг.

— И все же я с ней поговорю,— твердо сказал Хоаким.— За судьбу Белит отвечаем мы все, поровну.

К удивлению Шаафи, жрица не стала возражать, лишь только попросила повременить до новой луны с поисками достойного избранника.

— Девочка должна закончить обучение, а потом она и сама сможет постоять за себя,— сказала Самди, и даже мать Белит не посмела возразить.

Пока старшие обсуждали ее будущее, Белит продолжала жить так же, как и жила, даже не подозревая, какие перемены готовят ей родители. Она превратилась в высокую,

полногрудую, статную девушку с правильными чертами лица и роскошными, черными как смоль волосами. Белит знала, что она красива, и, замечая жадные взгляды соседских парней, еще выше поднимала гордую голову. В то же время ее золотисто-карие глаза лучились искренним весельем, а пухлые губы никак не могли согнать улыбку. Джихан не раз, посмеиваясь, говорил, что в любом городе вокруг его сестры собралась бы толпа зевак. Сам же Джихан пользовался большим успехом у чернокожих красавиц и частенько не ночевал дома, потом с восторгом рассказывая Белит о своих подвигах.

Вечерами, оставаясь одна в своей комнате, Белит вспоминала рассказы брата и мечтала о сильном, прекрасном воине, который придет к ней в дом с первыми лучами солнца и умчит далеко-далеко от Черного Побережья. Юная душа томилась и трепетала в предчувствии первой любви, и Шаафи была совершенно права: Белит страстно хотелось поскорее вступить в запретный мир чувств и желаний.

Однажды тихим летним вечером, когда легкий ветерок нежил и ласкал остывающую от дневного зноя землю, служанка позвала Белит в комнату родителей. Удивленная таким церемонным приглашением, девушка поспешила на зов. Нарядные Хоаким и Шаафи сидели за столом, на котором стояли кувшин с вином и три высоких кубка.

— Мама, отец, что случилось? — встревоженно спросила Белит.

— Ничего, дочка, присядь, нам нужно поговорить, — торжественно сказал отец.

Удивленная Белит присела на краешек скамьи.

— Дочка, мы решили, что тебе пора замуж, — сказала Шаафи.

— Мой близкий друг и партнер по торговым делам Харем из Дан-Марки просит твоей руки для своего сына Алала, — добавил отец.

— Но, отец, я его совсем не знаю!

— Никто не будет тебя неволить! — вмешалась мать. — Выбор за тобой.

— Завтра утром мы отправимся в Дан-Марку с нашим торговым кораблем. Ты посмотришь на жениха, познакомишься, и, если он тебе понравится, сыграем свадьбу, — сказал отец.

— Но я не могу завтра. Самди...

— Самди ждет тебя сегодня вечером, когда сядет солнце. Но я хочу, чтобы ты знала — она тоже считает, что тебе уже пора замуж. — Отец улыбнулся. — Выпей за свое будущее счастье, дочка.

Хоаким разлил вино по кубкам.

Рука Белит предательски дрожала, когда подносила кубок к губам, но выучка Самди сказала — никаких других проявлений обуревавших ее чувств девушка не выказала. Сдержанно простившись с родителями, Белит прошла к себе в комнату и, разом скинув маску спокойствия, схватила с полки кувшин и запустила им в стену. Туда же полетели и чашки с мисками. Когда взрыв ярости прошел, девушка бросилась на постель и разрыдалась. Все, даже Самди, предали ее! Они готовы отдать за какого-то Алала — должно быть, просто вознамерились отделаться от нее! Но она не желает выходить замуж...

В дверь тихонько постучали.

— Молодая госпожа, — служанка заглянула в комнату, — ваша матушка говорит, что уже пора идти к Самди.

— Я знаю, — бросила Белит.

Девушка вытерла слезы и подошла к зеркалу. Искусанные губы распухли, глаза покраснели, но — Белит не могла этого не признать, — даже заплаканная, она была чудо как хороша. Настроение поднялось, и жизнь теперь не казалась такой уж ужасной. Может быть, этот Алал вовсе и не плох, и она сможет его полюбить... Но в одном Белит была уверена — к Самди она не пойдет. Родителям еще можно простить, что сватовство прошло без ведома самой невесты, но то, что жрица все знала, но не предупредила, — этого простить было нельзя.

Взяв тонкий лист пергамента и перо, Белит принялась писать письмо Криму. Завтра, перед отплытием корабля, она попросит лесных птиц отнести грустную весть ее един-

ственному другу. Он один поймет ее горе, и только его сочувствие будет искренним.

...Плавание в Дан-Марку прошло на редкость спокойно, и к назначенному сроку корабль прибыл в гавань. Количество людей, вопящих, кричащих, смеющихся, толпящихся на улицах, ошеломило и потрясло Белит. Привычная к жизни в маленькой общине, где все друг друга знают, девушка была подавлена суетой и равнодушием большого города. И даже старый дом, в котором, по словам матери, родился Джихан, не произвел на Белит приятного впечатления.

— Сегодня можно спокойно отдыхать, — сказал отец, — а завтра утром к нам придут гости.

Провожаемая многозначительными взглядами родителей, Белит ушла в приготовленную для нее комнату и горько расплакалась. В течение всего плавания Шаафи подготавливала Белит к тому, что должно произойти.

С откровенностью опытной женщины мать делилась с дочерью самым сокровенным, наставляя, воспитывая и готовя к встрече с будущим мужем. Девушка почти привыкла к этой мысли, но сейчас, когда встреча с женихом была так близка, горькая тоска сжала сердце. Белит сама не заметила, как задремала, и если бы не мать, поднявшая ее на рассвете, она проспала бы до полудня.

* * *

— Вставай, дочка. Вставай! — Мать трясла Белит за плечо.

— Уже пришли? — в ужасе подхватила девушка.

— Нет, что ты, еще рано. Но нам надо подготовиться.

После скромного завтрака лицо невесты окропили ледяной водой, а волосы вымыли в отваре из сорока трав и уложили высокой короной вокруг головы. Разрумянившуюся от холодного умывания и волнения девушку одели в длинное алое платье, туго стягивающее тонкую талию и подчеркивающее бедра и грудь. На ножки впору пришлось аккуратные сандалии из тонкой кожи, и Белит удивлялась, откуда вдруг взялись все эти дорогие и красивые вещи. Но Шаафи только пожала плечами:

— Любая мать готовится выдавать дочку замуж еще до того, как она начнет толком ходить.

Наконец приготовления были окончены, и Белит предстала перед отцом во всей красе.

— Красавица! — Хоаким сиял от удовольствия. — Я всегда знал, что моя дочь самая прекрасная женщина во всем Шеме!

— Отец!.. — Белит обняла отца и спрятала раскрасневшееся лицо у него на груди.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Вот только не знаю, как смогу отдать такую красоту какому-то Алалу. — Хоаким подмигнул дочери. — Может, откажем, а, дочка?

— Приехали! — Старший счетовод Хоакима ворвался в комнату. — Скорее встречайте!

— Старуха, пошли. — Хоаким взял жену под руку.

Хоаким и Шаафи чинно вышли во двор в сопровождении всех домашних, и только Белит осталась, не в силах сдвинуться с места.

Когда дверь в столовую открылась, девушка встала, приветствуя гостей. Харем и его жена вошли в комнату первыми, и Белит внутренне содрогнулась — оба они были небольшого роста, какие-то сморщенные и съежившиеся, несмотря на то что по возрасту были лишь немногим старше ее родителей. А множество драгоценных украшений, бренчавших при каждом движении гостей, только подчеркивало их старость. За ними вошли Хоаким и Шаафи, а следующим был высокий широкоплечий юноша с красивым улыбчивым лицом. Он был одного возраста с Белит, но в его движениях уже проглядывала уверенность зрелого мужчины, а глубокий шрам на щеке говорил о том, что Алалу случалось бывать в переделках.

Потом родители рассказали девушке, что было много гостей, что она понравилась родным Алала, а он понравился всей ее семье, но это будет много позже... А пока Белит видела только большие карие глаза под изломом черных бровей, тонкогубый рот, большой, четко очерченный подбородок и чувствовала, что юноша любит ее так же, как и она любит его.

К вечеру гости разошлись, в доме наступила тишина. Мать, взволнованная, но счастливая, хлопотала вокруг Белит.

— Пойдем, доченька, тебе надо отдохнуть.

— Да, мама, я так устала, что просто не могу пошевелиться.

— Ничего, ничего, маленькая. Ты мне только скажи, понравился тебе Алал?

— Понравился.

— Вот и хорошо. Значит, и мы с отцом согласны.

Оставшись одна, Белит наконец пришла в себя. События дня кружились в памяти ослепительным хороводом, а в самом центре всего был Алал. Она очень понравилась ему, сомнений не было, — достаточно вспомнить его жадные взгляды. А вот нравится ли ей самой будущий муж? Белит улеглась на постель, закинув руки за голову, и задумалась. Конечно, он красив и, наверное, умен. Из богатой достойной семьи... Словом, у него есть все, о чем говорила Шаафи, описывая идеального мужа. Пожалуй, лучшего Белит уже не найти. В конце концов, даже мать сказала, что, в общем-то, все мужчины одинаковы!

Раздумья Белит прервал влетевший в окошко камушек. Девушка подбежала к окну: на крыше сарая, вплотную примыкавшего к женской половине дома, сидел Алал и делал приглашающие знаки руками.

Решившись, Белит подвинула к окну тяжеленный сундук, вылезла на крышу сарая и, нагнувшись, чтобы ее заметили со двора, подбежала к Алалу.

— Здравствуй. — Он широко улыбнулся. — Пойдем погуляем, если не возражаешь. А то поженимся, так и не познакомившись!

— Да, так и получится. — Белит звонко засмеялась. — Похоже, нас готовы поженить хоть завтра.

— Давай сбежим, а то здесь поговорить не дадут.

— Бежим.

Алал спрыгнул с крыши прямо на мостовую заднего двора и протянул руку девушке.

— Прыгай, я поймаю.

Белит прыгнула и очутилась в крепких объятиях жениха, отнюдь не спешившего ее отпускать.

— Мы идем или так и будем обниматься посреди двора? — насмешливо поинтересовалась Белит.

Алал со вздохом разжал руки и виновато улыбнулся.

— Не мог же я упустить возможность обнять самую красивую женщину, которую я когда-либо видел.

Он взял Белит за руку и повел к небольшой рощице, спрятавшейся за разросшимся фруктовым садом. Два оседланных коня уже ждали беглецов.

— Куда теперь? — спросила Белит.

— В сады королей — сейчас там почти никого нет, и мы сможем поговорить.

— Тогда вперед.

Девушка ударила коня пятками, и вышколенный жеребец широким размеренным шагом понес ее по дороге.

— Догоняй! — крикнула Белит.

Алал заторопился вслед за невестой.

...Сады королей — пожалуй, одно из самых красивых мест в Дан-Марке — были любимым детищем третьего из древних королей Асгалуна, повелевшего посадить там самые прекрасные деревья со всего мира. Красивейшие деревья, кусты и травы из Стигии, Аргоса, Шема, Черных Королевств, Вендии и даже далеких северных стран мирно соседствовали, украшали землю и наполняли ароматами воздух.

Когда Белит и Алал прошли сквозь резные ворота, в парке уже поселились сумерки. В их неверном свете подстриженные кусты и деревья казались невиданными волшебными зверями, а цветы походили на красочные ковры.

— Какая красота! — восхищенно прошептала Белит.

— Мне здесь тоже нравится. Нам туда. — Алал показал на резную беседку возле небольшого озерца.

Вырезанная из дорогого, привезенного издалека сандалового дерева, беседка все еще хранила сладковатый восточный аромат. Усевшись на ажурную скамью, Белит и Алал наконец-то почувствовали себя в безопасности.

— Вообще-то я придумал эту прогулку, чтобы поговорить. Ты же понимаешь, мне не хочется брать в жены

девушку, чье сердце не свободно. Ответь мне честно, ты любишь кого-нибудь?

— Нет,— искренне ответила Белит.

Ну разве можно сравнить детскую влюбленность в Крима с тем смутным, но уже взрослым желанием, которое в ней вызывал этот красавец. Да конечно же нет!

— Нет! — еще раз повторила она, убеждая саму себя.— А у тебя есть любимая?

— Нет.— Аалал тряхнул кудрявой головой.— В моей жизни были женщины, ну, из этих, которых можно купить на ночь. Но я никогда никого не любил.

— У меня мужчин не было,— сказала Белит. Ей почему-то хотелось быть откровенной с этим юношей.

— Странно, ты так красива...

— Мы же живем в Субе, а там не было ни одного белого мужчины, кроме брата и отца. Так что влюбляться было не в кого.

Они говорили еще долго. Луна уже стояла высоко в небе, а будущие муж и жена все не могли наговориться. Как замороженная слушала Белит рассказы Аалала о древнем Асгалуне, загадочной Стигии, Аргосе, Вендии — всех тех странах, куда судьба заносила торговцев с караванами. Разбойники сменяли страстных восточных красавиц, а на смену им приходили истории о жестоких морских пиратах. Аалал умел рассказывать, а Белит умела слушать.

Юноша опомнился первым.

— Послушай, уже глубокая ночь, и тебя, наверное, уже ищут!

— Точно,— радостно подтвердила Белит.— Переполох, должно быть, ужасный.

— Пожалуй, стоит вернуть домой будущую жену. А то еще обвинят невесту в чем!..

— Вот именно — похитить собственную невесту! Это же верх коварства!

Аалал обнял Белит за плечи.

— Ты мне нравишься, Белит. Очень нравишься.

— А ты мне.

Их губы соединились в долгом поцелуе. Аалал крепче сжал тонкую талию девушки.

— Белит, если ты поцелуешь меня еще раз, то домой тебе сегодня точно не вернуться.

— Нет уж, давай-ка подождем до свадьбы! — Уроки Шаафи были живы в памяти Белит.

Отдохнувшие кони быстро донесли их до города. Аалал посадил Белит на крышу и помахал на прощание.

— До свадьбы, Белит!

— До свадьбы, Аалал!

Пробравшись сквозь узкое окошко, Белит удовлетворенно вздохнула. Ночное приключение прошло удачно, и будущий муж оказался отличным собеседником. А может быть, он окажется еще и настоящим другом? Пожалуй, лучшего Белит не найти, а значит, утром она скажет родителям, что согласна выйти замуж за Аалала, сына Халеба из Дан-Марки.

Глава третья

Первая ссора Белит и Алаала произошла вскоре после свадьбы, когда Хоаким предложил молодоженам вернуться в Субу.

— Я не хочу ехать в эту глушь,— кричала Белит.— Мне нравится жить в Дан-Марке: здесьлюдно, весело, а там даже не с кем поговорить!

— Белит, мой отец хочет, чтобы я узнал, как твой отец ведет дела, научился всему... Словом, чтобы когда дела наших семей соединятся, я знал все секреты и тонкости торговли.

— Пусть отец тебе все расскажет, незачем ехать на Черное Побережье! Незачем!

— Так надо,— твердо сказал Алаал.

— Не хочу! Не хочу! — Белит схватила тонкий хрустальный кубок и швырнула в голову Алаалу.

Муж уклонился и одним прыжком оказался возле Белит. Он ударил ее по лицу — резко, наотмашь, без малейшей жалости. Крепкая ладонь тренированного мужчины звонко хлестнула по щеке Белит. Раз. Второй. Третий.

Изумленная, ошарашенная Белит не сразу поняла, что происходит, только горькие слезы обиды затуманили глаза. А затем на смену испугу пришла ярость. Холодная ярость оскорбленной женщины. Белит прекрасно умела постоять за себя — отточенным годами тренировок движением она ударила Алаала ногой в колено... впрочем, постаравшись, чтобы любимый муж не очень ушибся и упал на мягкий диван.

— Запомни, Алаал,— я не городская девка, способная только пускать слезы. Меня учили драться, и никто не смеет поднимать на меня руку.

Пораженный Алаал встал с дивана и оцупал саднящую ногу.

— Здорово.— Он улыбнулся своей неотразимой улыбкой, от которой у Белит пока еще не было защиты.— Меня редко кто так учил уму. Я даже не догадывался, какое сокровище моя жена.

— Я не хочу с тобой разговаривать.— Лицо Белит горело после пощечин мужа.— Можешь ехать куда угодно, хоть в пасть к Нергалу!

Молодая женщина повернулась к двери, но Алаал схватил ее за руку и развернул к себе.

— Я люблю тебя, дикарка!

Склонившись, муж нежно поцеловал руку Белит.

— Прости меня, я виноват. Если хочешь, мы никуда не поедем. Только прости меня!

Смягчить Белит было сложно, но горячие руки мужа, скользнувшие по ее бедрам, несколько поколебали непреклонность молодой женщины.

— Прости! — Алаал целовал ее щеку, тугие завитки волос на нежной щеке, глубокую ложбинку между грудями, а затем подхватил на руки и понес в спальню.

Белит не сопротивлялась. Муж имел над ней огромную, непонятную ей самой власть, и противиться ему, когда он был ласков и нежен, она просто не могла.

Когда молодожены отдыхали после ссоры, драки и любви, Белит прошептала на ухо Алаалу:

— Я люблю тебя, муж. Давай вернемся в Субу. Так и впрямь будет лучше для всех.

В дверь постучали, и, засмеявшись, Белит добавила:

— По крайней мере, нам будут реже мешать, когда мы остаемся одни.

* * *

Возвращение в Субу прошло без приключений. Шаафи и Хоаким были довольны решением молодых жить с ними,

под неусыпным присмотром мудрых родителей. Белит и Алар были довольны, потому что помирились, да и какая разница, где любить друг друга — в деревне на берегу океана или в шумном городе!

Впрочем, в селении произошли большие перемены — Крим вернулся на родину с женой и маленьким сыном и поселился в старом отцовском доме. Известие о свадьбе Белит он воспринял спокойно, словно бы не его первая любовь навсегда уходила в небытие.

Четыре года очень изменили Крима — на его плечи лег груз ответственности за жену и ребенка, жесты и голос огрубели, и молодой мужчина предпочитал молча трудиться, нежели болтать языком. Мозолистые руки легко сгибали железные прутья, на теле буграми вздувались мышцы привыкшего к тяжелой физической работе человека, а в черных глазах тлел недобрый огонек. Время не пощадило верного друга Белит. Может быть, неизменным остался только маленький шрам на предплечье — символ братства и верности.

Когда Белит узнала, что Крим вернулся, она с трудом сдержала желание бросить все дела и побежать к старому другу. Но мысль о том, что Крим теперь не один, что у него есть жена и сын, а значит, наверное, будет не очень-то хорошо являться без приглашения, вовремя пришла ей в голову.

Прошла неделя, но они так и не встретились. Алар часто был занят с Хоакимом, объезжая поля, входя в тонкости торговых сделок и договоров, и Белит проводила много времени одна у распахнутого окошка, занимаясь шитьем. Однажды, когда девушка по привычке пристроилась с иглой и недошитым платьем у окошка, на подоконник прямо перед ней опустился лесной голубь. К ноге крупной серой птицы был привязан маленький свиток пергамента. Догадавшись, от кого прилетела нежданная весточка, Белит поблагодарила крылатого посланца и взволнованно развернула письмо.

«Приходи вечером к Самди. Трехголовое дерево — место встречи».

Вихрь чувств поднялся в душе Белит. О том, чтобы предупредить родителей, не могло быть и речи, но и обманывать их она не хотела. Решившись, Белит пошла на половину матери.

— Мама, я хочу сходить к Самди. Мы приехали уже давно, а я еще не зашла к ней ни разу.

— Почему именно сегодня? — удивилась мать. — Лучше бы пошли вместе с Аларом, похвалилась бы красавцем мужем.

— У меня странное предчувствие, мама. Я пойду, не дожидаясь возвращения Алар и отца.

— Хорошо. Когда вернешься?

— К ночи буду дома.

— Может быть, выйти тебя встретить?

— Не надо. Меня проводит Самди.

Всю оставшуюся часть дня Белит провела за двумя занятиями — рылась в сундуках, выискивая платье красивее, и придумывая, что бы подарить Криму. Наконец все приготовления были окончены, и Белит удовлетворенно вздохнула — длинное белое платье подчеркивало мягкие изгибы фигуры, волосы уложены тяжелой короной над высоким чистым лбом, чуть насурьмленные брови, подкрашенные губки, сияющие глаза — такую красавицу Крим больше не найдет нигде.

Она тихонько выскользнула из дома и, перекинув через спину переметную суму, пошла по давным-давно изученной тропе. Это было самое любимое время Белит — час, когда день покидает джунгли, но и ночь еще не успела занять свои владения. Просыпающиеся от жары джунгли словно бы узнавали шепотку — стволы молодых деревьев раздвигались и в то же время старались подсунуть под ее руку тонкие веточки, прося ласки и внимания. Птицы, которые так часто прилетали к ней раньше, принося вести от Самди, кружились над головой, лесная мелюзга, соскучившись, высывалась из-за кустов, провожая глазами. Белит удивлялась самой себе — неужели она действительно собиралась променять всю эту красоту на сомнительные удовольствия жизни в большом городе.

А вот и место встречи. Гигантская секвойя с изувеченным стволом стояла на перекрестке трех дорог, словно страж из страшной детской сказки. Три обрубленных гигантских ствола уже засохли, и только из развилки росла тоненькая веточка — залог жизни дерева. Белит нежно погладила грубый ствол — сколько долгих часов просидела она здесь, отдыхая по дороге к Самди. Сколько раз они здесь встречались с Кримом! Но тогда друга ждала маленькая девочка, а теперь юная женщина ожидала сама не зная кого.

Крим появился совсем не с той стороны, с которой готовилась его встретить Белит. Он вынырнул прямо из леса и, улыбаясь, направился к дереву широким шагом прирожденного охотника.

— Привет тебе, красавица, — сказал Крим, обнимая Белит.

— Привет, Крим. — Девушка удивленно посмотрела на огрубевшее лицо друга. — Ты очень изменился, даже трудно узнать.

Чернокожий гигант рассмеялся.

— Нос приплюснут, глаза узкие, губы толстые — помнишь, как ты перечисляла недостатки моей внешности? Похоже, они стали еще заметнее?

— Пожалуй, да. — Белит нахмурила брови. — Особенно губы! Наверное, жена постаралась — поцелуями?

— Угу, поэтому и у нее губы такие же. А как дела у тебя?

Белит опустила глаза.

— Все хорошо. Муж любит меня, я люблю его. Родители сделали правильный выбор.

— Мои тоже не ошиблись. — Крим взял Белит за руку и потянул в сторону джунглей. — Пойдем погуляем по лесу, заодно и поговорим.

— Самди ждет — пошли, сначала зайдем к ней. Я не видела ее с самого сватовства.

— Я не видел ее еще дольше. И, честно говоря, даже не хочу ее видеть. А записку послал, чтобы ты пришла сюда, ко мне. Если позову я, ты можешь не прийти, а вот если зовет сама Самди, то не послушаться невозможно.

— Ну, хорошо, пошли побродим, — согласилась Белит.

Они углубились в лес и рука об руку пошли бродить по заросшим тропинкам, смеясь и болтая, как и много лет назад. Белит рассказывала о своей жизни, о муже, о сказочно красивом городе Дан-Марке, а Крим — о жизни в неосвоенных дебрях, где каждая ладонь вспаханного поля полита потом, а иногда и кровью... Незаметно для самих себя они свернули на узенькую тропу, которая привела их к маленькой, заросшей густой травой полянке.

— Посидим? — предложил Крим.

— Посидим, — согласилась Белит.

— Вот, садись. — Крим скинул рубаху и расстелил на траве. — А то испачкаешь платье, и тебе попадет.

— Ты совсем забыл, что мама больше надо мной невластна, я ведь замужем. Впрочем, спасибо за заботу.

Изящно подобрав юбку, Белит присела и, покопавшись в кармане, достала широкий кожаный браслет, украшенный богатой вышивкой.

— Возьми, это тебе. — Белит протянула подарок Криму.

— Спасибо. — Негр был растроган. — У меня ничего нет для тебя. Разве что...

Он принял из рук Белит браслет, надел его на руку и, полюбовавшись, хитро прищурился, глядя на Белит.

— Помнится, когда-то тебе очень хотелось иметь такое копье, как у меня, а родители говорили, что девочка должна шить, а не возиться с оружием.

— Помню. Я умирала от зависти.

— Бери. — Огромный негр положил к ногам Белит свое оружие. — Оно простое, но я делал его своими руками.

— Спасибо, Крим, я знаю, что значит копье для воина! Ну, что же ты стоишь, садись.

Крим сел рядом с Белит. Какое-то время они молчали.

— Белит, — хрипло сказал Крим, — я ведь уехал не случайно.

— Что? — удивленно переспросила она. — Как это не случайно?

— Очень просто. Самди уговорила отца уехать, а твой отец дал ему деньги и товары.

— Зачем?

— Чтобы разлучить нас с тобой. Через полгода после переезда Самди приезжала к нам. Я подслушал, как ночью она говорила с отцом.

— Я не знала об этом, — перебила Белит. — Но ведь мы с Самди почти не расставались, и она не могла исчезнуть на целую луну.

— Ей и не надо было исчезать на целую луну. Она приехала на странной повозке, которая ехала сама по себе, без лошадей. Тихонько приблизилась к нашему дому, а мой старик пошел ей навстречу. Сначала я очень испугался, но потом вылез через окно и подкрался к ним. Они говорили негромко, но я все слышал.

— Что слышал?

— Отец спрашивал, как ты поживаешь, а Самди отвечала, что теперь, когда меня нет рядом, ты учишься гораздо быстрее, а главное, можно не беспокоиться, что вместо избранного воина Света на свет появится полукровка.

— Они боялись, что мы с тобой...

— Да, отец знал, что я люблю тебя гораздо сильнее, чем любят просто подругу или сестру. Я любил тебя больше собственной жизни, и, если бы нас не разлучили, ты бы тоже полюбила меня!

Белит наморщила лобик, силясь осознать, о чем толкует ей названный брат. Какой еще воин Света? Что за странные тайны плелись вокруг нее?!

— Я понимаю, что моим родителям не нравилась наша близость, но при чем тут Самди? Ей-то что до нас?

— Этого я толком не понял. Похоже, тебя готовили для какого-то избранника Митры, от которого ты должна родить воина. Это было три, нет, почти четыре года назад, но я все помню, Белит. Все, до последнего слова!

— Ты хочешь сказать, что мой Аал — избранник Митры? — изумленно спросила Белит. — Но он же самый обыкновенный человек!

— Какой он человек, мы сможем узнать очень скоро — достаточно сходить к Самди и заставить ее сказать правду.

— Она не скажет, — твердо сказала Белит. — Если Солнцеликий бог, которому она служит, замешан в этой истории, Самди будет молчать.

— Посмотрим. — Крим недобро усмехнулся. — Если бы это касалось только меня, я бы не волновался, но неужели ты не хочешь узнать, что происходит? И почему твой отец и Самди так оберегают тебя?

— Больше всего на свете мне бы хотелось ответить тебе, что они это делают лишь потому, что любят меня и заботятся обо мне. Но боюсь, я не сумею убедить в этом ни тебя, ни даже себя саму. — Девушка тряхнула головой, словно силясь прогнать наваждение. Только что жизнь казалась так прекрасна — и вот словно черный полог опустился на ее душу. Она вздохнула. — Так не будем же медлить. Пойдем!

Крим поднялся легким плавным движением и протянул руку Белит. Заходящее солнце светило ему в спину, и Белит невольно опустила глаза. На мгновение ее взгляд задержался на мускулистых бедрах Крима, полуприкрытых травяной юбкой. Молодая женщина густо покраснела, прогоняя невольные грешные мысли.

Отказавшись от предложенной помощи, Белит вскочила и запыхала впереди Крима, чтобы на него не смотреть. Внезапно на плечо Белит легла тяжелая рука.

— Постой.

— Да?

— Я буду говорить с Самди сам.

— Хорошо.

За всю дорогу ни один из них не проронил ни слова. Погруженные в свои мысли, они шли рука об руку и словно не замечали, что соприкасаются плечами. Более чужие, чем когда-либо раньше...

Хижина Самди вынырнула из-за деревьев, и они ускорили шаги. Негритянка стояла на пороге, словно ожидая гостей.

— Крим! — Самди отнюдь не выглядела удивленной. — Я очень рада, что ты вернулся. А тебя, Белит, я поздравляю со свадьбой. Жаль, что до отъезда ты не зашла ко мне.

— Наверное, я не хотела тебя видеть,— холодно ответила Белит.

— Не сердись, девочка. Судьба каждого из нас в руках богов, и у меня не было выбора. Пойдемте в дом, там лучше разговаривать.

Хижина Самди была сложена из тонких стволов пальм, переплетенных гибкими лианами. Сквозь щели проглядывали джунгли, а гибкие вьюны оплели ее живым цветущим ковром. Внутри жилище жрицы было таким же простым, как и снаружи — постель из звериных шкур, очаг, сколоченные из грубых брусков скамьи и огромная чаша, выточенная из цельного куска зеленого камня,— единственная ценность и гордость хозяйки.

Белит и Крим уселись рядышком на скамью, а хозяйка засуетилась возле очага.

— Самди, я хочу знать...— Юноша не стал тратить время на пустую болтовню и сразу перешел к делу. Голос его звучал резко и почти угрожающе.— Это правда, что Белит избрана Митрой? И если так, то почему об этом знают все, кроме нее?

— Лжешь, Крим.— Всегда мягкий негромкий голос Самди теперь резкостью не уступал голосу воина. Чувствовалось, что женщину нимало не смутил его напор.— Ты хотел узнать не об этом. Ты хочешь знать, для кого она предназначена! Так вот, Крим, не для тебя.— Самди сухо рассмеялась, наслаждаясь явным замешательством чернокожего.— Ты мешал, ты отвлекал ее! Ты никогда не доверял мне, а она слушалась тебя... И потом, Крим, об истинном предназначении Белит знают лишь избранные.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что буду говорить с Белит только наедине. Тебе придется подождать снаружи.

— Не дожدهшься.— Крим недобро улыбнулся.— Ты смогла убедить отца уехать, а значит, сможешь убедить Белит в чем угодно.

— Нет, брат,— решительно возразила молодая шемитка, решив, что пора наконец и ей вмешаться в этот странный спор, где речь шла о ее жизни, но никто, похоже, и не думал

спросить ее собственное мнение на сей счет.— Препней милой девочки больше нет. И похоже, во многом благодаря тебе, Самди.

— Мне уйти?

— Да, Крим. Я потом тебе все расскажу.

Негр поднялся и, не говоря ни слова, вышел из хижины.

— Хочешь чего-нибудь поесть или выпить?

— Нет. Самди, не нужно вести себя так, как будто ничего не произошло. Я все же неплохо разбираюсь в людях. Особенно теперь.

— Как скажешь, девочка. Ну, что же ты хочешь узнать?

— Очень многое. Первое — зачем ты разлучила нас с Кримом?

— Вопрос, недостойный твоего острого ума! Я думала, ты все уже поняла. Мальчик ведь успел тебе рассказать, как подслушал мой разговор с его отцом.

— Успел. Но я хочу узнать от тебя.

— К сожалению, ничего нового не смогу сказать. Твоя судьба никак не пересекается с его. Такова воля моего бога.

Белит пожала плечами.

— Ты служишь Митре Пресветлому, я поклоняюсь Иштар. Что за дело твоему богу до меня? Я не приносила жертв на его алтари...

— Этого и не требовалось! Но разговор будет долгим, девочка. Не хочешь ли присесть к огню?

— Мне хорошо и здесь! — Зная умение Самди уходить от ответов на неприятные вопросы, Белит старалась ни на что не отвлекаться.

— Еще раз говорю — как скажешь. Если тебе нравится жесткая скамья — сиди на ней.

— Я жду,— нетерпеливо перебила Белит.

Гордая жрица Митры не выносила понуканий — знахарка славилась вспыльчивым нравом. Однако на этот раз Самди сдержалась. Слишком холодна и решительна была эта новая Белит.

— Все началось восемнадцать весен назад, когда королева Асгалуна понесла дитя от своего царственного супру-

га. Придворный астролог составил ее гороскоп и гороскоп будущего наследника. Изумленный и напуганный, поспешил он к королю. Но не успел. Его укусила змея, неизвестно как проникшая во дворец. Его последними словами были: «Просите помощи Митры...» Старик умер, не сказав больше ничего, но повелитель шемитов послушался и отправился к жрецам Пресветлого за советом.

— Он пошел к жрецам Митры? Но почему? В Шеме никогда не чтили Солнцеликого! Иштар и Птеор — наши божества, и сам король поклоняется им. Как мог он довериться чужому богу?

Оскорбленная столь непочтительным отношением, жрица поджала губы.

— Да будет известно тебе, несмышленная, что Митра — верховный среди небожителей. И все они покорны его воле!

— Это только его жрецы утверждают так! — Девушка дерзко рассмеялась. От бывшей преданности и любви к обманувшей ее знахарке не осталось и следа. Природная горячность и гордость взяли верх, и теперь ей хотелось причинить боль Самди.

Должно быть, жрица также поняла это. Неожиданно нежная улыбка смягчила ее сухие губы, и она развела руки в примиряющем жесте.

— Перестань, девочка! Негоже нам спорить, точно престарелым придворным богословам! Давай я лучше расскажу тебе твою историю — она ведь волнует тебя куда больше!

Белит нехотя кивнула, признавая правоту жрицы.

— Так вот, — продолжила та рассказ. — Король сперва просил совета у своих мудрецов, затем у служителей Иштар и Птеора, но они бессильны были истолковать гороскоп малютки. И тогда он явился в храм Митры и был немедленно принят старшим жрецом. Верховный открыл королю судьбу будущего младенца. Вот что поведал он правителю... Девочка, рожденная в день весеннего равноденствия, вырастет в прекрасную женщину и, встретив избранника Митры, подарит ему сына. Судьба разлучит их навсегда, и другое дитя родится в далекой земле за соленой водой. Во всем мире не будет воина, равного

внуку короля Асгалуна, и жреца более могущественного, нежели его сводный брат.

— Все это прекрасно — но при чем здесь я? — перебила знахарку Белит, всеми силами стараясь отогнать закрашившуюся в душу догадку.

— Дочь короля Асгалуна — ты, Белит.

— Я! Но Шаафи, Хоаким?! Кто же тогда они? — Девушка всколыхнула. — Кто они, Самди!

— Твои приемные родители. Извечный враг добра, Сет-Разрушитель, не мог допустить, чтобы дитя, обладающее столь великой силой, появилось на свет. Причинить зло твоему сыну не сможет ни один бог, ибо судьбу его будет вершить само Великое Равновесие, которому он и будет служить, но уничтожить тебя, особенно в детстве, оказалось бы слишком легко. В королевском дворце ты была бы всегда на виду.

— И меня отдали Хоакиму и Шаафи? Спрятали, чтобы сохранить жизнь?

— Да, несмотря на сопротивление королевы-матери, отец отдал тебя.

— Значит, я, избранница великого Митры, встречу еще одного избранника и рожу еще третьего? — Белит нервно рассмеялась, настолько невероятным ей казалось все это. Да не сошла ли жрица с ума?! Но та была совершенно спокойна и даже торжественна. Ничто не выдавало безумия ни в голосе, ни в манерах ее.

— Двоих, — поправила ее Самди. — Ты родишь двоих — жреца и воина.

— Что за нелепость! А если я вообще не желаю иметь детей? Может быть, мне нужен только муж!

— Ты сама не знаешь, что говоришь! Твой муж — самый обычный человек, он никогда не был избранником богов, да и твоим избранником сделался случайно. Ничтожная песчинка в прибое времени!.. Как и твой обожаемый друг Крим.

— Не смей! Кто дал тебе право решать чужие судьбы?

— Великий Митра дал мне это право! Нас много, незримых свидетелей твоей жизни. Когда ты пройдешь сквозь все испытания, что тебе предначертаны, ты встретишь его.

— Самца, выбранного жрецами?

— Синеглазого черноволосого воина с далекого Севера. Он будет силен, как разъяренный лев, и именем Льва нарекут его. Ты легко узнаешь его. Твоя душа, твоё тело, твоё сердце узнают его сразу!

— Посмотрим.— Белит встала, поправила юбку и презрительно скривилась.— Если ты думаешь, что я поверю хоть одному твоему слову, то ты ошибаешься.

— Ну что ж. Ты убедишься во всем сама. Напоследок скажу — ты носишь под сердцем дитя Алала, которому твоя мать даст имя Кедрон.

— А я еще раз повторю тебе — посмотрим.

С гордо поднятой головой Белит вышла из хижины.

Крим казался совершенно спокойным, лишь вопросительно посмотрел на нее.

— Пойдем отсюда, брат. Разговор окончен.

Верному другу не нужны долгие объяснения, достаточно только почувствовать, что делается в душе побратима. Белит и Крим шли по лесу молча, лишь изредка обмениваясь ничем не значащими фразами, избегая говорить о главном. Наконец Белит не выдержала. Скупыми короткими фразами она пересказала Криму пророчество Самди. Рассказала все: от тайны своего рождения до ухода за соленые моря.

Огромный негр слушал очень внимательно и лишь изредка задавал вопросы. Когда Белит выдохлась, он задумчиво произнес:

— По-моему, это все правда.

— Нет! Я похожа на Шаафи так же, как Джихан на отца. Они мои родители, моя семья.

— Ты совсем не похожа на мать, а тем более на Хоакима. Ты другая, совсем другая, необыкновенная.

— Спасибо, брат.— Взмолвленная Белит не заметила странного взгляда, брошенного на нее Кримом.— У меня есть еще один способ все проверить. Спрошу родителей.

— Не нужно! Нет! Никто из них не скажет тебе правду. Я уверен. А если Самди соврала, твой вопрос оскорбит их.

— Снова ты прав, брат. Нужно придумать какой-нибудь способ узнать истину.

— Белит! — Крим внезапно остановился.— Я хочу, чтобы ты знала, что всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Я знаю.

Белит подошла к чернокожему гиганту и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку. Огромные руки стиснули тонкую талию женщины. Крим целовал ее губы, шею, плечи, чувствуя, что любимая откликается на его ласки.

— Ты хочешь? — шепнул он ей на ухо.

— Да!

В отличие от Крима, ею двигала не любовь. Признание Самди взорвало, разрушило уютный мир, в котором так счастливо жилось Белит. Загадочные космические силы решали ее судьбу, и их не волновали желания ничтожной женщины с Черного побережья. А у нее были собственные чувства и мечты. Например, сейчас она желала Крима...

Они упали на траву, и ветви накрыли их зеленым покрывалом. Черное и белое тела слились в сладостном танце любви, самом древнем и прекрасном танце на свете.

* * *

Когда Белит поняла, что беременна, первой ее мыслью был вопрос: чей это ребенок? Больше всего на свете она боялась родить темнокожего малыша. Нет, она никогда не откажется от него, но объяснить всем вокруг цвет его кожи будет весьма непросто...

Долгие восемь лун прошли в волнениях и страхе, и наконец дитя запросилось на свет. Боль была страшной и долгой. Мать, сама хорошая знахарка, позвала на помощь колдуна Н'гону, и только вдвоем сумели они помочь Белит и ее сыну. Измученная женщина потеряла сознание сразу после рождения крупного белокожего мальчика.

— Я дала ему имя Кедрон,— сказала Шаафи, когда очнувшаяся Белит попросила принести сына.— Прости, что решили без тебя, но и Алалу, и отцу это имя очень понравилось.

В изнеможении Белит откинулась на подушки. Будь проклята Самди и ее боги!..

Этот яркий солнечный день начался для Белит на редкость удачно. Кедрон ни разу не проснулся за ночь, и она прекрасно выспалась, а нежность Алала, вернувшегося ранним утром из дальнего поселка, сделала ее окончательно счастливой. Стараясь не разбудить спавшего мужа, Белит покормила Кедрона, позавтракала сама и, надев свое самое любимое платье, пошла на половину родителей — узнать, не нужна ли матери ее помощь.

— Здравствуй, девочка, — Хоаким улыбнулся, — ты сегодня сияешь как солнышко.

— Да, отец, мы с солнышком сегодня в очень хорошем настроении.

— Садись, детка. — Мать указала Белит на обтянутую шкурой тигра софу. — Хочешь кокосового молока?

— Очень!

Полными любви глазами следила Белит за движениями матери. Годы состарили Шаафи, но уверенные движения рук опытной знахарки, плавные повороты гордой головы — все осталось тем же. Такой Белит навсегда запомнит мать — хрупкая, изящная, но преисполненная огромной жизненной силы. И память о матери еще не раз заставит Белит выше поднимать голову, усилием воли прогоняя слезы. Впрочем, в тот солнечный день одни лишь боги знали о том, какие испытания выпадут на долю этих женщин.

— А где Алал? — спросила мать.

— Сейчас спит, а потом пойдет проверить, как упаковывают товар. В прошлый раз половина тюков развалилась, не дойдя до Керама.

— Надо бы тебе самой научиться присматривать за работой, — сказал Хоаким, — незачем во всем полагаться на Алала, ведь он все время разъезжает по побережью.

— Я постараюсь, отец, но Кедрон еще очень маленький, и нельзя оставлять его одного...

Белит не успела договорить. Со стороны наружной двери раздался негромкий стук.

— Входи, добрый человек. — Хоаким поднялся и открыл дверь.

Огромный негр, в расшитой бисером широкой набедренной повязке, вошел в комнату, осторожно нагнув голову, чтобы не стукнуться о низкий потолок.

— Присаживайся к нашему столу, Крим. — Шаафи почтительно придвинула к гостю скамью. — Для нас большая честь видеть тебя в нашем доме.

— Благодарю, мать. — Аккуратно, словно боясь резким движением сломать хрупкую мебель, негр опустился на скамью. — Бангулу, наблюдатели заметили на горизонте корабль под черным парусом. Он причалит к берегу, когда солнце склонится на запад.

— А ветер?

— Ветер им благоприятствует.

— Хорошо, Крим, скажи Унгеду, что я приду встречать гостей на берег, как и обычно.

— Да, Бангулу.

— Ну а теперь, когда поручение вождя выполнено, выпей и поешь с нами, воин. — Шаафи наполнила кокосовым молоком чашу и протянула гостю.

— Благодарю за гостеприимство, но Унгеду ждет меня в своем доме, и я не могу задерживаться.

— Конечно, конечно, иди, друг мой.

Негр повернулся и, уже переступая порог, бросил последний жадный взгляд на тугую, полную молока грудь Белит. Перехватив его взгляд, молодая женщина опустила глаза и залилась яркой краской.

— Иди, воин, иди. — Шаафи резко встала и легонько подтолкнула в спину темнокожего гиганта. — Унгеду, наконец, уже заждался твоего возвращения.

— Я тоже пойду к себе, если тебе не нужна помощь, мама, — сказала Белит.

— Иди, детка, я пойду присмотрю за товаром, помогу Алалу, тогда он пораньше вернется к любимой жене. — Хоаким захохотал, радуясь собственной шутке. — Надеюсь, с моей помощью вы подарите мне еще одного внука.

— Не говори глупости, старый бесстыдник. — Шаафи шутливо нахмурила брови. — Иди, дочка, а мы...

— А мы сделаем тебе еще одного братика,— закончил фразой за жену Хоаким.

— Немедленно прекрати! Хвала Иштар...

Белит не стала дожидаться окончания спора между родителями, зная, что вскоре после ее ухода мать и отец обнимутся и нальют себе еще по чашке кокосового молока, окончательно позабыв об утренней перепалке.

Несмотря на то что пиратские суда уже не раз пытались напасть на славившееся богатством Черное побережье, появление любого корабля вызывало бурную радость — корабли приносили новости со всего мира, новые, невиданные товары, а иногда сулили удивительные встречи. На всю жизнь в памяти Белит остался заезжий аргосский маг, глотавший клинки и горящие факелы. Любопытные детишки гурьбой ходили за волшебником, а потом, после его отъезда, у Шаафи появилось много новых больных — из числа пытавшихся повторить фокусы аргосца. С тех пор прошло много лет, но каждый приближавшийся корабль вызывал у Белит приятное волнение, волшебное ожидание праздника.

Занимаясь обычными домашними делами, Белит буквально летала по дому, пританцовывая и напевая простенькие субанские песенки. Она проводила Алала, помогла матери по дому, сбежала к соседке обсудить поведение ее мужа, — словом, ее день был полон напряженной жизни, однако Белит не оставляло странное чувство пустоты. Что-то должно было случиться — внутреннее чутье Белит, выпестованное Самди с особой тщательностью, ошибалось редко.

Предчувствие беды усилилось к вечеру, когда сытый и умиротворенный Кедрон посапывал в колыбельке и уставшая от дневных забот Белит прилегла на кушетку. Она лежала закрыв глаза и прислушивалась к своим ощущениям — кому же из ее близких грозит беда?

Жадные губы мужа обожгли ее шею, и Белит задрожала от прикосновения рук, так хорошо знавших, как утешить и успокоить. Близость с Алалом могла вернуть ускользавшее чувство уверенности в себе, но Белит не желала отказать себе в удовольствии пококетничать.

— Не сейчас, милый,— отец ждет нас встречать корабль,— прошептала она, делая слабую попытку отстраниться.

— Времени еще много.— Теплое дыхание щекотало ухо.— Дорога Иштар открыта для влюбленных.

Старый бог субанцев — Техир Сияющий — не менее трех раз перевернул свои песочные часы, прежде чем Белит с мужем вышли на берег.

...Субанский залив был самой природой создан как надежная гавань для кораблей. Две длинные гряды протягивались глубоко в море, ограничивая узкое пространство спокойной воды. Снаружи могли бушевать шторма, дуть ветры, а в заливе царил тишина. Маленькие волны лишь лениво перекачивали камушки, изредка попадавшие среди песка. Широкая дорога вела к огороженному частоколом краалю, по обе стороны от него раскинулись возделанные поля, разделенные живыми изгородями кустов.

Но над всеми трудами рук человеческих царили джунгли, вплотную приближавшиеся к полям и готовые поглотить их при малейшей возможности. Субанцы жили в вечной борьбе с зелеными соседями и с огромным трудом отражали их весенние атаки. Белит любила джунгли гораздо больше человеческих поселений, и ощущение их силы было одним из первых уроков Самди. Сейчас, идя с мужем к берегу, Белит не могла не обернуться и не кинуть взгляд в сторону леса.

Почти все население Субы уже собралось на берегу. Рослые воины выстроились вдоль берега, их единственную одежду составляли пышные травяные юбки и огромное количество украшений из кости, металла, камней, издававших дробный перестук при каждом движении хозяев. Старики, старухи, вечно кричащие и суесящиеся ребятишки, статные черные женщины — все вышли навстречу неизвестному кораблю.

— Что ты думаешь об этом судне, Алал?

Юноша прищурился, глядя на переливающуюся гладь океана. Корабль приблизился уже на десять полетов копья, и можно было разглядеть черные пузатые бока и несколько рядов весел, дружно вспенивающих воду. Баг-

ряный стяг бился на ветру, и принадлежать он мог только одной стране — гордой Стигии, стране тайн, мудрости и древнего зла.

— Судя по цвету и оснастке, корабль может быть только стигийским, — ответил Аалал. — Но готов поспорить, что команда сборная. Стигийцы — плохие моряки и нанимают мореходов со всего света.

Странная волна дрожи пробежала по телу Белит. Молодая женщина оглянулась по сторонам, пытаясь определить, что вызывает в ней это ощущение. Аалал почувствовал тревогу жены и, осторожно сжав ее локоть, ободряюще улыбнулся.

— Что с тобой, Белит?

— Не знаю, мне почему-то не по себе.

— Тогда иди домой, я скоро приду, — предложил Аалал.

— Нет, ничего страшного, я побуду здесь с тобой.

Уже отказавшись, Белит поняла, как ей хочется уйти, но было слишком поздно.

— Что могло здесь понадобиться стигийцам? — удивился Хоаким. — Черное побережье редко удостаивается внимания детей Сета.

— Может быть, они ищут новых знаний? — предположила Шаафи. — Хоть о них и говорят много дурного, но я слышала, что стигийцы — народ великой мудрости.

Хоаким только покачал в ответ головой, но ничего не сказал.

Корабль быстро приближался.

— Готовьте оружие! На них тяжелые доспехи, — прозвучал вдруг пронзительный крик Унгеду. — Женщины, дети — прочь с берега!

С оглушительным грохотом корабль ударился о деревянную пристань, и стигийцы заметались по палубе, выкапывая и направляя на берег огромные сосуды на ржавых треножниках, а затем из странных, похожих на змей приспособлений вырвались струи серого дыма.

Подхваченные дующим с моря ветром, серые облака накатывались на берег густой тошнотворной волной, и те, кого она накрывала, шатаясь, хватались за горло. Воины

пытались удержать в руках оружие, но оно падало из ослабевших пальцев, а за ним опускались на песок и его владельцы.

Все произошло слишком быстро, и почти никто не успел покинуть берег, однако перемена ветра спасла женщин и детей, а также семью Белит, стоявших в стороне от воинов.

— Спасительница Иштар, — воскликнул Хоаким, обнажая кривой аргосский клинок, — это охотники за рабами! Они посылают какой-то яд, и воины не могут сражаться. Аалал! Уводи женщин в лес!

С криком «Ко мне, воины Субы!» Хоаким побежал к оставшимся на ногах субанцам.

В отличие от растерявшихся субанцев, стигийцы действовали четко и организованно. По сброшенным сходям на пристань спустились тяжеловооруженные воины. Горстка субанцев во главе с Хоакимом встала на дороге в отчаянной попытке преградить путь охотникам за рабами или хотя бы дать возможность женщинам и детям укрыться в чаще.

— Быстрее, быстрее! — Унгеду поторавливал бегущих. Древний старик, он старался помочь, подхватив на руки двоих маленьких ребятешек, которые не поспевали за остальными, но и сам начал безнадежно отставать. Белит с Аалалом бежали в первых рядах и первыми заметили всадника на снежно-белой лошади, мчавшегося к пристани.

— Джихан! — отчаянно закричала Белит, но брат даже не взглянул в ее сторону, торопясь на помощь отцу.

Белит остановилась и, не в силах покинуть близких ей людей, повернулась к пристани. Джихан уже подбегал к отцу, когда тяжелое копье, пущенное уверенной рукой, вошло в грудь Хоакима. Старик зашатался и тяжело опустился на землю.

— Отец! — долетел до Белит дикий крик брата. Слезы застлали ей глаза, и силы покинули онемевшее тело.

— Нам надо уходить. — Аалал тряс ее за плечи. — Вспомни о Кедроне! У тебя есть сын, наследник Хоакима! Очнись!

Белит не отвечала. Аалал резко, наотмашь ударил ее по лицу. Один раз. Второй.

Словно очнувшись от забытья, Белит повернулась и, даже не взглянув на Алала, побежала к селению.

Опередившая их Шаафи уже собрала самые необходимые вещи и ждала их на пороге с Кедроном на руках. Она не видела смерти мужа, но слышала крик Джихана, а вид Белит подтвердил ее самые худшие опасения. Но она была матерью и бабушкой, а теперь стала старшей в семье, и никто никогда не увидит ее слез.

— Бежим! — коротко приказала она.

Белит протянула руки к малышу, но старуха покачала головой.

— Я понесу его сама, а вы, молодые, должны будете защитить нас, если придется.

Белит вихрем влетела в комнату, схватила со стены копьё — подарок Крима — и встала рядом с Алалом.

— Идем, мама.

Они вышли из селения через маленькую дверцу в частокле, обращенную к джунглям. Большинство жителей побежали в ту же сторону, и их фигуры ярко выделялись на зеленющих полях. Белит бежала изо всех сил, но то и дело оборачивалась взглянуть на мать. Губы Шаафи посинели, но руки крепко прижимали к груди спящего малыша, а лицо не выражало никаких чувств, кроме горькой решимости.

Спасительные джунгли были уже так близко, когда из-за живой изгороди вынырнули четверо стигийцев.

— Скорей! — крикнул Алал и, схватив Белит за руку, потащил за собой.

— Мама! — Молодая женщина вырвалась от мужа и бросилась к матери. — Давай Кедрона, мама, так тебе будет легче.

— Я больше не могу, дочка, — хрипло выдохнула Шаафи, опускаясь на колени. — Спасайтесь сами! А меня ждет отец...

— Нет, мама, нет! — Слезы текли по лицу Белит.

— Я приказываю тебе, Белит! — собрав остатки сил, твердо отчеканила мать.

Алал снова схватил Белит за руку.

— Бежим, лес уже близко.

Погоня стремительно приближалась. Между воинами и беглецами было не больше пятидесяти шагов, и стигийцы бросились наперерез, чтобы отрезать своих жертв от леса.

Шаафи затянула последнюю молитву и вонзила кинжал себе в грудь.

— Я сделаю для тебя то же самое, — пообещал жене Алал.

Расстояние до леса все сокращалось, и Белит была почти уверена, что они успеют скрыться. Но они не успели. Тяжелый, пущенный из пращи шар ударил Алала в затылок. Без единого стога муж Белит рухнул на землю.

И вот тогда-то Белит побежала так, как бегут в последнем порыве отчаяния. Она и сама удивлялась, откуда взялись у нее силы. Не чувствуя усталости, позабыв о страхе... ненависть несла ее на своих черных крыльях.

Оглушительно кричал Кедрон, радостно перекликались за спиной уверенные в близкой добыче стигийцы, но женщина не слышала ничего, кроме звука глухого удара камня о кость затылка, все еще звучавшего у нее в ушах. Граница леса была совсем близко, спасительные деревья могли скрыть от преследователей — как вдруг острая боль пронзила ногу, и Белит упала.

Стигийское копьё вонзилось неглубоко, и, стиснув зубы, женщина выдернула его одним рывком и из последних сил поползла к деревьям. Спрятавшись под ветвями невысокой акации, Белит разорвала на груди платье и в последний раз приложила сына к сочащейся молоком груди. В наступившей тишине она слышала голоса перекликавшихся преследователей. Понимая, что ее найдут непременно, молодая женщина поступила так, как может поступить только мать. Когда наевшийся Кедрон заснул, она положила его на землю в густых зарослях и начала отползать в сторону.

Субанцы видели, как они убегали; они знали, что произошло с Шаафи и Алалом, а значит, после смерти Белит кто-нибудь вернется в лес узнать о судьбе Кедрона. Пусть за жизнь мальчика стигийцы возьмут ее жизнь!.. Белит подползла к дереву и, привалившись к его шершавому

стволу, взяла копье на изготовку и стала ждать охотников за рабами.

Первый из появившихся стигийцев рухнул с копьем в животе. Второй, явно не ожидавший сопротивления, а потому не успевший защититься, вскоре уже хрипел и захлебывался собственной кровью. Из его горла торчал короткий кинжал.

Но двое других были более осторожны — да и у женщины не осталось больше оружия... Одновременно навалились на Белит с обеих сторон, стигийцы опутали ее веревками и, закинув на плечи, потащили на корабль.

Глава четвертая

Пленников загнали в грязный темный трюм, предварительно надев на ноги тяжелые цепи. Сваленные вповалку люди, среди которых были и раненые, кричали, ругались, стонали, метались в тесном закутке под палубой, призывая и проклиная всех богов.

Один раз в день люк открывался, и рабам бросали несколько краях черного хлеба, а затем с грохотом опускалось ржавое ведро с привязанным к нему ковшом — скудный запас воды на целые сутки. Запах пота и человеческих нечистот становился все более невыносимым день ото дня, и люди уже начали задыхаться. Любая, даже самая маленькая царапина нагнаивалась. Большая часть раненых уже находилась на границе жизни и смерти, когда корабль работорговцев бросил якорь в гавани Кеми. Субанцы могли гордиться друг другом — в бедственном положении находились все, но самые сильные заботились о слабых, здоровые о больных, мужчины о женщинах. Если бы не это, стигийцы бы не довели живыми даже половины пленников.

За Белит ухаживали с особенным вниманием. Большинство негров видели гибель Хоакима, знали о судьбе Шаафи и Алала, а значит, дочь Бангулу нуждалась в утешении. Она была одной из них, и черные люди любили ее.

Когда корабль бросил якорь в бухте Кеми, Белит почти обрадовалась, что страшное путешествие закончилось. Рана на ее бедре не заживала, и тупая боль не давала спать, а пере-

полненная молоком грудь покраснела и отвечала резкой болью на любое прикосновение. Первые дни пути Белит кормила одного из малышей, захваченных при набеге. Лишившийся матери ребенок надсадно кричал, пока шемитка не приложила его к груди. Ей было легче переносить тяготы плавания, когда рядом был маленький человечек, пусть даже не ее родной сын. Малыш умер на третий день от загноившихся ран, и, когда его крошечное тельце подняли на палубу в том же ведре, в котором пленникам спускали воду, шемитка плакала, как по собственному ребенку.

После его смерти Белит совершенно отчаялась, и продолжила плавание еще хотя бы несколько дней, наверняка бы не выжила. Она потеряла всякий интерес к жизни и перестала бороться. Гноящаяся рана на бедре, молочная лихорадка, а главное — желание умереть привели к тому, что шемитка не смогла самостоятельно подняться на палубу. Субанские женщины, бережно поддерживая под руки, вывели ее из трюма.

Солнечный свет больно ударил в глаза.

— Пошевеливайся! — Резкий удар в спину сбил Белит с ног. Из рассеченного виска заструилась кровь.

— Не смейте ее трогать!

Превозмогая головокружение и боль, Белит подняла голову.

В двух шагах от нее, возле борта корабля, стоял Джихан. Ржавые цепи сковывали его ноги, а руки неподвижно висели вдоль тела.

— Не смейте ее трогать! — повторил он. Оглушительный хохот стигийцев был ему ответом.

Свистнул бич, и свет померк в глазах Белит.

— Какая красавица, — сквозь пелену тьмы донесся до Белит хриплый голос.

— Пожалуй, ты прав, сынок. Эта шемитка стоит возни, которую ты поднял вокруг нее. — Дребезжащий старушечий голос вторил первому.

— Ты сможешь ее выходить?

— Конечно. Жар от молочной горячки легко излечить — она слишком долго не кормила.

— Ты можешь сделать так, чтобы ее грудь осталась такой же, как сейчас?

— Могу. Я знаю, что нравится моему мальчику. И постараюсь, чтобы шрам не изуродовал гладкую кожу ее ножки.

Старуха захихикала.

— И, Наира, никаких полукровок. Мне не нужны выродки шемитской крови.

— Ты хочешь отдать ее Дэркету?

— Да.

— Как скажешь, сынок. Как скажешь.

— Поторопись, Наира, похоже, она приходит в себя.

— Ничего, у меня есть средство продлить ее сон.

Голоса превратились в монотонное жужжание, а затем стихли.

Белит снился сон — странный, необычный сон. Она шла по лесу. Светило солнце, пели птицы, перекликались длиннохвостые обезьяны — ничто не казалось ни опасным, ни угрожающим. На Белит не было никакой одежды, но это ее почему-то не смущало. Белит была уверена, что вокруг никого нет.

Внезапно налетел холодный ветер. Он бил ее, хлестал со всех сторон. Защищаясь, Белит прикрывала руками лицо, но порывы становились все злее и злее. А потом в траве, у самых ног Белит, что-то зашуршало. Холодное как лед прикосновение заставило Белит содрогнуться и посмотреть вниз. У самых ее ног лежала, свернувшись в кольцо, огромная змея.

И тогда шемитка побежала, побежала так, как бегут от самого страшного, смертельного ужаса. Ветер дул ей в лицо, мешая бежать, заставляя зажмуриваться и оступаться. Белит не оборачивалась, но знала, что змея ее догоняет. Деревья, еще недавно дружелюбные и прекрасные, превратились в клубки черных шевелящихся ветвей. Они тянули страшные руки, стонали и скрежетали. Наконец одна из ветвей обвилась вокруг ноги молодой женщины, и со слабым вскриком Белит упала.

Огромная змея приближалась. Белит закричала. Чудовище коснулось голых лодыжек, обвилось вокруг колен,

скользнуло между бедер. Страшная боль пронзила живот женщины.

— Нет! Нет!

Ответом было только шипение. В отчаянии Белит оглянулась по сторонам в надежде найти хоть какое-то оружие. Все было напрасно. Наконец чудовище ослабило хватку, а потом вообще отпустило жертву.

Белит всхлипнула. Боль не уменьшалась, а, наоборот, усиливалась, пульсируя уже не только в животе, но и по всему телу. Змея медленно уползала.

Стибаясь от боли, Белит поднялась на ноги. Взгляд ее упал на траву, и дикий крик вырвался из горла навеки искалеченной женщины. На траве лежал скрюченный, молочно-белый трупик ребенка, а вокруг растекалась алая лужа. Белит не знала, откуда пришла к ней уверенность в том, что этот младенец — ее еще не рожденный сын. Сын, который уже никогда не родится.

Белит упала на траву и, не в силах подняться, поползла...

— Я возьму его, — прозвучал негромкий мужской голос. — Я попробую спасти его. Верь!

— Просыпайся! — ворвался в сознание Белит визгливый вскрик. — Просыпайся, шемитская красotka! Пора принимать работу!

С трудом Белит подняла веки и сразу же вновь закрыла глаза, не желая видеть безобразное старушечье лицо, нависшее над ней.

— Нечего притворяться, красotka. — Старуха хихикнула. — Ты теперь здоровее, чем была.

— Я могу забрать ее? — спросил мужчина.

— Да, забирай.

— Плату пришлю, как обычно.

— Твоя щедрость, сынок, известна всем. — Старуха опять захихикала. — Вставай, красавица.

Крепкие мужские руки рывком заставили Белит сесть. Шемитка открыла глаза. Она лежала на высоком узком столе в светлой, залитой солнцем комнате. Кроме стола в ней не было никакой обстановки, и голоса отдавались в ней гулким эхом.

Рядом с Белит стояли двое: старуха, которую шемитка никогда раньше не видела, и сухопарый стигиец, к которому на корабле все обращались «господин». На их длинных серых тогах были вышиты изображения свернувшихся в кольцо змей, браслеты в виде змей украшали руки и щиколотки ног. С изумлением Белит заметила, что она одета так же, как и стигийцы.

— Господин Рамвас почтил тебя великой милостью. — Гнусное дыхание старухи коснулось лица Белит.

Не сдержавшись, молодая женщина поморщилась.

— Ей не нравится, — прокомментировала ведьма, открыв в улыбке гнилые редкие зубы. — Придется тебе заняться ею всерьез. Нельзя позволить шемитской шлюхе морщить нос, когда с ней говорят хозяева.

— Где я? Что со мной случилось?

— Ты была больна, — ответил тот, кого старуха назвала Рамвасом. — Но я велел вылечить тебя. Таким, как ты, место в моем гареме, а не на ложе смерти.

Он был очень горд и высокомерен, этот стигийский пес, но он еще не знал, с кем его свела судьба. Белит слегка пошевелила ногой — боли не было, да и жар в груди тоже исчез. Тем лучше, здоровая, она быстро отучит наглеца даже помышлять о своем гареме!

— Вставай и иди за мной, — надменно бросил Рамвас.

Белит послушно слезла со стола и, опустив голову, пошла за хозяином. Вслед ей неслось довольное хихиканье ведьмы.

— Даркетто будет играть на этих струнах! Слышишь, шемитка! Ты принадлежишь ей!

У двери дома Рамваса ждали четыре стражника. Молча они встали по бокам Белит и, взяв ее под руки, куда-то повели. Рамвас шел впереди, и встречные прохожие расступались, кидая испуганные взгляды на серые тоги шемитки и стигийца. Если бы Белит не пребывала в какой-то странной апатии, она бы обратила внимание на прекрасный город вокруг нее. Высокие здания, украшенные шпилями и башенками, огромные невиданные деревья, и всюду, где только можно, недобро посверкивали клыками мозаики, рисунки, статуи Сета.

Зачарованная Белит шла за Рамвасом, не понимая, куда и зачем она идет. Иногда в голове возникали безумные мысли — ударить стражника, бежать, но вновь накатывалась усталость, и женщина шла за маячившим впереди серым пятном.

— В повозку,— приказал хозяин.

Белит посадили в странный возок. Сколоченный из грубых досок. В каждом углу торчало по высокой жерди, к каждой из них была прикована женщина. Одну из них — Лами — Белит хорошо знала, а две другие были ей незнакомы. Лязгнула цепь, и шея Белит оказалась в железном ошейнике, таком же, как на ее спутниках.

— Белит...— Лами плакала, размазывая слезы по осунувшемуся личику.

— Да, Лами,— медленно произнесла шемитка.

— Что они с тобой сделали? Ты на себя не похожа!

— Не знаю, ничего не помню. Я должна спать, Лами. Мне нужно уснуть.

Белит закрыла глаза. Негритянка с ужасом смотрела на постаревшее лицо дочери Бангулу. Глубокая складка легла между бровей, углы рта опустились, сеть морщин появилась вокруг глаз, руки и ноги похудели так, что кожа стала казаться дряблой и старческой. Белит не проснулась, когда повозка тронулась, не шелохнулась, когда надсмотрщик принес пленницам пищу и воду, и только к вечеру она начала стонать и плакать во сне. Короткая цепь не позволяла ни Лами, ни двум другим девушкам приблизиться к Белит, они могли только смотреть на нее и негромко плакать. Дважды к их повозке подъезжал Рамвас, внимательно смотрел на спящую Белит и снова уезжал.

Вечером девушек расковали и позволили немного походить. Стражник несколько раз пытался разбудить Белит, но шемитка даже не шелохнулась, и он оставил ее спать дальше.

Пока пленницы грелись у костра, Рамвас подозвал к себе троих стражников.

— Можете брать любую.— Холеная рука показала на сбившихся в кучу девушек.— Но на белую даже смотреть не смейте!

— Да, хозяин. Благодарим.

Когда Белит наконец очнулась, в повозке никого не было. На жерди были натянуты покрывала, так что дряхлая колымага превратилась в подобие домика на колесах. Память и разум вернулись к Белит вместе со страшными воспоминаниями.

Где же сейчас Кедрон? Что с ним? Как он там без нее? А потом сердце шемитки затопило страшное горе от сознания невосполнимой потери. Мать, отец, Алал ушли навсегда. Джихан потерян в этом чужом непонятном мире. Оставлен на произвол судьбы Кедрон. Прикусив губу, женщина застонала.

Будь проклят тот день, когда стигийский корабль вошел в гавань Субы! Будь проклят Рамвас и пришедшие с ним! Холодной ночью в стигийской пустыне произнесла Белит слова древней клятвы мести. Единожды произнесенные, они становились законом, и для исполнения клятвы можно было принести в жертву все.

Осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, Белит отодвинула край покрывала. Повозки стояли полукругом вокруг огня. Шемитка удивленно приподняла брови — их было не меньше двух десятков, а значит, восемь десятков пленников. Стражей она сначала не заметила: ее взгляд был прикован к женщине, отбивавшейся от нападавшего на нее мужчины. Наконец ему на помощь из темноты выбежал еще один стигиец, и вдвоем они преодолели отчаянное сопротивление женщины. Один из них держал ее руки, а второй улегся сверху. Раздался вскрик.

Белит опустила покрывало. Так вот куда подевались ее спутницы. Значит, такая же участь уготована и ей самой. Прежняя Белит могла бы испуганно расплакаться, но Белит нынешняя, с отравленным сердцем и холодным разумом, даже не содрогнулась при мысли о возможном насилии. Случай, оставивший ее в живых, должен прийти на помощь еще раз. Иначе не могло быть. Лишь бы добраться до оружия, а там она покажет стигийцам, как умирают шемитки.

Девушки вернулись только к утру. Заплаканные, усталые, в изодранной одежде, они влезли в повозку и в изнеможении прислонились к высоким бортам. У них даже не было сил плакать. Они сидели молча, глядя перед собой, не разговаривали, отказались от пищи. Лами держалась за ушибленное плечо и тихонько постанывала. Белит не рискнула заговорить с ними. Ей почему-то было стыдно за то, что страшная участь ее не коснулась.

Постепенно негротянки успокоились и задремали, убаюканные мерными покачиваниями повозки. Дважды им приносили пищу и воду, а один раз позволили размять затекшие ноги. Женщины старались держаться поближе друг к другу, но по-прежнему не разговаривали. Белит даже не знала имен двух своих попутчиц, которые почему-то избегали смотреть в ее сторону. Только Лами изредка улыбалась виноватой улыбкой и сразу отводила глаза. Белит хотела отвлечься, но голая пустыня с редкими, засохшими кустами, руслами пересохших ручьев и множеством змей только пугала и усиливала тоску.

К вечеру Лами начала плакать, боясь наступления ночи и неизбежного позора. Для субанки не было большего стыда, чем связь с мужчиной, не освященная древними богами. Конечно, на Черном побережье случались измены и рождались внебрачные дети, но девственность берегли свято. Белит понимала и разделяла страх девушки. Избежав насилия в прошлую ночь, она понимала, что сегодня придет и ее очередь стать живой игрушкой изнывающих от похоти мужчин.

За Белит пришли сразу, как только караван остановился. Стражник повел ее вдоль повозок с пленниками к единственному возку, укрытому коврами. Багровая от стыда, Белит шла под взглядами бывших соседей, друзей, подруг низко опустив голову. Она не хотела видеть ни сочувствующих взглядов, ни гневно нахмуренных бровей. Сейчас для нее было главным собрать всю волю в кулак и показать стигийцу, что справиться с дочерью Бангулу будет совсем не просто.

Она не ошиблась: ее предназначили именно для Рамваса, главного виновника бед, постигших субанцев.

— Если будешь слушаться, не пожалеешь. Хозяин любит послушание, — сказал стражник, хлопнув ее по плечу. — Будь ласкова с господином.

Шемитка не удостоила его ответом. Повозка Рамваса была намного больше той, в которой ехала Белит. Богатые красочные ковры скрывали пассажира и защищали от дневного зноя и ночного холода. Белит усмехнулась: хозяин поспешил для новых рабов — в большинстве повозок покрывала были дырявые и настолько тонкие, что не могли служить защитой ни от чего, тем более от стигийских ветров.

Стражник помог ей залезть внутрь.

— Не бойся, садись поудобнее и отдохни. Езда по дорогам пустыни очень утомительна. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь?

Вежливость и заботливость стигийца поразили Белит. Она была готова дать бой насильнику, а оказалась рядом с любезным собеседником.

— Спасибо, хорошо, — прошептала она.

— Не надо бояться. — Рамвас улыбнулся. — Красота исчезает там, где появляется страх. Твоя красота совершенна, и я не хочу, чтобы глупые страхи причинили ей вред.

— А я и не боюсь.

— Тогда выпей вина. — Стигиец протянул ей большой, налитый до краев кубок. — Пей, это вино из Аргоса, лучшего не найти нигде.

С опаской, не отводя глаз от хозяина, Белит сделала глоток. Вино оказалось на редкость вкусным, и горячая волна тепла, пробежавшая по телу, доставила женщине удовольствие.

— Фрукты? Или еще чего-нибудь? — спросил ее предупредительный хозяин.

Белит отрицательно покачала головой.

— Тогда пей вино. Я хотел о многом расспросить тебя. Но как мне лучше тебя называть, цветок Шема?

— Родители, которых убили твои люди, назвали меня Белит, — с вызовом ответила она.

Стигиец был вежлив, добр, но слишком любезен для хозяина, беседующего с новой рабыней.

— Жизнь полна горестей, и лишь Отец Сет знает им меру. Но как шемиты оказались на Черном побережье?

Вино, показавшееся Белит совсем слабым, делало свое дело. Шемитка сильно опьянела, но старалась этого не показать, радушно отвечая на вопросы Рамваса. Стигиец откровенно наслаждался забавной ситуацией — рядом с ним сидела наложница, рабыня без права голоса, но она говорила с ним на равных, а иногда даже дерзила. Она нравилась и вызывала желание даже в столь плачевном виде... Рамвасу приятно было думать о том, как она будет выглядеть, когда освоится в его гареме.

А вот отведать ее можно и сейчас. Рамвас с воодушевлением посмотрел на пышную грудь молодой женщины. Наира постаралась на славу — шемитка бесплодна, но заклятие не коснулось роскошного тела. Ни на минуту не прерывая разговора, он положил руку на грудь Белит и слегка сжал.

Стигиец ожидал всего — но, когда в воздухе мелькнула ладонь с растопыренными пальцами, метящими ему в глаза, он растерялся. Белит чуть-чуть недотянулась. Промажнувшись по глазам, она все же оставила две глубокие царапины на щеке.

Вскочив, Рамвас бросился на нее и попытался прижать к полу своим весом, но не учел опытности противника. Он даже не коснулся женщины. Сильные руки вцепились ему в плечи, нога ударила в живот, и, перекатившись через спину, Белит выпрыгнула его из повозки.

Больно ударившись спиной, стигиец с трудом поднялся и изумленно охнул. Дерзкая рабыня опозорила его перед собственными людьми. Его, Рамваса. Ну, сейчас он ей покажет!..

Со всех сторон к хозяину сбегались ухмыляющиеся стражники. Больше всего на свете Рамвасу хотелось убить шемитскую шлюху, выставившую его на посмешище, но местью он только окончательно подорвет свой пошатнувшийся авторитет. Да и быстрая смерть будет слишком легким наказанием за подобную дерзость.

— В повозку ее. Следить в оба. Она должна доехать целой и невредимой, — приказал он.

* * *

В свои тридцать с лишним весен Рамвас еще не был женат и, как положено почтенному холостяку, не ограничивал себя в количестве женщин. Гарем занимал большую часть его загородного дома. Стигиец любил разнообразие, и под его крышей мирно уживались стигийки, вендийки, уроженки Аргоса и Куша. А теперь будет еще и шемитка. Приучить ее к покорности будет сложно, но тем слаще заслуженная победа.

Правил гаремом, да и вообще-то всем домом, старый евнух Ханар, служивший еще отцу Рамваса. Железной рукой управлял он поместьем, защищая интересы молодого господина и ненавидя всех, кто был молод и красив. В руки Ханара и попала Белит, когда их караван прибыл в Сипх.

Заплывший жиром, переполненный чувством собственной значимости евнух повел Белит в ее комнату.

— А где мои спутницы? — сразу же спросила шемитка.

— Здесь не задают вопросов. Но я отвечу — их отправили на поля — ублажать воинов твоего господина!

— Будь он проклят!

— Заткнись. Иначе получишь дюжину плетей. Раздевайся. Нельзя ходить в приличном доме в таком тряпье.

Серый балахон Белит действительно был мало похож на одежду, но раздеваться под взглядом маслянистых глазок кастрата она не собиралась.

— Пошел прочь, жирный скопец! — дерзко бросила Белит.

Евнух издал сдавленное рычание и потянулся за плеткой...

— Не нужно, Ханар. — В дверях стоял Рамвас. Он заговорщически усмехнулся своему слуге. — С этой кошечкой придется обойтись иначе, чем с остальными. Пойдем со мной, мне нужен твой совет.

— Да, господин. — Бросив негодующий взгляд на непокорную рабыню, евнух вышел. Щелкнул засов.

Оставшаяся в одиночестве, Белит оглядела комнату, в которой ей предстояло жить. Обстановка была очень про-

стой: широкая кровать у стены, огромное, от пола до потолка, зеркало напротив, низенький столик с баночками и шкатулками и несколько сундуков у свободной стены. Окошко, забранное решеткой, было очень маленьким, и сквозь него Белит увидела внутренний двор. Ничего, что можно было бы использовать как оружие. В примыкавшей к спальне каморке женщина нашла все необходимое для умывания и туалета. Не так уж и плохо, тем более что задерживаться здесь Белит не собиралась.

Ее размышления прервал лязг засова. В комнату вошла девушка лет шестнадцати, неся в руках кувшин с водой и сверток одежды.

— Не хочет ли госпожа помыться с дороги? — улыбуясь, спросила она.

— С удовольствием.

Поставив кувшин на пол, девчонка выскочила из комнаты и тут же вернулась, волоча за собой огромный медный таз. Совместными усилиями они втащили его в каморку, и Белит, постанывая от наслаждения, смыла с себя пыль и грязь пути. Юная стигийка болтала без умолку, и Белит внимательно прислушивалась к ее словам.

— Меня зовут Кенрада. Я здесь служу уже очень давно. Наверное, целых десять лун.

— Ты служишь в гареме?

— Угу. — Девчонка поливала пышные волосы шемитки. — Какие у тебя красивые косы, наверное, очень толстые. Ни у кого из женщин хозяина таких нет.

— А у него много наложниц?

— Раньше было много, но теперь он подарил большинство из них своим стражникам. Осталось только четверо: Халира из Аргоса, Гама из Куша, Шайри и Тара из Стигии. Ты будешь пятой.

— А где все они живут?

— В соседних комнатах. Вот только видется вы будете редко: Ханар не любит, когда женщины болтают между собой. Говорят, он боится, что наложницы наведут порчу на него самого или его господина.

— Кто-то уже пытался?

— Вообще-то я точно не знаю. Говорят, что жрица Дэркетто, которую он купил несколько лет назад, липила его мужской силы за то, что он ее... Ну, взял без ее согласия.

— Что же было потом?

— Приехала Наира, его нянька. Она служит Сету, и великая милость Отца Змея помогает ей во всем.

— Это такая безобразная старуха со сгнившими зубами?

— Ой, никогда не говори так о ней, иначе тебя накажут! — Девушка испуганно оглянулась по сторонам. — Но когда же ты ее встретила? Обычно она приезжает сюда сама.

— Зачем? Просто навестить твоего хозяина? Или когда появляется новая женщина?

— Ну, и за этим тоже... — Служанка завернула Белит в снежно-белую простыню и накрыла ее мокрые волосы платком. — Наира следит, чтобы у наложниц господина не было детей. Нельзя смешивать благородную стигийскую кровь с кровью низших народов.

— И как же она это делает? — внезапно охрипшим голосом спросила Белит.

— Точно я не знаю, но она накладывает, по милости Великого Сета, заклятие бесплодия. Мудрый Змей научил ее этому...

— Пошла вон! — внезапно вскочив, резким голосом приказала Белит. — Вон отсюда!

Обиженная и немного испуганная стигийка как ошпаренная вылетела из комнаты, забыв и таз, и кувшин. А Белит упала на постель и отчаянно разрыдалась и, вдоволь наплакавшись, забылась тяжелым сном без сновидений.

Когда она открыла глаза, в комнату уже вползали сумерки. Первые мгновения Белит не могла понять, где находится, и удивленно смотрела по сторонам, а там горестные мысли затопили ее в черном водовороте. Одна, в чужой стране, она была игрушкой, забавой для человека, погубившего всех тех, кого она любила. Если Самди говорила правду, то спасения для Белит не было — Сет никогда не выпустит из своих владений драгоценную добычу. Все кончено.

Горестные размышления прервало появление господина. Рамвас вошел в комнату в сопровождении Ханара и еще двух стражников. Белит встала с постели и начала медленно отступать к стене.

Рамвас невольно залюбовался новой наложницей. На Белит не было ничего, кроме покрывала, обрисовывавшего пышную грудь и широкие бедра. Густые черные волосы шемитки рассыпались по плечам, укрыв от взглядов нежную кожу шеи и плеч.

— Раздевайся,— сказал Ханар.

Белит ничего не ответила, только прижалась спиной к стене и приготовилась драться.

— Господин дает тебе последнюю возможность заслужить его благоволение. Если будешь упорствовать, тебя ждет суровое наказание,— высокомерно сказал евнух.

Шемитка молчала. Повинуясь кивку Рамваса, стражники направились к ней, собираясь схватить дерзкую рабыню. Они шли твердым шагом уверенных в своей силе мужчин и не ожидали сопротивления. Ни один из них не носил оружия или доспехов, только короткие туники, как и у Рамваса.

Белит словно раздвоилась. С одной стороны, она была насмерть перепуганной женщиной, а с другой — воином, радующимся долгожданной возможности отомстить. Впиться зубами в горло врага и умереть, захлебываясь его и своей кровью,— разве может быть смерть, достойнее этой!

По-видимому, сумасшедший огонек, плясавший в карих глазах рабыни, все же насторожил стражников. Они остановились.

Высокая хрупкая женщина стояла перед тремя мужчинами, намного превосходящими ее силой, и улыбалась. Она медленно подняла руки к груди и вынула длинную булаву, скреплявшую концы покрывала. Первый из нападавших, совсем еще юный стражник, почти мальчик, замер, завороченный белизной высокой груди, и пропустил момент, когда Белит прыгнула.

Сильный удар в грудь отбросил его на еву, и оба с криком повалились на пол. Не теряя времени даром, ше-

митка повернулась ко второму противнику. Этот был намного опытнее и не желал рисковать ребрами. Не отводя глаз от Белит, он начал потихоньку обходить ее слева, в то время как его напарник постарался зайти с другой стороны. Торопливость третьего стражника погубила весь замысел.

Он схватил женщину за руку, и, к его удивлению, она легко поддалась, а затем он почувствовал, что пол куда-то исчез, и стена, вроде бы находившаяся довольно далеко, внезапно заслонила свет. Обмякшее тело осело, оставив кровавый след на выбеленной стене.

Оставалось четверо: Ханар, Рамвас, молодой и пожилой стражники. Но Белит интересовал только один из них — Рамвас. Убить его — и тогда пусть делают что угодно. Словно прочитав мысли Белит, стигиец отступил за пытавшегося подняться Ханара. Единственный оставшийся на ногах стражник тоже понял намерение Белит. Спасая хозяина, он пошел на женщину.

Шемитка отступала к стене, пока не коснулась рукой края стола. Нащупала шкатулку и швырнула ее в лицо стражника. Опытный воин успел подставить руку, защищая лицо, и острая грань коробки рассекла ему кожу. Пока он приходил в себя, женщина бросилась к Рамвасу.

Встреча с дикой кошкой показала бы стигийцу более безопасной. Он взглянул в глаза Белит и не увидел в них ничего, кроме ненависти.

Рывком приподняв Ханара с пола, он швырнул его под ноги Белит. Шемитка споткнулась и упала, и на нее сверху навалились Рамвас и молодой стражник, а затем присоединились и остальные.

Вчетвером они дотащили Белит до кровати и уложили ее на спину. Ханар и старший стражник держали ее руки, а молодой старался удержать ноги. Рамвас развязал пояс шаровар и, пренебрежительно улыбаясь, склонился над животом женщины.

— Надо будет заняться ее животом, Ханар,— сказал он,— после родов кожа слишком дряблая. Мне это не нравится.

Стигиец был слишком самоуверен. И когда Белит вырвала ногу из липких от пота пальцев юнца, он не успел увернуться. Маленькая, но твердая пятка с силой ударила его в нос. Раздался хруст, и из носа пошла кровь.

— Ах ты, шлюха! — Ханар ударил Белит по лицу. — Да я тебя...

— Нет. — Рамвас запрокинул голову. — Не трогай ее. Я займусь ею сам.

Осторожно стигиец улегся на расrostертое тело женщины. Кровь капала на лицо Белит, но Рамвас все равно улыбался, словно не замечая боли. Провел губами по ее груди, оставляя кровавые полосы, стиснул стальными пальцами плечи. Его тело мерно поднималось и опускалось, но Белит была неподвижна. Ни единого звука не сорвалось с плотно сомкнутых губ, а карие глаза смотрели на насильника с холодной ненавистью.

Рамвас был в ярости. Ни избитые стражники, ни его собственный нос не вывели его из себя так, как этот холодный, чуть насмешливый взгляд рабыни.

Он вышел из комнаты не оглянувшись. Вслед за ним ушли и остальные.

Белит осталась наедине со своим позором.

Глава пятая

В городе Куско, рядом с площадью Говорящих Камней, стоит древний храм Кориқанча, посвященный Отцу-Солнцу и Матери-Луне. Кориқанчу построили из монолитных камней и не пожалели золота, чтобы угодить великому Отцу. В этом храме есть молельня Вильяому — верховного жреца Слышащего Голос Светила.

Жрец еще молод, но чело его уже отмечено печатью великой мудрости. И каждый, кто видит его, склоняется в поклоне, но жрецу не нужны эти знаки почтения, ибо сила его выше гордыни. С доброй улыбкой смотрит он на суету снующих у подножия храма людей, ибо ему неведома мелочность их устремлений и чаяний. Великий Жрец ожидает знака, который изменит его судьбу и судьбу всех живущих в его мире.

Ради этого знака он оставляет своих жен и идет в молельню, чтобы в тиши рассвета встретить первый луч Великого Отца. Он ждет. Как до него ждали знака сорок поколений жрецов, воспевавших Солнце в далекой земле за соленой водой.

* * *

Утро пятого дня месяца цветения трав Вильяому встретил в своей молельне. Единственное окошко было направлено на восток, и первый луч солнца проходил сквозь него и падал на золотую пластину с ликом Отца, висевшую на стене. На этот сверкающий лик и устремляет взор свой

молодой жрец. Губы его шепчут слова древней молитвы, а глаза следят за устами бога. Внезапно ему показалось, что губы изображения пошевелились. Стараясь отогнать наваждение, жрец отводит глаза, ибо много раз они подводили его, принимая игру света и тени за движение. Но когда взор его возвращается, он видит, что бог улыбается.

Жрец падает на колени и касается лбом пола.

— Поднимись,— молвит божество,— и слушай.

Жрец садится в священную позу высшей концентрации и открывает перед Могущественным свой разум.

— Великие беды грозят моему народу. Соленая вода возмутится и скроет земли под собой, горы покинут свои ложа и будут биться с волнами. Великая битва сил состоится в Туантинсуйю, и мои избранные воины поведут войска света. Тебе предстоит воспитать моих любимых детей и спасти их мать.

Жрец склоняет голову, готовый принять поручение.

— Дух твой отправится в другой мир и вступит в битву со слугами Темного Бога, принявшего облик моего грозного брата Кецкоатля. Змеи встанут у тебя на пути, но ты должен спасти женщину королевской крови и ее сыновей. В назначенный час жрец Митры — ибо таково мое имя в том мире — передаст тебе в руки старшее дитя, а затем ты приведешь в Кориканчу и ее саму, носящую под сердцем второго сына.

Перед духовным взором Вильяому проходят детство Белит, набег стигийцев, колдовство Наиры.

— Я дарую тебе право проходить между мирами и говорить с ней. Но помни, слуги темного Сета будут бороться с тобой и сделают все, чтобы второй сын не был зачат. Взгляни на его отца и запомни — он избран мною для величайших деяний.

Вильяому видит белокожего гиганта, идущего по степной пустыне, бьющегося со страшными духами, спящего у костра кочевников. Жизнь Конана проходит сквозь его душу, и жрец осознает величие судьбы избранника Солнца.

— Иди же, о сын мой, и помни: лишь один раз, когда женщина будет покидать этот мир, я смогу вмешаться и

помочь. Равновесие сил не должно нарушаться богами, лишь в руках смертных истинная сила. Иди и исполни мою волю.

Лик Солнца смыкает губы, и жрец вновь кланяется. Великая честь выпала на его долю, он благодарен богу за счастье служить ему.

Глядя на светило, жрец погружается в медитацию, и дух его проходит сквозь врата между мирами.

* * *

Белит была уверена, что в эту ночь ее больше не потревожат. Несмотря на боль от ударов и ощущения несмываемого позора, она чувствовала, что победила. Стигиец не получил власти над ее душой — лишь надругался над телом.

Белит заснула и видела во сне Кедрона. Мальчик сидел на руках у Шаафи, а Хоаким развлекал его, показывая удивительные игрушки. Вырезанные из разноцветных камней зверюшки танцевали и пели, а мальчик заливался радостным смехом. Потом вошел еще кто-то — но шемитка никак не могла рассмотреть его лицо и взял малыша из рук Шаафи. Родители Белит смотрели на уходящих и улыбались.

Белит плакала во сне.

Ее разбудил странный запах. В воздухе было что-то угрожающее, но шемитка не смогла даже встать с постели. Руки и ноги отказывались ей повиноваться.

В комнату вошли Рамвас и Ханар.

— Я же говорил тебе, лучше черного лотоса не может быть ничего,— услышала она голос Рамваса.

— Но он слишком дорог, мой господин, чтобы часто им пользоваться.— Сквозь пелену Белит увидела над собой лицо Ханара.

— В следующий раз я просто заставлю ее понюхать из флакона или выпить. Но в первый раз можно и так.

Свет, и без того тусклый, померк в глазах Белит. Когда сознание вернулось, женщина вновь оказалась в колдовском лесу из ее сна. Она оглянулась по сторонам. Все было

так же, как и в тот раз, когда огромная змея убила ее сына. Вдруг из кустов донеслось шипение. Все повторялось! Белит закричала и побежала прочь. Длинная ветка еще недавно зеленого деревца превратилась в тонкое шупальце и обвила ноги Белит. С криком женщина упала. Что-то холодное коснулось ее ног.

Копымарный сон повторился вновь.

...Теплый солнечный луч скользнул по лицу Белит, высушивая слезы. Женщина открыла глаза. Было позднее утро.

— Я принесла еду, госпожа.— Молоденькая стигийка поставила поднос возле кровати.

Белит села на постели и потянулась. Тела ныло. На плечах и бедрах темнели кровоподтеки — следы пальцев Рамваса и стражников. Однако женщина с удовольствием ощутила прилив сил — ненависть разгоралась, и ее огонь поддерживал волю Белит.

— Ну, и что ты мне принесла?

Белит соскочила с постели и наклонилась над подносом. Белый хлеб, молоко, фрукты. Отличная еда, когда очень голоден. С наслаждением жуя хлеб и запивая молоком, шемитка пыталась снова вытянуть девчонку на разговор, но стигийка отделялась односложными фразами.

Когда шемитка наелась, служанка забрала поднос и пошла к двери.

— Скоро придут женщины. Они будут ухаживать за тобой,— напоследок бросила она.

Весь день вокруг Белит крутились люди Рамваса. Молчаливые служанки растирали ее тело благовонными маслами, снимали мерки для одежды и обуви, даже расчесывали волосы, и все под бдительным взглядом Ханара.

Наконец, под вечер, ее все-таки оставили в покое. Белит ждала Рамваса. Стигиец придет обязательно. Она не сомневалась. Он будет приходить каждый день, пока не сломит сопротивление рабыни.

Шемитка правильно угадала слабую струну Рамваса — непомерную гордыню. Презрение ко всем остальным народам было одним из основных свойств стигийцев, а в Рам-

васе, фанатичном поклоннике Сета, оно достигло чудовищных размеров. Если бы Белит немного подумала, она могла бы найти способ обмануть стигийца гораздо раньше и без подсказки со стороны. Но ненависть — плохой советчик в делах, где требуется здравый рассудок.

Она не ошиблась. Когда стемнело, в комнату вошли трое — Рамвас и два стражника. Не отходя от двери, воины натянули луки и прицелились в ноги Белит.

— Ты возмешь вот это,— Рамвас показал Белит небольшой, украшенный драгоценными камнями флакончик,— и вдохнешь один раз. В случае отказа они стреляют тебе сначала в ноги, потом в руки.

Рамвас увидел, как в глазах Белит мелькнул огонек надежды.

— Легкой смерти не будет. Даже не надейся. Будешь противиться — познакомишься с плетью Ханара.

Выхода не было. Белит кивнула. Рамвас бросил ей флакон. Его нежелание приближаться было понятно с первого взгляда: нос распух и смотрел немного вбок, веки отекали. Нога шемитки оставила неизгладимый след на гордом стигийском лице.

— Хорошо, хозяин,— изображая покорность, прошептала Белит, отворачивая крышечку.— Будь что будет.

Уже знакомый ей запах ударил в ноздри, комната закрутилась вокруг Белит, и она упала бы, если бы ее не подхватили крепкие мужские руки.

Рамвас положил ее на постель и отослал стражников. Шемитка лежала неподвижно. Ее карие глаза смотрели в пустоту, а полные губы чему-то улыбались. Она была далеко-далеко от Сипха, Стигии и всего мира и не знала о том, что ее покинутое душой тело отвечает на ласки Рамваса. Истинная сущность Белит вновь бродила по колдовскому лесу.

* * *

Сон повторялся. Тот же лес, то же небо, та же трава под ногами. Белит со страхом ожидала появления змей.

— Сегодня змеи не будут,— вдруг услышала она негромкий голос.

Из-за кустов навстречу Белит шел высокий мужчина со странной красноватой кожей. Как и шемитка, он был совершенно обнажен, но Белит это почему-то не удивило. В колдовском лесу любая одежда была лишней — здесь бродили души, а душам незачем прятаться под тряпьем.

— Не бойся меня. Я пришел, чтобы помочь тебе, — продолжал незнакомец. — Пока я рядом, никто не сможет причинить тебе вред.

— Правда? — с надеждой спросила Белит.

— Клянусь Солнечным Богом, которому я служу.

И Белит поверила. Рука об руку бродили они по лесу, разговаривали, смеялись. Боль и страхи покинули душу шемитки, она снова была счастлива, как много лет назад, когда босоногой девчонкой бегала по лесу... даже не догадываясь, что великие мира сего решили ее судьбу задолго до рождения будущей королевы.

Внезапно земля под ногами Белит содрогнулась.

— Что это? — вскрикнула она.

— Ничего страшного, просто ты просыпаешься. Когда в следующий раз Рамвас принесет тебе напиток из лотоса, пей не раздумывая, тогда снова окажешься здесь, в лесу, а я буду тебя ждать.

— Хорошо. Я буду рада встретить тебя вновь.

* * *

Привычный мир встретил Белит ударом по лицу. Готовая драться, шемитка вскочила и изумленно вскрикнула. Рядом с кроватью, стиснув кулачки, стояла маленькая служанка.

— Это тебе за господина, ведьма. Ты его околдовала!

«Не хватало только этой дурочки, — в сердцах подумала Белит. — Похоже, девчонка влюблена в хозяина!»

— Не смей прикасаться ко мне, — приказала Белит. — Пожалеешь!

— Я убью тебя!.. — Но решимость стигийки таяла под холодным взглядом Белит. Девчонка потихоньку пятилась к двери. — Клянусь чешуей Сета, я тебя убью, если посмеешь еще раз поднять руку на господина.

— Пошла прочь.

Охнув, стигийка выскочила за дверь, и Белит удовлетворенно рассмеялась. Прогулка в колдовском лесу придала ей новые силы, и шемитке хотелось вновь оказаться там как можно скорее. Белит с трудом дождалась вечера.

Немного посопровтивлявшись для вида, она выпила принесенный Рамвасом напиток. И вновь оказалась с краснокожим жрецом, даже не удивляясь его неожиданному появлению.

Так повторялось изо дня в день, и Белит с трудом дождалась ночи, когда она могла, пусть хотя бы во сне, покинуть Стигию и насладиться свободой. Между нею и странным жрецом постепенно завязалась дружба. Днем же Белит старалась ничем не привлекать к себе внимания, усыпить бдительность стражей. Она вышивала, гуляла в сопровождении стражников по саду, ругалась со служанкой... Но все мысли ее были там, в колдовском лесу грез.

Однажды краснокожий сказал ей:

— Рамвас скоро поедет в Кеми.

— Что мне до него, — отмахнулась Белит. — Одна беда: тогда я не смогу больше приходить сюда...

— Подумай хорошенько, женщина. Кеми — портовый город, и сбежать оттуда гораздо легче, чем из Сипха, стоящего в сердце пустыни.

— Вот именно поэтому он меня и не возьмет, — невесело усмехнулась Белит. — Рамвас уверен, что я попытаюсь сбежать при первой же возможности. Даже здесь от меня не отходят стражники.

— Значит, надо сделать так, чтобы он тебе поверил. Притворись любящей и нежной. Заставь его потерять голову.

— Ты сошел с ума! Чтобы я...

— Белит, ты можешь его ненавидеть, презирать, желать его смерти, но пойми: поездка в Кеми — твой единственный шанс на спасение.

— Мне будет трудно пересилить себя. Все равно что плюнуть самой себе в душу!

— Постарайся, женщина. Цена твоих усилий — свобода. Только свободная ты сможешь отомстить.

— Я попробую,— сказала Белит. И огонь зажегся в ее глазах.

* * *

Наученный горьким опытом, Рамвас уже и не пытался поладить со строптивой наложницей без применения силы. Два рослых, заплывших жиром евнуха вошли в комнату Белит и привычно повалили ее на постель, а затем вошел сам Рамвас с флаконом одурманивающего лотоса.

— Не надо,— Белит мотнула головой,— я не хочу.

Рамвас удивленно поднял брови.

— А кто-то тебя спрашивает? Держите ее голову покрепче — в прошлый раз она меня укусила!..

— Прошу тебя, господин! Клянусь, сегодняшняя ночь не будет похожа на все прежние!

— Сегодня ты не будешь сопротивляться? Ты это хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что сегодня ночью я буду любить тебя.

Рамвас заколебался, но тут он перехватил взгляды, которыми обменялись евнухи. Эти твари посмеивались над его, Рамваса, нерешительностью, и этого он стерпеть уже не мог.

— Пошли прочь, жирные отродья Нергала!

Низко поклонившись, евнухи вышли из комнаты, а Рамвас повернулся к Белит с насмешливой улыбкой.

— С чего бы вдруг грозная шемитка так изменилась? — В тоне его сквозило недоверие.

— Мы поговорим об этом после.— Белит встала с ложа и подошла к стигийцу.— Я хочу быть с тобой по своей собственной воле.

— Интересно, что ты придумала на этот раз. Надеюсь, прежние твои выходки не повторятся? — Рамвас показал рукой на глубокий рубец, пересекавший его левую щеку от глаза до подбородка.

Вместо ответа Белит положила руки ему на плечи и потянулась губами к его губам. Рамвас был готов к любым

неожиданностям, но... Белит помогла ему снять одежду, а затем бережно уложила в постель. Вот тогда-то Рамвас окончательно уверился в том, что пленница сошла с ума. Но вскоре осознал, что еще немного — и она сведет с ума и его самого...

Никогда за всю свою жизнь Рамвас не встречал столь искушенной в любовных утехах женщины: ни пылкие аргосские красавицы, ни кушитки с их страстными плясками, ни полные загадочной красоты стигийки не могли сравниться с этой удивительной женщиной. Руки Белит порхали над его телом, легкими прикосновениями нежа, лаская, возбуждая ответное желание, а губы обжигали и сводили с ума. Ни одна пядь тела Рамваса не осталась без ласки и внимания.

Рамвас больше не был воином, он был воском, глиной, игрушкой в руках Белит, и все его страхи и сомнения растаяли в огне ее страсти. Отбросив сдержанность, он хрипел и стонал, и его откровенность только поощряла Белит. Наконец стигиец почувствовал, что не в силах более выдерживать эту сладостную пытку. Резким движением он опрокинул Белит на спину — и вот тут-то началось настоящее безумие. Рамвас не слышал ни вскриков Белит, ни собственного хриплого дыхания — для него не существовало ничего, кроме единственной в мире женщины, которая так щедро отдавала ему себя. Он должен был взять ее и удержать только для себя, удержать навсегда...

А после, когда они лежали обнявшись и ночной ветерок ласкал их обнаженные тела, Рамвас вглядывался в лицо Белит, ища в нем следы прежней ненависти, но видел лишь умиротворение и нежность.

— Я люблю тебя, мой господин,— прошептала Белит.

— Не верю.— Рамвас улыбнулся.— Ты так долго противилась, что я не в силах поверить тебе.

— Я сама себе долго не верила, вернее, не хотела верить. Сначала я ненавидела в тебе убийцу моей семьи, злейшего врага, а потом начала ждать твоего прихода. Ждать, несмотря ни на что, прощая даже бесплодие и черный лотос.

Рамвасу стало не по себе. Чувство вины змеей вползло в душу, и стигиец не понимал, почему ему так стыдно перед никчемной рабыней за поступки, обычные для хозяина и повелителя.

— Я не хотел поить тебя лотосом,— сказал Рамвас, словно бы оправдываясь.— Но Наира сказала, что он должен закрепить ее колдовство. Я не устоял перед соблазном. Ты никак не хотела мне покориться...

— Как же я могла с радостью покориться убийце моего отца, матери, мужа? Я сама не понимаю, почему меня так влечет к тебе, что заставило меня простить тебя...

— Но ведь простила?..— полувопросительно прошептал Рамвас.

— Да.— Белит прижалась к нему всем телом.— Да, да, да.

Горячее дыхание женщины коснулось уха Рамваса, и стигиец почувствовал, что в нем вновь поднимается безумное желание. Его рука скользнула по обнаженному бедру женщины, и ее негромкий счастливый смех был наградой Рамвасу.

...Он ушел поздним утром, когда солнечные лучи начертили на полу золотые узоры, пройдя сквозь зарешеченное окно. Рамвас не хотел будить Белит, вольно раскинувшуюся на измятой постели, но не смог отказать себе в удовольствии поцеловать ее на прощание. Густые ресницы затрепетали, Белит повернулась на бок, прошептав: «Да, Рамвас», и снова задышала ровно и спокойно.

Однако, как только за Рамвасом закрылась дверь, женщина негромко засмеялась. Сколько же откровенного ликования было в этом смехе! По-кошачьи потянувшись, Белит вылезла из постели и вдруг закружилась по комнате в диком танце. Рамвас проглотил приманку, и теперь если Белит не сглупит ни в чем, то поедет в Кеми!

Кеми — большой портовый город, где легко может затеряться дюжина рабынь, и никто никогда не найдет даже следа. А потом будет сладкая, долгожданная месть...

Следующую ночь Рамвас снова провел с Белит. Водоворот страсти захватил стигийца, и Рамвас, понимая это, даже

не пытался сопротивляться. Тело Белит сводило его с ума, жаркие стоны опьяняли чувством собственной мужской силы, а длинные разговоры, которые вели утомленные любовники, позволяли блеснуть умом и остроумием.

Однажды вечером разнежившийся Рамвас предложил:

— Хочешь поехать со мной в Кеми?

Сердце Белит забилося, как пойманная птица.

— Конечно, хочу, но надоедать тебе еще и там... Ты правда хочешь, чтобы мы поехали вместе?

— Очень.— Рамвас покрепче обнял наложницу.

— Когда едем?

— Послезавтра. Собери нужные тебе вещи и выбери себе что-нибудь понаряднее. Можешь купить, если не найдешь здесь в доме,— я хочу, чтобы ты танцевала перед гостями.

— Как скажешь, но танцевать я буду только для тебя.— Женщина тихо рассмеялась.

* * *

Путешествие в Кеми прошло сказочно — внимание Рамваса и его стремление скрасить для возлюбленной все тяготы пути превратили нудную дорогу в подобие праздника. Укрытый коврами возок днем спасал от палящих солнечных лучей, а ночью служил защитой от пронизывающего ветра пустыни. Белит невольно вспомнила дорогу в Сипх, когда скованные рабы были лишены всякой защиты от солнца и ветров, а самодовольные стигийские стражники по ночам отводили самых красивых девушек в свои повозки. Но когда тяжелые воспоминания бередили душу, шепотка только крепче стискивала кулаки, не забывая нежно улыбаться скачущему рядом с повозкой Рамвасу.

Позади оставались выжженные солнцем пустоши, где бродили тени забытых богов, возделанные поля и убогие деревеньки, которые Белит, будь на то ее воля, с огромным наслаждением сожгла бы дотла. Вслед им смотрели горбоносые мужчины и закутанные в белые покрывала женщины — если бы она могла, она бы вырезала их всех, без жалости и сожаления. Иногда, заглядывая в колодезь своей

души, Белит содрогалась от ненависти и злобы, которые переполняли ее, и не могла понять: неужели это она, та самая молоденькая девчушка, еще недавно уверенная, что самое страшное на свете — это немилость Алала?

Наконец на горизонте показались высокие стены древней крепости, сложенные из красного кирпича, а позади плескалось, шумело, переливалось свободное море — последняя надежда Белит. Узкие улочки, по которым ехали повозки Рамваса, были чистыми, а большинство встречных носили яркие, многоцветные одежды — город точно готовился к празднику.

— Рамвас,— позвала Белит.— Сегодня какое-то торжество?

— Да, нынче в храме Сета загорится новый огонь: наследник королевской крови появился на свет. Похоже, мне придется сегодня оставить тебя одну: если я не приду в храм, найдутся недоброжелатели, что позже мне это припомнят.

— Конечно, любимый. Я буду ждать тебя.

Загородный дом стигийца был точной копией дома в Кеми. Центральная часть отводилась для мужчин — самого Рамваса, его слуг и воинов. Левое крыло служило складом, кухней, мастерскими, а в правом жили женщины. В отличие от кемийского особняка, здесь в правой половине дома давно уже никто не жил, и Белит оказалась единственной обитательницей длинной анфилады комнат. Затхлый запах заброшенного жилья заставил ее сморщить носик, но шемитка все же нашла для себя уголок по душе — большую светлую комнату, расположенную в середине крыла, подальше от жилья старшего евнуха.

Сундуки со скарбом наложницы поставили вдоль стен, и Ханар, еще раз пересчитав их и проверив содержимое, вышел, не забыв запереть дверь на засов.

Белит презрительно улыбнулась. Евнух больше не вызывал страха. Он никогда не посмеет прикоснуться к любимой наложнице хозяина — единственного человека, к которому относился с искренней любовью и благоговением.

Ханар, давно лишенный мужской силы, навсегда разучился испытывать к женщине что-либо, кроме ненависти. Но эта шемитка вызывала у него особую ярость. Евнух видел на своем веку множество женщин. Многих из них брали силой, и многие позднее смирялись, привыкали... но ни одна не признавалась в любви к насильнику!

Стало быть, шемитка лгала — но лгала изощренно и изобретательно, а значит, хозяину грозила опасность. И он, Ханар, готов был спасти молодого господина любой ценой. Даже ценой его гнева и немилости.

Рамвас пришел вечером с охапкой сладко пахнущих белых лилий. Увидев на двери закрытый засов, он лишь недоуменно поднял брови.

— Впрочем, Ханар, тебе виднее... Принеси-ка вазу для цветов.

Пыхтя и отдуваясь, евнух поспешил прочь. Рамвас невольно улыбнулся — несмотря на жару, верный страж надел тонкую кольчугу и повесил на бок длинную аргосскую саблю.

Белит хотела было, надув губки, пожаловаться на докучливого скопца, но, увидев цветы, сразу сменила гнев на милость.

— Какая красота!

— Они похожи на тебя.— Рамвас поцеловал Белит в жадно приоткрывшиеся губы.— Сейчас мы поставим их в воду, чтобы не завяли. Пусть они скрасят твое одиночество, пока меня не будет.

— Что же, значит, завтра, возлюбленный, тебе придется вернуть долг с лихвой,— лукаво улыбнулась Белит.

— Не сомневайся! — Руки Рамваса ласкали полуобнаженную грудь красавицы.

— Я принес вазу, господин,— хрипло пробормотал нектати подошедший евнух.

— Поставь на стол и пошел вон! — бросил Рамвас.

Кланаясь, Ханар удалился.

— Мне пора уходить,— шепнул стигиец, с трудом отрываясь от нежных губ возлюбленной.

— Успеет? — выдохнула Белит.

— Да поглотит их всех Нергал! Можно и немного опоздать! — решил Рамвас, распуская завязки шелковых шаровар.

И они успели... Одевшись и умастив благовониями волосы и тело, как подобало жрецу, спешащему на торжественное богослужение, Рамвас уже было шагнул к двери, когда безотчетное чувство тревоги заставило его остановиться и еще раз взглянуть на Белит.

Такой он запомнил ее на всю жизнь: стройная, широкобедрая и полногрудая, укрытая лишь вьющейся волной густых черных волос, шемитка лежала на смятой постели. Огромные миндалевидные глаза смотрели на него с любовью (о нет, он не мог ошибиться, это была именно любовь!..), а пухлые, чуть влажные губы изогнулись в полуулыбке.

— Я буду ждать тебя, Рамвас. Ждать нашей встречи.

Рамвас закрыл за собой дверь. Лязгнул засовом Ханар. В гареме настала мертвая тишина.

Поднявшись с ложа и по-кошачьи потянувшись, Белит подошла к лилиям и нежно погладила их хрупкие лепестки.

— И все же боги обделили его умом... — пробормотала она, обращаясь к цветам. — «Они похожи на тебя» — это же надо было придумать такое!

Белит негромко засмеялась собственным мыслям. Накинув рубаху из тонкого шелка, она улеглась на постель в надежде хорошенько выспаться. Для предстоящего дела ей понадобятся свежие силы.

Через несколько часов, когда девушка проснулась, на небе уже светила полная луна. Порывшись в сундуках, Белит вытащила грубую белую накидку — каждодневную одежду стигийских женщин — и широкие, не стеснявшие движения шаровары. Драгоценности, полученные в подарок от Рамваса, она сложила в маленький мешочек и привязала к поясу. Одевшись, Белит подошла к зеркалу полюбоваться на себя.

— Ты похожа на стигийку, которую ежедневно бьет муж. Но осуждать его за это нельзя — как можно терпеть

рядом с собой такое чудовище?! — задорно бросила она своему изображению.

Белит была совершенно спокойна — тем решительным спокойствием, которое страшнее любой ярости. Она вынула из вазы цветы и небрежно пхвырнула их на пол, а вазу резко ударила о край стола. Проверила, достаточно ли острые получились края, и удовлетворенно улыбнулась, а затем оглушительно, заполошно, как кричат старые шемитки на базаре в Дан-Марке, заголосила:

— Спасите! На помощь, я умираю! Лекаря! Лекаря!

Несколько мгновений длилось напряженное ожидание. Женщина подобралась, точно дикая кошка в чаще...

Загрохотал засов. Ханар вошел со своей обычной степенностью, вознамерившись как следует отчитать разбудившую его среди ночи дерзкую рабыню.

— Чего тебе надо, женщина? — только и успел произнести он.

Острые края вазы полоснули по незащищенному горлу.

— Твоей смерти! — донеслись до него откуда-то издалека слова наложницы. Слабый хрип вырвался из горла верного стража гарема, и алая струйка крови побежала изо рта.

— Жаль, что на твоём месте не оказался Рамвас!..

Наклонившись, Белит вытащила из-за пояса у евнуха саблю и бесшумно заскользила по темному коридору. Ее била дрожь, но решимость вырваться на свободу или же умереть, расплатившись за все унижения, была непоколебима.

Наконец впереди замерцал свет, и Белит чуть не застонала от ярости: она была уверена, что ради единственной наложницы Ханар не будет выставлять стражу, но жирный евнух оказался предусмотрителен — широкие плечи стражника заслоняли путь к свободе.

— Стой! — прозвучал резкий окрик.

— Стой? — переспросила, стараясь не выходить из тени, Белит. Она старалась, чтобы голос ее звучал хрипловато и игриво. — Я бы лучше прилегла тут где-нибудь. Веселой женщине скучно в гареме...

Надо отдать должное стражнику, он не поддался на нехитрую уловку и отступил на шаг — это и спасло ему жизнь. Сабля Белит свистнула возле самого горла и оцарапала плечо.

Изумленный воин замешкался, однако успел подставить под следующий удар пiku. Но третий пришелся на бедро, и стражник закричал, вызывая о помощи. Хотя в этом крыле, судя по всему, никого больше не было, да и большинство слуг Рамваса сопровождали хозяина в храм, — но челяди в доме оставалось достаточно, чтобы задержать рабыню. Не на шутку испуганная, Белит удвоила усилия.

«Старайся двигаться так, чтобы клинок стал продолжением руки», — всплыли в памяти уроки Самди... Резким выпадом Белит полоснула клинком по шее стражника. Захрипев, тот потянул руки к горлу, где алым лотосом расцвела, набухая кровью, рана, и повалился на пол. Ей пришлось переступить через него, старательно придерживая края одежды, чтобы не запачкаться кровью.

Схватка, показавшаяся долгой, как вечность, заняла лишь несколько мгновений, так что, даже если вопль стигийца был услышан, у Белит оставалось время на побег. Скользящим шагом, стараясь держаться в тени, она проникла во двор. По счастью, все было тихо. Левее, у закрытой конюшни, растянувшись на охапке соломы, залиvisto храпел конюх — но он даже не шевельнулся, погруженный в глубокий сон. Больше не было видно ни души.

После совершенного ею второго убийства руки шемитки немилосердно дрожали, и она два раза срывалась, пытаясь перелезть через забор. Но наконец ей это удалось, и, плохо понимая, куда направляется, Белит помчалась по ночным улицам. Перед побегом она строила какие-то планы, пыталась обдумать будущие действия, но сейчас все мысли улетучились у нее из головы — пламя гнева и страха испепелило их. Вне себя от возбуждения, упоенная свободой, она бежала на запах моря и не могла ошибиться в направлении.

Внезапно из узкого прохода между домами вынырнула фигура в темном плаще с капюшоном и схватила Белит за руку.

— Туда, женщина, — хрипло сказал незнакомец. — Порт в той стороне. Поторопись, возле третьей пристани, считая от храма, ты найдешь фелуку с запасом пищи и воды на неделю.

— Кто ты? Откуда знаешь обо мне? Почему помогаешь?

— Друг. Когда-нибудь потом я отвечу на все твои вопросы. Верь мне, Белит! Беги!

Шемитка сама плохо понимала, почему она послушалась случайного прохожего, невесть откуда знавшего ее имя. Все это было так невероятно, так безумно... Некто, назвавшийся ее другом, поджидал ее в городе... Но как он мог знать, что она будет там, что сумеет вырваться на свободу, что пойдет этой дорогой, наконец?! И все же женщина послушно повернула в указанную сторону.

Вскоре Белит услышала шум моря, и непрошенные слезы навернулись ей на глаза. Показались пристани. Первая, вторая, третья. Между двумя галерами пристроилась маленькая однопарусная фелука.

Забравшись внутрь, Белит отвязала веревку и на веслах пошла в открытое море. Чуть отделившись от берега, она подняла парус, и фелука устремилась вперед, словно подхваченная невидимой рукой.

Сначала Белит боролась с течением, намереваясь плыть в Дан-Марку, к родне Алала. Но ветер дул в другую сторону, и сильное течение влекло ее прочь. Слабой женщине не под силу было бороться со стихией. И, покоровшись воле моря, она взяла наконец курс к Черному побережью.

Глава шестая

Субанцы собирали деньги, драгоценности, любые товары, которые имели хоть какую-то цену. Дочь Бангулу получит корабль, чтобы мстить. Нет прощения забывшему кровь своего рода. Нет прощения тому, кто позволил обидчику ходить по земле и наслаждаться благами богов. На Черном побережье были свои законы, и исполнялись они неукоснительно.

Легкая галера была построена очень быстро. Уже через несколько месяцев имя Белит стало известно каждому, кто отваживался покидать берег. О ее хладнокровии и жестокости ходили легенды. Редкие счастливики, которым она, из прихоти или по расчету, оставляла жизнь, со страхом рассказывали в портовых кабаках об отчаянной команде и сумасшедшей пиратке, для которой нет ничего святого.

Но вершины славы Белит достигла, когда сам Хамар Хуссаи — король вольных морских разбойников — признал ее ровней. Старый, просоленный морем вендиец, давно забывший родину, семью и прочие мирские радости, недостойные волка морей, был захвачен Белит вместе со всей командой. Схватка была короткой, но яростной. В течение нескольких минут половину его людей сразили субанские стрелы, и мудрый старый флибустьер не решился riskовать оставшейся командой. Если бы нападавшие шли на абордаж, шансы можно было бы уравнивать. Но верткая галера шемитки кружилась вокруг «Гароса» Хуссаи, осыпая его тучами огненных стрел, и спасения от нее не было.

Позже, за кружкой доброго вина, старик расчувствовался и на глазах у изумленных пиратов совершил древний обряд, смешав свою кровь с кровью Белит. Признав ее достойной называться мужчиной, король пиратов назвал ее своим *братом*. А это значило, что ни один пиратский корабль не посмеет больше напасть на «Тигрицу» и в трудную минуту встанет на ее защиту.

И только сама Белит знала, что причина странного благоволения хитрого и расчетливого пирата крылась в нескольких крупинках снадобья Самди, подсыпанных ему в кубок. Старик исполнил все, о чем его попросила Белит, твердо уверенный, что совершает все это по собственной воле...

* * *

В очередной раз пересчитав доставшиеся ей при дележке добычи украшения, Белит потянулась и зевнула. Ночь, богиня пиратов, сестра Иштар, набросила на мир свое покрывало, и молодая женщина приветствовала ее как лучшую подругу. Ночь приносила избавление от горестных мыслей и тягостных воспоминаний. Ночь давала возможность забыть о невосполнимых утратах.

Надежды Белит на то, что ей удастся отыскать следы сына, не оправдались. Удивленные жители поселка встретили шемитку слезами и объятиями и были готовы ради нее на любые жертвы, но ничего не смогли рассказать о Кедроне. Известно было лишь то, что в день набега стигийцев в поселке появился странный мужчина в красном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Незнакомец долго бродил у кромки леса, позже его заметили у берега океана со свертком в руках, а потом он исчез. Больше его никто никогда не видел.

Белит долго плакала. Но ненависть, неумолчная и неугасимая, испепелила и это горе, оставив лишь золу и пепел. Еще один рубец на сердце... Сколько их уже у нее!.. Стигийцы еще долго будут расплачиваться за злосчастный набег на Черное побережье.

...Зевнув еще раз, Белит встала и, раздевшись, улеглась в постель. Живя в доме родителей, она никогда не спала на

таких тонких дорогах покрывалах, но, видят боги, те простые грубые ткани были намного приятнее гладких шелков.

С силой стиснув кулаки, Белит заставила себя отбросить прочь воспоминания. Лучше думать о будущем. Может быть, где-то совсем рядом ходит северянин с глазами дикого зверя, которого обещала ей Самди. Может быть, уже завтра он войдет в ее жизнь...

Так, в объятиях Луны, засыпала Белит, дочь Бангулу, и море нежно укачивало ее корабль. Она еще не ведала, что совсем рядом, на грязной палубе аргосского судна, спал, завернувшись в плащ, единственный мужчина, достойный любви Тигрицы морей.

* * *

Белит разбудил оглушительный вопль Н'Тоны — ее штурмана.

— Будь проклят тот, кто притащил на корабль это отродье Нергала! Да поразит Джамбаллах того, кто выдумал эту шутку, достойную слабоумных обезьян! Не команда, а сборище пакальных вырожденков!

Натянув короткую тунику, Белит выскочила на палубу.

— Что случилось, Н'Тона?

Корабль буквально задрожал от дружного хохота пиратов, когда разъяренный штурман поднял с палубы и продемонстрировал Белит огромного дохлого осьминога.

— Эти слабоумные подсунули его мне в койку. А теперь потешаются вояку!

— Он его обнял и прошептал: «О, Киата», — сгибаясь от безудержного смеха, выдавил один из пиратов. — А когда открыл глаза и увидел свою Киату...

Новый взрыв смеха не дал ему договорить. Даже Белит не удержалась — достойная супруга Н'Тоны габаритами не уступала буйволу, и звали ее отнюдь не Киатой.

Всеобщее веселье было прервано криком: «Кораблы!», донесшимся с верхушки мачты.

— Какая оснастка? — сразу спросил посерьезневший Н'Тона.

— Похоже, аргосская. Паруса квадратные. И сидит слишком низко — тяжело нагружен.

Вся команда уставилась на Белит с немим вопросом.

— Ну, что застыли? По местам! Или Субе не нужно золото? — крикнула она с яростным задором, трепеща в предвкушении битвы.

Каждый пират знал свое место и роль в предстоящем бою. Самые меткие стрелки с честью носили на шеях золотые цепи — знак мастерства, и именно они составляли ядро отряда Белит. Дождь стрел наносил противнику невосполнимый урон, а abordажная команда только добивала уцелевших. Придуманные Н'Тоной огромные щиты укрывали пиратов от ответных стрел, так что Белит обычно не спешила переходить к ближнему бою, сберегая жизни своих субанцев.

Быстро, не тратя времени на лишние разговоры и помогая друг другу, пираты натянули кольчуги, зацелкнули боевые пояса. Первая смена села на весла, и погоня началась. Белит заняла свое любимое место на крыше каюты и затянула боевой гимн, мерно отбивая ритм, чтобы помочь гребцам набрать нужный темп. Вот если бы еще боги помогли им!..

— Белит! Если ветер не спадет, они успеют добраться до берега! — Сахей, ее друг детства и верный спутник, приплясывал от возбуждения. Корабли сближались, но и спасительный для аргосцев берег тоже неумолимо вырастал на глазах.

Белит стиснула меч, почти не надеясь на чудо.

Но чудо свершилось. Или то морской бог, предвкусная скорую поживу, вновь помог своим хищным детям... Когда до берега уже оставалось совсем немного, ветер, надувавший аргосские паруса, стих, и квадратный парус опал.

Белит рассмеялась.

— Убейте их! Стрелки на нос. Начинайте!

Шемитка заняла свое место на мостике. Ее взгляд равнодушно скользил по обреченной команде захваченного судна, как вдруг... Огромный светлогожий воин стоял

широко расставив ноги и целился в нее из лука. Вверх-вниз качалась палуба корабля, но острые стрелы смотрело прямо в грудь Белит. Странная слабость не позволила ей поднять собственное оружие или хотя бы щит.

Внезапно воин изменил прицел, и стоявший рядом с Белит пират, хрипя, повалился на палубу. Раз за разом чужестранец спускал тетиву, и каждая его стрела уносила чью-то жизнь.

— На абордаж! — коротко приказала Белит.

Повинуясь внезапному порыву, она бросилась в каюту и скинула с себя доспехи. Надела широкую шелковую набедренную повязку, затянула на осиной талии боевой пояс и, сверкая белизной кожи, вылетела на палубу.

Схватка была короткой, яростной и беспощадной. У аргосцев не было ни единого шанса. Вскоре в живых осталось только незнакомец, завороживший Белит холодным взглядом своих синих глаз. Он один продолжал сражаться, не ведая ошибок и усталости. Зубы скалились в волчьей усмешке, меч разил, точно молния. Смерть и разрушение сеял он вокруг себя.

Никто не мог устоять против его ярости. Однако нападавших было слишком много, и, отступая, воин был вынужден перескочить на палубу пиратского корабля. «Если этого безумца не остановить — от моей команды никого не останется», — подумала Белит с невольным страхом. Никогда прежде не доводилось ей встречать столь грозных противников. Все прошлые бои разом померкли перед сегодняшним. Точно сам Митра или иной, еще более древний и воинственный бог спустился с небес, дабы поразить их всех в неукротимом гневе.

«Но ведь он лишь человек! — Сердце племитки сжалось. — Они убьют его!» Она и сама не знала, радуется этому или страшится. Она ничего не знала... Душа ее больше не принадлежала ей.

— Копья, дети осьминога! Копья! — пронесся над палубой приказ Н'Гоны.

Чернокожие воины отступили и занесли копьа для решающего удара. Этим кратким мигом передышки и

воспользовалась Белит. Не думая, что делает, она ворвалась в круг и подняла руку, останавливая пиратов.

Карие, пышущие огнем глаза встретились с ледяными синими. Женщина выступила вперед, и меч Конана почти коснулся ее обнаженного бедра.

— Кто ты такой и откуда? — спросила она негромко.

Он посмотрел на нее. И улыбнулся в ответ. И лед в его глазах растаял.

* * *

Неведомая сила влекла их друг к другу, и ни он, ни она не могли бороться с возникшим чувством. И когда Белит услышала твердое «да» в ответ на предложение присоединиться к ней, сердце чуть не выскочило у нее из груди. Она не боялась осуждения команды. Притяжение между нею и мужчиной, назвавшим себя Конаном из Киммерии, было слишком сильным, и субанцы, дети моря и джунглей, привыкшие доверять своим глубинным чувствам, не могли его не ощутить. Если их королева выбрала себе спутника, значит, он достоин ее. В вихре страсти закружившем Конана и Белит, было нечто внушавшее им благоговейный трепет.

Впрочем, один человек на корабле знал о том, что должно было произойти, и, если бы Белит не спасла северянина, Н'Гона сделал бы это сам. Он обещал Самди, что избранник Митры будет признан строптивой племиткой. Улыбаясь в усы, старик смазал раны Конана целебным бальзамом и направился к раненым пиратам.

Груз «Аргуза» — так называлось захваченное судно — быстро перетаскивали в каморки под палубой «Тигрицы». Тела пиратов и аргосцев, погибших в схватке, отнесли на полузатопленный корабль, и Белит своей рукой бросила факел на просмоленную палубу.

* * *

«Тигрица» уходила на юг. Сидя на корме, киммериец недоверчиво поглядывал на пиратов. Насколько он мог судить, чернокожие относились к своей предводительнице

как к живому божеству. Но он видел в ней лишь прекрасную и отважную женщину.

Белит отдавала последние приказания своим войнам, но ее взгляд то и дело возвращался к огромной фигуре, сидящей на корме. Заходящее солнце заливало северянина красными лучами, и Белит невольно содрогалась при мысли, что киммерийца могли убить и не солнце окрасило бы его кожу в алый цвет, а его собственная кровь.

Итак, еще одно предсказание жрицы Митры исполнилось. Но северный варвар возьмет в жены не дочь короля Асгалуна, а предводительницу орды пиратов — королеву Черного побережья. И корону она завоевала себе сама. Сталью и кровью. Отвагой и коварством. А значит, и свадебный обряд будет таким, каким ждет от нее команда дикарей.

Белит поднялась на корму и уверенным шагом подошла к Конану, не сводя с него спокойного, пристального взора, так что он невольно подался ей навстречу. На глазах у всех она сняла с себя одежду и украшения и сложила у ног варвара.

— Волки синих морей, смотрите танец, свадебный танец Белит! Белит, дочери королей Асгалуна! — выкрикнула она с пронзительной силой.

Н'Гона покачал головой. Он один понимал, что значат последние слова дочери Бангулу и для кого они предназначены.

— Я, королева Черного побережья, отдаю себя тому, кого избрала по своей воле и воле богов!

Белит закружилась в бешеном ритме субанского танца страсти. Плавные, манящие жесты сменялись резкими и грубыми. Женщина то приближалась к своему избраннику, то пугливо отпатывалась, маня, дразня, зажигая и отталкивая.

Раненые, забыв о боли, смотрели на свою королеву. Закаленные в боях воины не сводили с нее глаз. Многие из них знали Белит с детства, но и они не могли представить ее такой. Сама сущность женщины, запретной и сладкой, опасной, как сама смерть, и дарующей жизнь, отдающейся и берущей мужчину, танцевала перед ними.

Когда последний луч солнца уже не мог бороться с наступающей тьмой, Белит с криком бросилась к ногам Конана. Волна безумной страсти захлестнула варвара, заставляя забыть обо всем. Он прижал к груди трепещущее нагое тело, подхватил на руки. И понес в каюту.

Когда их губы соединились, из-за горизонта вырвался яркий зеленый луч и, прорезав тьму, дотянулся до «Тигрицы».

— Добрый знак! — произнес Н'Гона, когда видение исчезло.

* * *

Белит ценила роскошь и с первых дней постаралась превратить свою маленькую каюту в уютное гнездышко. Много лун провела она здесь в полном уединении, размышляя, вспоминая, ненавидя и строя планы мести. Но ненависть к врагам не иссушила ее сердца, не закрыла его для маленьких мирных радостей. Безделушки, украшения, шелка и мягкие подушки радовали ее не меньше, чем в те времена, когда она наслаждалась безоблачным счастьем с Адалом.

Иногда даже случалось, что в своей любви к роскошным вещам она заходила слишком далеко. Так, красочный, ручной работы стигийский ковер с вытканым ликом Сета был слишком велик для крошечной каюты Белит, но расстаться с ним она не пожелала. «Каждый день я буду топтать ногами эту ненавистную змеиную морду! Каждый день — пока она не изотрется в прах!» — объяснила она недоумевающему Н'Гоне. Так что один конец огромного ковра пришлось подогнуть, сделав плотный валик у самого порога. Сначала об него спотыкались все подряд — и даже сама шемитка, — но постепенно привыкли и просто перешагивали, уже не задумываясь. Но сейчас Змееликий подстерегал новую жертву.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую перекладину двери, варвар шагнул в каюту. И даже Белит, страстно прильнувшая к его груди, не ожидала подвоха. Конан зацепился ногой за край ковра и, потеряв равновесие, полетел

прямо на кушетку. Впрочем, женщину из рук он так и не выпустил.

Грохот потряс корабль. Изящное ложе Белит не выдержало удара, и его ножки с треском подломились. Запутавшийся в плаще варвар отчаянно пытался высвободиться. Женщина, придавленная его мощным телом, смогла лишь отчаянно пискнуть. Но тут же, пошевелив руками и ногами, Белит убедилась, что все жизненно важные органы целы, и весело расхохоталась. Рокошующий хохот Конана вторил ее залиvistому смеху, и подскокившие было к двери пираты раздумали спасать свою буйную предводительницу.

Веселье Белит пропало так же неожиданно, как и началось. Чувство реальности, покинувшее ее этим утром, пробудилось вновь, и женщина вдруг ощутила укол стыда. Как она могла забыть настолько, чтобы предложить себя, точно товар на продажу, этому незнакомцу, что сейчас со смехом — и, должно быть, презрением — взирал на нее?! В тот миг после битвы, опьяненной кровью и победой, ей казалось естественным повиноваться порыву — но теперь она начала горько раскаиваться в этом. Как она могла?.. Оттолкнув Конана, Белит вскочила и дрожащими руками накинула на свое обнаженное тело плащ. Ей хотелось выпарапать варвару его бесстыжие глаза, что смотрели на нее так откровенно и весело... Но она страшилась даже взглянуть на него.

— Я не хотел обидеть тебя.— Голос мужчины звучал неожиданно ласково.— Прости.

— Я не сержусь.— Белит смотрела в пол, не в силах повернуть голову к Конану.

Грациозно, точно огромный кот, варвар поднялся с пола и сделал шаг к Белит. Шемитка не обернулась.

— Я люблю тебя,— прошептал киммериец хрипло.— Я полюбил тебя с первого же мгновения, как только увидел.

Он бережно повернул Белит к себе и поднял ее опущенную голову за подбородок.

— Посмотри на меня. Я никогда и никому не говорил этих слов, но тебе буду повторять снова и снова: я люблю тебя.

Их глаза встретились, и в синих глазах киммерийца Белит прочла подтверждение его слов. Во взоре его не было ни жадности, ни даже вожделения — только чистая любовь зрелого мужчины, нашедшего ту самую *единственную*, ради которой не жалко и отдать жизнь.

И варвар увидел, как из огромных карих глаз уходят страх и боль и пробуждается доверие. А от него до любви только один крошечный шаг.

Губы их соединились в долгом поцелуе. Сначала робко, а затем все более и более страстно они начали ласкать друг друга. Руки мужчины скользили по стройному телу Белит, и больше всего на свете она боялась, что они оставят ее хоть на одно мгновение. Невероятным усилием воли Конан сдерживал свою страсть.

Эта женщина, много испытывавшая и повидавшая на своем веку, отзывалась на его ласки, как неопытная девушка, и он страшился ненароком ее обидеть. Он целовал ее губы, шею, плечи, высокую грудь и нежный живот, и она стонала от его поцелуев. Варвар не помнил, как сбросил одежду, как они оказались лежащими на ковре, только одно осталось в памяти — страстные движения молодого сильного тела и два стоны: хриплый мужской и тихий женский, слившиеся воедино в ночной тишине.

А потом они долго лежали, тесно прижавшись друг к другу, и не могли прийти в себя. Слишком неожиданным было счастье для двух одиноких сердец. Слишком сильной была их новорожденная любовь, чтобы пустыми словами пятнать ее чистоту.

Еще не раз за эту долгую ночь сплетались их тела в танце страсти, а души сливались, творя святое таинство любви. Утро застало их счастливыми и обессиленными.

* * *

Пиратская жизнь имеет строгие законы, и ничто не властно их изменить. Лев и Тигрица вместе сражались днем, деля кровь и пот, и принадлежали друг другу ночью, деля ложе. Между ними не было тайн, да и какие тайны могут быть между любящими, если смерть грозит разлу-

чить их в любую минуту. Ни Конан, ни Белит не прятались в бою за чужие спины и рисковали собой в каждой схватке. Но иногда Конану казалось, что возлюбленная что-то от него скрывает или чего-то боится. Он молчал, не желая тревожить ее расспросами, уверенный, что рано или поздно женщина откроет ему свою душу.

И вот однажды, когда они были недалеко от стигийского берега, Белит рассказала ему все. О себе, Хоакиме, Шаафи, Кедроне, Аладе, Джихане, о том, что ее удочерили, о том, кто ее настоящие родители. И наконец, со слезами на глазах, призналась киммерийцу, что по вине стигийской ведьмы она бесплодна.

Желваки ходили на щеках Конана во время ее рассказа. Он должен был хоть как-то помочь ей, утешить, но не знал, чем, кроме стигийской крови, может залечить ее рану. Помог случай в лице тайянца Отаниса, захваченного в плен в следующем набеге. Тайянец поведал им, будто брат Белит жив и находится в плену. Не подозревая предательства, Конан отправился на поиски Джихана.

Белит не посмела удержать его. Она вновь осталась одна — ждать и надеяться на возвращение любимого.

Впрочем, у шемитки не было времени предаваться скорбным размышлениям. Обозленные ее дерзкими набегами, стигийцы устроили настоящую охоту за «Тигрицей». Но Белит не могла уйти от берегов ненавистой страны. Она ждала возвращения возлюбленного. И никто не мог заставить ее уйти раньше назначенного Конаном срока.

Луна успела родиться и умереть, но о варваре не было никаких известий. Белит не находила себе места от тревоги, но старалась сохранить внешнее спокойствие — ведь от ее уверенности в себе зависела судьба всей команды. Только ночью женщина позволяла себе всплакнуть. Слезы омывали душу, и она засыпала... И однажды ночью к ней вновь пришел краснокожий жрец. Но они встретились не в лесу ее ночных кошмаров, а здесь же, в каюте «Тигрицы».

— Просыпайся, Белит! — Он легонько толкнул ее в плечо. — Я принес тебе добрую весть.

Шемитка села и удивленно протерла глаза. Вся каюта была залита золотистым свечением, исходившим от затканной в белое фигуры, стоявшей у ее ложа.

— Ты здесь? Я думала, что больше никогда тебя не увижу!

— Я всегда рядом с тобой в трудную минуту. Именно я, когда настанет час, предложу тебе выбрать свою судьбу. Но до этого еще далеко... А пока я пришел предупредить тебя. Змей не хочет выпускать тебя из своих колец, и завтра десять стигийских галер атакуют «Тигрицу». Надо бежать!

— Не могу! — Шемитка упрямо мотнула головой. — Там Конан — и я его не оставлю!

— О нем можешь не тревожиться, — улыбнулся краснокожий.

Сердце Белит бешено забилось.

— Он обманул служителей Сета и Даркетто, и нить его жизни уже никто не сможет обрубить. Он вернется к тебе, королева. Но ждать его надо не здесь.

— А где же?

— У острова Акбет. Снимайтесь с якоря и уходите немедленно. Там, на белых утесах острова, Сет не увидит тебя. Печать Митры отметила это место. Там вы будете в безопасности!

— А Джихан? Конан нашел его?

— Прости, королева, мои силы тают...

Смяние померкло.

Если бы краснокожий появился раньше, до встречи Белит с Конаном, она бы ни за что не поверила его словам. Но теперь, когда встреча с избранником Солнцеликого бога состоялась, шемитка окончательно поверила в свою судьбу.

Ее звонкий голос разбудил пиратов, и, снявшись с якоря, «Тигрица» взяла курс на остров Акбет. Там, возле острова, она встретила возлюбленного.

Варвар вернулся без Джихана, но мужественная смерть брата смягчила горе, преисполнив ее гордости за него. А потом они с Конаном сожгли Кеми. Напрасно Змееликий

Сет источал свой смертоносный яд — союз Льва и Тигрицы был нерушим.

Возвращение Конана изменило жизнь Белит. Оплакав Джихана, она успокоилась, а пожарище в Кемии стало огненным знаменем ее отмищения.

Имена Тигрицы и Льва Черных морей гремели в Шеме и Куше, Стигии и Аргосе, и редкие корабли осмеливались оказывать им сопротивление. Ночи Белит были полны нежности и любви, а дни — крови и приключений. И хотя мысли о Кедроне еще бередили раны женщины, об Алаале она вспомнила лишь однажды, когда попала на остров Скорби.

Это случилось поздним вечером, когда луна, устав пасти звезды, налилась краснотой и уснула среди мягких туч. От тусклого диска отделилось светящееся облачко и заскользило над поверхностью океана к спящей на якоре «Тигрице». На этом облачке к Белит явились невидимые для других гости. Высокий горбоносый мужчина с необычным красным цветом кожи держал на руках маленького мальчика, очень похожего на Белит. Осторожно ступив на палубу, он незамеченным прошел к каюте Белит и тихонько приоткрыл дверь.

Белит спала, положив голову на плечо Конана. Ее черные волосы разметались по постели, а дыхание было ровным и спокойным — ибо рядом с ней лежал надежный защитник. Никогда раньше не испытывала Белит такого чувства покоя и уверенности, как на пиратском корабле посредине моря, однако сон ее был чуток, как у зверя, привыкшего к опасности.

Едва заслышав негромкий скрип двери, Белит проснулась и приподнялась на локте. В дверях комнаты стоял мужчина, одетый в куртку и широкие штаны, короткие сапоги его украшали разноцветные бусины. А на руках у него — Белит не могла ошибиться! — сидел Кедрон. Малыш подрос, похудел, но Белит не сомневалась — это был ее сын. Маленькими ручками он обнимал за шею краснокожего воина и лепетал что-то на неизвестном Белит языке.

Мужчина посмотрел прямо в глаза Белит, и женщина ощутила, как по спине пробежала волна холода.

— Я давно жду тебя, мать моего сына.

— Снова ты? — Белит поднялась и, не стесняясь наготы, двинулась навстречу странному гостю. — Дай мне сына!

— Возьми. — Мужчина протянул мальчика матери. — Я взял его с собой, чтобы ты могла увидеть свое дитя.

Белит взяла малыша в свои, внезапно ставшие бессильными руки и опустилась на пол. Гость сел рядом с ней. Кедрон с видимым удовольствием устроился у матери на коленях, заглянул ей в лицо и вдруг громко рассмеялся. Тяжелые соленые слезы затопили глаза Белит.

— Как он попал к тебе? — всхлинула она.

— Волею Солнечного бога он стал моим сыном, и теперь я жду, когда и ты придешь к нам.

— Куда? В мир мертвых?

— Почему? И я, и Кедрон живы и здоровы — так же, как и ты. Мы живем там, за огромным океаном, и лишь милость Светлого бога позволила нам появиться здесь.

— Ты всегда был рядом со мной! Ты — демон из моих стигийских кошмаров, напештывавший, как сбегать, как обмануть Рамбаса!

— Ты нуждалась в совете, и я дал его тебе. Не о том ли были твои молитвы, дочь короля?

— Ты знаешь и это?

— Я знаю о тебе все.

Малыш обратил внимание на сверкающие серьги в ушах матери и попытался вытащить одну. Поморщившись от боли, Белит вынула серьгу и дала Кедрону. С довольным смехом ребенок занялся блестящей игрушкой.

Заметив, с какой нежностью Белит смотрит на сына, мужчина улыбнулся ей.

— Он уже может ходить. — В его голосе звучала отцовская гордость. — Правда, приходится держать его за руку — сам он пока побаивается.

Белит была нервная дрожь, но руки крепко сжимали крохотное тельце, словно боясь, что малыш может исчезнуть в любое мгновение. Ребенок дрыгал ножками и зали-

вался смехом, играя с украшением матери, но изредка он откладывал игрушку и прижимал свое личико к лицу Белит, словно целуя ее...

Тигрица морей забыла обо всем, кроме чудом вернувшегося сына, и слова краснокожего «Нам пора уходить» прозвучали для нее как удар грома.

— Не отдам.— Одним прыжком Белит отскочила к дальней стенке каюты и прижала к себе малыша.— Он мой.

— Скоро он будет твоим навсегда.— Краснокожий сделал шаг к Белит.

— Не подходи! — Тигрица была готова драться за своего детеныша до последнего.— Конан, проснись! Проснись!

— Он не проснется.— Краснокожий был совершенно спокоен.— Никто не проснется от твоих криков. Не пугай сына.

Внезапно Белит ощутила, что не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Воин-жрец подошел и бережно взял малыша из онемевших рук матери.

— Скоро мы будем вместе,— обещал он ей, переступая порог.

* * *

Когда Белит очнулась, она лежала на полу, а Конан тряс ее за плечи.

— Очнись, Белит! Очнись! — Варвар почти кричал.

— Где они? — прошептала Белит, озираясь.— Где Кедрон? Где красный воин?

— Здесь никого не было, любимая.— Варвар нежно гладил Белит по волосам.— Только ты и я.

Захлебываясь словами и чуть не плача, Белит рассказала Конану о визите ночного гостя.

— Кедрон жив, я уверена в этом,— закончила она,— и тот человек приходил неспроста — он приходил за мной.

Конан крепко обнял Белит.

— Я никому тебя не отдам. Это был просто сон. Боги любят мучить людей страшными снами.

Белит покачала головой.

— Мне страшно, Конан.

— Не бойся.— Варвар сжал Белит в стальном кольце объятий. Он должен был успокоить ее и подавить закрапившийся в душу страх.— Я люблю тебя, Тигрица.— Конан прижался губами к губам Белит, поцеловал длинные мокрые ресницы, соленные от слез щеки и почувствовал, что дыхание женщины становится глубже и ровнее.

Их поцелуи и ласки становились все более жаркими, и наконец волна страсти захлестнула их и смыла прочь ночные тени.

Они вышли на палубу, держась за руки, и Белит даже не догадывалась о смятении, которое вызвал в суеверном сердце варвара ее рассказ. Конан получил доказательство реальности всего произошедшего, но не хотел пугать любимую: слева ухо шемитки украшала жемчужная сережка, а в правом не было ничего — Кедрон унес с собой понравившуюся игрушку.

Варвар потихоньку вынул оставшееся украшение и швырнул за борт — потом он как-нибудь убедит Белит, что серьги ей просто приснились...

Пасмурное настроение варвара рассеялось при виде искренних улыбок, которыми их встретила команда. Изрядно поредевшие числом головорезы «Тигрицы» по-прежнему были готовы следовать за своей госпожой на край света, а значит, никакие боги и демоны не смогут их победить.

На горизонте не было ни облачка, солнце залило палубу теплыми волнами света, и огромная водная пустыня была видна на множество миль вокруг. Конан прищурился и оглядел море.

— Похоже, впереди корабль. Н'Гона, посмотри, твои глаза привычнее моих.

— Да, Амра, я с утра наблюдаю за ним. Он идет тем же курсом, что и мы.

— Отлично.— Подошедшая Белит тоже взгляделась в даль.— Если ветер поможет веслам, то к вечеру мы его нагоним.

— По местам! — взревел Н'Гона.— Первая смена на весла! Пошевеливайтесь.

Вышколенные гребцы заняли свои места, и Конан уселся на скамью наравне со всеми. Отработав свою долю гребной работы, неутомимый варвар отправился на помощь парусной команде. Но что бы он ни делал, киммериец постоянно чувствовал на себе любящий взгляд Белит. Варвар спокойно относился к тому, что порой подруга принимает решения за них за всех. Они плавали вместе уже не один день, но Белит еще ни разу не допустила ошибки.

К полудню неизвестное судно уже казалось совсем близко, и ясно стало, что его команда не стремится к встрече с «Тигрицей». Весла мелькали над его бортами — по пиратская галера все равно настигала жертву. Более маневренная и легкая, она неслась, словно не касаясь волн, и движения ее весел подчинялись ритму боевого гимна Белит.

Пиратка сидела на мостике и низким, хрипловатым голосом пела боевую песню субанцев, прославлявшую подвиги первых людей, пришедших в джунгли. Размеренные звуки с четким ритмом заставляли весла в едином порыве вспенивать воду, а гребцы, не замечая этого, все ускоряли и ускоряли темп.

Сумерки подкрались незаметно. Дистанция между кораблями сократилась почти наполовину, когда Конан вдруг подал сигнал остановиться.

— В чем дело? — спросила подбежавшая Белит.

— Что-то здесь не так. В воздухе какой-то странный запах!

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился подошедший Н'Гона.

— Пахнет землей. Сырой землей после дождя, а вокруг нас — только вода.

— Пожалуй, ты прав... — Н'Гона принялся. — Я чую запах прелой травы.

— Мне не по себе, Н'Гона, — откровенно признался варвар. — Что-то тревожит меня, и это связано с тем кораблем. Не угодить бы нам в ловушку!

Пустые страхи были чужды неукротимой натуре варвара, но он боялся не за себя, а за возлюбленную, и это делало его осторожным вдвойне.

— Я скажу людям, чтобы держали оружие при себе. — Н'Гона побежал к гонгу, висевшему на корме. По глазам старого штурмана было видно, что он разделяет худшие опасения киммерийца.

Молчавшая все это время Белит тронула Конана за локоть.

— Что тревожит тебя, мой Лев?

— Не могу объяснить, но что-то неладное творится вокруг. Магию я чую за сотню лиг — а сейчас ею так и разит! — Варвар сплюнул сквозь зубы. Затем обернулся к Белит, пытаясь улыбкой подбодрить ее. — Ладно, нечего зря болтать! Нет такой опасности, перед которой спасовали бы Лев и Тигрица. Но прошу тебя об одном, любимая: надень кольчугу.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин! — Белит засмеялась, стараясь не показать, как взволновало ее предчувствие Конана.

Киммериец пристально огляделся, задержав взор на чужой галере, затем с силой, подобно дикому зверю, втянул носом воздух. Ноздри его затрепетали, и Белит невольно залюбовалась им. Воистину, не зря субанцы нарекли его Львом — ее возлюбленный был дик, неукротим и прекрасен, как хищник!.. Неожиданно Конан обернулся к ней, и угрюмая складка залегла меж черных бровей.

— Нет, Белит, пожалуй, нам лучше оставить тот корабль в покое. Я знаю, это против твоих правил, но мудрый человек всегда должен знать, где отступить. Сейчас как раз тот случай. Чутье никогда не подводило меня, а от той галеры веет чем-то слишком опасным. Негоже связываться в драку, не зная толком, с чем придется столкнуться.

— Н'Гона, — зычный голос Белит перекрыл шум, поднятый вооружавшимися пиратами, — приготовиться к повороту. Погоня окончена. — Она пыталась не выдать своего облегчения. Остальные же члены команды даже не пытались скрыть радость. Странный корабль всем им внушал суеверный страх. Связываться с ним никому не хотелось.

С веселым смехом и шутками пираты бросились выполнять команду Белит. Галера медленно начала разворот.

— Слишком поздно. — Конан показал рукой на ускользающую добычу. Со стороны удалявшегося корабля во все стороны расплзалось алое клубящееся облако.

— Я уже видела раньше нечто подобное. Таким ядом стигийцы одурманили воинов Субы, — спокойно сказала Белит. — В тот день, когда погибла моя семья.

— Яд стигийцев был другого цвета, — вмешался Н'Гона. — Я точно помню.

— Не все ли равно, какого он цвета, лишь бы до нас не добрался! — Белит стиснула зубы. — К счастью, ветер против него.

— Куда бы ни дул ветер, но эта отравка все равно движется к нам — и очень быстро. Слишком быстро... Все на весла! — Н'Гона бросился к гребцам.

— Что за проклятье! — Белит невольно вскрикнула — редкое проявление чувств у столь сильной женщины. — Сперва забрали у меня сына — а теперь еще и это...

— Ничего, тигрица! — варвар с размаху хлопнул Белит по плечу, так что женщина пошатнулась. — Я на своем веку перебил немало стигийцев и знаю, какого у них цвета кровь!

— Мне тоже не раз приходилось иметь с ними дело. Но нельзя недооценивать противника, тем более такого.

— Плевать я хотел, кто они. Умирают все одинаково. Варвар развернулся и собрался уходить, но нежная ладонь подружки вдруг легла на его руку.

— Конан, поклянись, что не позволишь им взять меня живой!

— Что? — брови варвара поползли вверх. Он развернулся и стиснул любимую в объятиях.

— Никогда не проси меня об этом, слышишь. Никогда! Нельзя сдаваться до начала битвы — за это боги отнимают победу!

— Но я не хочу снова...

— Я буду защищать тебя до последнего дыхания, и если будет воля Крома, мы умрем вместе, но от моей руки ты не умрешь. Я не смогу...

Белит уткнулась лицом в широкое плечо возлюбленного.

— Спасибо, Лев.

— Прекрати! Вся команда смотрит на нас, а ты собираешься лить слезы, как... — варвар запнулся, подбирая слово, — как...

— Скудоумная женщина! — закончила за него Белит. Она уже улыбалась. — Ладно, отпусти меня и иди займись чем-нибудь полезным, а то найду себе другого мужа — не такого ленивого и болтливового.

— Слушаюсь, моя королева. — Конан склонился в нелепом дурашливом поклоне.

— Так-то лучше, северянин, — рассмеялась женщина.

Алый туман приближался, упрямо двигаясь против ветра. Его цвет и очертания менялись, он становился то розовым, то багровым — по мере того, как расстояние между ним и судном уменьшалось. От попыток уйти на веслах вскоре пришлось отказаться: чем больше галера набирала скорость, тем скорее полз туман. Проще было не изматывать себя понапрасну, а приготовиться к битве.

Вооружившиеся до зубов пираты сгрудились на корме вокруг огромного варвара.

— Раз сбежать мы не успели, то принимаем бой. Известно еще, что за твари прячутся там, за стеной тумана, — сказала им Белит.

— Что за странное колдовство! — Н'Гона цокнул языком. — Не знаю народа, способного вызывать такое.

— В любом случае это не порошок черного лотоса, — уверенно провознес Конан.

— Довольно! Рассуждаете, как будто больше нечем заняться...

Пиратка не успела договорить. Алые клубы накатили на корабль и поглотили его от киля до верхушки мачты. На расстоянии локтя ничего не было видно. Пираты громко перекликались друг с другом, пытались разобраться, кто где в этом красном колышущемся мареве.

— Эй, все живы? — звонко крикнула Белит. — Старшие, пересчитайте людей.

Пятеро помощников Белит немедленно устроили перекличку и постарались собрать каждый своих людей возле себя.

— Все на месте, дочь Бангулу, — наконец доложили они.

— Первым двум десяткам расположиться вдоль бортов, чтобы никто чужой не мог проникнуть на корабль. Перекликаться постоянно, — приказала шемитка.

— Да, Тигрица.

— Конан, твои воины будут на корме.

— Да, Белит.

— Крага, Н'Анна, ваши люди на нос. Будьте готовы ко всему.

— Да, госпожа.

Когда пираты заняли свои места, осторожно держась друг за друга и за палубные надстройки, Белит вздохнула с облегчением. Прошло какое-то время, но все было по-прежнему спокойно. Никакого ущерба ее людям странный туман не причинил. Никакие чудовища не вырвались из-за его завесы. Белит понемногу начала успокаиваться.

— Эй, Тигрица, сюда! — донесся вдруг до нее зычный глас Конана.

— Любимый, ты кричишь, точно кушитский жрец, у которого отняли последние деньги, — засмеялась Белит, когда добралась до кормы.

— Ты где?

— У правого борта, — ответила пирата. — А ты?

— Где-то возле тебя.

Огромный варвар вынырнул из тумана за спиной Белит.

— Что-то случилось?

— Ничего, красавица. Скажи-ка мне, кто сейчас сидит на веслах?

— Конечно, никого!

— И парус убран?

— Перестань, ты все это знаешь не хуже меня.

— Тогда почему мы движемся все быстрее и быстрее?

— Что? — удивилась Белит.

— Н'Гона только что замерил скорость. Она растет.

— Не может быть! Здесь нет никаких течений!

— Значит, есть. Нас несет куда-то на север.

— Проклятие! Мне все это не нравится.

— Кому же такое может понравиться! — Варвар усмехнулся и неожиданно стиснул красавицу в объятиях, ничуть не скрывая своих намерений. — Нас никто не видит, может, успеем еще разок, до конца света...

— Ты сумасшедший, северянин! — Белит постаралась отодвинуться подальше от киммерийца. — В любой миг на нас могут напасть враги, демоны, или я даже не знаю кто, а ты думаешь только о...

— О том, как бы приласкать тебя покрепче, моя девочка... — закончил ее фразу Конан. — Любимая, опасность от нас не уйдет, но какой мужчина сумеет сохранить спокойствие, когда ты так близко, и нас никто не увидит из-за этого красного марева.

— Возможно, ты и прав, — целуя возлюбленного, отозвалась Белит. Опасность всегда возбуждала ее, как и Конана, и он беззастенчиво этим пользовался. — Но тогда лучше уж в каюте...

— Нет, я не могу уйти с палубы. Здесь мои люди... И эта кровожадная Тигрица-капитан сожрет мою печень, если узнает, что я ушел с поста!

— Точно, сам Нергал боится ее гнева! — подтвердила с улыбкой Белит. — Тогда побудь пока здесь, воин, а я пойду узнаю, где она, чтобы не застала нас врасплох.

— Ее зовут Белит. Такая носатая шемитка, кривоногая и толстая — если вдруг увидишь, не ошибешься.

— Ладно, варвар, я ей все расскажу! — Она обняла киммерийца и нежно поцеловала. — Спасибо, милый, мне стало легче.

— Я рад. — Конан убрал со лба возлюбленной непокорную прядь. — Нам грозит опасность, но нельзя встречать ее со страхом в сердце. Страх сковывает руку воина — ты должна помнить об этом!

На душе у Белит прояснилось, и тревога покинула ее. Действительно, всегда остается возможность спастись, даже

из самого безвыходного положения, если, конечно, не решишь заранее сложить оружие, отказавшись от борьбы. Но шемитка уже успела убедиться, что боги любят тех, кто привык обходиться без их помощи, полагаясь лишь на собственные силы и отвагу.

Конан признавал только одного бога — своего жестокого Крома, — и то только потому, что северное божество не вмешивалось в дела людей. Невольно Белит заражалась неуклонной решимостью северянина. Глубокая морщинка, прорезавшая высокий лоб, разгладилась, а в карих дерзких глазах зажегся недобрый огонек.

Варвар невольно залюбовался подругой — не зря за Белит прочно закрепилось прозвище Тигрица. Она была прекрасна и в то же время опасна, как клинок, выпешший из-под руки настоящего мастера. Ею можно было восхищаться, преклоняться, любить ее, но нельзя было привязать ее, сломить, приручить — Белит признавала только союз равных.

...Они едва успели разжать объятия, как вдруг страшный удар потряс корабль. Никто не сумел удержаться на ногах, когда, налетев на невидимую преграду, судно задрало вверх нос и завалилось на правый бок. Клубок человеческих тел покотился по палубе. Наконец все прекратилось. Осторожно испуганные люди начали приходить в себя.

— Конан, ты не мог бы с меня слезть, — прозвучал откуда-то снизу голос Белит. — Ты вешишь не меньше, чем боевой слон, и раздавил меня чуть ли не на смерти!

— А ты вечно норовишь пристроиться снизу... — пробурчал варвар, приподнимаясь.

— Уф, — выдохнула изрядно помятая Белит. — Если бы не доспехи, мне бы не помог даже чудесный бальзам Н'Гоны.

— Н'Гона, — позвал Конан, — ты жив?

— Хотя я и старик, но у меня нет даже ссадины, — похвастался, подходя, субанец.

— Откуда здесь земля? Мы много раз плавали здесь, но ни мели, ни острова никогда не замечали, — поразились Белит. — А сейчас, похоже, налетели на камни.

— Ты права, дочь Бангулу, это новое колдовство, такое же, как красный туман, — ответил штурман. — Будь проклята эта сегодняшняя погоня!

— Подожди с проклятиями, — Конан предостерегающе поднял руку, — кажется, я слышал об этом месте.

— Что? — удивленно переспросила Белит.

— Однажды в аргосском трактире за моим столом сидели два моряка. Один из них был пьян и рассказывал другому об острове, о который разбился его корабль. Причем они не сели на мель, а ткнулись прямо в землю, как будто остров этот, точно гриб, вырос прямо из океана... — Варвар задумался, вспоминая. — Да, теперь я понимаю, почему меня насторожил запах — они говорили и об этом! Тот моряк тоже почувствовал запах земли, а потом над морем поднялся туман и скрыл все на многие лиги вокруг.

— А дальше? — не выдержала Белит. Почти вся команда собралась вокруг них и, затаив дыхание, слушала рассказ Конана.

— Дальше они обнаружили, что наткнулись на неизвестный остров посреди океана, и нашли на этом острове какое-то древнее изваяние, которое обещало им исполнить любые их желания. Каждый из команды попросил чего-нибудь для себя и немедленно получил это — золото, драгоценности, прекрасных женщин... В общем, все, чего душа пожелает.

— Остров Мечты! — не выдержал кто-то из субанцев.

— Нет. Остров Скорби, — покачал головой Конан. — Потому что потом, ночью, к ним пришли души всех тех, кого они когда-то погубили или незаслуженно обидели. И эти обиженные духи выпили у аргосцев всю их жизнь, все силы, точно вино из кувшина.

— А как же этот моряк? — удивилась Белит. — Ему-то как удалось спастись?

— Он вернулся на корабль. Он был трусом и боялся провести ночь на сказочном острове. С ним остались еще несколько человек — вот они-то и уцелели. К утру туман рассеялся, и они увидели огромный лес и череду призраков, бредущих к ним по вымощенной кирпичом дороге. Демо-

ны окружили корабль и принялись звать аргосцев к себе, сулить богатства и исполнение желаний. Среди них были и те, кто только накануне остался ночевать на острове призраков...

— Значит, спаслись те, кто остался на корабле, — задумчиво протянула Белит. — А что было дальше?

— К полудню остров исчез. Аргосцы доплыли до ближайшей гавани и бросили свой проклятый корабль.

— Глухая сказка базарных старух и пьяных моряков, — пренебрежительно бросил Сахев.

— Не знаю, — отозвался Конан, пожимая мощными плечами. — Я и сам сперва решил, что это обычные матросские байки. Сами знаете — можно ли верить всему, что услышишь в портовых тавернах!.. Но золото, которым расплачивался аргосец, было настоящим. Только каким-то необычным. Квадратные монеты — вы когда-нибудь видели такое?!

— Похоже, в этой истории была доля истины, Конан, — сказала Белит. — Но мы не можем сидеть на корабле, не зная, что происходит вокруг. Кто-то должен пойти и посмотреть.

— Я пойду, — коротко сказал Конан. Если отважный киммериец и ненавидел что-нибудь сильнее, чем колдовство, так это беспечное ожидание на одном месте.

— Я с тобой, — предложил Сахев.

— И я, и я! — в один голос выкрикнули еще несколько человек.

— Так много людей не нужно. Конан, выбери сам, кто пойдет с тобой.

Варвар на мгновение задумался.

— Сахев, Н'Гара, Карем.

— Хорошо. Но помните, если за то время, что сгорят три факела, вы не вернетесь, я сама пойду за вами.

— Как скажешь, Белит. — Конан кивнул. — Вы готовы?

— Да, Амра, — ответил за всех Сахев.

Конан улыбнулся: он не ошибся в выборе спутников. Все трое были молоды и сильны, каждый предпочитал свой вид оружия. Сахев — лук и тяжелые длинные стрелы, Н'Гара — палицу, усеянную длинными шипами, Карем — меч и

кинжалы. Вооруженные, одетые в тонкие доспехи — добычу недавнего грабежа, — это были опытные, умелые воины, на которых не страшно положиться в любой переделке.

По веревочному трапу они спустились на землю и пошли сквозь алый туман. Каждый их шаг по твердой каменной почве отдавался гулким эхом, а голоса казались громкими и пронзительными.

— Мы прошли три десятка шагов, — сказал Сахев, — но под ногами все те же камни.

— Держитесь ближе к друг другу, — приказал Конан. — Туман сгущается.

И тут туман кончился.словно невидимый нож отрезал алое колышущееся марево одним движением. Дымка не становилась прозрачнее, не истончалась, как это обычно бывает, — нет, она просто исчезла.

Конан огляделся по сторонам. Прямо перед ним, насколько хватало глаз, расстился огромный лес, а у ног начиналась мощенная плитами дорога, терявшаяся на границе леса. Рука Конана легла на рукоять меча.

— Похоже на то, как рассказывал аргосец, — сказал вынырнувший из тумана Н'Гара.

— Да, — согласился Конан. — Похоже.

— Странно, что туман не пропускает звуки, — мы совсем рядом с кораблем, но не слышим ничего, а ведь обычно даже в пяти десятках шагов еще слышен шум и разговоры, — заметил Сахев. Субанцы, дети диких джунглей, отличались завидной наблюдательностью.

— Один из нас должен вернуться и предупредить Белит. — Конан посмотрел на спутников.

— Верно. — Н'Гара кивнул. — Я предупрежу Белит и сразу вернусь к вам.

— Иди.

Субанец шагнул в красную колышущуюся стену. На границе ее он успел еще обернуться, с улыбкой глядя на спутников...

Раздался негромкий вскрик, затем хруст костей — и довольное урчание, словно подал голос огромный зверь. Темная струйка заструилась по камням к ногам Конана.

— Прочь отсюда! — Конан резким рывком отбросил спутников от опасной черты. — Этот туман... эта тварь — живая!

— Да, Амра, похоже, она готова была впустить на остров, но обратно на корабль пускать не хочет... — Сахеп покачал головой. В черных глазах матроса вспыхнул огонек страха.

Воины с опаской поглядывали в сторону корабля.

— Но предупредить Белит все равно нужно! — Конан крепче сжал копьё. — Не ровен час — она и впрямь решится отправиться за нами следом!

— Есть способ. — Сахеп поднял руку. — Я пошлю весть стрелой.

— Как это?

— Когда-то Белит научила меня и Криса языку знаков, который сама узнала от жрицы Самди. Я смогу составить нужные слова и вырезать их на древке стрелы.

— Хорошо. Сделай это скорее.

— Карем, дай кинжал, — попросил Сахеп.

Воин уселся на землю и быстрыми движениями принялся вырезать на древке толстой стрелы черточки и кружочки.

— Н'Гара был хорошим воином, — промолвил Конан, отдавая дань погибшему.

— Да, — эхом отозвался Карем.

— Готово. — Сахеп поднялся и подошел к остальным.

— Отлично. Только целясь повыше, чтобы не задеть никого на палубе.

— Понятное дело. Я пошлю ее прямо в небо, чтобы на палубу стрела упала уже на излете. Точно голубиное перышко... Можешь не тревожиться, Амра, нас с братом отец с детства обучал всем способам стрельбы! Я справлюсь.

Звякнула тетива. Конан проводил стрелу глазами. Как узнать, достигла ли их восточка цели? Он верил, что субанец не хвастает и впрямь способен на чудо — послать стрелу точнехонько на невидимый в тумане корабль... И все же всякое может случиться. Но ждать ответа бессмысленно — оставалось лишь уповать на удачу и на благоразумие Белит.

— Пошли дальше, — предложил он двоим своим спутникам. — Время идет, а мы еще ничего не узнали и не сделали. Надо выяснить, как справиться с этим колдовством.

— Как нелепо мы потеряли Н'Гару, — вздохнул Сахеп. — Скверная смерть для воина — в пасти адских демонов. Похоже, это побег аргосца научил их стеречь добычу...

— Ха! — отозвался Карем преувеличенно бодро. — С нами Амра — уж мы этим тварям зубы пообломаем!

Несмотря на молодость, он был одним из лучших бойцов на корабле Белит, хотя слишком горячая кровь не раз подводила его в поединках.

— Пошли, — повелительно повторил варвар.

Они пошли по широкой, прямой как стрела дороге к темневшему невдалеке лесу. Конан шел в центре, Карем и Сахеп чуть сзади по бокам, настороженные и готовые отразить любое нападение.

— Какая тишина, — почему-то шепотом сказал Карем.

— Молчи, — бросил в ответ Сахеп, — лес уже близко.

Ноздри Конана раздувались, вбирая запахи вечернего воздуха, а движения стали медленными и плавными, словно у хищника, высматривающего добычу.

— Не по душе мне эта дорога, — заметил вдруг киммерец. — Слишком уж она какая-то... приметная. Ступай, мол, по ней — не ошибешься. А ну-ка попробуем мы свернуть в сторонку! — И с этими словами Конан уверенно сошел с каменных плит на траву.

Он ожидал чего угодно, но не того, что вместо твердой земли под ногами у него окажется вода.

Заросшая невысокой травой поляна оказалась мороком, наваждением, скрывавшим морскую пучину. И Конан без единого всплеска ушел в холодную соленую воду.

А когда он, отплываваясь, вынырнул, на дороге никого не было. И Сахеп, и Карем исчезли.

Варвар вылез на твердые плиты дороги и, поднявшись на ноги, тревожно осмотрелся по сторонам. Небо было абсолютно черным, и только редкие огоньки звезд слабо освещали булыжники, на которых стоял варвар. Ночь!..

Когда Конан остушился, были еще сумерки. Сколько же прошло времени? Где субанцы? Где Белит?

Конан посмотрел в сторону корабля, но тьма надежно укрывала место стоянки. Несколько мгновений северянин колебался, но затем, решившись, повернулся и зашагал к лесу.

Там его уже ждали.

Десяток серебристо-серых прозрачных теней мерцали на опушке, переключаясь негромкими мелодичными голосами.

— Вот идет Конан-киммериец...

— К нам идет король...

— Киммериец!

— Киммериец.

— Какой он мокрый!

— Мы его искупали!

— Давайте его обсушим.

— Какие у него глаза!

— Да! Да! У него глаза льва, его зовут Амра.

— Мы ждем короля Амру!

— Он вор и убийца, этот будущий король.

— Что вам нужно от меня? — Киммериец был невозмутим.

— Нам? — удивленно спросил один из призраков. — Что нужно тебе? Приходящий на наш остров должен знать, что ему нужно.

— Мы здесь не по своей воле.

— А по чьей же, по-твоему? Разве у тебя нет тайной страсти, варвар? Нет желания, более сильного, чем ты сам готов признать?.. Есть, Конан! Ведь у тебя есть такое желание, не правда ли? Ты хочешь стать королем, и твоя мечта привела тебя сюда.

— Где мои спутники? — резко спросил Конан.

— Здесь. Они уже получили то, к чему стремились. Пойдем, мы отведем тебя к ним!

— Да, да, — вновь затянул хор призраков. — Идем с нами. Идем. Мы покажем тебе твою мечту, король. Идем!..

Завороженный мелодией колдовских голосов, Конан двинулся в глубину леса.

* * *

Белит стояла на палубе рядом с каютой и в задумчивости перебирала стрелы в колчане. Недобрая улыбка играла на ее губах, и выглядывавшие из тумана пираты старались скорее спрятаться, чтобы не навлечь на себя гнев предводительницы.

Конан ушел совсем недавно, но на душу Белит легло облако тоски, такой же густой, как и окутывавшее их алое море.

Постепенно туман начал рассеиваться, словно растекаясь в стороны, и наконец превратился в красное кольцо вокруг судна. Пространство над палубой осталось свободным, и Белит наконец смогла увидеть небо. Клочок неба свода постепенно темнел, и несколько звезд, едва-едва видных вначале, разгорались странным зеленоватым светом.

Ни единое дуновение ветерка не колыхало пламя факелов, тщетно пытавшихся разогнать ступавшуюся тьму.

Белит не уходила с палубы, чтобы первой увидеть возвращение разведчиков. Ее спокойное лицо, уверенные распоряжения и твердый, не допускающий возражений тон вселяли уверенность в команду. Если женщина — пусть она и Тигрица морей, но все равно женщина — не испытывает ни малейшего страха, то им, мужчинам и воинам, не пристало бояться неведомой опасности!..

Ужас и растерянность пиратов, такие острые в момент столкновения, постепенно рассеялись. Субанцы жили в мире, полном колдунов, духов, призраков, и даже маленький ребенок знал, как отвести от себя дурной взгляд и недобрую волю. Древние заклинания, прочно забытые более цивилизованными народами, еще были живы на Черном побережье. Недавно вышедшие из джунглей, пираты были готовы в любую минуту встретиться со сверхъестественными существами и, если понадобится, вступить с ними в борьбу. А главное, рядом с ними был Н'Тона, штурман, знахарь, опекун Белит, второй, после Унгеду, колдун, владеющий древним знанием.

Итак, напряжение на палубе спало. Кое-кто из пиратов осмелел настолько, что даже подраспустил тугие боевые

пояса и отцепил оружие. Кольчуги и перевязи вдруг начали оттягивать плечи и стеснять движения.

Н'Гона еще раз обошел корабль, проверяя и подбадривая людей.

— Похоже, кто-то не хочет, чтобы мы видели, что творится вокруг,— заметил он, поравнявшись с Белит.

— Первый факел догорает,— словно не заметив обращенных к ней слов, ответила Белит,— а от Конана нет никаких вестей.

— Амра — воин, и твои страхи напрасны. Вспомни, сколько ты плакала, когда он уходил за Джиханом. Слезы — оружие трусов, и тебе оно не к лицу. Волнуясь, ты притягиваешь к себе его силу, а она нужна ему самому.

— Я знаю.— Пиратка кивнула.— Но тогда он имел дело с людьми, а сейчас...

— Кто знает, где опаснее — среди смертных или в мире духов.— Старик покачал головой.— Я знал людей, рядом с которыми демоны ночи казались невинными младенцами. Ни Нергал, ни Сет не придумают таких мук, как те, что причиняют друг другу смертные.

— Не поминай Сета, старик! — попросила Белит.— За любой бедой, встающей у нас на пути, я теперь слышу шелест чешуек Змея.

— Да, никто не знает пределов его власти,— согласился Н'Гона.— Лишь Митра спасает нас от гибели в кольцах змея.

— Митра,— на губах Белит появилась насмешливая улыбка,— слишком часто я слышу о его доброте и милости, но еще ни разу не встретила того, кому бы он помог.

— Не говори так о Солнцеликом! Ни ты, ни я не знаем, чья воля привела нас на этот остров.

— Не удивлюсь, если это воля Митры.

— Даже если так, значит, ему угодно испытать силу нашей веры.

— Как скажешь, старик, мне совсем не хочется с тобой спорить. Я помню историю Самди, да и мою собственную, ты знаешь множество легенд и преданий, но ни ты, ни я не можем убедить друг друга.

— Ты слишком горда, дочь Бангулу, чтобы признать чью-то власть над собой.

— Я дочь королей Асгалуна, в шестнадцатом поколении, и ты знаешь об этом.

— Знаю. Такова была воля богов...

— Довольно!

Повернувшись к старику спиной, Белит прижалась горячим лбом к стенке каюты.

— Прости, дочка... — Голос штурмана дрогнул, точно от непролитых слез. — Я не меньше твоего тревожусь за них. Не поворачиваясь, Белит кивнула.

— Я пойду поговорю с людьми. Что-то они странно притихли!..

— Да, Н'Гона, сделай это. И прости меня за резкость, я что-то стала сама не своя.

Белит так и не повернулась. Шаги старика затихли.

Боль немного утихла. Шемитка подошла к борту корабля и с яростью посмотрела на колдовской туман, скрывший любимого. Волна бессильной злобы заставила ее стиснуть зубы так, что заныли челюсти.

Она даже не заметила, что произошло. Просто из красной стены прямо на палубу шагнул... Алал. Высокий, широкоплечий мужчина в белом одеянии, очень, очень похожий на Алала.

В руке Белит сверкнул меч.

— Прочь, демон!

— Что с тобой, любимая?! — До боли знакомый голос заставил Белит вздрогнуть.

— Алал?!

— Да, жена!

Горбоносый худощавый мужчина смотрел на нее, ласково улыбаясь. Но, великие древние боги, он был совершенно, бесповоротно чужой. Пусть он выглядел таким же, как и в тот страшный день стигийского набега, пусть их соединял освященный древним законом брак и рожденный в супружестве ребенок... но Конан стер Алала из жизни и памяти Белит. Стер навсегда.

— Не приближайся! — Острие меча почти коснулось шнуровки на широкой груди Алала.

— Ты не рада мне, любимая? Я спешил к тебе из всех сил.

Однако он все же остановился. Странное чувство мешало Белит взглянуть в глаза мужу. Она не испытывала ни страха, ни чувства вины — ведь с Конаном она повстречалась уже после смерти Алала, — только изумление и настороженность по отношению к ожившему мертвецу.

Алал продолжал:

— Неужели ты мне не рада, маленькая дикарка? Где Кедрон? Я хочу его видеть. Сын здесь, с тобой?

— Мой сын умер, призрак. И ты знаешь об этом не хуже моего.

— Ты ошиблась дважды, жена. Во-первых, я не призрак, а существо из плоти и крови. Волею владык этого острова я был возвращен к жизни. А во-вторых, мне и вправду неведомо, что случилось с нашим мальчиком.

— Не верю.

— Я смогу убедить тебя, клянусь. Моя жизнь в твоих руках, а твоя — в моих. Только вместе мы сможем спастись.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Послушай, Белит, я понимаю, что ты испугана и растеряна, ведь мертвые не каждый день приходят поговорить с живыми. Но я очень прошу тебя — не бойся. Пойдем в каюту, там мы сможем побеседовать спокойно.

— Н'Гона, скорей сюда! — громко позвала Белит.

— Он не придет. К нему пришел гость, которого он ждал целых пятнадцать весен. Гости пришли ко всем.

Не опуская меча, пиратка оглянулась. Страшное зрелище предстало ее глазам. Бросившие свои посты пираты разбрелись по палубе, жестикулируя, разговаривая, смеясь и рыдая. В первое мгновение Белит показалось, что все вокруг сошло с ума, но затем она поняла, что пираты были заняты разговорами с невидимыми собеседниками, такими же, как Алал.

— Да, Белит, — подтвердил он, угадав ее мысли. — Меня видишь только ты, и больше никто.

— Я положу этому конец.

— Не надо. Твои люди счастливы, неужели ты не видишь? Это только ты еще сомневаешься во мне.

— Я не сомневаюсь, демон, я просто не верю.

— Так как насчет того, чтобы зайти в каюту? Я постараюсь убедить тебя в чистоте моих намерений.

— Иди вперед.

Они вошли в каюту, и Белит сразу же заняла наиболее выгодное место — скамью у самой двери. Алал прилег на ложе и запрокинул руки за голову.

— Если бы ты знала, Белит, какое счастье — вновь чувствовать себя живым, наслаждаться свежим воздухом, водой, землей и собственной женой. Похоже, ты неплохо развлекалась, пока меня не было.

Белит не понравился взгляд Алала — наглый, уверенный, жадный.

— Алал, ты говорил о спасении.

— У нас мало времени, женщина, но на любовь хватит, а потом поговорим о спасении наших с тобою душ.

— Клинок очень острый, демон, — холодно прищурилась пиратка. — Даже если бы на твоем месте был настоящий Алал, я бы не стала делить с ним ложе.

— Вот как? — Призрак сел.

«Его глаза не моргают. Он не дышит», — отметила про себя Белит.

— Неужели ты разлюбила Алала? Даже не вспоминаешь?

— Не вспоминаю. Впрочем, демон, что тебе за дело до моих чувств? Объясни мне, что это за остров и что угрожает моим людям, тогда я сохраню тебе жизнь.

— На этом острове не происходит ничего сверхъестественного. Владыки острова позволяют кораблям причаливать и дают людям возможность получить то, о чем они мечтают всю жизнь.

— Нас заманили обманом — сначала мы преследовали неизвестный корабль, а потом эта красная слизь отрезала нас от мира.

— Люди не всегда отдают себе отчет в собственных тайных желаниях. Неужели у тебя нет мечты, которую ты готова воплотить ценой собственной жизни.

— Значит, — Белит нахмурилась, — цена — жизнь.

— Да. Но у тебя есть еще один выход.

— Какой же?

— Твоя вера в меня может придать мне новые силы, помочь мне ожить по-настоящему. За пределами красного кольца я немедленно погибну, но с твоей помощью я вновь стану человеком.

— Что я должна сделать?

— Поверить в меня, дать мне свою силу, свою любовь. Вспомни, как мы были счастливы когда-то. Только один раз, Белит, потом ты вернешься к своему избраннику, а я навсегда исчезну из твоей жизни.

Жалобные, умоляющие нотки в голосе Алала никак не вязались с холодным изучающим взглядом. Он играл с ней в какую-то странную игру без правил. Подыгрывать ему Белит не хотела.

— А если кто-то откажется загадывать желание? Что будет с ним?

— Ничего, если он не покинет корабль. Я предлагаю тебе выгодную сделку, Белит, а ты меня не слушаешь. Итак, я берусь оберегать тебя все время, что ты пробудешь на острове, а ты даешь мне свою любовь и мою новую жизнь.

— Что же будет с теми, кто уже покинул корабль? — Шемитка словно не слышала предложения мужа.

— Они уже загадали желания и заплатили за них.

Мир закружился в глазах Белит

— А их души?

— Они присоединились к сонму владык острова. Все, кто умирает здесь, остаются в лесу Скорби навсегда.

Руки шемита задрожали, и его нервные движения, когда он перебирал пояс или поправлял складки одеяния, лучше любых слов говорили Белит, что Аалал лжет.

— Я люблю другого, Аалал, и хочу, чтобы ты ушел прочь. Навсегда! Исчезни, демон.

Как хорошо помнила Белит этот гневный взгляд, за которым обычно следовала пощечина.

— Уйти? Исчезнуть?! Ты дура, Белит! Упустить единственный шанс из-за твоей глупости! Никогда!

Голос Алала звенел от ярости, тонкие губы кривились в презрительной улыбке. Поднявшись с ложа, он сделал шаг к Белит.

— Назад, — твердо сказала она. — Еще движение — и я убью тебя.

— Неужели у женушки поднимется рука? — Аалал сделал еще шаг.

— Поднимется, — подтвердила Белит, отступая к полуоткрытой двери.

— Ну что ж, похоже, я слишком погорячился. — Внезапно Аалал сел обратно на кушетку. — Не хочешь — не нужно.

— Где Конан?

— Конан? А кто это Конан? Наверное, тот дикарь, попавшийся в ловушку на дороге к лесу.

— Мой возлюбленный слишком умен, чтобы погибнуть на твоём проклятом острове.

— Возлюбленный? — Аалал недобро рассмеялся. — Смешивать благородную шемитскую кровь с кровью варвара!..

— Да, он варвар. Лев с Севера, возлюбленный королевы Черного побережья, Тигрицы — Белит.

— Тигрица морей — моя жена, — снова недобрый смехок. — Ты очень изменилась, Белит с нашей последней встречи. И раньше в твоём сердце было мало покорности, а теперь в нём живет гордыня. За это наказывают.

— Попробуй.

— Если бы ты встретила меня иначе, я, быть может, оставил тебе жизнь, выпив не всю твою силу — лишь столько, сколько мне нужно, чтобы ожить...

— Что ты слишком рано взялся меня жалеть.

— Ну, почему же рано. Прощай, Белит. Когда-то я любил тебя... — Злобная усмешка искажала черты Алала.

Плавным движением он извлек из складок одежды серебряную трубочку и поднес к губам. В каюте зазвучала негромкая музыка, и Белит с ужасом увидела, как сжимающие эфес пальцы — ее собственные пальцы — разжимаются. Меч со звоном упал на пол.

— Иди ко мне, — прозвучал приказ.

Правая нога Белит сделала шаг к Алалу. Левая. Правая. Левая. Правая. Разум отчаянно бился в тисках непослушного ему тела, подчинявшегося теперь чужой злобной воле.

Мелодия звучала все громче и громче. Наконец доспехи Белит соприкоснулись с белым балахоном Алаала. Губы женщины послушно приоткрылись, когда к ним прикоснулись губы призрака, а руки легли ему на плечи. Ледяные руки скользили по бедрам Белит.

— Прочь! — Чья-то сильная рука отшвырнула Алаала от Белит. — Не смей прикасаться к ней!

Сердце Белит отчаянно заколотилось. Не узнать этот голос она не могла — хриплый, грубоватый, со смешным, чуть картавым акцентом... так говорил только он один, ее друг детства, брат, любовник. Рядом с Белит стоял Крим.

— Не бойся, сестра. Он не так опасен, как кажется.

Нагнувшись, негр поднял палочку, выпавшую из пальцев Алаала. Мелодия мгновенно смолкла, и Белит поняла, что может двигаться.

— Крим!

— Подожди, сначала я разберусь с ним. — Негр кивнул на Алаала. — Потом мы сможем поговорить спокойно.

— Это не так-то просто, чернокожий.

Алал поднялся на ноги и чуть нагнулся, готовясь к прыжку.

— Отойди в сторону, шлюха. Похоже, тебя тянет не только к дикарям, но и к черным.

— Жаль, что я возродился слишком поздно. Но у меня есть еще возможность все исправить! — Крим закрыл собой Белит.

— Будь ты проклят!

Алал бросился на Крима с клинком в руке. Белит изумленно охнула: еще мгновение назад шемит был безоружен. Однако сверкающее лезвие даже не коснулось Крима. Мощный удар в грудь отбросил Алаала обратно на кушетку. Подскочивший негр поднял его за одежду на груди и с размаху приложил тяжелым кулаком к подбородку шемита. Схватив в охапку обмякшее тело бывшего мужа Белит, он выволок его на палубу.

— Его надо бросить в туман, тогда он исчезнет, — объяснил Крим.

— Я помогу!

— Не пачкайся, я справлюсь сам.

Размахнувшись, он швырнул Алаала в алое колышущееся море.

— Прощай навсегда, проклятый демон!

Крим брезгливо вытер руки о свое белое одеяние.

— Ну и поганая же тварь твой бывший муженек. Он мне напомнил тот губастый цветок — помнишь, много лет назад?..

— Помню. — Белит с опаской посмотрела на гиганта. — Крим, ты ожил так же, как и он?

— Думаю, что нет. Его возрождение — дело рук Сета, а мое — я и сам не знаю кого. Пошли в каюту, там удобнее разговаривать.

— В каюту? — переспросила Белит. Недавний ужас от встречи с Алаалом был еще жив.

— Не бойся. Клянусь, я тебя ничем не обижу.

И Белит поверила ему. Поверила сразу и бесповоротно.

— Белит, у тебя нет никакого вина? — жалобно спросил он, войдя в каюту.

— Конечно, есть. — Она рассмеялась и вытащила из-под кровати небольшой кувшинчик. — Угощу тебя из личных запасов Конана.

Белит осеклась на полуслове. Крим пристально взглянул на нее, и во взоре его была неподдельная печаль.

— Значит, вы встретились? Ты и избранник Митры?

— Да. И я люблю его.

— А он?

— Тоже. Но вот только сына у меня не будет никогда...

— Почему? — удивился Крим.

— В тот день, когда тебя убили, меня захватили в плен. Рамвас, мой хозяин, позвал ведьму, и именем Сета она сделала меня бесплодной.

— А где сейчас Кедрон?

— Не знаю.— Молодая женщина тяжело вздохнула.— Я оставила его на краю поля, надеясь, что потом кто-нибудь из субанцев найдет малыша и позаботится о нем.

— Ну и?..— Негр, смакуя, пил вино и жмурился от удовольствия.

— Его не нашли. Видели только незнакомого мужчину, шедшего по полю со свертком. Боюсь, что это и был мой Кедрон. Похоже, мне являлся призрак, утверждавший, будто бы он спас моего сына и унес его в далекие земли, по ту сторону океана... Но я не смею поверить в это. Боюсь, то был лишь прекрасный сон. — Она вздохнула.— Стигийцы убили мать, отца, убили Джихана, искалечили меня. Теперь лишь жажда мести придает мне силы!

— Мщение питает и меня. Но могу я совсем немного. Вот разве что помочь тебе избавиться от призраков, наводнивших корабль...

— Но как это сделать?

— У меня есть две колдовские флейты. Положив их крест-накрест и играя на них особым образом, я смогу заманить призраков обратно в туман вслед за собой.

— Но тогда ты погибнешь вместе с ними?

— Да, но я погибну в любом случае. Та жизнь, к которой стремился Алап, не по мне!

— Какая жизнь?

— Он не сказал тебе? Тогда слушай. Чтобы продлить свое существование, создания Сета должны пить чужие жизни. Понимаешь? А я не хочу жить, убивая других!

Белит задумалась. Неужели мужчина, которого она любила, мог пасть так низко?

— Спасибо, Крим.— Белит нежно поцеловала его в щеку.— Но ты сказал, что твое возрождение — дело рук кого-то другого. Не Сета?

— Да. Когда я открыл глаза, то увидел рядом человека с красной кожей. Едва ли то мог быть Змееголовый.

— С красной кожей? — Глаза женщины расширились.— Ты видел краснокожего воина в одежде из кожи? С длинными перьями, воткнутыми в волосы?

— Да. Ты его знаешь?

— Знаю. Он являлся мне в кошмарах, когда я жила у Рамваса. Он помогал мне советами, подсказал, как одурaczyć хозяина.

— Интересно. Этот краснокожий сказал мне, что я умер и он дает мне несколько часов жизни, чтобы спасти тебя. И я согласился.

— И все?

— Почти, он сказал, что Великое Равновесие не позволяет ему вмешаться самому.

Негр допил кубок.

— Мне пора.— Он поднялся и пошел к двери.

— Спасибо, Крим.— Белит прижалась головой к широкой груди друга.

— Я любил тебя, люблю и буду любить всегда. Прощай, сестренка.— Он бережно отстранил ее и вышел на палубу.— Будь счастлива, сестра!

Белит не пошла за ним. Она рухнула на постель и горько разрыдалась. Она потеряла добрую память об Алапе и во второй раз похоронила лучшего друга.

...Вскоре в ее каюту ворвутся переполненные чувствами пираты и расскажут о том, что они пережили, и о внезапном уходе призраков. Она будет внимательно слушать, сочувствовать, соболезновать, но перед ее глазами будет стоять улыбающийся Крим с кубком вина в руках.

«Будь счастлива, сестра...»

* * *

Конан шел по ночному призрачному лесу вслед за страшными проводниками. Наученный горьким опытом, киммериец старался не сходить с тропы и внимательно смотрел себе под ноги. Духи острова перекликались звонкими головами, пели, а иногда заливались смехом. В душе варвара поднималась волна злости.

— Куда мы идем?

— Он волнуется.

— Он не хочет идти с нами.

— Он устал.

— Пусть король отдохнет!

— Осталось совсем немного!

— Потерпи, король.

Звонкое многоголосье лезло в уши, вызывая раздражение и ярость. К сожалению, заставить их замолчать варвар пока не мог.

Они вышли на небольшую поляну, со всех сторон окруженную гигантскими деревьями. В центре стояли десять кресел, и в них сидел... он сам. Десять Конанов дружно встали и поклонились Конану — настоящему.

— Мы рады видеть тебя, — сказал стоявший в центре. — Твой путь к нам был слишком долг.

Рука варвара легла на эфес клинка.

— Кто вы такие, побери вас Кром?

— Мы — это ты сам. Каждый из нас — воплощение твоей самой сокровенной мечты, скрытого желания. В каждом из нас живет Конан, и все составляем единое целое.

— Что-то вас слишком много! Уж я-то все свои желания знаю наперечет.

— Ты так думаешь? Я — Конан-король. Он — Конан — великий завоеватель, тот — Конан — муж Белит и отец множества детей. Тот — жрец Митры, победитель Сета.

— Хватит. Что вам нужно от меня? Зачем вы затащили мой корабль на этот проклятый остров?

— Нами двигала лишь забота о тебе! Зачем могучему воину тратить силы в напрасных битвах, когда все, что тебе нужно, так близко и легко достижимо?

— Как это?

— Очень просто. Тебе достаточно пожелать, и любая просьба будет исполнена. Ты переживешь удивительные приключения и познаешь бесконечное счастье.

— Что-то слишком много обещаний... Чем же мне придется за это платить?

— Ничем, — отозвался первый лже-Конан. — Ты останешься с нами, сольешься с братьями. Поверь, нет большего счастья, нежели такое слияние.

— Все, чего мне хочется, я возьму сам, не ожидая милостей от каких-то оборотней!

— Подумай хорошенько. — Голос лже-Конана звучал мягко и успокаивающе. — Если тебя останавливает мысль о твоей женщине, то можешь забыть о ней. Она уже нашла утешение.

— Заткнись. Не смей даже упоминать о ней, призрак. Иначе, клянусь Кромом, я заткну тебе пасть!

— Садитесь, братья. Этот глупец не хочет соединиться с нами. Мирские заботы держат его слишком крепко. Придется нам, видно, объединить усилия, чтобы показать ему истинную сущность его шемитской девки.

Оборотни уселись обратно в кресла и, положив локти на подлокотники, соединили руки. Воздух перед Конаном замерцал разноцветными огоньками, и вдруг варвар увидел каюту Белит. Он был незримым свидетелем появления Алала, видел слезы в глазах Белит, страстные объятия и поцелуи. А затем шемит уложил обнаженную Белит на кушетку и накрыл ее своим телом. Женщина кричала и стонала, и ее голосу вторили хриплые стоны мужчины.

— Это вернулся ее муж, и она не задумываясь отдалась ему, — пояснил один из оборотней.

Вывхватив меч, Конан с размаху ударил по видению. Наваждение исчезло.

— Я не верю вам, проклятые демоны! — воскликнул варвар в гневе. — Вам не обмануть меня своим ведовством. Я не мальчишка, боящийся колдовства и злых духов! Белит не могла предать меня! Я немедленно возвращаюсь на корабль!..

Конан ухмыльнулся. Немногого могло вывести его из себя, но вид Белит в объятиях другого, пусть даже он когда-то был ее мужем, разжег тлеющую в душе ненависть во всепожирающий пожар. Не зная сил и возможностей противника, северянин хотел его раздражить и вызвать на необдуманные действия.

— Остановись! Если ты сделаешь хоть один шаг, с тобой будет то же, что и с ними, — прогремел голос оборотня.

Ближайшее к Конану дерево осветилось неизвестно откуда возникшим красным светом. На нижней ветке висе-

ли два тела. Конан не мог ошибиться — это были его спутники.

— Значит, и они отказались от ваших милостей, — рявкнул варвар. — Тем лучше. Достойная смерть для воина лучше постыдного соглашения. Если отказались они, то мне уж точно не пристало уступать.

— Тогда ты разделишь их участь. Хоть нам и жаль будет убивать тебя, брат.

— Мне тоже будет жаль убивать самого себя, но лучше-го вы не заслуживаете. — Северянин откровенно издевался.

— Умри же, непокорный!

Оборотни медленно поднялись с кресел и, не отпуская рук друг друга, двинулись к Конану.

Варвар ждал нападения. В его правой руке недобро посверкивал длинный тяжелый меч, а в левой он держал тонкий кинжал. Ровный ряд оборотней распался, теперь они пытались взять его в кольцо. Когда враги достаточно приблизились, киммериец отметил, что все они были одеты по-разному, а на голове одного даже посверкивал королевский венец.

Не давая себя окружить, варвар отступал к лесу.

— Ты умен, брат, но даже это не спасет тебя!

Внезапно часть нападавших исчезла. На Конана наступали теперь только шестеро.

— Обернись, брат, мы не хотим убить тебя ударом в спину.

Конан обернулся рывком и едва успел увернуться от нападения. Сила, вложенная двойником в удар, была слишком велика, и он пролетел вперед мимо скользящего в сторону киммерийца. Варвар немедленно обернулся и занес меч для удара. Однако вместо десятых противников он увидел лишь одного.

— Что, испугались! — яростно расхохотался он.

— Ты рано радуешься, варвар. Мои братья не бежали — мы просто слились воедино. И теперь наша сила возросла в десять раз.

— Да хоть в десять десятков, — зло отозвался Конан. — Это не мешает мне уничтожить вас!

— Неужели ты правда попытаешься убить самого себя? — насмешливо поинтересовался противник, нанося рубящий удар сверху.

— Не только попытаюсь, но и убью!

Конан парировал удар. Клинки столкнулись, высекая снопы искр, и оборотень едва удержался на ногах.

— Мне нравится твой стиль боя.

Нет большей ошибки, нежели болтать с противником во время драки. Это отвлекает разум от единственного важного дела — просчета действий врага. Разговоры и злоба — главные враги настоящего бойца.

— Не молчи, брат, поговорим о чем-нибудь перед смертью. У нас так редко появляются собеседники.

Но варвар дрался молча, настороженно следя за движениями оборотня. Пот уже струился у него по лбу, но противник был по-прежнему свеж и бодр. Игра складывалась не в пользу киммерийца, который понемногу начинал уставать. Силы иссякали стремительно — точно подлый двойник высасывал из него жизненные соки.

— А эта шлюха, Беллт, какова она в постели? Пожалуй, после твоей смерти я к ней загляну. Не откажет же она мне в ласке?

Конан сделал резкий выпад, и его меч царапнул плечо оборотня.

— Хорошо, — признал демон. — Но не забывай, что я одет в точности как и ты, и мои доспехи так же прочны, как и твои.

Клинок Конана свистнул, и новая царапина заалела на руке противника. Еще одно обманное движение — и демон оказался в опасной близости от кинжала варвара. Отточенное лезвие вонзилось глубоко в бедро, но демон даже не поморщился.

— Ты забыл, что я не чувствую боли! — рассмеялся враг, обрушивая на киммерийца серию ударов. Конан не сумел отбить их все, и кровавые рубцы пролегли на его теле.

— Ты мне надоед, варвар. Ты меня больше не развлекаешь. — Лже-Конан нахмурил брови. — Сейчас я тебя убью.

Страшный удар выбил меч из рук Конана. Расхохотавшись, двойник занес меч над головой и приготовился опустить его на безоружного противника.

— Сдохни, наглец. А я пойду оброхотать твою шлюху!

Мысль об опасности, угрожающей Белит, придала Конану новые силы и лишила последних колебаний. Он остановит оборотня даже ценой своей жизни!

Меч свистнул совсем близко, но варвар успел уклониться в сторону. Не давая противнику поднять меч для нового удара, он бросился на него и сжал запястья врага стальным захватом. Медленно пальцы демона разжались, и клинок выпал на траву. Тотчас же Конан отпустил кисть врага и нанес ему мощный удар в подбородок. Демон тяжело рухнул на землю.

Когда он поднялся, меч уже был в руках у Конана.

— Неужели ты убьешь безоружного? Убьешь самого себя?

— Убью! — прорычал варвар. — Как ты сам собирался убить меня!

Демон попытался повторить прием Конана и уйти от разящего клинка, но варвар в последнюю минуту изменил траекторию удара... Обезглавленное тело еще какое-то время держалось на ногах, а затем грузно осело. Над поляной пронесся стон, и облако духов, наблюдавших за схваткой из-за деревьев, исчезло.

Конан устало вытер пот со лба и облегченно вздохнул. Внезапно он почувствовал слабое жжение в правой руке. Меч оборотня таял. Серебристые капли скатывались с клинка и тоненьким ручейком струились к тому, что еще недавно было двойником Конана. Сгусток серой пены вспучивался и колыхался, а из недр его на варвара смотрели огромные печальные глаза.

— Спасибо тебе, киммериец. Если бы не ты, я была бы обречена вечно исполнять волю Сета, и душа моя никогда бы не познала покоя, — прозвучал мягкий женский голос.

— Кто ты? — Варвар на всякий случай отбросил остатки меча оборотня и поднял свой клинок.

— Древнее божество, заколдованное Сетом. Я должна была служить ему, пока одна из моих жертв не убьет

меня моим же мечом. Ты освободил меня, киммериец. Благодарю.

— Так ты была неповинна в этих злодеяниях?! Будь проклят Змееголовый — даже богов он поставил себе на службу! — Конан сплюнул в сердцах. Он верил словам небожительницы. Этот взор, полный затаенной боли и любви... Она не могла лгаты! — Могу ли я чем-то помочь тебе? Клянусь, если это будет в моих силах, я...

— Поздно. Митра ждет меня в саду блаженства, и я вымолю у него прощение. А в благодарность за доброту прими мой последний дар — любое твоё желание будет исполнено. Но торопись, я слабею...

Вихрь мыслей поднялся в голове Конана, и все они крутились вокруг Белит. Больше всего на свете киммериец хотел дать счастье единственной женщине, которую он любил.

— Я хочу, чтобы зачатие бесплодия было снято с моей возлюбленной.

— Да свершится воля Митры! — Глаза богини сомкнулись. — Все будет исполнено, о мой избавитель. А теперь поспеши на корабль, скоро этот остров погрузится под воду навсегда.

— А мои спутники?

— Они уже ждут тебя на дороге. Прощай!

Конан побежал. Ноги сами уносили его прочь от проклятого места. Хотя древнее божество и умирало, но меч по-прежнему был наготове. Там, где был замешан Змей порока, нужно было опасаться всего.

Ночь рассеивалась слишком быстро, и солнце словно бы выпрыгнуло из-за горизонта. Когда Конан убил своего двойника, еще стояла ночь, а когда он вышел из леса и увидел Карема и Сахеба, над заколдованным островом царил день. Алый туман вокруг корабля рассеялся, и «Тигрица» радовала глаз знакомыми очертаниями. Мужчины обнялись.

— Амра, мы пережили такое!.. — начал было Карем.

— После. — Конан не мог оторвать глаз от корабля. — Скорее отсюда! Скоро остров уйдет под воду.

Белит стояла на носу корабля. На ней была лишь узкая набедренная повязка, и обнаженное тело светилось белизной. Она ждала его. Ждала, как обещала.

Не в силах сдерживаться, варвар побежал. Сахеп и Карем старались не отставать, но куда им было угнаться за мужчиной, которого ждет любимая.

— Скорее, Амра, скорее, — донесся до них звонкий голос Белит.

Как только Конан и его спутники поднялись на палубу, заколдованный остров исчез. Не утонул, не скрылся в волнах, а просто исчез, точно его и не было никогда. «Тигрица» закачалась на волнах, и ничто вокруг не напоминало о том, что совсем недавно здесь была суша.

Много позже, когда море вновь укрыла ночь и счастливая Белит разнежилась в объятиях любимого, он рассказал ей о своем желании.

— Неужели ты думаешь, что дух острова исполнит его?

— Уверен, Белит. Я видел ее глаза. У нас обязательно будет сын.

Вскоре Конан задремал, а Белит лежала с открытыми глазами и думала о пророчестве Самди. Сейчас ей не хотелось протестовать. Если судьбой суждено родить еще одного ребенка, пусть это будет дитя Конана. Плоть от плоти его.

Наконец сон сморил Белит. Шемитка вновь оказалась в знакомом ей заколдованном лесу. Те же деревья, сначала дружелюбные, а затем угрожающе-мрачные. Кошмар повторялся, и на этот раз рядом с Белит не было краснокожего друга.

Огромная змея с шипением догоняла Белит. Предательская ветвь обвила ногу убегавшей женщины, и шемитка упала, но вдруг между нею и чудовищем появился обнаженный белокожий мужчина.

Белит не могла ошибиться. Это был...

— Конан! — дико закричала Белит.

Варвар принял на себя удар чудовищной головы, но удержался на ногах. Змея отпрянула. Глаза с вертикальными зрачками внимательно изучали нового противника. С

длинных клыков стекали капли яда. Там, где они капали на землю, трава начинала дымиться и высыхать на корню. Белит застонала. Что мог сделать безоружный Конан против чудовища, одна голова которого была размером с голову крупного быка?

Громко шипя, змея заскользила к Конану. Огромная башка метнулась к варвару, но он увернулся и отскочил в сторону. Разъяренное неудачей чудовище ударило еще раз и снова промахнулось. Пляска человека и змеи могла бы продолжаться долго, но змея предательски оплела ноги Конана, захватив его в ловушку.

Уже через мгновение живой канат стискивал его до пояса. Змеинная голова поднялась к самому лицу варвара, и глаза бестии встретились с синими глазами Конана. Огромная пасть приоткрылась, и слуга Сета попытался укусить северянина в лицо. Но Конан стремительным ударом успел отбить скалящуюся пасть, и длинный клык вошел глубоко в собственное тело монстра.

Кольца, еще недавно сжимавшие Конана стальным захватом, обмякли. Каков-то мгновение тело змеи лежало неподвижно, а затем рассыпалось в прах.

Конан обернулся к Белит.

— Пойдем, любимая, нам пора.

Этот сон больше никогда не побеспокоит ее.

* * *

...Проклятая река Зархеба уже лишила Белит половины команды. Часть пиратов ушла с Конаном на поиски воды, а оставшиеся на корабле занимались перетаскиванием сокровищ древнего храма. Белит с наслаждением копалась в грудах ожерелий и колец, пересыпала в ладонях неотшлифованные алмазы, примеряла ажурные диадемы, но не забывала настороженно поглядывать по сторонам.

— Сахеп, — позвала она.

— Да, Тигрица. — Воин немедленно отозвался на зов Белит.

— Я буду у себя в каюте. Когда закончите грузить, позовешь меня.

Негр кивнул. Белит ушла с палубы в прохладный полумрак каюты и прилегла на кушетку. Многие настораживало Белит в этом заколдованном месте, но перестук сыплющихся в сундуки драгоценностей дурманил разум и притуплял осторожность. Шемитка грезил о боевых галерах, о наемниках, готовых повиноваться каждому ее слову... Грезил о сожженной, превращенной в пустыню Стигии.

Золото даст ей власть, а власть — возможность мстить.

Погрузившись в мечты, Белит потихоньку задремала. И в снах видела все те же груды золота и сверкающих камней. Разбудило ее прикосновение чьей-то руки к щеке. Белит открыла глаза и удивленно охнула — рядом с ней стоял краснокожий посланец Митры.

— Настал час принять решение, о королева. — Голос незнакомца звучал торжественно и немного печально.

— О чем ты? Что-то грозит Конану? — Не стесняясь наготы, Белит откинула покрывало и села.

— Пока ничего, но может произойти непоправимое.

— Говори, — приказала Белит.

Краснокожий отступил на шаг и взмахнул рукой. Тотчас же, словно из ниоткуда, возник сгусток памятного Белит красного тумана. Он рос, вытягивался, менял цвета, и наконец перед женщиной возникло огромное, от пола до потолка, зеркало.

— Смотри внимательно, Тигрица! — сказал краснокожий.

Белит увидела Конана, сидящего на ступенях разрушенной пирамиды, среди поваленных колонн. Вокруг него лежали тела пиратов, а чуть поодаль, в тусклом свете звезд, вспыхивали красными огоньками глаза гиен.

На мгновение зеркало замутилось, а потом Белит с ужасом увидела себя — лежащую на палубе среди распхнутых сундуков с сокровищами. Белит, завернутая в пурпурный плащ Конана, казалось, спала, но настоящая Белит видела, что женщина на палубе «Тигрицы» не дышит.

По зеркалу вновь побежала рябь, и Тигрица еще раз увидела Конана. На этот раз варвар отбивался от нападавших на него огромных гиен. Когда последняя бестия задергалась в предсмертных судорогах и киммериец опустил окровавлен-

ный меч, ему на плечи прыгнула крылатая обезьяна. Мохнатые лапы сошлись на мускулистой шее Конана, длинные когти впились ему в горло, и варвар рухнул на каменные плиты. Задние лапы твари рвали его тело, а передние все сжимались и сжимались в смертельной хватке...

— Нет! — словно издали донесся до Белит ее собственный голос. — Нет! Нет! Нет!...

— Все в твоих руках, королева. — С первыми же звуками голоса краснокожего зеркало исчезло. — Согласна ли ты отдать свою жизнь за жизни Конана и вашего сына?

— Согласна, — не раздумывая, отозвалась Белит. Собственная жизнь, мечты о богатстве, даже жажда мщения — все отступило перед тревогой за жизнь любимого. — Я согласна на все, лишь бы спасти его. Но о каком сыне ты говоришь?

— В ту ночь, после острова Скорби, древнее божество, освобожденное Конаном, сняло с тебя заклятие Сета. И сейчас под твоим сердцем растет новая жизнь.

Краска залила щеки шемитки. Теперь, когда она поняла, что было причиной сонливости и постоянной усталости, мучивших ее последние недели, ей до боли захотелось разделить радость с возлюбленным.

— Мне жаль, Белит, но он никогда не узнает о сыне. — Краснокожий виновато развел руками. — Если ты откажешься уйти со мной — вы оба погибнете. Если согласишься, то вы расстанетесь навсегда задолго до рождения мальчика.

— Уйти с тобой? — переспросила Белит.

— Да, со мной. В страну за великой соленой водой, где будущий воин вырастет здоровым и счастливым, рядом со старшим братом — Кедроном.

— Значит, Кедрон уже там? Это был не сон?! — Шемитка не знала, радоваться ей или горевать.

— Да, Белит, посланец Солнцеликого спас его в тот страшный день стигийского набега, а я вернул малыша в мир людей.

— Если я уйду с тобой, Конан останется жить? Ты обещаешь мне это?

— Ты сама спасешь его, встав между ним и его смертью, — уверенно отозвался воин.

— Но как же я смогу это сделать? Ведь я видела — там, на палубе, завернутая в плащ, лежала мертвая Белит.

— Погибнет лишь телесная оболочка, но глубинная сущность, пламя твоей души, останется жить и обретет новое тело на новой родине.

— Значит, я не смогу даже проститься с ним? Обнять, прижаться на прощание? Поцеловать? — Голос Белит звенел от слез. — Зачем все это? Зачем? Ты не ведаешь жалости, о посланец богов!

— Неправда, жалость разрывает мое сердце, женщина! Но сильнее всего я страшусь за свою родину. Если твои сыновья, будущие король и верховный жрец, не придут к нам на помощь в грядущую годину великой опасности, погибнет вся моя страна. Тысячи и тысячи людей погибнут, Белит!.. Разве их жизни не стоят такой жертвы? Я помогал тебе сколько мог — и разве теперь ты не согласишься прийти на помощь нам? Мы взываем к тебе!

— Я понимаю твою боль. — Шемитка вытерла непрошеные слезы. — Ты многого требуешь от меня. Отказаться от любви, от счастья — и все это ради людей, которых я не видела никогда в своей жизни, ради таинственной страны, даже названия которой не знаю... Но сердце говорит мне, что такова воля богов. У меня нет сил противиться их желанию. Только пусть никто и никогда больше не называет при мне Митру всеблагим и милосердным! Я не поверю этому! — Белит стиснула зубы, сдерживая рвущиеся из груди рыдания. — Он дал мне жизнь — а теперь отнимает ее. Что ж, я согласна на все — если это спасет Конана. Что я должна делать?

— Ничего! Просто скажи еще раз, что ты отдаешь свою жизнь в руки Пресветлого бога, — торжественно сказал краснокожий. — И не проклинай Солнцеликого. Милость его безмерна, но не всегда она делается ясна людям. Возможно, когда-нибудь позже ты сумеешь это понять. А теперь повторяй за мной: «Я, Белит...»

— Я, Белит, Тигрица морей, дочь короля Асгалуна, отдаю себя в руки Митры и принимаю его волю, — не дрогнув, повторила Белит. — Если кто-то и должен умереть, пусть это буду я.

— Да исполнится воля Пресветлого! — Краснокожий подошел к Белит и положил руки ей на плечи. — Встань и иди за мной.

Белит поднялась, натянула длинную шелковую рубаху, перетянула ее боевым широким поясом.

— Оружие не понадобится, — предупредил краснокожий, но привычка чувствовать на бедре тяжесть клинка оказалась сильнее любых доводов. Отрицательно покачав головой, Белит вложила клинок в ножны и воткнула в высокую прическу тонкую стальную булавку.

— Я готова, — просто сказала она.

— Тогда ступай вперед. Я задержусь еще на мгновение...

В последний раз оглядела Белит каюту, где познала любовь и счастье, которому, как ей казалось, не будет конца. Краснокожий не увидит слез королевы Черного побережья — она преодолет и эту боль, лишь бы знать, что Конан будет жить. Мотнув головой, словно стряхнув последние сомнения, Белит вышла на палубу.

И остановилась. Трагедия пиратской команды развернулась на ее глазах. Крылатый демон, несущий смерть всему живому, вихрем носился по палубе среди неподвижных тел пиратов. Страшное колдовство лишило людей сил, и они стали легкой добычей кровожадной бестии. Кровь струилась из разорванных шей, а тварь, урча, вырывала из трупов куски мяса и пожирала, размазывая кровь по безобразной морде. Белит выхватила меч и сделал шаг к чудовищу, но воин-жрец встал у нее на пути.

— Твой клинок не причинит ему вреда, — произнес краснокожий, словно уговаривая маленького ребенка. — Ни ты, ни я больше не существуем в этом мире. Мы невидимы и неощутимы.

— С дороги! — не терпящим возражений голосом приказала Белит.

Не в силах противиться негибимой воле королевы морей, мужчина послушно отошел в сторону. Одним прыжком шемитка оказалась воле демона и вонзила меч ему в шею. К ужасу Белит, чудовище даже не заметило удара и, не обернувшись, продолжало кровавое пиршество.

— Я предупреждал тебя!

Не слушая, Белит ударила еще раз. И еще. На шкуре проклятой твари не появилось даже следа от ударов.

Вдруг чудовище заметило открытую дверь каюты Белит и, прихрамывая, устремилось туда.

— Она пошла за тобой, — невозмутимо заметил жрец.

Когда тварь выбралась на палубу, волоча за собой обнаженное женское тело, шемитка не удержалась от возгласа:

— Но это же я!

— Нет. Ты — здесь, со мной. А то — лишь твой двойник, сотворенный мною при помощи магии. Ибо, во исполнение божественного провидения, смерть твоя должна стать очевидной. В этом мире Белит отныне мертва. Теперь для тебя нет иного пути, кроме как уйти со мной, о мать короля и жреца!

Тварь бросила неподвижное тело на грубые доски и долго вглядывалась в прекрасные черты мертвого лица, словно удивляясь странной добыче. Затем наклонилась, потрогала ожерелье из красных бриллиантов, украшавшее шею женщины, и вдруг разразилась громовым хохотом.

Нечеловеческая злоба звучала в смехе демона, и Белит невольно поежилась. Внезапно решившись, тварь подпрыгнула, сжимая в лапах неподвижное тело, и взмыла вверх.

Через мгновение лже-Белит закачалась на мачте, подвешенная за собственное ожерелье, а демон широкими кругами летал вокруг судна, оглашая воздух громкими криками.

— Нам здесь больше нечего делать. Я не хочу, чтобы ты видела горе твоего возлюбленного. Я и так достаточно заставил тебя страдать, о моя королева. Но в моих силах перенести нас туда, где будет решаться его судьба.

— Хорошо.

— Мы перенесемся во времени. Готовься, ты узришь вечер сегодняшнего дня.

«Из адской бездны и цветущих садов небожителей я приду, любимый, чтобы отвести от тебя любую беду, — думала Белит, пока время и пространство сжимались вокруг нее в пульсирующий алый кокон. — Я отдам тебе всю свою силу и волю — только живи! Пусть рядом с тобой будет

другая — только живи! Пусть ты забудешь меня — только живи!»

— Он никогда не забудет, — прервал мысли Белит тихий голос. — Твоя любовь навеки останется с ним, а память о его любви согреет тебе душу.

— Это ты, Солнцеликий? — спросила Белит, почему-то уверенная, что голос может принадлежать только сияющему богу.

— Да, возлюбленная дочь моя.

— Молю тебя, повелитель живущих, позволь мне еще раз поговорить с ним, любить его! Дай мне еще глоток счастья!

— Мое горе так же велико, как и твое, о женщина, но Равновесие сильнее меня, и его хрупкий покой нельзя нарушать.

— Но ты же бог!

— Не боги вершат судьбы смертных.

Алый кокон вокруг Белит внезапно исчез, и шемитка увидела над головой иссиня-черный купол неба. Луна еще не взошла, и в небе сверкали тусклые огоньки звезд. В их свете Белит разглядела силуэты огромных гиен. Хищники шли стаей, направляясь к развалинам древней пирамиды.

— Нам туда. — Вождь-воин указал на одинокую фигуру, смутно видневшуюся на фоне руин.

Сердце пиратки чуть не выскакивало из груди. Это мог быть только он — любимый, единственный мужчина ее жизни. В его руках она была глиной, и ради него она стала тверже глины, жертвуя собой ради его жизни.

— Пойдем. — Не дожидаясь ответа своего спутника, Белит зашагала вперед.

На глазах у пиратки разгорелась битва между Конаном и гиенами, но шемитка знала, что не они представляли главную опасность.

Вот уже последняя тварь забилась в судорогах... Варвар вытер со лба кровь и пот и попытался восстановить дыхание. Вдруг где-то над головой раздалось хлопанье крыльев. Конан поднял меч и начал подниматься на развалины, выискивая глазами нового врага.

Но с воздуха удара не последовало. Вместо этого руины запатались, грозя похоронить под собой варвара. Нечеловеческим усилием устояв на ногах, Конан спрыгнул на землю — и в это время древняя колонна разлетелась на куски.

Большой обломок мрамора придавил ноги Конана, а множество мелких осыпали руки и лицо. С трудом киммериец приподнялся на одну руку и с ужасом увидел, что прямо на него мчится крылатая обезьяна. Превозмогая боль, Конан высвободил ноги из-под валуна... но он уже не успевал дотянуться до меча.

И тогда Белит поняла, что ее час настал.

Дочь королей Асгалуна встала между крылатым дьяволом и его жертвой. Она протянула ладонь к демону, огонь полыхнул из ее пальцев, точно солнце зажглось в ее руках, — и жалобный визг разорвал ночной воздух. Все случившееся заняло лишь мгновение, но Конан успел перекачаться на бок и схватить клинок.

Тело Белит сияло в лунном свете, черные волосы развевались по ветру.

— Белит! — выкрикнул Конан. — Белит, это ты?!

Она обернулась и в последний раз посмотрела на любимого. Если бы только она могла в одном взгляде передать Конану всю свою любовь, всю нежность, всю страсть!..

«Из адской бездны и из садов небожителей поспешу я тебе на помощь, — повторяла Белит вновь и вновь. — Живая ли, мертвая, в этом мире или в другом — я останусь с тобой, возлюбленный! Моя любовь сохранит тебя от любых нападений. Только обернись — и ты увидишь мою тень. Прислушайся — и услышишь мой шелот: я люблю тебя, Конан. Я буду вечно любить тебя».

«Я люблю тебя!» — повторяла она, когда меч варвара рассек крылатое чудовище.

...Когда, вернувшись на галеру, он повел корабль в открытое море.

...И когда, задыхаясь от скупых мужских рыданий, опускал в холодную черную воду завернутое в пурпурный плащ тело.

Часть первая ПРОИСШЕСТВИЯ В АГРАПУРЕ

Глава первая

Свирепый северный ветер насквозь продувал кривые и грязные улочки Аграпура, сбегавшие к порту. Саудан плотнее запахнул плащ, пытаясь защититься от резких, обжигающих холодом ударов влажного морского воздуха. С возвышения, на котором раскинулась небольшая овальная площадь, в надвигающихся сумерках он видел стоявшие на якоре в открытом пространстве большие корабли и строй мелких баркасов и рыбацких лодок, прилепившихся ближе к изрезанному заливами и бухтами каменистому берегу. Налетающие шквальные порывы немилосердно раскачивали и галеры, и шхуны, и только тяжело груженные песком и камнем баржи, словно нехотя, медленно наклоняли свои корпуса, отзываясь на напор ветра.

Саудан хорошо различал среди прочих посудин свою «Утреннюю звезду» по искусно вырезанной на носу фигуре зубастого дракона. Выбеленная ветрами и соленой водой, она ярким светлым пятном мелькала в быстро темнеющем пространстве, словно танцует среди вздымающихся волн. Саудан несколько лет ходил по морю Вилайет на этом корабле, который, как и несколько других, принадлежал богатому туранскому купцу Джемаху. Еще в юности он поступил матросом на один баркас, думая немного подзаработать для того, чтобы открыть трактирчик в порту Аграпура, но море так и не отпустило его — он остался моряком, набираясь опыта и постепенно переходя с одного судна на другое, более крупное.

Теперь, после многих лет морской службы, он был уже капитаном большого корабля, совершавшего далекие плаванья по морю, вплоть до самой тундры, где и летом можно было напороться на льды или проснуться утром от жуткого треска мачт, склоняющихся под весом обледеневших снастей. Только что он вернулся в Аграпур с ценным грузом — табуном гирканских боевых скакунов и еле отбил от ксапурских пиратов, грабивших проплывающие мимо острова корабли. Помог попутный северный ветер, который теперь трепал мачты сгрудившихся у берега кораблей. Если бы не этот норд, то десяток пиратских баркасов догнал бы «Утреннюю звезду», и вряд ли сейчас Саудан шел бы по городу. Скорее всего, он кормил бы рыб на дне моря, либо, в лучшем случае, плелся под плеткой надсмотрщика в цепях невольничьего каравана куда-нибудь в Кхитай или в Гулистан. Житья не стало от этих пиратов!

Нельзя сказать, чтобы раньше никто здесь не слышал о пиратах — нет, они, конечно, всегда грабили суда на Вилайте, но гирканский ушм-каган, как было договорено с Тураном, обеспечивал относительную безопасность купцам, плавающим у восточного берега. Постепенно, однако, в Гиркании стали смотреть сквозь пальцы на «шалости» Красного Братства, как называли себя эти бандиты. Тут еще после того, как в Шеме, Кофе и Офире прекратились войны, целые поляща оставшихся не у дел лихих людей хлынули к гостеприимным берегам моря Вшлайет, и теперь даже туранскому правителю не удавалось навести здесь хотя бы подобие порядка. Каждый должен был полагаться на себя, на свои силы, удачу да на милость богов. Саудан обсуждал эти дела с хозяином после своего возвращения.

— Житья не стало от этих пиратов! — выслушав рассказ своего капитана, воскликнул Джемах. — Думаю, нам надо набрать на корабль с десяток крепких и умелых ребят, которые могут хорошо работать с мечом и луком. Ты бы походил по кабачкам да тавернам, поискал кого-нибудь из бывших солдат или... — Он слегка замаялся, оглаживая окладистую черную бороду, но, махнув рукой, продолжил: —

Да вообще любые темные личности подойдут. Чем скрываться от стражников, им куда выгоднее будет служить у нас. Надо усилить охрану, а то не сносить вам головы, а мне одни убытки, клянусь богами.

Вот теперь Саудан после разговора с хозяином и направлялся к порту, надеясь подобрать к себе на корабль людей, искушенных в солдатском ремесле, а не то действительно можно пойти на корм рыбам. Он поглубже натянул на голову свою выдавшую виды войлочную шапку и направился по узкой улочке вниз, где призывно горели фонари веселых домов и предпортовых таверн и где уже собирались скоротать вечер матросы с торговых кораблей, рыбаки и мелкие торговцы, портовые грузчики — да мало ли какой народ забредал сюда выпить кувшинчик вина и подкрепиться, да и просто поболтать со знакомыми или завести новых друзей.

— Рад видеть тебя, морская крыса! — приветствовал его хозяин харчевни «Соленый лещ», когда Саудан появился на пороге его заведения, с трудом справляясь с напором ветра, мешающим ему закрыть дверь.

— Привет, обглоданная клешня! — в тон ему ответил Саудан, направляясь к длинной стойке, за которой, в окружении бочонков с вином и глиняных кувшинов, возвышался, гордо выпятив под замызганным кожаным фартуком огромное выступающее брюхо, Келиб, хозяин харчевни.

Они обменялись крепким рукопожатием, как старые друзья. Действительно, знали они друг друга уже лет тридцать, а может быть, и более — в общем, с того времени, когда оба — ныне представительные, всеми уважаемые мужчины — были еще неоперившимися юнцами.

— Как дела? — спросил Келиб. — Что-то давненько о тебе не было ничего слышно.

— Далеко ходили, — беря протянутую кружку, ответил капитан, — на северо-восток, к гирканским степнякам.

— Ну и как, удачно?

— Хозяин доволен, — прихлебывая вино, ответил Саудан, — но около Ксапура нас чуть было не достали пираты.

— Да,— подхватил Келиб,— житья от них нет никакого. У почтеннейшего Ахматуллы два корабля так и не вернулись. Наверное, им, в отличие от тебя, не повезло.

— В море всякое бывает, может быть, и буря застигла.

— Сам знаешь, летом на море почти всегда спокойно,— возразил хозяин харчевни.— Они должны были еще осенью вернуться, а сейчас уже вон сколько времени прошло.

Мнению Келиба можно было доверять: он сам еще несколько лет назад ходил в море, да, кроме того, в его таверну стекались все новости — так что, если он что говорил, то зря не свистел и слов на ветер не бросал.

— Пожалуй, ты прав,— усмехнулся Саудан,— тогда тем более стоит поскорее заняться делом. Хозяин посоветовал подобрать дюжину крепких бойцов на «Утреннюю звезду».

— Я могу свести тебя кое с кем, только немного позже,— понизив голос, сказал Келиб.— Садись за столик, пока. Сегодня очень хорошие крабы. Свежие, крупные.

— Сам знаешь, если полгода был в море... Вот они где у меня, эти крабы! — Капитан выразительно провел ребром ладони по шее.— Давай лучше какого-нибудь мяса — конины или барашка.

— Ладно уж, привереда! — раскатисто засмеялся хозяин.— Садись, что-нибудь сообразим.

Саудан отошел от стойки и сел за маленький столик в углу большого зала. Подавальщик по знаку хозяина расторопно поставил на стол кувшин вина, кружку, блюдо со свежими лепешками. Капитан задумчиво отломил румяный поджаристый ломтик и медленно жевал аппетитный хлеб, оглядываясь по сторонам.

Народу в харчевне было еще немного: через несколько столов от Саудана десяток матросов с торгового корабля шумно рассаживались по скамьям, предвкушая выпивку и сытный ужин, да еще один человек, лица которого не было видно из-за надвинутого капюшона, сидел в дальнем от капитана углу. Взгляд Саудана на мгновение задержался на могучей фигуре незнакомца, потом заскользил дальше по пустынному залу. Больше в таверне никого не было. Вечер еще только начинался.

«Знакомые что-то рожи! — подумал про матросов Саудан.— Уж не с «Северной стрелы», часом? Потом спрошу,— решил он, поскольку перед ним как раз поставили блюдо с аппетитно дымящейся бараниной, и грешно было не отдать дань искусству Келибова повара,— никуда они не денутся».

Баранина была превосходной. Саудан отломил косточку с розоватым сочным мясом и обернулся к стойке. Келиб заговорщицки подмигнул ему: знай, мол, напих! Он оказался прав: кушанье было приготовлено особенно мастерски — для хорошего знатока или для хорошего друга, каким и был капитан хозяину харчевни. Саудан знаком выразил свое восхищение и принялся за еду.

Наслаждаясь покоем, сытной и вкусной едой, превосходным вином, Саудан тем не менее не забывал о цели своего прихода и оглядывал оценивающим взглядом каждого, входящего в таверну. Несколько стражников, бряцая амуницией, ввалились в зал и направились к стойке.

— Эй, Келиб! — заорали они от самого входа,— плесника по кружечке, что-то в горле пересохло от этого ветра!

«Вот таких бы дюжину,— подумал Саудан, уважительно оглядывая их доспехи и внушительные фигуры,— тогда и плавать можно было бы спокойно. Но с такого хлебного места их разве сманишь?»

Да, служить в городской страже было почетно и наваристо, хотя и небезопасно: редкий месяц проходил без того, чтобы кто-нибудь из этих молодцов не пополнял унылый строй отправившихся на Серые Равнины,— если есть стража, то есть и те, кому эта стража очень мешает. Саудан еще раз глянул на стражников, их блестящие кирасы были сделаны отличным мастером и ладно сидели на крепких торсах солдат. Капитан мрачно вздохнул и вновь принялся обглаживать баранью ногу.

Стражники вышли по кружке и, звеня кольчугами и стуча подкованными сапогами, вышли на улицу. Но в таверне не стало тише: народ прибывал, и зал вскоре зашумел стуком ножей, смехом, возгласами посетителей, собиравшихся

провести здесь приятный вечерок. Мальчишки-подавальщики вихрем носились по залу, разнося блюда с пищей и пузатые кувшины с вином — харчевня зажила своей полнокровной вечерней жизнью. Кое-кто из проходящих узнавал капитана и подходил к нему поприветствовать и перекинуться парой слов, узнать последние новости морского путешествия, рассказать про свое. Много знакомых было у Саудана, да и то сказать, если всю жизнь прожил в этом городе, то половину Аграпура будешь знать хотя бы в лицо.

— Кого я вижу! — К столу Саудана протиснулся крепкий, широкоплечий человек с обветренным, загорелым лицом. — Ты, похоже, недавно вернулся, приятель?

— Привет, Бахтар! — Капитан жестом пригласил его присесть. — Вчера, — коротко ответил он на вопрос и помаанил пальцем мальчишку: — Еще вина, баранины и кружку для моего друга.

Бахтар присел на скамью, положив на столешницу жилистые волосатые руки. Несколько шрамов на запястьях и предплечьях свидетельствовали о бурных событиях, которые не прошли в свое время стороной мимо обладателя этих могучих рук.

— Как твои дела? — спросил, в свою очередь, Саудан, наливая собеседнику вина из кувшина. — Мы ведь не виделись года два, а то и все три, не так ли?

— А, — уныло махнул рукой Бахтар, — по-всякому. Сейчас вообще никак.

Он одним махом осушил кружку, и Саудан вновь наклонил кувшин. Пенистое вино забулькало, вырываясь из узкого горла расписного сосуда.

— Похвастать особо нечем. — Бахтар вытер рот тыльной стороной ладони. — Два года служил в офирской кавалерии, да, видно, не у того командира. Нас разбили в одном из боев, еле ноги унес. Там было не до жиру, лишь бы голову на плечах оставить. Вернулся голый, как эта ладонь. Нанялся к Ахматулле на «Эфес», сделали две ходки в Хоарезм, но у него сейчас дела пошли туго, и он нас всех рассчитал. При расчете дал, сам понимаешь, совсем немного — монеты уже кончаются. Правда, он обещал, если дела

поправятся, вновь снарядить корабль в плавание, но одни боги знают, когда это может случиться.

— Я тебя давно знаю, — начал не спеша Саудан, прихлебывая вино из кружки, — и знаю с хорошей стороны. Ты, пожалуй, мне подойдешь.

— Зачем это я тебе понадобился? — В глазах Бахтара промелькнуло любопытство.

— Мне нужно усилить охрану корабля, — ответил Саудан. — У меня есть пятнадцать бойцов, но пираты настолько обнаглели, что этого стало мало. Надо бы еще найти с дюжину таких крепких ребят, как ты. У тебя, случаем, нет кого-нибудь на примете?

— Лихих ребят хватает, — усмехнулся Бахтар, — но ведь тебе нужны те, кто знаком с морем. Непривычные к качке заблюют тебе всю посудину, — оскалил он желтые зубы, — а толку от них не будет никакого!

— Да уж, — засмеялся капитан, — как-то вез я два десятка стигийских рабов, и случился шторм — слабенький, между прочим, так себе штормишко. Так еле потом трюм отмыли. Ну, я вижу, ты понял, чего мне не надо. Поищи подходящих молодцов, сделай доброе дело.

— Договорились, — протянул руку Бахтар. — Ты здесь будешь?

— Да, посижу еще, пожалуй.

— Я сгоняю в «Петух», может быть, уже сегодня трех-четыре рубак тебе найду. Я ведь не один был в Офире, там немало наших сражалось.

— Спасибо, — капитан налил еще кружку вина, — выпей на ход ноги.

Когда приятель ушел, Саудан заказал еще кувшин вина и решил, что удачно начал набор охранников с Бахтара. Теперь он может спокойно, ни о чем особенном не думая, посидеть в уютной, пропахшей пряностями таверне, отрепившись под мерный рокот людских голосов от гнетущих забот.

Глава вторая

Конан выбрал таверну «Соленый лещ», потому что она показалась ему более безопасной, чем другие подобные заведения. Паутина кривых улочек, невысокие изгороди, близость порта — все это давало возможность в случае опасности улизнуть незамеченным. Он сел за дальний стол в углу, заказал кувшин вина и блюдо вареных крабов и, не торопясь, принялся за трапезу.

Времени у него было много, спешить было некуда. Он не раз в молодости бывал в различных городах Турана, и хотя это было уже давно, но, наверное, осталось немало людей, кто мог бы узнать его в лицо. А поскольку далеко не все, чем он тогда занимался, согласовывалось с местными правилами и законами, то варвар из Киммерии старался не особенно афишировать свое появление в Аграпуре.

Несколько лет назад ему пришлось срочно покинуть столицу Турана: он убил старшего капитана туранской армии; мало того, этот офицер был сыном верховного жреца бога Эрлика. Хотя Конан тогда уже дослужился до звания капитана, и убил он того Оркана в честном поединке, но законы Турана были суровы: поднявшего оружие на выходца из гирканской знати ожидает смерть, тем более что варвар был чужеземцем. Повод их ссоры, в общем-то, казался киммерийцу не таким уж значительным. Подумаешь, застал его Оркан в постели своей любовницы!

«Эта Наркия, помнится, была на редкость хороша! — Отзвуки бывшего нахлынули на киммерийца. — Хороша, но уж какая стерва!»

Так или иначе, но ему не стоило появляться в Аграпуре открыто. Конан даже в таверне не откинул со лба капюшон плаща и, потягивая молодое пенистое вино, сидел вполоборота к входу, чтобы видеть всех, кто входил в зал. Настроение у него было довольно паршивое, как и всегда, когда он оказывался не у дел. Когда впереди не было цели действия, приключений и чего-то нового, живая и деятельная натура киммерийца чувствовала себя подобно лягушке, брошенной на раскаленный песок пустыни, — надо срочно делать прыжок, а прыгать-то и некуда.

Несколько последних месяцев его дела сложились далеко не блестяще: очутившись — не по своей воле, а в силу обстоятельств — на берегах Стикса, он не захотел оставаться среди крокодилов и болот. Правда, там было тепло, очень тепло, а точнее говоря, совсем жарко. Киммериец вспомнил и пустыню, где, казалось, песок плавился под лучами солнца, и загадочных брата с сестрой, близнецов, передвигающихся верхом на необычных, очень светлых и очень длинноногих верблюдах, и заколдованный город Опаловых ворот Джанагар, и огромного идола, и чудесный вкус родниковой воды после многодневной жажды, и последнюю битву... Но главное, что он не мог забыть, — Акила! Независимая красавица, могучая воительница, королева племени женщин, которые были известны на западе как амазонки. Королева в изгнании...

«Что Наркия, — усмехнулся он про себя, — ее я вспомнил только потому, что она жила здесь, в Аграпуре. А вот Акилу я вряд ли смогу когда-нибудь забыть!»

Как они плыли на плоту по подземной реке! А три последние ночи, проведенные с этой великолепной женщиной! Конан тяжело вздохнул. Воспоминания были болезненны, потому что им пришлось расстаться — такова жизнь. Акила была права — они оба были героями, а два героя не смогут ужиться под одной крышей. Так что прекрасная амазонка отправилась бороться с вероломно захватившей ее

трон сестрой Бризейс, он тоже недолго задержался в тихих стигийских болотах — подвернулся караван, идущий в Аграпур, и киммериец посчитал, что для него это будет достаточно хорошим выходом из положения.

Сначала он подумывал отправиться в Шем, рассчитывая, что если там, как он слышал, идет война, наняться наемником в одну из армий. Но сведения о ведущейся в Шеме войне оказались неверными. Направляться в Офир или Заморю особого смысла не было, поскольку киммериец натворил в этих странах достаточно для того, чтобы все караулы имели его описание и приказ тотчас арестовать. Надо подождать, пока пройдет время, тогда многое забудется, а может быть, власть переменится, что бывало в этих землях даже чаще, чем хотелось бы самим жителям. Так варвар нанялся в охрану каравана и благополучно пересек с торговцами Стигию и юг Турана, перевалил через горы Ильбарс, и вот он в Аграпуре.

В пути особых передраг не было, правда, пару раз на караван совершали набеги полудикие пустынные племена, но киммериец вместе с отрядом опытных старых воjak без труда обращали их в бегство, сохраняя хозяйский товар, да и свои жизни.

В Аграпуре караванщик щедро рассчитался с ними, так что заработанных денег, если их расходовать умело, вполне хватило бы до самого лета, но Конана это всерьез не занимало. Он всегда тратил монеты, не думая, сколько их у него осталось, ибо, как он считал, деньги — это вода: как уплыли, так и приплывут вновь. Варвар договорился о постое в одном из ближайших домов, оставил там свои пожитки — кожаный мешок, пару козьих шкурок для обмотки ног да одеяло — и направился в таверну, чтобы подумать о дальнейших делах да, может быть, — кто знает? — повстречать какого-нибудь нужного для себя человека.

Конан поудобнее устроился на деревянной скамье, отполированной до зеркального блеска задами тысяч посетителей этой таверны, и, неспешно потягивая вино, оглядывал закопченные стены, длинную стойку, за которой, как мону-мент, возвышался хозяин, крупный, широкоплечий и пуза-

тый туранец, скаливший в улыбке ослепительно белые зубы, встречая новых посетителей. Приход группы вооруженных людей заставил киммерийца насторожиться, но он их, похоже, не интересовал: ветреная, промозглая погода загнала стражей порядка погреться и пропустить по кружечке вина. Варвар отпустил рукоятку меча и снова расслабился. Вино здесь подавали неплохое, в таверне было тепло и спокойно, и ничто не мешало киммерийцу сосредоточиться на своих мыслях.

«Пожалуй, лучше всего было бы пристроиться на какое-нибудь торговое судно, — думал про себя Конан. — Времена сейчас спокойные, и вряд ли кому-нибудь могут понадобиться такие наемники, как я. Пару-другую лун проплаваю с торговцами, а там, глядишь, и лето наступит. Тогда можно будет подумать и о том, что делать дальше, да и время само что-нибудь приподнесет, клянусь Кромом! Так было не раз, — прихлебывая вино, размышлял он, — так будет и дальше».

Активная натура киммерийца требовала действия, но не искать же себе приключений на пустом месте! Иногда надо и передохнуть. Похоже, придется несколько дней провести в Аграпуре, пока для него подвернется что-нибудь подходящее.

«Может быть, поискать старых приятелей и поделников по прежним туранским приключениям? — задал себе вопрос варвар. — Нет, лучше уж подожду. Деньги пока есть, — он с удовольствием ощущал туго набитый кошель, — а высываться лишний раз не стоит. Кто знает, что за мной до сих пор числится, не исключено, что городской палач уже давно наточил свой топор специально для меня. Все-таки этот Аграпур всегда был на редкость мерзким городишком».

Он подозвал мальчишку и заказал еще вина и баранью ногу с овощами. Тот стремглав бросился выполнять приказание. Между тем таверна постепенно наполнялась народом. Стало шумно, входящие приветствовали посетителей, перекидывались шуточками и поддевали знакомых. Чувствуя запах тугих кошельков возвратившихся из плаванья матросов, в зале появились женщины, чей наряд только

подчеркивал, но отнюдь не скрывал их пышные прелести. Крики и смех, визг женщин, сочные шлепки по тугому телу — знакомая киммерийцу до мелочей обстановка вечерней таверны, казалось, даже сгустила воздух и заполнила все уголки большого, обшитого потемневшими от времени кедровыми досками зала.

— Подано, господин! — Мальчишка поставил перед ним кувшин и большое глиняное блюдо с мясом и мелко нарезанными и слегка отваренными, согласно местной традиции, морковью, капустой и сельдереем. Над кушаньем подымался аппетитный и пряный пар. Запах специй и знакомый гул вечерней таверны слегка исправили меланхолическое настроение киммерийца, и он, вытащив нож и предвкушая удовольствие, аккуратно отрезал первый кусок розоватой, сочной баранины.

В этот момент дверь таверны едва не слетела с петель, открытая ударом мощного кулака, и в харчевню с шумом и смехом ввалилась новая группа посетителей. Это была пятерка рослых, мускулистых туранцев, одетых, как близнецы, в куртки из козляной кожи, отороченной мехом. На поясе у каждого из них болтались ножны с кривыми саблями.

— Рахманкул! — пронесся по таверне глухой шепот. На мгновение все стихло, но потом гомон десятков людей снова заполнил пространство.

— Эй, Келиб! — крикнул предводитель вошедших, мужчина со шрамом на подбородке и без двух пальцев на левой руке. — Зажарь нам целого барашка да подай бочок вина.

— А ты, — он кивнул одному из своих спутников, — освободи вон тот стол, мы сядем там.

Двое из вошедших направились к столу, за которым сидели киммериец и еще два человека напротив него.

— Здесь любим сидеть мы! — гаркнул туранец. — Выметайтесь, живо!

Двое матросов, которые расположились за столом напротив Конана, подхватили свои миски и в мгновение ока метнулись в сторону. Варвар, однако, даже бровью не

повел. Он продолжал тщательно оглаживать оаранью косточку, не обращая внимания на вопли туранца. Киммериец понимал, что сейчас ему лишняя драка, пожалуй, ни к чему, но его гордый нрав никак не мог смириться с подобной наглостью.

— Ты что, глухой? — подходя ближе, спросил спутник Рахманкула.

— Нет, — подняв на него взгляд, ответил варвар, продолжая заниматься своим делом.

— Тогда что же ты сидишь? — слегка растерялся забияка. — Ты ведь слышал, что тебе сказали.

Киммериец отложил кость на блюдо и внимательно посмотрел на говорившего. Взгляд холодных синих глаз заставил того невольно поежиться. Полыхавший в них ледяной огонь не сулил ему ничего хорошего.

— Ты, ты... — Туранец, отступив на шаг, обернулся назад, как бы приглашая своих на помощь. — Рахманкул! — наконец завопил он.

Варвар нацупал под плащом рукоятки меча и кинжала и приготовился к тяжелой схватке. Он видел, что перед ним не просто портовая шваль, а ребята, закаленные в лихих делах и, как он понял по шепоту вокруг, наводившие страх на местных жителей. Он уселся поудобнее, готовясь, если потребуется, мгновенно выпрямиться и ударить.

Рахманкул, занятый беседой с хозяином таверны, недовольно отозвался на зов своего подручного, даже не повернув головы:

— Что тебе, шакалья башка?

— Тут один не хочет уходить, — отозвался второй туранец, вставая рядом с первым.

Варвар с удивлением обнаружил, что оба похожи друг на друга, как две капли воды.

«Близнецы! — машинально отметил киммериец. — Если второй так же глуп, как и первый, — подумал он, — с ними справиться будет, пожалуй, не так уж и трудно».

Рахманкул только теперь повернул голову в их сторону и, сообразив, в чем дело, даже разинул рот от удивления.

— Ну так выкиньте его оттуда к собакам! — рявкнул он.

Двойняшки двинулись на Конана. Тот внезапно поднялся во весь рост, сбросив плащ. Таяться дальше не было смысла. Разглядев своего противника, близнецы застыли как вкопанные, не зная, что делать дальше. Вид киммерийца, его рост, превосходивший любого в этом зале, могучая вязь мускулов и свирепый взгляд, а также то, как уверенно он держал оружие, пригвоздили бы к полу и не таких вояк, как эти двое.

Их предводитель, не разглядев из-за спин, в чем дело, повернулся к столу, за которым сидел варвар.

— Что вы там застыли, ублюдки? Не можете справиться с каким-то матросом?

Двое других его спутников рванулись за ним. Расталкивая посетителей, поднимавшихся посмотреть, что происходит, Рахманкул подлетел к киммерийцу, выхватив свой кривой меч. Саудан, которому с его места было плохо видно, что происходит, протискиваясь вперед, вдруг услышал обрывок разговора двух посетителей.

— Слушай, этот парень очень похож на того киммерийца, помнишь, что был капитаном гвардии?

— Не может быть! — возразил ему второй собеседник. — Это было давно, лет десять назад, он тогда исчез без следа.

— Очень похож, — продолжал размышлять первый, — если это в самом деле он, то Рахманкулу конец, как пить дать...

Если бы этот разговор дошел до ушей предводителя пайки, Рахманкул, возможно, успел бы спасти свою жизнь. Но он уже не мог остановиться, тем более что под угрозой был его авторитет. Он взмахнул саблей, клинок варвара блеснул, отбивая удар. У Конана не было и мгновения на раздумья, тем более что он видел, как сотоварищи предводителя схватились за рукоятки своего оружия. Кривая сабля, вращаясь в воздухе, полетела в стену, а Рахманкул, продолжая движение вперед, получил от варвара встречный жестокий удар кулаком между глаз. Шея несчастного запрокинулась назад, раздался хруст позвонков, и то, что мгновение назад было полным жизни и сил мужчиной, безжиз-

ненно растянулось на полу, конвульсивно дергая руками, словно взбираясь на невидимую стену.

— Я же говорил! — воскликнул узнавший киммерийца человек, обращаясь к своему приятелю. — Теперь видишь?

— Пожалуй, ты прав, — протянул собеседник.

Двое близнецов, которым тоже не помешало бы услышать, что говорят в толпе, с двух сторон бросились на варвара.

«Вот тучела!» — удивился Конан, отбивая удар первой и уклоняясь от просвистевшего на палец от его виска лезвия второй сабли. В ограниченном пространстве таверны короткие кривые клинки нападавших были, наверное, более удобными для схватки, но не против киммерийца! Человек, который за свою жизнь провел в схватках едва ли не больше времени, чем во сне, видел и не таких. Его длинный широкий клинок мелькал с быстротой молнии. Ударом ноги он опрокинул стол под ноги нападавшим на него троим спутникам Рахманкула. Четвертый из них, постарше возрастом, видимо, как и те двое посетителей, тоже узнал Конана — он, вложив клинок в ножны, пытался криками заставить своих товарищей отступить. Но было слишком поздно: те, разъяренные гибелью своего предводителя, вновь бросились на киммерийца.

Варвар, выбив меч у первого близнеца, обернулся ко второму и взмахом меча снес ему голову. Подпрыгивая по неровным доскам, голова покатила под ноги столпившихся зрителей, заливая кровью их сапоги.

— Архат! Стой! — тщетно взывал узнавший Конана к голосу разума своего товарища.

Тот попытался обмануть киммерийца ложным выпадом, но поплатился мгновенным ответом: свист меча, и рука, еще продолжавшая сжимать рукоятку, с глухим стуком шлепнулась на пол. С воем бедняга схватился здоровой рукой за обрубок, из которого, как из фонтана, била струя крови.

Оставшийся в живых близнец бросился было за своим мечом, но опомнился и сел на пол, глядя на происшедшее совершенно очумевшими глазами. Все случилось так бы-

стро, что не все успели даже вскочить со своих мест. Близнец повел глазами в стороны, увидел рядом, в двух локтях от себя, голову брата, глаза которого застыли в выражении непередаваемого ужаса и уже начинали тускнеть. Тело бедняги скорчилось, и потоки рвоты изверглись на то, что осталось от его родственника. Близнеца трясло, как тряпичную куклу, и подбежавший к нему последний из компании не мог даже удержать его за плечи.

Конан вытер клинок о куртку Рахманкула и вложил меч обратно в ножны.

— Подонки, только ужин испортили! Видят боги, я не хотел этого, — развел варвар руками, обращаясь к толпе, — вы свидетели.

Глава третья

С аудан, который видел все до мелочей с самого начала, потому что обратил внимание на приспешствие с того момента, как Рахманкул со своими людьми вошел в таверну, застыл с открытым ртом. Такого он еще не видел, хотя крепких ребят встречал на своем веку немало. Два трупа за несколько мгновений, да при таком преимуществе нападавших! Собственно, и оставшиеся в живых уцелели только потому, что этот гигант не стал с ними связываться, попросту пощадил их! Вот такого рубаку ему и нужно на корабль.

По-видимому, и большинство посетителей таверны тоже видели такое впервые. Толпа словно одепенела, внезапно наступила тишина, прерываемая лишь стоном туранца, все еще прижимавшего к себе культю отрубленной руки.

Киммериец, в отличие от других, не раздумывал. Надо было по-быстрому сматываться отсюда, пока не нагрянула стража. Конан решительно двинулся к дверям. В это время дверь распахнулась, и, на беду варвара, в таверне появились трое стражников.

— В чем дело, Келиб? — спросил один из них, указывая на толпу, окружившую место схватки.

Конан не стал дожидаться ответа хозяина таверны.

Путь к дверям пролегал через толпящихся посетителей таверны, а киммерийцу сейчас не хотелось проливать лишнюю кровь. Он обернулся, прикидывая, можно ли скрыться через двери кухни, и рванулся в ту сторону. Люди слегка

расступились, чтобы дать ему пройти, боковым зрением варвар уловил какое-то движение слева, но повернуться уже не успел и словно провалился куда-то в темноту...

Это оставшийся в живых близнец очухался и хватил Конана по затылку кувшином с вином. Варвар упал, потеряв сознание. Стражники, разобравшись, в чем дело, кинули его вместе с останками бывших противников в подвешенную на улице повозку, отвезли в сторожевую башню и бросили в подвал, даже не дожидаясь, пока он придет в себя.

Любопытные разошлись по своим местам, мальчишки живо замыли следы крови, и таверна снова зажила своей обычной жизнью. Только теперь основной темой всех разговоров, конечно, было происшествие, только что разыгравшееся у всех на глазах.

Саудан приметил, кто из посетителей назвал имя этого синеглазого гиганта и пригласил его к себе за стол выпить кружку-другую вина. Тот оказался словоохотливым малым и без особых наводящих вопросов рассказал капитану все, что знал о киммерийце. Саудан и сам не раз слышал о подвигах гигантского роста варвара, который около десяти лет назад служил наемником в туранской армии. Он успел натворить в Аграпуре — да и не только здесь! — столько, что до сих пор находился в розыске.

Тогда Саудан думал, что, скорее всего, рассказчики просто преувеличивают, однако увиденное им сегодня повергло в изумление даже такого видавшего виды морского волка. Капитану страсть как захотелось заполучить такого молодца себе в охрану корабля, и, выведав как можно больше сведений о нем у разговорчивого малого, он отправился к Джемаху. Надо было побыстрее вытащить этого воина из темницы, пока стража не разобралась, кого именно они схватили сегодня вечером.

* * *

Когда Конан пришел в себя, он долго не мог понять, где он и что произошло. Тупая боль в затылке постепенно проходила, он поднял руку, нащупал на голове огромную

пишку и сел на солому, куча которой валялась на полу помещения, где он находился. Когда глаза привыкли к полумраку, варвар различил маленькое оконце где-то очень высоко под потолком и круглые стены, сложенные из грубо отесанного камня.

И тут он вспомнил все события прошедшего вечера. В страшной досаде киммериец стукнул себя кулаком по ладони. Ну надо же оказаться таким идиотом! Проворонить, как кто-то шарахнул его по голове! Непростительная ошибка даже для зеленого юнца...

Осмотревшись в полумраке, Конан понял, что сидит в сторожевой башне, из которой очень мало вероятности выбраться самому. Киммериец ощущал стены, решетку, которая выполняла роль двери и была сделана из прутьев толщиной чуть не два пальца, прикинул высоту до маленького отверстия в стене, пропускавшего неяркий лунный свет. На полу, кроме охапки жухлой соломы, на утрамбованной земле ничего не было. Положение было не из веселых. Повезло ему лишь в одном: стражники не надели на него цепей и не удосужились хорошенько обыскать — кинжал остался при нем. Все-таки какая-то надежда.

«Ладно, — решил про себя Конан, — отложим все до утра. Раньше они все равно разбираться с арестованными не будут. Хорошо хоть я перекусить в этой таверне успел... Так что пока буду отдыхать, а там посмотрим, может быть, боги и на этот раз окажутся ко мне милостивы».

Он собрал солому в охапку потолка, завернулся в плащ и растянулся на подстилке. Через мгновение богатырский храп, казалось, сотрясал не только башню, но и всю городскую стену. Киммериец отдыхал.

Глава четвертая

Зеленоватое призрачное пламя тревожно билось на дне широкой, с зазубренными краями старой медной плошки. Гермия бросила в нее еще щепотку темного порошка, и пламя рванулось вверх с новой силой, сполохи огня заплясали на потемневшем каменном своде, причудливые удлиненные тени заматались по стенам.

— О Этан, помоги мне! — Колдунья бросилась на колени перед маленьким алтарем, на поверхности которого был зажжен магический огонь.

Позади изъеденной временем неровной каменной плиты была расположена фигура уродливого божка с огромной круглой головой, оттопыренными ушами и маленьким тщедушным тельцем. Части тела, указывающие на принадлежность статуэтки к мужскому полу, были преувеличенно огромными — такими мог гордиться великан, а не тот карлик, в виде которого был изваяно божество. Как и все в этом подземелье, статуя была очень древней. Время нанесло ей существенный ущерб: на руках не хватало нескольких пальцев, мочка уха была отколота, лицо и колени сидящего на корточках уродца также были покрыты многочисленными сколами.

Зеленое колеблющееся пламя освещало уродца снизу, и поэтому его лицо с толстыми, растянутыми в усмешке губами и широкими, как у кхитайца, скулами выглядело особенно зловещим. Тени набегали на узкие глаза и вспыхивали в нефритах, вставленных в глазницы так, что казалось,

божество сумрачно и недобро оглядывает и это подземелье, и склоненную спину Гермии, и ее руки, протянутые к нему в тщетной мольбе.

— Ты по-прежнему молчишь? Но почему? О бог, о кладь мудрости, о отец наш и повелитель, почему ты не откроешь мне эту тайну? — Колдунья вновь склонилась к алтарю так, что ее тонкие губы коснулись плит каменного пола.

Ответом ей было молчание, только легкий, почти неуловимый для слуха шелест догорающего огня да мрачная и бессловесная усмешка каменного изваяния. Колдунья бросилась ничком на пол, вытянувшись как струна, сжала тонкие руки в кулаки и застучала ими по неровным плитам.

— Я выполнила все, что предписано! Почему же ты молчишь, почему?!

Она перевернулась на спину, слезы текли по ее смутлым впалым щекам, оставляя блестящие в красноватом свете влажные дорожки. Но камень оставался таким же бессловесным и холодным, как и раньше, и причитания колдуньи, ее слезы и мольбы не могли поколебать его вековое безмолвие.

Гермия внезапно перестала стенать и поднялась на ноги, короткий просторный хитон едва прикрывал грудь и бедра колдуньи, длинные черные волосы разметались по спине. Она с тоской смотрела, как последние сполохи зеленоватого пламени, умирая, бросили прощальный свет на выщербленное тело божества. Огонь на алтаре погас, и теперь только слабый свет небольших бронзовых светильников, расположенных у противоположной стены подземелья, вырывал из мрака и колдунью, и продолжавшую загадочно усмехаться статую, и древние плиты святилища.

Женщина бросила последний взгляд на статую и, резко повернувшись, пошла прочь от алтаря, ступая босыми ногами так легко и плавно, что казалось, будто она не идет, а плывет над полом. Дойдя до противоположной стены, Гермия начертила в воздухе магический знак, и ноздреватый камень свода изменил свой цвет с сероватого сначала на

желтый, потом покраснел, затем словно все цвета радуги один за другим пробежали по неровности стены и, наконец, остановились, приняв вид темно-фиолетовой двери. Колдунья отворила дверь и прошла наружу, светильники по углам подземелья сами собой погасли, издав на прощание шипящий змеинный звук. Святилище окутала тьма.

Гермия, поднимаясь по выптербленным ступеням старой лестницы, в ярости колотила кулаком правой руки по ладони левой — опять, в который уже раз, ее преследовала неудача! Она прочла все старинные свитки, которые оставались у нее от матери, но ей никак не удавалось вызвать голос Этана, а это был единственный способ узнать, где спрятана волшебная чаша Гуйюка. Ее хитон развевался, словно крылья неведомой птицы, под взмахами мечущихся в ярости рук.

— Где вы, ленивые шлюхи? — закричала она, не обнаружив в большом зале своих служанок.

На крик вбежали две девушки и склонились в поклоне перед своей госпожой.

— Ты сама отправила нас прибирать твою спальню, госпожа, — зашебетали они, исподлобья пытаясь взглянуть на колдунью, чтобы определить степень ее гнева.

— Тише! — прикрикнула на них Гермия, немного приходя в себя. — Где этот ублюдок Саятбек?

— Я здесь, госпожа. — В комнату ввалился, тяжело отдуваясь от быстрой ходьбы, невысокий, невероятной толщины человек в белом, вышитом разноцветными нитями тюрбане. На пальцах толстяка, казалось, не оставалось ни одного свободного места, все они были унизаны перстнями и кольцами с множеством блестящих камней.

— Мне нужно еще свежей крови. — В глазах колдуньи сверкнул огонь.

— Госпожа, — взмолился толстяк, падая на колени, — где я тебе сейчас найду то, что ты просишь? Посмотри, уже глубокая ночь!

— Придется превратить тебя в дерьмо верблюда. — Колдунья погрозила ему согнутым пальцем. — Забыл, мерзавец, как я тебя вытащила из-под топора палача?

— Как не помнить, госпожа! — завыл толстяк и подполз поближе к хозяйке, норовя чмокнуть ее в руку своими жирными губами.

— Пшел вон, мразь! — Гермия ткнула босой ножкой его прямо в лицо. — Хорошо, я подожду до завтра, но если ты не приведешь мне новую кровь... пеняй на себя! Кстати, ты точно знаешь, что эта рабыня была девственницей? — грозно спросила она. — Я уверена, что у меня ничего не получается именно из-за тебя, толстый ублюдок!

Саятбек в испуге закивал головой, не решаясь произнести ни звука.

— Если еще раз промахнешься, тебя не спасет ничто. Завтра, в полдень!

Гермия кивнула служанкам и в их сопровождении отправилась в спальню, бросив последний грозный взгляд на распростертого на полу нерадивого слугу.

Глава пятая

Это было бы неплохо! — усмехнулся Джемах. — Я бы даже сказал — очень хорошо, если это действительно он! Ты знаешь, кто такой этот Конан?

— Слышать приходилось немало, но вот увидел впервые — похоже, его долгое время не было в Аграпуре, — ответил Саудан, который, бросив свой ужин, отправился к хозяину, чтобы рассказать о происшедшем в таверне и попытаться склонить Джемаха к тому, чтобы тот помог ему вытащить гиганта-варвара из темницы.

— С таким рубакой, как он, не пропадешь нигде. — Джемах огладил свою курчавую бороду. Видно было, что ему доставляет удовольствие чувствовать под своими пальцами ее тугие завитки. — Лет шесть-семь, а может быть, и больше, точно уже не помню, он служил в армии правителя Илдиза. До капитана, между прочим, дослужился. А потом что-то у него произошло с сыном верховного жреца Тутри-ла. Говорили, что вроде бы бабу не поделили или что-то в этом роде. В общем, Конан убил Оркана, а после этого исчез — никто его здесь больше не видел.

— Надо что-то предпринять, хозяин. — Капитан «Утренней Звезды» даже ногами перебирал от нетерпения, словно конь, готовый сорваться с места.

— Ты прав, надо действовать! — Джемах хлопнул в ладоши.

Вошедшему слуге он приказал запрячь повозку, а сам направился в угол своего кабинета, к большому, окованному

толстыми железными полосами сундуку. Вытащив из-за пояса ключ, купец отомкнул замок, поднял крышку, пошарил в глубине сундука и вытащил кожаный мешочек.

— Лови! — бросил он его Саудану.

Капитан поймал предмет, но чуть не выпустил из рук, настолько мешочек был тяжелым.

— А ты что думал? — засмеялся Джемах. — Задешево такого бойца не отдадут, да и поторопиться следует, пока все это не дошло до городских чиновников. За этим киммерийцем тянется такой хвост художеств, что если мы не будем действовать расторопно, даже моих связей может не хватить, чтобы вызволить парня.

Они вышли во двор, где слуга уже поджидал их, держа под уздцы пару туранских жеребцов, запряженных в изящную повозку с крытым верхом.

— Давай к начальнику городской стражи! — приказал Джемах, когда они уселись с капитаном на мягкие кожаные подушки.

Двое охранников, вооруженных кривыми туранскими саблями, вскочили на запятки повозки, ворота открылись, и экипаж выкатился на улицу, которая в колеблющемся свете фонарей, раскачиваемых ветром, была похожа на уходящий куда-то вдаль разлом темной скалы — такой вид ей придавали выстроившиеся по обеим сторонам высокие заборы.

Проехав улицу, они завернули налево, к центральной площади, миновали несколько храмов и богатых домов, где у ворот дежурили стражники с алебардами, и подъехали к высокому светлому дому, над воротами которого был прикреплен старинный щит с прибитыми над ним двумя кривыми кинжалами.

Стражники перед входом узнали почтенного купца и бросились открывать массивные ворота, закрывавшие от непрошенных гостей покои их хозяина. Повозка въехала во двор, и капитан с Джемахом направились к входу в здание. Саудан первый раз был в доме такого большого вельможи и с интересом озирался по сторонам, любясь красотой тонкой каменной вязи, покрывавшей карниз здания и пор-

тал дверей. В уходящем в темноту господском саду виднелось несколько роскошных мраморных статуй. У Джемаха дом тоже был не из бедных, но здесь, похоже, денег водилось куда больше.

Сопровождаемые черным слугой в белых шароварах и расшитой золотом безрукавке, они прошли через прихожую и по мраморной лестнице поднялись наверх. Двери раскрылись, и до них донесся шум голосов, смех, звон посуды — в общем, все признаки бурного и многолюдного веселья.

— Вечноживой Тарим, заступись хоть ты! — вполголоса посетовал Джемах. — Боюсь, что сегодня нам вряд ли удастся решить наше дело...

Они вошли в просторный зал, ярко освещенный множеством светильников, свет которых многократно отражался в зеркальных поверхностях боковых стен. В противоположной от входа стороне на огромном полукруглом ложе, перед которым стояло несколько заваленных яствами столиков, среди мягких подушек полулежали несколько человек в дорогих одеждах и о чем-то оживленно беседовали, перебивая друг друга и размахивая руками. Они были настолько заняты своим делом, что даже не заметили вошедших в зал.

Слуга подошел к сидящему в середине группы толстому человеку с раскрасневшимся от возлияний лицом и большими, навывкате глазами. Он склонился перед ним в почтительном поклоне. В это время помещение потряс взрыв хохота, толстяк хохотал громче всех, отирая выступившие на глаза слезы и хлопая себя по жирным бокам. Отсмеявшись, он заметил склоненного перед ним слугу.

— Ну, чего там?

Слуга что-то шептал ему в ухо. Толстяк поднял взгляд и радостно завопил:

— Джемах, приятели! Что-то давненько мы не пропустили с тобой по кувшинчику! Давай скорее сюда! До чего я рад тебя видеть, клянусь пресветлым Эрликом!

Видно было, что гулянка шла уже довольно долго, поскольку язык начальника стражи вовсе заплетался.

— А это кто с тобой? — Толстяк попытался подняться на ноги, но это ему не удалось, и он скатился с дивана куда-то под столик. Его собутыльники встретили падение хозяина радостными воплями и взрывами смеха. Вся компания уже была в таком состоянии, что незначительный для трезвого человека повод вызывал бурное и продолжительное веселье.

Капитан и Джемах подошли к столу. Толстяк снова взобрался на подушки и усадил новых гостей рядом с собой.

— У меня к тебе небольшое дело. — Купец все-таки попытался начать разговор в шуме и гаме, вновь заполонившем помещение.

— Какие могут быть дела? — заплетающимся языком протянул один из пирующих. — Никаких дел, правда, Рахум? — обратился он к сидящему справа от него тощему высокому человеку с лицом свекольного цвета.

Тот, судя по бессмысленному и радостному выражению глаз, был совершенно согласен с говорившим, но ответить не смог и только икнул, кивая головой, как кхитайский болванчик.

— Вот видишь, Джемах? — Довольный, что нашел поддержку товарища, его сотрапезник налил капитану и купцу по большой чаше красного вина. — Надо отдыхать, что это такое — все дела да дела...

— Придется с ними посидеть, — скрипнув зубами, шепнул Саудану Джемах, — все равно не отвяжутся.

— Ну вот, другое дело! — обрадовался начальник стражи. Он наполнил свой кубок и возопил так, что сидящий рядом с ним тощий Рахум даже затрясся от неожиданности: — Выпьем за почтенного Джемаха и... как там тебя? — вспомнил он о капитане. Получив ответ, добавил, расплескивая вино на Рахума: — И за тебя, уважаемый Саудан! Ты друг Джемаха, а значит, и мой друг тоже! Все пьем за моего друга Саудана!

Компания осушила кубки, и вновь загремело веселье. Один из гостей принялся рассказывать анекдот о вендийском купце и кхитайской наложнице, который все уже слышали не по

одному разу. Рассказчик путался, все время что-то забывал, начинал все сначала. С помощью слушателей анекдот удалось довести до конца, и довольные собой сотрапезники опять долго ржали. Саудан мрачно наблюдал эту картину и уже начинал терять надежду на то, что удастся вызволить этого так приглянувшегося ему варвара.

— Что ты говорил там о каком-то деле? — вспомнил вдруг начальник стражи. Он набил себе рот халвой, и поскольку был уже совсем пьян, то Джемах с трудом разобрал, что тот говорит.

— Да уж ладно, потом поговорим, может быть, завтра... — махнул рукой купец.

— Вот! Я же говори... — Тут начальник стражи, поперхнувшись сладкими, застыл на мгновение с выпученными глазами и открытым ртом, безуспешно пытаясь вздохнуть. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не звучный удар Саудана по спине толстяка.

Взвыв от неожиданности, тот долго прокашливался, размахивал короткими пухлыми ручками и, отдышавшись наконец, вновь потребовал выпивки.

— Нет, нет! — икая и расплескивая вино из серебряного кувшина, кричал он. — Я хочу выпить за моего друга Саудана, он спас мне жизнь!

— Спас жизни! Спас жизни! — подхватила пьяная компания. Все хлопали капитана по плечу, каждый норовил обнять и облобызывать героя дня.

Саудан с трудом вырвался из жарких объятий, весь измятый и обслюнявленный.

«Вот не повезло-то, — мрачно думал он, — и дела не сделали, и время напрасно теряем».

Гулянка продолжалась еще некоторое время. Джемах и Саудан, которые уже почти смирились с тем, что их предприятие окончательно провалилось, обменивались мрачными взглядами. Наконец большинство сотрапезников захрапели, откинувшись на мягкие подушки, и только несчастный Рахум продолжал сидеть прямо, как жердь, время от времени мотая головой из стороны в сторону, словно осел у кормушки с овсом, отгоняющий мух. Слуги, привыкшие к подобным

окончаниям пирушек, продолжали тупо размахивать опахалами, навевая свежий воздух на своих спящих господ.

— Пошли! — скомандовал Джемах, и они с капитаном наконец смогли выбраться из этого чересчур гостеприимного дома.

— Гони к башне! — приказал купец своему кучеру. — Ничего не остается, попробуем разобраться сами, без начальников.

* * *

Конан безмятежно спал, пока его не разбудил какой-то доносившийся снаружи шум. Прислушавшись, он понял, что это ссорятся стражники, видимо что-то не поделившие или же ругающиеся во время игры в кости. Киммериец приподнялся на локте и, подобрав под себя ноги, сел на подстилку. Спать больше не хотелось, да и положение, в котором он очутился, все-таки обязывало его что-то делать.

«Экие дурни! — еще раз с удовлетворением обругал он про себя стражников, любовно поглаживая рукоятку кинжала. — Всякий раз это Нергалово племя где-то ошибается. Лентяи! Ну, да мне это, ясное дело, на руку».

Варвар полез в потайной карман своего плаща и обнаружил там несколько монет, которые стражники пропустили, когда обшаривали его перед тем, как бросить в подземелье. Решение вспыхнуло в мозгу неожиданно. Конан подошел к решетчатой двери, отделяющей его камеру от коридора, и принялся трясти ее обеими руками.

— Эй, вы, сыновья шакала! — крикнул он во всю силу своих могучих легких. — Что вы там, заснули? Давайте сыграем в кости!

Шум снаружи стих, а затем киммериец услышал звон доспехов и шаги спускавшихся вниз людей. Наконец отблески света на каменном своде показали, что стражники уже рядом.

— Чего орешь, ослиное дерьмо? — Первый из стражников показался в проеме, ведущем наверх, держа в руках масляный светильник. Второй шел за ним следом.

— Слышал, что вы играете в кости, — миролюбиво сказал Конан. — Я бы тоже с удовольствием сыграл пару конов.

— На что ты будешь играть, придурок? — захохотал второй стражник. — На свои сапоги? Так они нам и так завтра достанутся, когда тебя отправят на галеры!

— А может быть, и вообще пустят гулять по Серым Равнинам, — весело подхватил стражник с фонарем, — это уж как судья решит. А будешь еще шуметь, так мы тебе всышем, — потряс он плетью.

Не оставляло сомнений, что стражники были не прочь снять напряжение, вызванное ссорой, отыгравшись на арестанте.

— А вот это видел? — Варвар протянул ладонь вперед.

Блеск металла заставил первого стражника подойти ближе к решетке. Алчность сделала свое дело, усыпив его бдительность. Он приподнял лампу повыше, чтобы разглядеть монеты, и на мгновение замешкался. С киммерийцем этого делать было нельзя ни в коем случае. Пущенный могучей и меткой рукой кинжал почти по самую рукоять засел в глазнице второго стражника, а стальные пальцы варвара, как капкан, сомкнулись на запястье первого. Тот не успел и охнуть, как оказался накрепко припечатанным к решетке двери, вторая рука киммерийца цепко держала его за горло.

— Ключи у тебя? — ласково спросил варвар.

— А... а, да-а-а... — прохрипел стражник.

Конан освободил запястье, но продолжал сжимать горло начинавшего уже терять сознание стражника. Он отцепил ножны с мечом от его пояса и, найдя ключи, вложил их бедняге в правую руку.

— Открывай, не то тебе крышка, — чуть ослабив хватку, предложил ему киммериец и в подтверждение своих слов снова сжал пальцы. У стражника едва хватило сил кивнуть головой.

Было темно. Единственная лампа погасла — стражник выронил ее, когда летел к двери. Поэтому он довольно-таки долго прилаживал ключи, но вот наконец замок щелкнул,

и дверь распахнулась. Конан отпустил своего противника, выскользнул из камеры и мощным ударом кулака в лицо чуть было не вмазал стражника в стену. Стук упавшего тела послужил доказательством того, что киммериец приложился от души. Прислушавшись, не слышно ли чего наверху, варвар осторожно поднялся из подвала.

В караульном помещении было тихо, одиноко горела масляная лампа, отбрасывая неровный свет на расстеленный на полу потертый коврик, где валялась пара костей. На старой деревянной лавке у стены стояли кувшин и две глиняные кружки. Киммериец потряс кувшин — там что-то булькнуло. Он налил себе полкружки вина и осушил одним духом, потом взял лампу и снова спустился вниз.

Картина, которую он увидел при свете лампы, была безрадостной — разумеется, для стражей порядка. У противоположных стен небольшого коридорчика, скорчившись, лежали два трупа: последнего удара киммериец, похоже, не рассчитал. Конан вытащил свой любимый кинжал из чрепа стражника, вытер его о безрукавку несчастного, выбрал из двух мечей тот, который ему показался более достойным, и, не забыв обшарить кошельки своих бывших тюремщиков, поднялся наверх. Больше его ничего здесь не удерживало. Он приоткрыл дверь и выглянул наружу. Все было тихо. Запахнув поплотнее плащ, он вышел на улицу и, стараясь прижиматься к стенам домов и каменным изгородям, чтобы быть менее заметным, направился в сторону порта. В тот дом, где он оставил свои пожитки, варвар решил не возвращаться: береженного боги берегут. В порту он надеялся найти какое-нибудь судно, которое отплывает в ближайшее время. Может быть, удастся там скоротать на время, а потом имело смысл покинуть этот треклятый город. Действительно, всегда ему не везло в этом Аграпуре. Не стоило, пожалуй, сюда возвращаться!

Глава шестая

О строверхая крыша сторожевой башни четко вырисовывалась на фоне освещенного луной неба, очистившегося от облаков. Яркие звезды весело перемигивались, лишь иногда исчезая в тени последних клочков рассеянных ветром туч. Ветер стих, и Саудан с удовлетворением воспринял эту перемену погоды: можно было не опасаться за сохранность его бесценной «Утренней звезды», которую несколько часов назад нещадно били поднятые ненастьем морские волны. Он постучал в дверь сторожевой башни. Ответа не было. Капитан постучал еще раз.

— Джемах! — Он заглянул в повозку. — Там вроде никого нет.

— Не может быть! — Купец спрыгнул на мостовую и направился к башне. — Здесь всегда сидят два или три стражника да еще арестованные.

Он сам стукнул в дверь — уже посильнее. Неожиданно она подалась и открылась, скрипя на старых петлях. Капитан и Джемах заглянули внутрь — там было темно и пусто.

— Здесь что-то не так! — воскликнул купец. — Дай-ка мне фонарь! — крикнул он слуге.

Саудан и Джемах поднялись в караульное помещение и, не найдя там никого, спустились вниз.

— Вот это да! — только и могли они вымолвить, увидев ту самую безрадостную картину, которую некоторое время назад наблюдал киммериец.

— Не повезло нам, — усмехнулся Джемах, — похоже, твой варвар сам позаботился о себе — и гораздо лучше, чем могли бы это сделать мы. Теперь его ищи-свищи!

— Делать нечего, — развел руками Саудан, — пойду опять в «Соленный лещ». Там один приятель обещал мне подобрать нару-тройку крепких парней. Конечно, такого, как этот киммериец, больше не найдешь. А, чтоб Нергал побрал этих пьяниц! — с досадой бросил он, вспомнив пирушку у начальника стражи.

— Да ладно уж, не кипятись, — усмехнулся Джемах, усаживаясь в повозку. — Неужели самому никогда не приходилось перебирать лишку?

— Всякое бывало, — угрюмо буркнул Саудан и направился вниз по узенькой улочке, туда, где призывно светился фонарь над входом в таверну.

В таверне, казалось, уже позабыли о недавнем происшествии: мальчишки сновали с подносами, матросы, успевшие изрядно нагрузиться, орали, обняв за плечи друг друга, какую-то залихватскую песню, а сидящие за соседними столами прихлопывали в ладоши.

Кое-кто из посетителей развлекался с местными красотками, усадив их к себе на колени, несколько человек, собравшись у одного из столов, играли в кости, криками приветствуя удачный ход, — словом, все происходило как всегда.

Саудан огляделся и, увидев у стойки Бахтара, оживленно беседующего с хозяином, двинулся туда сквозь сутолоку разгоряченных тел. Запахи пота, просоленных морем одежд, женских румян и мускуса, пряностей и свежего хлеба смешивались в невообразимом сочетании, которое ни с чем не спутаешь в любом городе у моря, — это был аромат портовой таверны.

— Ну, как наши дела? — подойдя к стойке, спросил капитан.

— Нашел тебе пятерку лучших рубак из этих кварталов — звери, а не ребята! — несколько хвастливо ответил Бахтар и, понизив голос, добавил: — Тут еще один хотел бы поговорить с тобой.

— Давай его сюда! — оглядывая зал, согласился Саудан.

— Выйдем, он ждет нас за углом, — предложил Бахтар.

— Что еще за тайны ослиной задницы? — выругался капитан.

— Пойдем, сам увидишь и решишь, — потянул его за рукав приятель.

Выйдя на улицу, Бахтар прошел несколько шагов вдоль стены таверны и тихонько свистнул.

— Я здесь. — Прямо перед Сауданом, отделившись от стены, выросла огромная фигура. Капитан вздрогнул: он мог поклясться, что только что в неясном свете фонаря видел перед собой лишь неровные каменные плиты. Подопедавший был громадного роста, а широкий развевавшийся плащ придавал его фигуре вообще необъятные размеры.

— Это ты ищешь людей к себе на корабль? — слегка откинув кашпошон, спросил гигант, и Саудан узнал его голос.

— Конан? — изумленно выдохнул капитан.

— Да, меня зовут Конан. Ты что, знаешь меня?

— Я тебя ищу целый вечер, хотел вытащить из кутузки...

— Сами отпустили, — со смешком сказал киммериец. — Ты когда отплываешь?

— Послезавтра, — ответил Саудан, — но если тебе подойдет мое предложение, то можно переправить тебя на судно прямо сейчас.

— Твой приятель рассказал мне, чего ты хочешь, — перебил его варвар, — а мне сейчас больше всего подойдет побыстрее убраться отсюда. Да и вообще, давненько я не плавал на больших кораблях. Так что в цене сойдемся, не сомневайся.

— Тогда пошли, — скомандовал Саудан. — А ты, — он обратился к Бахтару, — держи язык за зубами и завтра приходи со своими головорезами. Я пришлю за вами лодку.

* * *

Корабль был большой, повидавший виды и всласть потрепанный морскими волнами. Однако мачты были надежными, как показалось Конану на первый взгляд, и такелаж выглядел совсем новеньким и крепким.

— Перед последней ходкой хозяин раскошелился на новые паруса, — словно прочтя его мысли, сказал Саудан.

— Я не поинтересовался даже, а куда ты, собственно, направляешься? — спросил киммериец. — Мне, вообще-то, нет до этого большого дела, лишь бы ноги отсюда унести.

— Я тебе скажу, когда мы отплывем, — понизив голос, сказал капитан. — Но скажу только тебе, а остальным этого знать не надо. Поскольку я решил сделать тебя командиром воинов нашего корабля, путь наш будет тебе известен, но только после того, как мы выйдем в море, — еще раз повторил он.

«Вечно они устраивают какие-нибудь тайны, — с неудовольствием отметил про себя Конан, однако решил особо об этом не задумываться. — Что случится, то и случится — значит так боги задумали, а мое дело — не зевать!» — решил он.

Они прошли по палубе к заднему мостику и, открыв потемневшую дубовую дверь, начали спускаться по крутой лесенке вниз. Свет фонаря, который держал перед собой матрос, едва освещал узкий, уходящий к самой корме коридорчик, в котором с обеих сторон было несколько узких дверей. Киммериец, пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок, шел следом за Сауданом.

— Вот здесь ты и разместишься, — открыв одну из дверей, сказал Саудан, приглашая варвара войти внутрь. — Рядом моя каюта, а напротив — каюта, в которой располагается наш хозяин, если он идет в плавание вместе с нами.

Помещение, куда они вошли с капитаном, было крохотным — в нем с трудом могли разместиться два человека. В небольшом квадратном оконце то появлялась, то исчезала в такт ударам волн ночная звезда.

Из мебели в каюте был только сундук, занимающий всю стену вдоль борта корабля, — он служил постелью хозяину каюты.

— Мы уходим послезавтра утром, и я думаю, что тебе лучше не показываться на палубе, чтобы не вызывать лишнего любопытства, — заметил капитан.

— Ты прав, — согласился варвар, вешая фонарь на крюк. — Но мне нужно оружие, и не только мне, кстати, — ты же сказал, что нас будет человек двадцать — двадцать пять. Конечно, — продолжал киммериец, присаживаясь на сундук и жестом приглашая капитана присесть рядом, — я не думаю, что ты новичок в этом деле, но все же, поскольку ты хочешь поручить защиту судна мне, я должен этим делом заняться всерьез. Таким клинком, — он показал свой меч, — только в зад у кабана ковырять, — выругался он. — Сам понимаешь, с таким оружием я не смогу быть полностью уверен в своих силах. Да и голову свою мне жалко. — Конан, недобро усмехаясь, пощупал шишку на голове, которой его наградила одна из близнецов в таверне.

— Сучий потрох! — выругался он еще раз, и было непонятно, к кому это относилось — к близнецу или ему самому. Киммериец всегда сильно злился на себя, когда допускал небрежность, которая могла стоить ему жизни. Хотя до сей поры боги хранили его от последствий таких — весьма, надо сказать, немногочисленных — ошибок.

— Не беспокойся, — заверил его Саудан, — я подберу тебе все, что необходимо. Сейчас мы составим список всего, что тебе может понадобиться, и завтра все это будет на борту. Атабах! — крикнул он матроса. — Доску и грифель, живо!

Под диктовку киммерийца Саудан записал на доске длинный перечень различного снаряжения и оружия, которое, по мнению Конана, могло им пригодиться в борьбе против желающих попотрошить трюмы корабля.

— А мне просто необходим хороший западный меч, вот такой, — киммериец развел руки чуть ли не на всю ширину каюты, — обоюдоострый и широкий. Такие делают в Зингара. Мой отобрали стражники, эти потомки шелудивых ослов!

— Такие мечи здесь большая редкость, — с сомнением в голосе сказал Саудан. На мгновение он нахмурил брови, задумавшись, потом вдруг повеселел и уверенно закончил: — Будет тебе меч, клянусь Таримом!

На том и расстались. Капитан, хотя была уже глубокая ночь, собрался на берег, а Конан, растянувшись на сундуке, укрылся плащом и впервые за последние несколько суток заснул в спокойной обстановке. По правде говоря, он не жаловался на сон в любых условиях, но все же сладко выспаться иногда не мешало даже такому авантюристу и бродяге, каким был варвар.

Глава седьмая

Безжизненное, бледное, как полотно, тело молодой девушки обвисло на цепях, которыми оно было приковано к стене. Длинные светлые волосы свешивались с откинутой вбок головы, прикрывая левое плечо и грудь, но оставляя на виду страшный разрез на шее, идущий наискось вверх от правой ключицы. Кровь еще продолжала пульсирующими толчками выплескиваться из расплосованного горла и из такого же длинного разреза на внутренней поверхности правого бедра, чуть повыше подколенной ямки. Сама жертва уже перестала биться, ее глаза подернулись мутноватой пленкой, утратив живой блеск.

Все помещение от стены до стены было забрызгано человеческой кровью, собравшейся в углублениях холодного каменного пола в небольшие лужицы, от которых поднимался еле заметный пар. Багровые потеки залили и все тело несчастной, подчеркивая изгибами своих струй выпуклость ее живота и стройных бедер.

— Вот госпожа, как видишь, самая свежая. — Держа на вытянутых руках чашу, только что наполненную кровью молодой девиственницы, Саятбек подошел к появившейся на пороге подвала Гермии.

— Ты что, ублюдок, не можешь сделать это так, чтобы не запачкать хотя бы потолок? — вместо благодарности отчитала его колдунья, брезгливо оглядывая помещение.

— Прости меня, госпожа, — зашлепал губами толстяк, — девка очень сильно билась...

— Ну, будет, — оборвала его речь колдунья, подходя ближе и взглянув на чашу, полную темно-красной жидкости. — Теперь можешь быть свободен, ступай наверх. Когда позову, уберешь здесь. Чашу поставь на скамью.

Саятбек, кланяясь, задом выкатился из подвала. Гермия расстелила перед скамьей потертый коврик, на котором еще сохранились следы каких-то знаков, вышитых, видимо, очень-очень давно.

Потом она сбросила обувь и, встав на коврик, расстегнула застёжки хитона. Одевание медленно сползло на пол, оставив женщину совершенно обнаженной. Колдунья откинула назад черные волосы и наклонилась над чашей, почти касаясь поверхности крови кончиками своих грудей с удлиненными коричневыми сосками. Ее тело было почти совершенным и похожим на тело несчастной девушки, свисавшее в оковах в пяти шагах от колдуньи, только Гермия была смуглой, как стигийка, а жертва — белокожей от природы, а после того, как у нее выпустили кровь, ее кожа обрела цвет мрамора.

Колдунья зачерпнула маленьким ковшиком багровую жидкость из чаши и залпом выпила до дна. Глаза ее заблестели, она глубоко вздохнула и некоторое время стояла выпрямившись, с остановившимся взглядом и разведенными в стороны руками. Потом Гермия взяла со стоявшей рядом скамьи один из серебряных сосудов и вылила несколько капель в еще дымящуюся кровь. Соприкоснувшись с жидкостью, кровь зашипела, над ней поднялось легкое голубоватое облако, которое постепенно распространилось над поверхностью чаши и, словно туман, начало стекать вниз с краев.

Через несколько мгновений облачко рассеялось, и вместо красной жидкости чашу наполовину заполнило густое желтоватое вещество, напоминающее темный цветочный мед.

Колдунья обмакнула в чашу мизинец и помазала этим веществом, издававшим запах одновременно жгучий и све-

жий, у себя над бровями и на переносице. Голова у женщины закружилась, по телу прошел легкий озноб. Она вынула из чаши еще немного мази и начертила крестообразные знаки между грудей и под ними, обвела соски. Потом Гермия провела черту по животу — от пупка вниз, две длинные полосы по внутренней поверхности бедра до самых коленей и напоследок — несколько вертикальных черточек на плечах. Озноб усилился, все тело колдуньи покрылось крупными мурашками, голова закружилась еще сильнее, ей пришлось даже слегка расставить ноги, чтобы удержать равновесие и не пошатнуться.

Некоторое время она стояла не двигаясь, прижав руки к груди и тяжело дыша. Потом Гермия взяла со скамьи следующий кувшинчик и капнула в чашу еще несколько капель. Мазь побурела, стала уменьшаться в объеме, как бы усыхая на глазах, и через несколько мгновений на дне чаши лежала небольшая кучка зеленоватого порошка.

«На этот раз обязательно получится!» — с восторгом подумала колдунья.

Она вновь накинута на себя хитон и, взяв в руки чашу, подошла к стене напротив. Начертив в воздухе магический знак, она подождала, пока часть стены превратится в голубую дверь, и вошла сквозь нее в подземелье, где тотчас сами по себе вспыхнули два светильника. Дверь исчезла, и никто не смог бы сказать, глядя на ноздреватый камень стены, что только что здесь был проход.

Колдунья бросила на медную зазубренную плешку на алтаре зеленый порошок, и он вспыхнул, освещая своим светом осклизшего в вечной усмешке идола.

— Скажи мне, Этан! Ты видишь, я выполнила все предписания! — Гермия склонилась перед статуей в низком поклоне.

На некоторое время в подвале воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящего порошка. Колдунья подняла глаза на изваяние — оно продолжало оставаться неподвижным.

— Не получается! — прошептала колдунья, в отчаянии прижимая руки к груди.

В этот момент она почувствовала, что плиты под ее ступнями вроде бы пришли в движение, как будто она находилась не на каменном полу, а на зыбкой палубе плывущего по бурному морю судна. Гермия подняла глаза: стены задвигались, они вытягивались в стороны, изменяя свой серовато-желтый цвет на белый. Потолок уходил куда-то ввысь все дальше и дальше, пока его свод не засверкал мраморным блеском высоко над головой. Алтарь и статуя божества росли вместе со стенами, и скоро каменная доска, на которой стояла плешка с зеленым пламенем, была уже на высоте крыши высокого дома. Статуя бога превратилась в изваяние величиной с вендийского слона.

Губы божка дрогнули, растянулись в подобии злоеющей улыбки. Он открыл рот, и колдунья почувствовала, что воздух вокруг нее сгущается, подобно горячему движению песчаной бури.

— Кто ты, мерзкая, пробудившая меня ото сна? — прокотал сверху голос, похожий на далекие раскаты грома.

— Я Гермия, — ответила колдунья.

— Не знаю никакой Гермии, — наклоняясь вперед, громынула статуя. — Мою повелительницу зовут Базилина.

— Базилины нет в живых, я ее дочь.

— Ха, ха, ха! — словно горный камнепад скатился вниз смех чудовища. — Разве у такой шлюхи может быть дочь? Сними хитон, я должен посмотреть на тебя!

Женщина растегнула застёжки хитона. Сейчас она была полностью во власти этого каменного колосса. Базилина, ее мать, не научила ее, как снять заклятие, пришлось повиноваться божеству — до тех пор, пока горит на алтаре зеленоватое пламя. Одежда соскользнула наземь, и нефритовые глаза бога впились в совершенное тело женщины. Зрачки долго скользили по фигуре колдуньи, а губы в это время удовлетворенно причмокивали с таким звуком, будто целое стадо бегемотов шло по болотистой местности.

— Похожа на мать, — прокотал идол. — Ну-ка, повернись и убери волосы со спины.

Гермия, дрожа одновременно от страха и озноба, вызванного колдовской мазью, повиновалась.

— Не врешь, родинка у тебя на том же месте, под левой лопаткой, — удовлетворенный осмотром, хмыкнул каменный бог. — Так чего же ты хочешь от меня, женщина?

— Я хочу узнать, где находится чаша Гуйюка, — бросилась на колени колдунья.

— Чаша Гуйюка? — переспросил ее идол. — Разве твоя мать не нашла ее?

— Она отправилась за ней и погибла. Я не знаю, где и при каких обстоятельствах.

— Тогда слушай меня внимательно, — гроыхнуло вверх. Бог закрыл глаза, некоторое время было тихо. Наконец, он начал вещать: — Берег моря... горы, дальше степь, скудная степь... холодно, маленькие деревца на горизонте, каменная гряда... женщины с оружием, могучие женщины, одни женщины... снег, много снега и льда, солнце низко-низко над горизонтом целый день... больше не вижу ничего.

Идол вздохнул своей каменной грудью, провел рукой по лбу, словно смахивая пот после тяжелой работы.

— Остальное определи сама, в твоих книгах ты можешь узнать про это место, а я не могу сказать ничего больше. Я устал. Я очень устал и хочу спать. Спать мне пора, понятно, маленькая сучка?

Огонь в плешке догорал, и, словно умирая вместе с ним, стены подземелья начали стремительно съеживаться, теряя свой блеск. Каменный бог тоже уменьшился до прежних размеров, только рука его не успела вернуться на место, как раньше, и так и застыла, прислоненная ко лбу. Через несколько мгновений все стихло, огонь блеснул последний раз и погас...

* * *

— Пока меня не будет, ты должен присматривать, чтобы все здесь было в порядке. — Колдунья, сидя за столиком, отщипывала одну за другой крупные зеленые виноградины и диктовала склонившемуся перед ней Саятбеку, что надо будет сделать в ее отсутствие.

— Я буду следить за тобой издалека, — припугнула она своего подручного, — и, если прогневаешь меня... сам знаешь, что с тобой будет.

Толстяк закивал головой, молитвенно сложив руки на груди.

— Не сомневайся, госпожа, все будет исполнено, клянусь Вечноживым Таримом, пророком нашим.

— Иди, — махнула рукой Гермия, — мне надо собираться в путь.

Глава восьмая

А ты где служил? — спросил Саудан высокого художавого мужчину со шрамом на левой щеке.
— Проще сказать, где я не был, — усмехнулся тот. — Не сомневайся, хозяин, я опытный боец.

В доказательство своих слов он вытащил длинный кривой клинок и ловко завертел им, изображая выпады фехтовальщика.

— Я с ним участвовал не в одной схватке, — подтвердил Бахтар, сидевший рядом с Сауданом на заднем дворе дома Джемаха.

Капитан отбирал из приведенных к нему Бахтаром людей наиболее искусных воинов для своего корабля. Двоих он забраковал сразу, потому что они никогда не выходили в море, а остальные, пожалуй, могли подойти — приятель не обманул его и привел с собой действительно опытных бойцов.

— Ну, а ты что можешь? — спросил он у высокого стройного юноши с черными, как уголь, глазами.

— Все, что угодно, хозяин, — ответил тот. — Смотри.

Он вытащил кинжал и, слегка размахнувшись, бросил его в направлении чинары, стоявшей в дальнем углу двора. До дерева было шагов двадцать, но клинок, блеснув словно молния, под одобрительные крики зрителей, столпившихся возле капитана, воткнулся точно по центру ствола. Юноша подошел к чинаре, вырвал кинжал и, отойдя на прежнее место, снова бросил. Просвистев в воздухе, клинок снова

вонзился в ствол — причем в то же самое место. Толпа, ахнув, застыла в восхищении — собравшиеся здесь люди понимали толк в этом деле.

— Да, — почесал в затылке Бахтар. — Такого я, пожалуй, еще не видел.

— Плавал ли ты на кораблях в открытом море? — спросил Саудан, на которого искусство юноши тоже произвело сильное впечатление.

— Не один раз, — с поклоном произнес юноша. — Я из Зингары, зовут меня Герард.

По манерам юноши было видно, что он не из простой семьи, но Саудана, в общем-то, это не трогало — он ведь нанимал солдата, а в этом ремесле парень, похоже, был весьма искусен.

— Тебя возьму тоже, — сказал капитан. — Плата, как и всем, двадцать золотых за ходку, прибавь сюда кормежку, так что не прогадаете, — обращаясь уже ко всем, добавил Саудан.

— А чьих золотых, туранских? — спросил кто-то.

— Подымай выше, — усмехнулся капитан, — хозяин за хорошую службу заплатит аквилонскими.

Толпа нанятых воинов одобрительно загудела. Двадцать аквилонских монет — это действительно большие деньги, за них не жалко и головой своей рискнуть.

— Завтра к утру чтобы были у причала, где пришвартуется «Утренняя звезда», — наказал им Саудан, а сам отправился по оружейным лавкам, добывать то, что указал в своем списке киммериец.

Оружейных лавок в Аграпуре было достаточно. Саудан взял с собой Бахтара, поскольку справедливо считал, что закаленный в боях воин лучше него разбирается в оружии. Немало серебра они оставили в сундуках местных купцов, пока тележка, которую тащил меланхолично жующий свою жвачку пегий мул, не наполнилась доверху. Длинные копья и запасные наконечники к ним, абордажные крючья и мотки крепкой веревки, несколько новеньких, прямо из-под молота кузнеца круглых железных щитов, трехзубые кошки, два десятка колчанов из Стигии с прекрасно оперенны-

ми стрелами — тамошние мастера делали лучшие, из известных Бахтару, стрелы и луки. Были там и крепкие обоюдоострые мечи, и кривые ятаганы, и метательные ножи, и хорошо просмоленные факелы, и крепкие топоры из аргосской стали — в общем, к концу закупок несчастное животное еле тащило сильно потяжелевшую повозку.

Оставалось найти только меч, который был бы по руке такому гиганту, как Конан. Это, как и предполагал капитан, оказалось очень простым делом. Они подъехали к сторожевой башне, у которой были вчера ночью, потолковали со стражниками, посочувствовали преждевременной гибели их товарищей, выпили по кувшинчику винца, которое Саудан предусмотрительно взял с собой. К концу беседы старший из стражников гостеприимно распахнул перед капитаном дверь кладовки, куда они сваливали оружие арестованных:

— Выбирай приятель, что тебе понравится, видишь сколько тут накопилось, — пригласил он Саудана. — Скоро сведем все это добро к торговцам оружием, глядишь и добавка будет к нашему скудному жалованью, — хихикнул он.

«Да уж, скудному, — подумал про себя капитан, — а кошельки арестованных, интересно, куда деваются?»

Меч киммерийца сразу бросился ему в глаза — его нельзя было не заметить, так он выделялся среди прочего оружия. Капитан для отвода глаз выбрал парочку приличных кинжалов, легкий щит из слоновьей кожи и, уже выходя, как бы невзначай, бросил взгляд на огромный меч.

— А это у вас откуда? — спросил он.

— Да вот, мы же тебе говорили, был у нас тут вчера один парень, разрази его Деркэто, — процедил со злостью охранник. — Это его меч.

— Ничего себе, — притворно удивился капитан. — Кому может понадобиться такой длинный меч? Может взять себе, мясо рубить, пожалуй, сгодится, лезвие больно широкое.

— Да возьми в придачу, — сплюнул стражник, — его и не продать. Действительно, кто такой возьмет?

Оружие свалили на тележку, и Саудан, радуясь, что все дела успешно завершены, заспешил в порт, где с причала

вереница грузчиков носила на его «Утреннюю звезду» тюки и ящики с товаром, предназначенным на продажу в далеких землях.

* * *

Корабль, как и было намечено, отплыл ранним утром. Чтобы плавание было удачным, принесли жертву богам, и «Утренняя звезда», приводимая в движение мерными ударами сорока длинных весел, отчалила от причала, провожаемая родственниками моряков, зеваками да несколькими жрицами любви, которые усиленно махали платками, отыскивая глазами среди столпившихся по борту матросов и воинов своего недавнего щедрого кавалера.

Утро было удивительно тихим и солнечным, на море был полный штиль, и поэтому «Утренняя звезда» долго шла на веслах. Берег и дома Аграпура, а потом неровная линия городской стены и верхушки храмов еще много времени, до самого полдня, были видны с корабля.

Капитан передал руль своему помощнику и спустился с мостика на палубу, где расположилось воинство, от нечего делать рассказывающее анекдоты и байки из своей жизни.

— Капитан, — напомнил ему кто-то из солдат, — ты не назначил старшего среди нас, или ты будешь командовать сам?

— На корабле нет человека главнее меня, — ответил Саудан, — но сейчас вы увидите своего командира.

Конан все это время провел в своей каюте и, как советовал ему капитан, не выходил на палубу. Он появился только тогда, когда его позвал посланный Сауданом матрос. Увидев киммерийца, все находящиеся на палубе невольно внутренне подтянулись. Когда их командир подошел к ним, они вскочили на ноги, отряхивая одежду.

— Привет, ребята! — просто сказал Конан. — Я не особый любитель разговоров. Клянусь бородой Крома, мне более привычно работать мечом, да и вообще тем, что колет, рубит и режет. Поскольку сейчас наша жизнь и жизнь остальных, — он кивнул на корабль, — в наших собственных руках, то мы должны быть готовы всегда, и не только

готовы, но и умелы. Поэтому я посмотрю, на что каждый из вас способен, проверю, какое у каждого оружие, а потом назначу всем занятия и распределю караулы на ночь.

— А ты сам-то все умеешь? — спросил один из солдат, крепкий мускулистый туранец, которому не очень понравилась речь гиганта-варвара.

— А это совсем не твое дело, — отрезал Конан, даже не оборачиваясь к говорившему. — Я назначен командиром, и мне нужен боеспособный отряд, а не просто сборище солдат. Не потерплю никаких пререканий со мной или обсуждения моих действий.

Он уже был достаточно опытным воином, не один раз командовал отрядами — и даже войсками! — во многих странах и знал, что дисциплину необходимо наладить с первых же мгновений, иначе в решительную минуту на своих подчиненных положиться будет нельзя.

— Если кто-то думает, что он попал сюда отдыхать и играть в кости, то у него еще есть возможность попытаться вплавь вернуться в Аграпур. По-моему, тебе лучше сделать именно это. — Киммериец резко повернулся и взглянул прямо в глаза недовольному солдату.

— Да ты что, — отплатился тот, — я ведь просто спросил...

— Ну и хорошо, — миролюбиво ответил варвар, — будем считать, что ответ на свой вопрос ты получил, не так ли?

Солдат угрюмо кивнул головой в знак согласия. Конан еще раз осмотрел строй своих бойцов. По виду это были опытные, закаленные в боях вояки, о чем свидетельствовали шрамы на их обветренных лицах и руках. Ребята все были как на подбор высокими, мускулистыми и крепкими.

«Молодец капитан, — подумал про себя Конан, — редко когда удастся собрать такой отряд. Все удалцы, как на подбор. Вот разве что...»

Среди остальных воинов несколько выделялся один человек, высокий юноша с темными волосами и тонким смуглым лицом. Глаза смотрели на киммерийца смело и с явным интересом, как будто юноша видел его не в первый

раз. Варвар не страдал отсутствием памяти и, немного подумав, пришел к выводу, что он-то этого паренька не видел никогда.

«Ладно, — решил он про себя, — времени впереди много, там разберемся».

— Значит так, друзья мои, — сказал он солдатам, — с завтрашнего дня займусь каждым из вас в отдельности. Проверим амуницию и что у каждого за душой. Всем понятно, воронье? — гаркнул он.

— Понятно, командир, — дружно прозвучало в ответ.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно буркнул киммериец, — отдыхайте.

Проведя таким образом первый смотр своего войска, Конан подошел к капитану, который, стоя несколько поодаль, наблюдал тем не менее всю сцену от начала до конца.

— Хороших солдат подобрал, — похвалил он капитана.

— Сам понимаешь, — усмехнулся тот, хлопая киммерийца по плечу, — посмотри, у меня на плечах чья голова?

— Твоя, — засмеялся варвар, — а чья же еще?

— Вот ее я и берегу, — усмехнулся Саудан. — Думаю, что ты получил ответ на свой вопрос, — слегка передразнивая беседу киммерийца с солдатами, засмеялся капитан.

— Но есть еще один, — понизив голос, сказал Конан. — Ты обещал сказать, куда мы плывем.

— Отойдем подальше, — взял его за локоть Саудан. Когда они прошли на верхнюю палубу, он спросил: — Ты что-нибудь слышал о женщинах-воительницах?

Киммериец от неожиданности вздрогнул. Женщины-воительницы? На Конана налетел буйный вихрь воспоминаний. Его незабываемые подруги, сражавшиеся с ним бок о бок... Карела Рыжий Ястреб, заносчивая, строптивая, но умеющая быть такой самоотверженной, предводительница отряда разбойников... Смуглая красавица Белит, с которой он славно попирагивал в южных морях. После ее трагической смерти ему долго казалось, что он не способен более полюбить другую женщину... Гордая Испарана из Замбулы... Отважная Раина... Он любил всех этих женщин, и в

свое время каждая из них казалась ему лучшей на свете. Но была еще одна, самая дорогая для него — ведь он расстался с ней всего несколько месяцев назад!

«Акила! — вспыхнуло в мозгу у киммерийца. Воспоминания об этой прекраснейшей из женщин были еще слишком свежи в его памяти. — Акила!»

— Что-то не припоминаю, — с трудом совладав, чтобы не выдать себя, равнодушно ответил варвар.

— Это племя обитает к северу от моря Вилайет, чаще всего их называют у нас амазонками. О них можно рассказывать долго, это мы сделаем в другой раз, — зашептал капитан, — но дело в том, что там сейчас, похоже, то ли идет, то ли намечается война между двумя родственными кланами, говорят даже, что между двумя родными сестрами. — Саудан огляделся вокруг, не слышит ли их кто, и убедившись, что все в порядке, продолжил: — Так вот, мы возьмем оружие одному из этих кланов. К хозяину приходил какой-то человек, и они обо всем договорились. Я бывал на севере Вилайета, но до самого берега мне доходить не пришлось.

— Значит, плавание будет долгим?

— Конечно, — ответил капитан, — а главное, никто не знает, что там может нас ждать. Поэтому я и взял отряд побольше, и людей постарался подобрать соответствующих. Не исключено, что нам не только от пиратов придется отбиваться. Вот такие дела.

«Да уж, действительно, дела, хвост и копыта Нергала! — возликовал киммериец. — Неужели я еще раз увижу свою Акилу?»

Радость переполняла его душу, но внешне он остался совершенно невозмутимым:

— Я тоже никогда не бывал в тех местах. Интересно будет поглядеть, что там за люди.

Часть вторая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ ВИЛАЙЕТ

Глава первая

Первые дни плавания проходили спокойно. В открытом море поймали легкий попутный ветер, и «Утренняя звезда», разрезая форштевнем волны, заскользила по бесконечной водной равнине к цели, которую знали на этом судне только двое: капитан и командир военного отряда. Остальные понимали, что корабль идет на северо-восток, а куда именно, их особо не интересовало. Солдаты были довольны, что служба идет, а значит, идут и деньги. Рабы на весельной палубе радовались тому, что корабль плывет под парусами и им не приходится налегать на тяжелые весла под ударами плетей надсмотрщиков. Матросам хватало для веселого настроения хорошей ровной погоды, когда не надо беспрестанно то ставить, то убирать паруса, карабкаясь по высоким мачтам. В общем, такой ход событий устраивал всех.

Конан осмотрел весь корабль — от трюма до бочки на фок-мачте, чтобы выяснить, насколько он надежен. Каждую ночь шесть из двадцати членов команды, сменяясь, несли караул на палубе. Конан строго-настрого приказал следить за морем, не смыкая глаз. Днем, как и обещал, он учил воинским премудростям своих солдат, и многим приходилось попотеть, чтобы выполнить требования командира.

Даже закаленные во многих боях вояки не казались варвару достаточно подготовленными к бою. Впрочем, он понимал, что не всем дано владеть оружием так, как умел

он сам. Лишь одним солдатом, зингарским юношей Герардом, Конан был абсолютно доволен. Несмотря на довольно хрупкое телосложение, этот ловкий серьезный паренек метал ножи, стрелял из лука и фехтовал на мечях и саблях, пожалуй, не хуже самого киммерийца. Конечно, он не обладал такой недюжинной силой, как у варвара, — таких могучих людей природа порождает редко — но во всем остальном ничем не уступал своему командиру.

Герард очень привязался к Конану и как бы невзначай все время крутился возле него, молниеносно выполняя все распоряжения киммерийца. Солдаты добродушно прозвали Герарда ординарцем. Конану нравился этот толковый исполнительный юноша, но он старался особо не выделять его среди других.

«Что-то неладное творится с парнем», — подумал как-то варвар, в который раз почувствовав на себе преданный, но удивительно печальный взгляд Герарда.

Вот уже полчаса молодой воин упражнялся с мечом, и киммерийцу показалось, что это не человек раз за разом повторяет одно и то же движение, а нечто подобное водяной мельнице вращает свое колесо, бесстрастно подчиняясь потоку. Ни тени улыбки или неудовольствия — никаких признаков плохого или хорошего настроения не было на красивом смуглом лице юноши, устремившем свой взор куда-то далеко за горизонт. На мгновение варвара охватило легкое безотчетное беспокойство. Увидев, что за ним наблюдают, Герард улыбнулся слегка виноватой улыбкой и помахал Конану рукой.

На море вновь воцарился штиль, и корабль пошел дальше под мерный плеск весел. Невольники в такт взмахам весел тянули заунывный напев, и казалось, что от этой песни тоска охватила «Утреннюю звезду» от киля до верхушек мачт. Киммериец стоял у левого борта и глядел на летящих за кораблем чаек.

— Чаек видишь? — спросил подошедший к нему капитан.

— Вижу, — понимая, к чему клонит Саудан, ответил Конан. — Ты хочешь сказать, что близко берег.

— Верно, — согласился капитан и, указав рукой на восток, добавил: — Там несколько больших островов, всего полдня хода на веслах.

— А пираты на тех островах есть?

— А почему бы и нет? — Капитан послынул палец и поднял его вверх. — Поднимается восточный ветерок, так что на парусах им до нас добраться — раз плюнуть.

— Может, нам уйти немного на запад с попутным ветром?

— Даже не думай! — Саудан сплонул за борт. — Там Остров Железных Идолов, местечко на редкость мерзкое — куча мелких подводных скал. Все капитаны стараются обходить этот остров стороной.

— Ну что ж, тогда нынешней ночью удвоим караулы, — решил Конан.

Однако, вопреки ожиданиям, ночь прошла спокойно, никто не потревожил сон экипажа. Чтобы дать отдохнуть гребцам, капитан приказал лечь в дрейф, и корабль мерно покачивался на небольших волнах, свидетельствующих о том, что где-то далеко от них было ветрено. Море отзывалось на движение воздуха легкой зыбью.

С утра задул слабый ветерок, матросы, не мешкая, поставили паруса, и «Утренняя звезда» вновь заскользила по морской глади в сопровождении полчища чаек, ждущих возможности поживиться остатками нехитрой корабельной пищи. Судно проходило места богатые рыбой, и чтобы скоротать время и пополнить запасы пищи, было решено устроить большую рыбную ловлю.

Конан с интересом наблюдал, как матросы под командованием крепкого рыжеволосого человека таскали мотки тонкой, но крепкой лесы, громадные, величиной чуть ли не с абордажную кошку, крючки и длинные гибкие шести.

Перегнувшись через борт, Конан смотрел, как на глубине под косыми лучами солнца, пробивающегося сквозь толщу воды, светятся водоросли.

— Здесь дно круто опускается локтей на пятьсот, — сообщил подошедший к нему Саудан. — Из-за того, что мор-

ское течение натывается на откос и образует водоворот, тут тьма рыбы. Мы называем это место Морским колодцем.

— Похоже, ты давно плаваешь по Вилайету? — спросил киммериец.

— Да уж давненько, — с гордостью ответил капитан. — Всего навидался. Вот, смотри, — он указал на воду, — видишь?

Конан заметил расплывчатые неясные контуры, каждый миг меняющие свои очертания.

— Это стаи креветок и мелкой рыбешки, — пояснил Саудан. — Ночью они поднимаются повыше и служат кормом для крупной рыбы.

Матросы забросили мелкую сеть с правого борта, и через некоторое время человек пять с трудом вытащили ее на палубу — она была до краев полна рыбой. Чайки кружили над сетью, норовя выхватить рыбу, а наиболее смелые садились на палубу и, с опаской поглядывая на людей, расхаживали по ней, ожидая момента, когда и им что-нибудь перепадет.

Ловцы выбрали рыбу покрупнее, прошили ее в нескольких местах тонкой козлиной жилой, насадили эту приманку на крючок и закинули в море. Остальной улов матросы стребли за борт, несказанно обрадовав этим стаю пернатых.

— А большая рыба попадается? — спросил киммериец. Ему приходилось ходить почти по всем морям, но обычно он был занят либо борьбой со стихией, либо сражениями с врагом, и потому теперь с интересом осваивал новое для себя дело.

— Увидишь, — коротко бросил капитан. — Рыжий свое дело знает.

И правда, через несколько минут один из матросов, следивших за лесой, крикнул:

— Есть!

Барвар подошел поближе и увидел, что леса на кончике удилица туго натянулась, а само удилице прогнулось, напоминая сжатый лук. Рыбаки отпустили немного лесы, и она тут же ушла в воду. Тогда шестеро человек взялись за лесу и по команде рыжего начали медленно выбирать ее из

воды. Леса подалась, они вытащили несколько локтей, но тут рыба рванула с такой силой, что ловцы с трудом удержались на ногах.

— Большая! — возбужденно закричал один из них.

Все, кто не был занят делом, включая капитана и солдат Конана, сбегались на этот крик и столпились поодаль, наблюдая за схваткой с громадной рыбиной. Матросы медленно выбирали лесу, не давая ей ослабнуть. Постепенно рыба начала уставать, и вот раздался громкий всплеск, и рыба вышла из воды.

— Эй! Ты только посмотри! Вот это чудище! — неслись со всех сторон изумленные крики.

Невероятных размеров рыбина, переливаясь на солнце, медленно поднималась из воды. Вдоль ее спины шел ряд темных треугольных шипов.

— Осетр! Королевский осетр! — радостно закричали собравшиеся на палубе.

Рыба уже почти целиком показалась на поверхности, как вдруг ударила мощным хвостом, развернулась и вновь устремилась в глубину. Матросы изо всех сил удерживали лесу, не позволяя добыче уйти обратно в морскую пучину. Рыбина билась, поднимая вокруг себя фонтан брызг. Конан подбежал к уже готовым сдать матросам и намотал лесу на руку.

— Да-вай! Да-вай! — раскатился над морем могучий рык, и, повинаясь Конану, они стали рывками подтягивать осетра все ближе и ближе к борту.

— Не сорвите! — кричал рыжий. — Осторожно, не ослабляй! Гарпун мне!

Когда рыбину почти вытянули на поверхность, в воздухе просвистел гарпун. Оружие вонзилось рыбе в бок, и тотчас вода вокруг нее окрасилось кровью. Почуввав добычу, над водой с криками носились чайки.

Наконец рыбу удалось подтащить так близко, что рыжий смог накинуть ей на хвост петлю.

— Давай, тяни! — рывкнул он.

Осетра с трудом перевалили через борт, но он продолжал извиваться и бить хвостом до тех пор, пока киммери-

еще не изловчился и не припечатал его голову к палубе ударом могучего кулака. Разинув пасть, усеянную частоколом мелких зубов, рыба затихла.

Разгоряченные и возбужденные борьбой матросы обливали себя водой, чтобы охладиться и смыть рыбью кровь. Почти все обитатели «Утренней звезды» собрались вокруг добычи — в длину она превышала два человеческих роста.

Киммериец с интересом разглядывал рыбину. Он слышал о королевских осетрах, но видеть их, а тем более участвовать в ловле, ему не доводилось никогда.

— Таких даже я не видел, — сказал Саудан. — Честно говоря, мне даже и слышать не приходилось, чтобы кто-то поймал такого большого осетра.

Пока несколько человек с топорами и большими широкими ножами распарывали и разрубали рыбу на куски, рыжий со своими товарищами поймал еще несколько, но уже гораздо более мелких. Внезапно варвар почувствовал какое-то беспокойство. Он оглянулся и увидел, что Герард горящими глазами неотрывно следит за тем, как матросы по локоть в крови вытаскивают рыбы внутренности.

— Эй, парень! — окликнул его киммериец.

Юноша с трудом оторвался от зрелища и, натянуто улыбувшись, помахал варвару рукой.

«Какой-то он странный, — подумал киммериец. — Ладно, придет время — разберемся».

Глава вторая

К вечеру дувший с востока свежий ветерок усилился, и ночью начался шторм. Рассветное небо затянули багровые тучи.

«Утреннюю звезду» неумолимо относил на запад, к Острову Железных Идолов. Все попытки противостоять стихии ни к чему не привели. Под хруст ломающихся весел, крики надсмотрщиков и удары бичей корабль, как щепку, несло к подводным скалам.

Конан стоял на капитанском мостике, готовясь к худшему. Если уж судну суждено разбиться о подводные камни, надо хотя бы попытаться спастись на лодках или плотах.

— Еще немного, и нам всем придется спасаться вплавь, — прокричал Саудан на ухо киммерийцу. Шторм ревел так истошно, что в двух шагах ничего не было слышно.

— На всех лодок не хватит! — заорал в ответ варвар.

Несколько лодок сорвало с правого борта и разнесло в щепы.

К полудню боги смилостивились — ветер переменился. Теперь можно было не опасаться, что корабль наскочит на подводные скалы. Однако часа через два налетел шквальный северный ветер. К вечеру он набрал невиданную силу. Над морем Вилайет бушевал ураган. Временами сквозь разрывы свинцовых туч пробивался призрачный свет луны. «Утреннюю звезду» бросало из стороны в сторону, гроз-

ные волны накатывали на нее с кормы и швыряли с гребня на гребень, как пробку от бутылки.

Цепляясь руками за переборки, которые скрипели и стонали на разные голоса, Конан добрался до трюма, где обитали его солдаты. Похоже, им никогда в жизни не приходилось попадать в такие переделки — одни лежали пластом, безучастно глядя в потолок, другие тихонько молились.

— Как дела, молодцы? — пытаюсь подбодрить их, крикнул Конан.

Ответом ему была гнетущая тишина, которую нарушали лишь ужасные удары волн о корпус корабля.

Киммериец огляделся. Тускло светила раскачивающаяся лампада. Со всех сторон на него смотрели угрюмые лица, лишь Герард, казалось, не проявлял никакого беспокойства. Юноша был настолько погружен в свои мысли, что, против обыкновения, даже не обратил внимания на приход командира. Он словно готовился к чему-то очень важному. Варвар махнул рукой и вышел из трюма.

Конан с трудом приоткрыл дверь, ведущую на палубу, и тут же потоки воды, ударившие с силой бегущего стада быков, чуть не расплющили его в дверном проеме. Но он удержался на ногах и, дождавшись, когда вода откатится к фок-мачте, в два прыжка преодолел расстояние до сходней, ведущих на мостик. Ухватившись за перила, варвар ловко вскарабкался наверх, где вымокший до нитки Саудан с упорством мула держался за совершенно бесполезный сейчас штурвал.

— Иди вниз! — закричал киммериец. — Смоет волной, что мы будем делать без капитана?

— Не смоеет, клянусь Эрликом! — заверил Саудан.

Только сейчас варвар заметил, что капитан крепко привязан веревкой к основанию рулевого колеса. Внезапно фок-мачта затрепала и угрожающе наклонилась, сопротивляясь буре. Через секунду новый порыв ветра оторвал ее верхнюю часть и, как щепку, унес в море. К шторму прибавилась гроза. Грохотал гром, из темных, нависающих над водой клочковатых туч, с треском разрывая тьму, зазмеились молнии.

— Думаешь, мы еще долго продержимся?

— Одним богам известно! — крикнул капитан, и вдруг, указывая вперед рукой, отчаянно закричал: — Смотри!

Киммериец посмотрел вдаль, но ничего не увидел.

— Смотри! Женщина! — повторил Саудан.

«Наверное, спятил, — подумал варвар, — какая может быть в море женщина?»

— Да вот туда смотри, справа на палубе!

Конан перевел взгляд направо и — о боги! — почти у самого бушприта увидел женщину в белом платье с черными, развевающимися на ветру волосами. Она спокойно стояла, облокотившись о борт, и глядела куда-то вдаль. Казалось, она вышла прогуляться в тихий сад — таким умиротворением веяло от ее фигуры. Что-то в ее облике показалось киммерийцу знакомым, но он не мог понять, что именно.

— Эй! — окликнул он женщину, но та не услышала. Она стояла, склонившись вниз, и что-то рассматривала в волнах.

— Попробую до нее добраться! — Киммериец рванулся было вниз, но веревочная петля на поясе не дала ему сдвинуться с места. Пока Конан, открыв рот, наблюдал за невестой откуда взявшейся женщиной, капитан привязал к основанию рулевого колеса и его.

— Ослиная задница! — прорычал варвар. — Зачем ты это сделал?

— Дурень! — крикнул Саудан. — Что мы будем делать без командира, когда ураган стихнет?

Киммериец рванулся еще раз, но веревка оказалась крепкой.

— Нергал ее раздери! — ругнулся Конан и вновь бросил взгляд на то место, где стояла женщина.

Там никого не было.

— Куда она делась? Ты что-нибудь видишь? — спросил капитан.

— Наверное, нам померещилось со страху! — ответил варвар.

— Двоим сразу? — недоумевал Саудан. — Не иначе — магия! Только колдунов нам здесь не хватало, клянусь Вечноживым Таримом!

«Где же я мог ее видеть? — размышлял Конан. — А ведь видел — точно видел!»

— Смотри, просветы! — крикнул варвар капитану, заметив, как среди мечущихся по небу низких туч мелькнул луч солнца.

— Похоже, буря скоро утихнет, — согласился капитан.

Все закончилось гораздо быстрее, чем можно было предположить. Разрывы в облаках стремительно увеличивались, яркий Глаз Митры уже заливал своим животворящим светом море, и под его лучами оно успокаивалось прямо на глазах, даже цвет его изменился — из грязно-стального превратился в серовато-зеленый, а потом в голубой. Конан невольно оглянулся назад — совсем близко от них еще бушевала буря. — Что-то я ничего не понимаю! — крикнул он Саудану.

— Чего орешь? — ответил капитан, зажимая уши. — Видишь, буря ушла.

И правда, все вокруг стихло. Буря уходила все дальше и дальше на юг.

— Слава богам, пронесло! — склонил голову капитан. — Я уж думал, что живыми не выберемся.

Они отвязали себя от руля, и капитан зычным голосом, как будто ничего за последнее время и не произошло, закричал:

— Команда! Все наверх!

— Пойду проверю, как там внизу, — сказал варвар, спускаясь на палубу. — От такой бури и спятить недолго!

— Нергал бы побрал эту бурю! — рявкнул капитан, взглянув на свой корабль — вернее на то, что осталось от него после урагана. — Теперь придется вставать на починку...

— Все не так уж и плохо, — возразил Конан. — Ничего непоправимого не случилось... Ну ладно, я все-таки спущусь вниз, — добавил он, открывая дверь.

Оттуда уже доносился топот ног. Матросы, услышавшие призыв своего капитана, спешили наверх.

Сейчас, когда море стихло, киммериец проделал путь от входа до трюма в считанные мгновения, в бурю это заняло у него куда больше времени.

— Ну что, вояки, как дела? — гаркнул он, входя к своим солдатам.

— Нормально... в порядке... — нестройно и не очень уверенно прозвучало в ответ.

Варвар окинул помещение взглядом — что-то его насторожило. На мгновение он задумался, но тут же сообразил, в чем дело.

— Где Герард?

— Тут был, да куда ему деться... — ответил кто-то из солдат.

Конан вышел на палубу.

— Я вам покажу, помойные площадки, где вы были все это время? — распекал выстроившихся перед мостиком матросов Саудан, но чувствовалось, что делал это он не по злобе, а просто, чтобы снять с себя напряжение последних суток.

Немного поодаль киммериец заметил Герарда: зингарец стоял, прислонясь спиной к борту, и разглядывал разрушительную картину, которую оставила после себя буря.

— Вот ты где! — удивился Конан. — А я и не заметил, как ты вышел.

— Странно, — ответил юноша, преданно глядя на своего командира, — я здесь уже давно.

— Наверное, ты вышел в тот момент, когда я спускался вниз, — задумчиво проговорил варвар, хотя он мог поклясться самим Солнцеликим, что, когда открывал дверь, намереваясь спуститься в трюм, на палубе не было никого, кроме него и Саудана.

«Какие-то чудеса творятся вокруг последнее время», — с неудовольствием подумал киммериец. Он любил ясность во всем, а все непонятное, а тем более таинственное, на дух не переносил.

Глава третья

К вечеру погода совсем разгулялась: солнце светило ярко и весело, присмирившее море ласково плескалось о борта лежавшей в дрейфе «Утренней звезды». Матросам и солдатам было над чем поработать — ураган хорошенько потрепал судно. Разбирали спутанный такелаж, заново крепили кое-где оторванные ветром фальшборта, разворачивали запасные паруса взамен унесенных или разорванных бурей.

— Где мы сейчас находимся? — спросил Конан у капитана. Тот наблюдал с мостика за работающими и время от времени зычно отдавал команды.

— Один Солнцеликий знает, — усмехнулся в ответ Саудан. — Подожди, выйдут звезды, тогда я смогу определить точно. Но сдается мне, что нас унесло куда-то на север от островов. Придется идти до берега на веслах, а там встанем на починку.

— Лес там есть?

— Кое-где, а в основном — степи, — ответил капитан. — Но придется поискать, новую мачту нам взять больше нелюбо.

На месте фок-мачты, напоминая о недавнем буйстве стихии, торчал какой-то жалкий огрызок. Варвар опять задумался о странном появлении на корабле женщины в белом платье. Вновь и вновь перебирал он в памяти события последних лет, но никак не мог припомнить, где же он ее видел. Эти мысли не давали Конану покоя весь вечер. Он

ходил по судну, отдавал приказания, помогал там, где требовалась его гигантская сила, но таинственная женщина так и не выходила из головы.

Ночью в чистом, словно умытом дождем небе ярко засияли звезды. Они были крупными как бусины или казались такими людям, которые радовались ясному небу после стольких дней бури и мрака.

Наконец капитан смог определить местонахождение корабля.

— День перехода на восток, — повернулся он к стоявшему рядом киммерийцу, — и мы достигнем земли чуть к северу от островов или придем прямо к ним.

— Кром! — Варвар коснулся рукояти меча. — Сейчас это нам не совсем подходит. Без фок-мачты особо не разгонишься, да и ветра почти нет. Если пираты, которые шныряют у островов, увидят нас, то на веслах нам далеко не уйти.

— Согласен, — подхватил Саудан, — поэтому возьмем немного северней. Я ни разу не подходил к тем берегам, так что придется действовать наугад. Скорее всего, мы не встретим пиратов, но на всякий случай надо быть настороже.

— Хорошо, — ответил Конан, — я удвою караулы.

К берегу решили отправиться утром, и корабль лег в дрейф. Саудан оставил на мостике рулевого и ушел спать — его прямо-таки шатало от усталости. Киммериец остался на палубе. Он смотрел на все ярче и ярче разгоравшиеся звезды и вспоминал свои скитания. Куда только не заносила его судьба? Холодные пустоши Халог и зной пустынь Шема, леса Бритунии и Карпашских гор, заросли тростников у Стикса...

А Замора? Перед глазами киммерийца, словно живые, вставали друзья и враги его юности, лукавые жители Города Негодяев — Шадизара. Трудное и славное было время! А где теперь носят ветры судьбы Ловкача Ши Шелама? В какие только передраги не попадал Конан со своим верным другом! Жив ли он сейчас?

А колдун Лиаренус? Даже сейчас, по прошествии многих лет, Конан с содроганием вспоминал полчища созданных

Лиаренусом жутких зеленых монстров — мускулистых, как борцы, и подвижных, как тушканчики. До сих пор в ушах стоял хруст человеческих костей, перекусываемых этими тварями.

Колдовство! Киммериец всегда старался держаться от него подальше, но какая-то неведомая сила помимо воли все-таки влекла его к магии — возможно, пытливый разум варвара хотел разобраться, что же это такое? Мысли Конана вновь вернулись к загадочной женщине на корабле. Бред? Но двое не могут бредить одинаково! Значит, над этим судном витает что-то магическое. Конан задумчиво покусывал ремешок, скреплявший ворот его куртки. Горький вкус кожи вывел его из раздумья.

— Тьфу! — поморщившись, сплюнул варвар. — Совсем спятил! — и спустился на палубу, чтобы осмотреть корабль.

Все было тихо и спокойно. Караульные на носу и корме добросовестно обшаривали глазами едва освещенное призрачным звездным светом море, прислушивались к плеску волн: не скрипят ли уключины пиратских лодок. Варвар спустился к себе в каюту. Пожалуй, надо немного поспать — ведь несколько ночей подряд ему не удавалось сомкнуть глаз. Конан растянулся на сундуке и сразу же заснул, но сон его был тревожным. Ему снилось, что гигантская белая птица с лицом женщины кружит и кружит над «Утренней звездой», словно выискивает добычу.

* * *

Наутро выяснилось, что до берега придется добираться на веслах, потому что ветер дул в другую сторону. Ближе к полудню с верхушки мачты раздался крик матроса:

— Вижу землю!

Налегли на весла, и вскоре перед их глазами возник холмистый берег, подступы к которому охраняли рифы. Спустили лодку, сделали замеры глубины, а потом осторожно завели корабль в небольшую уютную бухту.

— Здесь и встанем. Отдать якорь! — скомандовал капитан.

— Хорошее место! — одобрил Конан. — Вон и лес виднеется.

— Хорошо бы найти высокое крепкое дерево, — сказал Саудан. Он всматривался в недалекий лес, выискивая среди деревьев сосну, подходящую для новой фок-мачты.

Первым на берег высадился киммериец со своим отрядом. Он разделил солдат на три группы и отправил осмотреть окрестности. Все побережье было покрыто зарослями низкого, но очень густого кустарника. Впереди возвышался высокий холм, слева стеной стоял лес, который они заметили еще с корабля.

Спустя полчаса разведчики вернулись и сообщили, что вокруг все спокойно и, похоже, до них здесь никого не было. За лесом текла довольно широкая река, и это порадовало варвара: все-таки лишнее препятствие, если кому-нибудь вздумается подобраться к их стоянке.

Конан выбрал поляну, с которой хорошо просматривались окрестности, и на ней разбили лагерь. Оставив на корабле несколько человек, команда высадилась на берег. Работа предстояла большая, дней на пять, не меньше. Нужно было найти подходящее дерево, срубить его, обтесать и переправить на «Утреннюю звезду». День клонился к вечеру, а потому решили взяться за дело на следующее утро. Разожгли костры, потянуло дымком и аппетитным запахом жареного мяса. Матросы растянулись на траве, отдыхая после многодневной изматывающей болтанки в море. Варвар назначил караульных на ночь и решил наутро подняться на холм, чтобы сверху еще раз хорошенько осмотреть все вокруг.

Глава четвертая

Ночь прошла спокойно, теплый ветерок, тянувший с юга, напоминал о разгоравшейся весне. Приумолкшие к ночи птицы с раннего утра вновь принялись за свои песни — свист, щелканье и щебетание разбудили путешественников перед самым восходом солнца.

«Уж слишком все хорошо, — подумалось вдруг Конану, когда он, приподнявшись на локте, оглядывал мирный ландшафт. — Не к добру все это...»

Оставив за главного Бахтара, Конан направился к холму. Он шагал вперед, распуская мелкую живность, которая прыгала в разные стороны прямо из-под ног. Трава приятно щекотала своими влажными стеблями щиколотки киммерийца. Перепрыгнув узкий ручеек, варвар уперся в стену густого тростника, которая тянулась направо и налево, насколько хватал глаз.

«Копыта Нергала! — выругался Конан. — Надо же, а до холма всего шагов пятьсот».

Тростник был крепким и упругим, словно стальные прутья. К великому огорчению киммерийца, оказалось, что эти непроходимые заросли тянутся до середины склона, на который ему предстояло взобраться.

Он остановился, озираясь по сторонам в поисках какого-нибудь прохода, но, как ни крути, ему не оставалось ничего иного, как пробиваться сквозь эту непролазную чащу.

«Может, вернуться в лагерь?» — на мгновение засомневался Конан.

Однако отступать перед препятствием варвар не привык. Сначала он попробовал продираться меж гигантскими, выше его роста, стеблями, раздвигая их в стороны, однако с таким же успехом лягушка могла бы пролезть сквозь зубья гребня.

Потом киммериец попытался навалиться на стену тростника всем телом, ломая проклятые стебли своей тяжестью, — но лишь на несколько десятков шагов углубился в чащу. К тому же острые края сломанных стеблей немилосердно ранили руки и ноги. Упругие стебли тростника тут же смыкались за его спиной, и ни ветерка, ни легкого дыхания свежего воздуха не проникало к Конану сквозь высокую преграду. Вдобавок ко всему тростник был настолько высок, что из-за него не удавалось разглядеть даже вершину холма, и вполне могло стать, что, сам того не ведая, Конан идет в неверном направлении.

«Хоть бы солнце поднялось повыше, — промелькнуло в голове варвара, — а то буду ходить кругами, как вол, качающий воду из колодца. Дурень! — вдруг обругал он себя. — Мой меч!»

Конан выхватил клинок и, размахивая им направо и налево, вскоре выкосил целую просеку. Теперь он уже мог различить впереди вершину холма. Но чем дальше он продвигался, тем гуще и выше становились тростниковые заросли, но киммериец знал — рано или поздно с ними будет покончено.

Спустя некоторое время он почувствовал, что поднимается в гору.

«Вот и склон холма!» — удовлетворенно подумал Конан.

Сделав еще шагов тридцать, варвар оглянулся и увидел тянувшийся за ним след — казалось, будто склон прорезан гигантским ножом. Еще немного усилий, и ему стал виден и дымок от лагерных костров. Он слегка передохнул и продолжил свой путь. Продвинувшись шагов на двадцать, варвар понял, что проклятая тростниковая стена кончилась — впереди виднелась сочная зеленая трава. Два-три взмаха, и, вытирая выступивший на лбу пот, он выбрался на

полян. Работенка, даже для такого могучего человека, как Конан, оказалась не из легких! Радуюсь тому, что преграда осталась позади и вдыхая чудесный бодрящий воздух полной грудью, киммериец весело зашагал к вершине холма. Там, на самой возвышенной точке побережья, перед Конаном открылась прекрасная безмятежная картина — сверкающая под лучами утреннего солнца пустынная гладь моря, рифы, обступившие бухту, да притаившаяся среди них «Утренняя звезда».

На востоке простиралась зеленая долина с пологими холмами. Широкими покатыми террасами она спускалась к морю. Холм, на котором стоял варвар, казался островом в безбрежных зеленых просторах, перевитых серебристыми нитями ручьев и мелких речушек. На севере извивалась широкая лента реки, за ней выстроились высокие деревья. Конан видел, как к лесу подплывают две лодки, снаряженные Сауданом.

Отсюда суденышки казались не больше скорлупки лесного ореха, а люди в них — величиной с муравьев — усердно гребли веслами, стремясь поскорее достичь устья реки. Эта сцена дышала таким неземным покоем, что Конан боялся пошевелиться, чтобы не нарушить его. Варвару вдруг почудилось, что от малейшего шороха чары спадут, и эта волшебная красота растает, как в сказке.

Заслонив глаза от солнца, киммериец внимательно оглядел всю равнину, но не обнаружил ничего подозрительного. Все вокруг было мирно, покойно и тихо.

«Надо будет сделать здесь наблюдательный пост, — сказал он себе. — И до лагеря недалеко, и видно всю округу».

Конан решил вернуться в лагерь другим путем. Он спустился по северному склону холма и пошел берегом реки, которая, петляя и оставляя широкие заводи, бежала к морю.

* * *

— Вот что я тебе скажу... — Тенгри отломил кусок лепешки и, обмакнув его в пиалу с цветочным медом, отправил в рот, с наслаждением прикрывая глаза.

Юмжаг сидел на пропыленной кошме, не произнося ни звука и ожидая, когда хозяин прожует и сможет закончить свою речь.

— Так вот, — вытирая руки о халат, продолжил Тенгри, — наверняка, буря, что бушевала пять дней, сильно потрепала не один корабль. Может, какой-то из них выкинуло на берег. Смекаешь? — Он отломил очередной кусок лепешки, готовясь продолжить прерванное длинной речью занятие.

— Понял, господин! — не вставая, поклонился Юмжаг. — Ты хочешь, чтобы я прочесал весь берег до Фашаха.

— Вот именно, — икнув, подтвердил Тенгри. — Возьми несколько человек и отправляйтесь, не медля. Двух дней тебе хватит. Реку не переходи. Мало ли что, я не хочу ссориться с тамошними вождями. Нам сейчас лишние схватки ни к чему. Понял?

Тенгри был хозяином земель на границе с Гирканией между морем Вилайет и плоскогорьем Арим. В этих местах издревле обитало множество разных племен и народов. Временами они враждовали друг с другом, временами объединялись в борьбе — то против Гиркании, то против Селанды или Дамаста. У этих государств не хватало мощи полностью подчинить себе кочевые племена, вот они и существовали на зеленой равнине, то промышляя грабежами, то вступая в войны — сегодня на стороне одних, а завтра — против своих вчерашних союзников.

— Все понятно, господин, — еще раз склонился в поклоне Юмжаг, — разреши взять людей из сотни Цеденба.

— Возьми всю сотню, я разрешаю, — кивнул князь. — У Цеденба самые лихие воины. Да смотри, не напорись на военный корабль из Султанапура. Им ничего не стоит дойти до наших земель и даже высадиться на берег.

— Если напорюсь, — оскалив желтые зубы, сверкнул глазами Юмжаг, — вызову подмогу. Их лучше уничтожить, чтоб неповадно было. Помнишь, как два года назад? И пепел по ветру развеяли. Пусть ищут, — захохотал он, откинув назад голову и трясая редкой бородкой, пучками торчащей на сморщенном лице.

— Ха-ха-ха,— подхватил Тенгри, дрожа животом,— вот была потеха! Эти сонные собаки даже не успели глаз протереть как следует, слава Солнцеликому Митре. А какое хорошее оружие у них было!

— Теперь меч их предводителя служит мне,— вытащив клинок из ножен, сотник показал его князю.— Ты сам одарил меня им, господин!

— Еще бы! — опять захохотал хозяин.— Ты же чуть ли не надвое разрубил его!

Они посмеялись, вспоминая минувшие схватки, потом Юмжаг, кланяясь, вышел из княжеского шатра и, щурясь на ярком солнце, посмотрел по сторонам. Вся лощина между двумя невысокими хребтами была заполнена повозками, кибитками, шатрами. Вдали под присмотром вооруженных всадников мирно щипали травку табуны лошадей. Свободные от службы мужчины чистили и чинили оружие и упряжь, некоторые подносили к шатрам бурдюки с водой, привезенной с реки, которая угадывалась вдали по зелено-вато-желтым зарослям тростника, обступившего берег.

Юмжаг принял поводья своего каурого жеребца из рук стоявшего перед шатром стражника и, ловко вскочив в седло, потрусил к дальнему концу их бивака, где встал со своей сотней хитрый и лихой рубака Цеденб.

Глава пятая

Конан шел вдоль широкой полноводной реки, временами поглядывая на противоположный берег. Но там не было ничего интересного — такой же кустарник, как и здесь, да редкий лесок близ моря. Киммериец надеялся, что матросы уже нашли подходящее дерево для фок-мачты. Путь оказался длиннее, чем показалось варвару с вершины холма. Река петляла по равнине, временами разливаясь в небольшие озера, поросшие по берегам тростником, таким же, сквозь который он не так давно продирался.

Киммерийцу приходилось обходить эти места подальше от берега, и он уже подумывал, не срезать ли ему путь и не направиться ли к лагерю прямоком через кустарник, как вдруг его чуткое ухо уловило плеск воды. Конан остановился и прислушался. Нет, этот звук не был похож на журчание воды на перекате или удар рыбьего хвоста.

Осторожно раздвинув стебли тростника, киммериец выглянул из зарослей. От увиденного у него перехватило дыхание: в зеркальной глади воды отражалась женская фигура. Нагая незнакомка стояла в реке спиной к Конану. Белые одежды, словно пятно нерастаявшего снега, лежали поодаль на траве. Женщина! Варвару довольно долгое время пришлось обходиться без женщины, и один вид стройного нагого тела с длинными ногами, узкой смуглой спиной и округлыми ягодицами вызвал у него такой приступ желания, что он с трудом удержался, чтоб не вскрикнуть.

«Откуда здесь женщина? — лихорадочно соображал Конан. — Поблизости ни намека на жилье! И опять в белом, рога Нергала!»

Между тем женщина повернулась к нему лицом, и киммериец сделал шаг назад, чтобы она его не заметила. Ее тело, позолоченное солнцем, с переливающимися, словно алмазы, капельками воды на смуглой коже, было прекрасно. Сердце Конана глухо забилося от неодолимого желания. Но тут женщина отвернулась, отошла подальше от берега и медленно поплыла на середину реки. Она плыла легко и бесшумно, без всплесков и брызг. Затаив дыхание, Конан следил за черной головкой, скользящей над гладью воды. Она доплыла до противоположного берега и повернула обратно.

В голове киммерийца мгновенно созрел план. Он обогнул заросли тростника, вышел на небольшую полянку и быстро сбросил с себя одежду. Глянув на реку, он увидел, что женщина уже приплыла обратно и сидит на камне, подставив тело ласковым лучам солнца. Конан осторожно вошел в воду и, глубоко вдохнув, тихо, без всплеска нырнул. Вода оказалась холоднее, чем он ожидал. Почти касаясь животом дна, он поплыл к камню, на котором нежилась красавица.

Варвар рассчитал точно — он вынырнул из воды прямо перед женщиной. Вопреки ожиданиям Конана, она не визжала от испуга, а легко соскользнула с камня, приблизилась к нему и спокойно проговорила:

— Я ждала тебя.

От удивления у киммерийца язык прилип к небу. Женщина подошла к нему вплотную и, обвив его шею прохладными гибкими руками, прильнула к его губам. Кровь бросилась варвару в голову, и, не владея собой, он подхватил красавицу на руки и выбежал на берег.

— Как долго ты не шел, — на мгновение оторвавшись от его губ, прошептала незнакомка.

«Что она говорит? Почему я не шел?» — мелькнуло в голове киммерийца, но он тут же отбросил от себя все мысли, отдавшись нахлынувшему желанию.

Конан бережно уложил искусительницу на траву и впился в ее пунцовые губы. Они слились в единое целое, здесь не было места нежности и ласке — в этот момент мужчина и женщина напоминали двух прекрасных сильных зверей: они яростно боролись друг с другом, стремясь получить высшее наслаждение.

Киммериец никогда в жизни не испытывал такого. Ему казалось, что все его существо стало податливым и безвольным, словно он провалился в какую-то пропасть из влажной мерцающей плоти...

Конан проснулся, когда уже начало смеркаться. Приподнявшись на локте, он огляделся вокруг. Незнакомки и след простыл, а его тело ныло, словно после долгой и тяжелой работы. Он чувствовал дикий, прямо-таки волчий голод. Небо, которое было голубым, когда он подошел к этому месту в полдень, стало серым от низко плывущих облаков.

«Что-то я не понимаю, — подумал Конан, поднимаясь на ноги, — никогда со мной такого не было, чудеса, да и только... Что-то погода портится, надо поторопиться в лагерь».

Он оделся, осмотрел весь берег заводи, но не обнаружил ничего, даже следов на влажном песке.

«Может, мне все почудилось? — спросил он себя. — Прямо-таки наваждение какое-то. Проклятый корабль, копыта Нергала мне в печень! Напрасно я сюда сунулся, здесь явно не обошлось без волшебья!»

Нацепив на себя перевязь с мечом, Конан поспешно направился к лагерю, чтоб успеть вернуться засветло.

— Командир?! — услышал он изумленный оклик солдата, охранявшего подходы к лагерю.

— Да я это, я, — нетерпеливо ответил киммериец, продираясь сквозь кустарник.

— Мы уж и искать тебя перестали, думали, ты сквозь землю провалился...

— Чего меня искать? — раздраженно буркнул варвар. — Подумаешь, полдня не было. Я же сказал, что пойду на холм.

— Какие полдня? — возразил подошедший на голоса капитан. — Мы трое суток тебя искали, Конан! Нашли про-

секу, которую ты прорубил в тростнике, а дальше — никаких следов.

— Трое суток?! — вскричал киммериец. — Повтори! — Он схватил Саудана за рубаху. — Ты не шутишь?

— Не до шуток тут, клянусь Таримом, — усмехнулся капитан. — Через день отплываем, а командир отряда пропал.

Конан с недоверием глянул на Саудана, но его лицо лучше всяких слов говорило о том, что он не лжет.

— Вы никого не видели на реке? — спросил киммериец.

— Нет. Да и кто тут может быть? Вокруг ни души.

Варвар потянул носом. Запах жареного мяса приятно щекотал ноздри.

— Ребята трех оленей подстрелили, пока тебя искали, — пояснил капитан, не сводивший с Конана внимательного участливого взгляда. — Теперь жарят.

Они пошли к лагерю.

— Конан! Вернулся наконец! Где тебя носило? — Солдаты и команда корабля искренне радовались появлению киммерийца. — Наверное, проголодался. Садись, поешь!

Конан присел к огню и впился крепкими зубами в ногу только что снятого с костра оленя. Он ел жадно, урча от удовольствия, как кот, которого гладят по спине. На время он отбросил думы и о женщине в белом, и о том, что он то ли прозанимался любовью, то ли проспал, то ли пробыл в беспамятстве три дня.

Глава шестая

Утром, едва проснувшись, киммериец решил все-таки наведаться на берег реки и на свежую голову, не торопясь, осмотреть все вокруг.

«Не может быть, чтоб не осталось следов», — думал он. Фок-мачта была уже почти готова. Оставалось немного подтесать ее и переправить на корабль.

— Наверное, сегодня поставим, — сказал капитан. — Тогда завтра можно отплывать.

— Хорошо бы, — ответил киммериец. Ему не терпелось скорее покинуть это место.

Он взял из своего отряда двух крепких солдат и велел им отправиться на вершину холма — наблюдать за местностью.

— Возьмите вязанку хвороста, и если увидите что-то подозрительное — зажгите костер, а сами — скорей сюда, — напутствовал варвар. — Дым отсюда будет хорошо замечен.

Отдав необходимые указания, Конан направился к реке, туда, где с ним произошло не показавшееся поначалу особо неприятным приключение. Знакомую излучину он нашел быстро, но сколько ни ходил вокруг, ничего не обнаружил.

«Колдовство», — решил варвар. Теперь он и сам не был уверен — случилось это с ним на самом деле или пригрезилось. Хотя, казалось, он и вправду ощущал на своих губах страстные поцелуи незнакомки.

Конан хотел было отправиться назад, как вдруг ему показалось, будто за рекой заржала лошадь. Киммериец прислушался: да, так оно и есть. Схоронившись за кустами, он стал внимательно приглядываться к противоположному берегу. Его внимание привлекли птицы, внезапно вспорхнувшие в том месте, где кустарник переходил в лес. Он заметил, как шевельнулось несколько веток, и среди них мелькнуло что-то белое.

«Там кто-то есть,— подумал варвар,— наверное, это она. Ну подожди, змея, дай только до тебя добраться!»

Киммериец прошел выше по течению реки и, выбрав место, с которого его не было видно с другого берега, нырнул в воду. Тяжелый меч и одежда сковывали его движения, но он лишь раз на миг показался на поверхности, чтобы глотнуть воздуха, и, уже больше не выныривая, добрался до цели.

Он вышел на берег, залег в тростнике и прислушался. Не заметив ничего подозрительного, Конан бесшумно, как кошка, пробрался кустарником почти до опушки леса, намереваясь сзади подойти к тому, кто прятался за зарослями.

Киммерийцу оставалось два шага до поляны, как вдруг совсем рядом послышалось фырканье лошади. Конан остановился, осторожно раздвинул ветки и увидел трех стреноженных лошадей и сидящего прислонившись спиной к сосне человека. Обликом своим незнакомец напоминал гирканца. Ничего не подозревая, он мурлыкал себе под нос какую-то песенку, меч и отличный гирканский лук лежали рядом на траве.

«А вот это ты зря!» — подкрадываясь к бедолаге, со злорадством подумал варвар.

Когда до гирканца осталось шагов пять-шесть, Конан рванулся к нему в стремительном прыжке. Услышав шорох справа от себя, незнакомец попытался вскочить, но было поздно. Одной рукой варвар припечатал его голову к стволу дерева, а другой саданул в живот, прямо под ребра. Тихо охнув, бедняга осел на землю. Спустя некоторое время, он очнулся и обнаружил, что сидит, прислонившись к

стволу дерева, со связанными собственным поясом руками. В рот несчастного был воткнут кляп из лоскута его же собственной рубахи. Рядом, выжидательно поглядывая на свою жертву, стоял синеглазый человек гигантского роста с черными густыми волосами, волнами ниспадавшими на плечи.

— Ну что, очнулся, дурачок? — ласково спросил великан. — Я уж заждался, до того хотелось с тобой поболтать. Будешь говорить?

Пленник помотал головой из стороны в сторону.

— Как это не будешь? — удивился варвар. — Со мной всегда все говорят.

Конан вытащил кляп, но гирканец попался упорный. Вдохнув воздух, он попытался заорать, однако киммериец оказался проворнее. Резким ударом в челюсть он освободил пленника от лишних раздумий, и его голова, словно поникший цветок, свесилась набок.

— Экий дурень, — проговорил киммериец, вновь всовывая кляп в разинутый рот, — сам ведь наварвался, потомок шелудивого осла!

Он крепче привязал гирканца к дереву и, подойдя к лошадям, перерезал им путы. Ткнув каждую в бок острием ножа, варвар полюбовался, как лошади бешеными прыжками, перегоняя друг друга, умчались куда-то в степь, а потом осторожно двинулся вглубь леса на поиски товарищей беспечного стража.

Конан обнаружил их довольно быстро. Сначала он услышал тихий разговор, а подкравшись поближе, увидел двух гирканцев. Они сидели в кустарнике, наблюдали за противоположным берегом реки и были так заняты беседой друг с другом, что не слышали приближения варвара. Один из них опомнился, когда товарищ привалился к его плечу, обильно орошая его кровью, хлещущей из раны на шее. Пущенный сильной рукой нож киммерийца неумолимо сразил свою жертву.

Вскочив на ноги, гирканец попытался противостоять Конану, напавшему на него с мечом, но это было напрасной затеей: через несколько мгновений его оружие валялось на

прибрежном песке, а сам он лежал рядом, придавленный коленом варвара.

— Ну, ты-то хоть будешь говорить? — поинтересовался киммериец.

Его новый пленник отрицательно помотал головой.

— Молодцы, уважаю таких, — протянул варвар, рывком подняв гирканца на ноги. — Ну ладно, пошли.

Конан подвел пленника к невысокому деревцу и, сорвав с него рубаху, крепко прикрутил его руки к стволу. Потом киммериец собрал валяющийся вокруг хворост в большую кучу и подпихнул ее к ногам пленника.

— Поступай как знаешь, но я бы посоветовал тебе развязать язык, — вытаскивая кресало, сказал Конан.

— Что ты собираешься делать? — хрипло спросил гирканец.

— А вот сейчас подожгу эту кучу и пойду себе восвояси, — усмехнулся варвар. — Будет жарко — кричи, не стесняйся, может быть, твои товарищи тебе помогут.

— Не делай этого! — сказал пленник, видя, что варвар не шутит.

— Тогда говори, а не то поджарю, — потребовал Конан. — Откуда вы?

— Мы подданные князя Тенгри. Он послал нас проверить, не появилось ли на побережье кораблей, прибитых к берегу бурей.

— Должно быть, для того, чтобы помочь потерпевшим крушение? — усмехнулся Конан. — Он только троих послал?

— Нет, нас было пятнадцать. Сотник оставил нас наблюдать за вами, а остальные вернулись в степь. Скоро придет подмога, и мы на вас нападем.

— Ну, ты уже не нападешь, — усмехнулся киммериец. — И давно вы здесь?

— Третий день.

— Вот как? Значит, подмога подойдет уже скоро? Сколько человек?

— Не знаю. Наверное, не меньше сотни.

«Кром, надо торопиться!» — решил варвар. — Если, конечно, я уже не опоздал....»

— Вы все на конях?

— Мы пешком не ходим, — усмехнулся пленник.

— Ну, молодец, так бы сразу, — похвалил его варвар. — Хорошо, я сдержу свое обещание и подарю тебе жизнь — если, конечно, сумеешь выпутаться. А мне, ты уж извини, пора.

Забрав с собой оружие гирканцев, Конан переправился на свой берег и помчался к лагерю. Вынырнув из кустарника на открытое место, он увидел поднимающуюся с вершины холма струйку белого дыма.

«Так я и знал, рога Нергала! — выругался киммериец, прибавив ходу. — Хорошо еще, если успеем подготовиться хоть самую малость».

С криком «Тревога!» — он влетел на поляну, где расположился лагерь.

Но предупрежденные дозорными солдаты уже были готовы защищаться. Матросы под командой капитана и рыжего рыбака грузили лодки. Бревно, для фок-мачты уже переправили на корабль.

— Мы их задержим! — крикнул Конан капитану, сбрасывая на землю принесенные трофеи. — Ты смотри с корабля — если останемся в живых, приплешь лодку. Заберешь с собой всех, кого сможешь.

— Что вы видели? — спросил Конан дозорных, которые, запыхавшись от быстрого бега, выскочили на поляну.

— Отряд человек в пятьдесят обходит нас с юга, а другой, поменьше, идет к лесу.

— Это хорошо, — заметил Конан. — Им надо время, чтобы переправиться через реку. Пешими они воевать не умеют, это кочевники, похожие на гирканцев. Значит, они пойдут по узкой полоске вдоль берега, с лошадьми им по кустам не пройти.

— Бахтар! — крикнул киммериец. — Возьми пятерых лучников и идите к реке. Встретите их, когда они спустятся в воду. Постарайтесь задержать. Их человек тридцать, так что, думаю, справитесь. Остальные — со мной! — командовал варвар, устремляясь в противоположном направлении.

Оглянувшись назад, Конан увидел, что первая лодка уже отчаливает от берега. Теперь все зависело от него. Пробежав шагов двести, он остановил своих бойцов.

— Лучники — сюда, — указал киммериец на прибрежные кусты. — Когда услышите мою команду, стреляйте в коней и только потом — в людей. Остальные десятеро спрячьтесь поближе ко мне. И пусть боги помогут нам отбиться!

Глава седьмая

Все было сделано вовремя. Не успели солдаты спрятаться, как послышался топот коней. Еще несколько мгновений, и варвар увидел вытянувшуюся вдоль берега колонну всадников, впереди которой скакал чернородый воин.

Киммериец специально выбрал самое узкое место на берегу, чтобы лишить конников их преимущества. Когда до засады осталось шагов тридцать, варвар вышел из-за кустов.

Не ожидавший его появления чернородый резко остановил коня, и тот взвился на дыбы. Вид одинокого гиганта на пустынном берегу весьма озадачил всадника.

— Куда спешим, ребята? — крикнул Конан. — Не лучше ли вам повернуть назад?

— Ты кто такой? — спросил предводитель, выхватывая кривой обоюдоострый меч. — Прочь с дороги!

Отряд подъехал к своему командиру и ждал команды, чтобы убрать нахала, вставшего на их пути. Разгоряченные кони не могли устоять на месте, всадникам тоже не терпелось броситься в бой. Киммериец опытным глазом определил, что противник попался не из легких. Эти кочевники прекрасно владели оружием, были мужественными и закаленными бойцами.

— Ну тогда, как прикажешь, Нергалово отродье! — рассмелся варвар. — Стреляйте! — отдал он команду своим бойцам.

Пять стрел просвистели в воздухе, раненые кони взвились на дыбы, сбросив всадников под копыта, и рухнули на землю, корчась в последних судорогах и не давая стоявшим позади двинуться вперед. Чернобородый командир тщетно пытался выбраться из-под раненого жеребца, отчаянно крича своим воинам:

— Бейте по кустам! Засада!

Просвистели еще пять стрел, и еще пять лошадей рухнули наземь, придавив своих всадников и устроив на берегу свалку из бьющихся в агонии лошадей и раненых седоков. Несколько воинов попытались обойти этот завал по морю, но лошадям мешали прибрежные камни. Их копыта разъезжались, животные спотыкались, не желали идти дальше, и всадники нещадно хлестали их по бокам. Истошные крики и конское ржание слились в оглушительное орово. Как только несколькими кочевникам вновь удалось выйти на берег, лучники киммерийца оставили из десятка прорвавшихся к Конану только одного. С копьем наперевес он мчался вперед, надеясь сразить стоявшего на пути противника.

«Не зря столько времени посвятили стрельбе», — успел подумать варвар, глядя прямо в глаза летевшему на него всаднику.

Казалось, копье насквозь пронзит варвара, но неуловимым движением он увернулся от смертоносного острия, между делом рубанув мечом по крупу лошади. Животное рухнуло наземь, а всадник, перелетев через его голову, упал, но быстро вскочил на ноги и выхватил меч.

Конан ждал противника. Вдобавок ко всему, он краем глаза увидел что несколько всадников обошли завал по воде и через пару мгновений будут рядом. Спешившись, гирканец не представлял такой угрозы, как на коне. Двумя ложными выпадами варвар обманул его и, выбив оружие, следующим взмахом своего меча снес ему голову. Конан оглянулся, двое всадников были уже в десяти шагах от него. Только двое. Тела остальных, запутавшись в стремени, волочились за своими конями, в их спинах торчали рукоятки метательных ножей. Несколько солдат бежали к киммерийцу на подмогу.

Конан увернулся от первого всадника и в два огромных прыжка достиг кустов. Нападавшие развернули своих коней, намереваясь вновь броситься на варвара, но не успели. Киммериец оказался проворнее.

Он метнул нож в грудь первому, а замешкавшегося второго просто-напросто сбросил с лошади, перехватив копье за древко. Конан вскочил в освободившееся седло и, успев полоснуть мечом по поднимавшемуся с земли противнику, поскакал вперед, чтобы встретить оставшихся. Их было немало: человек пятнадцать все же уцелели и готовились отразить удар. Теперь преимущество было на их стороне: пятнадцать всадников против пятнадцати пеших воинов. Правда, пять солдат Конана по примеру своего командира тоже оседлали вражеских лошадей, но даже в этом случае их было всего шесть против пятнадцати. Сомкнув строй, гирканцы лавиной понеслись навстречу киммерийцу и его товарищам.

Остальные солдаты Конана вступили в схватку с выбравшимися из под павших коней кочевниками. Варвар крепче сжал рукоятку меча и бросился навстречу наступавшим. Пятнадцать всадников схватились с пятью. Киммерийцу пришлось отбиваться от троих гирканцев. Такого противника они еще не встречали. Меч Конана сверкал в воздухе, словно молния, звон стали смешался с воплями врагов, издевавших разящий удар варвара, противники один за другим падали на землю.

Покончив с последним, Конан кинулся на помощь товарищам. Один солдат, раненный в бок копьем, с трудом отбивался от наседавших на него противников. Двое других, держа своих коней ближе к зарослям, чтобы предотвратить нападение сзади, прикрываясь щитами, с трудом сдерживали натиск кочевников.

Чуть подальше от общей схватки Герард в одиночку сражался с четверкой гирканцев. Конан хотел было направить своего коня на помощь юноше, но с изумлением увидел, что меч зингарца разит врагов не хуже его собственного. Герард с гибкостью и молниеносностью змеи успевал уворачиваться от ударов и в ответ колол, рубил, сек напа-

давших с таким мастерством, что Конан на миг даже открыл рот от удивления. Казалось, противник пребывает в полусне, так стремительны были движения юноши. Видя, какое побоище один молодой воин устроил четверым противникам, можно было подумать, что ему помогает какая-то сверхъестественная сила. Обычный человек вряд ли на такое способен. Поймав восхищенный взгляд киммерийца, Герард криво усмехнулся — что-то знакомое почудилось варвару в этой гримасе — и несколькими мощными ударами завершил битву.

Конан и Герард вихрем налетели на оставшихся в живых кочевников. Киммериец бросился на одного из них сзади и разрубил его от плеча до паха.

— Что, степные козлы, получили? — гаркнул киммериец. — И это еще не все! — пообещал он, сверкнув глазами и направляя своего коня в гущу сражения.

Он чуть-чуть опоздал — двое кочевников одолели раненого солдата и повернули своих лошадей навстречу варвару. Конан метнул в одного из них нож, и гирканец, захрипев, свалился с седла. Киммериец привстал на стременах и дотянулся лезвием своего длинного меча до второго кочевника. Тот выронил оружие и схватился за окровавленное лицо. Следующим ударом варвар прекратил его мучения — отрубленная голова гирканца покати-лась по земле.

Конан развернул коня и огляделся. Трое бойцов во главе с Герардом успешно отражали атаку девяти кочевников, окруживших их плотным кольцом.

— Нас так просто не возьмешь, клянусь Кромом! Сейчас все отправится гулять по Серым Равнинам, потомки шакалов! — вскричал варвар, бросая своего коня вперед.

Киммериец вломился в строй нападавших, разя мечом направо и налево. На помощь к ним уже скакали еще двое солдат — они разделались со своими противниками и добыли себе коней. Впестером они быстро разобрались с последними гирканцами, хотя те держались мужественно и стойко. Но против Конана и Герарда с товарищами не могла выстоять даже целая сотня кочевников. На берегу ле-

жали трупы пятидесяти кочевников и троих солдат Конана — его отряд тоже понес потери.

— Хорошо поработали! — Конан смахнул пот со лба. — Герард, где ты научился так биться?

— Наверное, природа наградила меня этим даром, — скромно ответил юноша.

— Сколько у нас теперь лошадей?

— Больше, чем всадников, — ответил один из солдат.

— Что ж, тогда вперед, на помощь Бахтару.

Глава восьмая

Помощь подоспела как раз вовремя. Пятеро лучников во главе с Бахтаром, укрываясь щитами от стрел, вжались в большой камень на берегу реки и готовились, если придется, за дорого отдать свои жизни.

Поначалу дела у них шли успешно. Стоило первой шеренге кочевников войти в реку, как на них обрушился град стрел. Солдаты Конана не оставили в живых ни одного. Увлекаемые течением, окровавленные трупы медленно поплыли к морю. Но гирканцы были не новички в ратных делах. Они на время рассыпались по берегу реки, а теперь, переждав, собрались все вместе и пытались пробиться к морскому берегу по песчаному откосу. Хорошо хоть кустарник был настолько густой, что на лошадях им никак не удавалось пробраться за спины защитников, а иначе солдатам киммерийца грозила бы верная гибель.

Появление отряда Конана было для кочевников полной неожиданностью. Теперь их оставалось всего пятнадцать против двадцати четырех стрелков киммерийца. Отступать гирканцам было некуда, да и выбор у них был небольшой: либо биться до последнего и погибнуть, либо сдаться на милость варвара.

— Если бросите оружие,— прокричал Конан, на всякий случай прикрываясь щитом,— то отпущу живыми и отдам ваших коней! Помощи вам ждать неоткуда, с вашими товарищами уже покончено! Считаю до пяти, а потом вас уже ничто не спасет!

Вид избудораженного недавней схваткой киммерийца с горящими холодным синим огнем глазами и двух десятков всадников, окруживших своего командира, заставил противника призадуматься. А весть о гибели сотника и товарищей окончательно сломила их. Сдаться сейчас — значит спасти свою жизнь. Они понимали, что князь вряд ли похвалит их за это, но выбора не было. Из строя кочевников выехал всадник на вороном коне.

— Кто поручится за то, что ты не перебежишь нас, если мы бросим оружие?

— Я никогда не убиваю сдавшихся! — усмехнулся варвар. — Впрочем, — добавил он, — вы можете выбирать. Но клянусь богами, если не сдадитесь, я вас живыми отсюда не выпущу.

— Ладно, мы согласны! — прокричал предводитель, сбрасывая с себя перевязь с мечом и кладя рядом копье.

— Ну вот, так бы сразу! — удовлетворенно проговорил киммериец. — Оружие оставьте здесь, коней стреножьте, а сами идите сюда.

— Ты же обещал! — раздался сдавленный крик.

— Да не бойтесь, ублюдки! — захохотал варвар. — Я свое слово держу. Пойдете с нами к лагерю, посмотрите, как мы отплывем на лодках к кораблю, а потом делайте, что хотите.

Так и поступили. Окруженные воинами киммерийца, кочевники, опустив головы и не глядя на бывших противников, поплелись к лагерю. Варвар посигналил на корабль, и за ними прислали три лодки. Солдаты погрузились в них и отплыли в море. Конан сел в лодку последним.

— Прощайте, вояки! — махнул он понуро стоявшим на берегу кочевникам. — Теперь вы свободны!

Они еще некоторое время стояли, не в силах двинуться с места, и мрачно глядели вслед удалявшимся лодкам.

* * *

— Что, трусы, помесь шлюхи и козла?! — Тенгри исходил слюной, визжа и топая ногами на валявшихся перед ним на коленях кочевников. — Не смогли перебить каких-

то двадцать туранцев? В назидание всем я вас подвешу за ребра и оставлю на съедение воронам! Сыновья шелудивых сук! Где этот жалкий червь Юмжаг?

— Он погиб, господин... мы все сражались... они оказались сильнее... и этот киммериец... там был еще один, сущий демон... пощади... — нестройно загнусавили дрожащие от страха воины.

— Козлы! Бараны! Позор на наши головы! — Он принялся охаживать своей девятихвостой плеткой склоненные перед ним спины. — Теперь по всей степи пойдет слух, что мы бессильный сброд! Джебей! — заорал он, распалаясь еще больше.

Из-за шатра выступил молодой стройный кочевник.

— Что прикажешь, хозяин?

— Собрать всех! А этим, — он кивнул на валявшихся в пыли воинов, — я дам возможность искупить вину. Большой у них корабль, сыны позора? Отвечайте, потомки псов!

— Большой... очень большой... — Воины заговорили все сразу, радуясь, что на этот раз дешево отделались.

— А ты, — Тенгри обернулся к Джебею, — отправляйся к моему брату Тенгизу и расскажи ему все про этот корабль. Люди из Красного Братства — крепкие и умелые, не то что это ослиное дерьмо! — Он вновь принялся размахивать плетью. — Пусть постарается взять его. Нам не нужно лишних свидетелей и лишних разговоров по всему побережью. Пусть прикончит всех, пленных на сей раз брать не надо. Корабль сжечь, чтобы и щепки не осталось! Да скажи, чтобы не медлил, иначе эти ублюдки успеют далеко отплыть! Мы пошлем ему в помощь сотню Дагана, ну и этих вот мерзавцев, которые только и могут, что плестись за ослиными задницами.

Приказания Тенгри выполнялись мгновенно, и не успел князь отойти от гнева, как отряд конников уже скакал во весь опор на север. Там жил промышлявший пиратством хитрый и жестокий младший брат их хозяина — одноглазый Тенгиз. В его укромной бухте стояли два парусника, на которых он со своими людьми грабил торговые суда, по глупости отправившиеся по морю Вилайет без конвоя.

* * *

Мачту поставили уже к вечеру, и «Утренняя звезда» была готова к отплытию. По случаю победы над кочевниками Саудан выкатил две бочки вина, и пир на корабле продолжался до глубокой ночи. Однако варвар не забыл поставить караулы и предложил капитану на всякий случай отойти в открытое море, подальше от берега. Так и поступили, а утром, подгоняемая свежим ветерком, «Утренняя звезда» вновь устремилась к далеким северным берегам, куда еще не успела добраться весна.

Ближе к полудню матрос с наблюдательной бочки прокричал:

— Вижу корабль сзади по ходу!

— Ну и пес с ним! — решил Саудан. — Наверное, какой-нибудь купец из Султанапура спешит добраться до гирканцев.

Вскоре расстояние между судами сократилось настолько, что можно было рассмотреть преследователей.

— Нет, капитан! — воскликнул киммериец. Он то и дело поглядывал назад и, обладая очень острым зрением, увидел то, чего другие еще не могли заметить. — Это какой-то странный корабль, на торговый он не похож. Скорее, это чей-то военный парусник. Посмотри-ка на его паруса.

— Может быть, это морская охрана султанапурской гавани? — предположил капитан. — Но что ей здесь делать? До Султанапура два дня ходу, если не больше.

Конан взгляделся внимательней.

— Посмотри на вымпел! Разве это туранское знамя?

— Нет, — забеспокоился капитан, почуяв неладное. — Это не туранские цвета. Красное с черным... этого нам только не хватало!

Расстояние между судами стремительно сокращалось. Когда до «Утренней звезды» осталось триста-четыреста шагов, никто на корабле уже не сомневался в том, что их преследуют пираты. Над парусником развевался раздвоенный красный вымпел с черной полосой. Это знамя наводило страх на всех, кто плавал по морю Вилайет.

— Красное Братство! — пронеслось по кораблю.

Теперь уже стало видно, что корабль набит вооруженными людьми, как подсолнух семенами, и что, нагнав «Утреннюю звезду», пираты тут же ринутся на abordаж.

— Не вешать носа! Надо готовиться к бою! — закричал Конан.

По команде киммерийца солдаты заняли свои места, заранее закрепленные за каждым. Быстро наполнили водой бочки, стоявшие вдоль бортов, чтобы сразу потушить огонь, если пираты попытаются поджечь «Утреннюю звезду». Было сделано все, чтобы оттянуть время встречи: поставили все паруса, и это немного помогло — какое-то время расстояние почти не сокращалось. Но только почти, потому что тяжело груженный корабль не мог тягаться в скорости с легким парусником, на борту которого был лишь отряд вооруженных людей да небольшой запас воды и пищи.

— Постарайся не дать им обойти нас и встать вдоль борта! — крикнул Конан капитану.

— Сам знаю, — ответил с мостика Саудан, — не впервой! Гребцы, приготовиться!

На каждом из сорока весел «Утренней звезды» сидело по два раба. При небольшом ветре судно могло легко маневрировать веслами, не давая кораблям встретиться бортами и подставляя то нос, то корму, чтобы нападающим не удалось пойти на abordаж. Иногда это помогало, а если ветер стихал, то позволяло и уйти от погони.

Расстояние между кораблями медленно, но верно сокращалось. Конан и вся команда приготовились к большой схватке.

— Вижу корабль, поперек хода! — пронзительно закричал матрос из бочки на фок-мачте.

Перегнувшись через борт, Конан посмотрел вперед по ходу.

— Нергал мне в печень! — выругался он, увидев вдалеке парусник, как две капли воды похожий на тот, что шел сзади.

— Большой лук! — скомандовал варвар.

Бахтар передал ему гигантский лук, согнуть который мог только киммериец. Положив на тетиву стрелу, больше похожую на копье, варвар крикнул:

— Зажигай!

К намотанным на конец копья просмоленным тряпкам поднесли факел, и огненная стрела полетела навстречу преследователю. Она вонзилась прямо под бушпритом. Люди на носу парусника засуетились, пытаясь загасить пламя, а в это время вторая стрела, промчавшись прямо над ними, подожгла большой парус на фок-мачте. Пираты метались по палубе, стараясь потушить пожар, когда киммериец послал вдогонку первым еще две огненные стрелы.

Стрелы пиратов не могли достать корабль Саудана, но преследователи тоже хорошо знали свое дело. Они сбросили паруса, немного замедлили ход, чтобы идти на расстоянии, которое не способны преодолеть стрелы киммерийца, и сумели погасить разгоравшееся пламя. «Утренняя звезда» ушла вперед, но все понимали, что это ненадолго.

Глава девятая

Схватки не избежать, — сказал Саудан, наблюдая за тем, как оба пиратских корабля пытаются взять его судно в клещи.

— Что посоветуешь? — спросил Конан.

— Придется напасть первыми, другого выхода нет.

— Я тоже так думаю. Давай двинем на тот, что впереди. Слава Солнцеликому, этот корабль меньше нашего — бей прямо в борт.

Маневр удался. Направив свой корабль наперерез встречному, капитан застал пиратов, не ожидавших такой дерзости, врасплох. Нос «Утренней звезды» летел прямо в борт пиратского судна. Пираты засуетились, пытались уйти от столкновения, и бросились к борту, чтобы не дать отряду варвара взять судно на абордаж. Лучники Конана меткими выстрелами снимали всех, кто неосторожно высывался из-за бортов. Когда до столкновения оставались считанные мгновения, киммериец метнул в корму вражеской посудины бочонок с горячей смолой. Сухие доски заднего мостика мгновенно полыхнули огнем, отвлекая внимание обороняющихся.

— Вот вам, ублюдки!

Как только форштевень «Утренней звезды» с ужасным треском врезался в борт парусника, варвар ринулся на палубу, размахивая своим длинным широким мечом направо и налево. Под треск ломающегося дерева вслед за Конаном на пиратский корабль перебрались и его солдаты.

— Отходи! — обернувшись, крикнул варвар Саудану.

Гребцы налегли на весла, и «Утренняя звезда» начала медленно вытаскивать свой форштевень из борта пиратского судна.

— Смотри-ка, старые знакомые! Вот сучьи дети! — свирепо зарычал киммериец, узнав среди своих противников тех, которым он только вчера утром подарил жизнь. — Бей их!

Бок о бок с Герардом, который, не отставая от варвара, ловко орудовал мечом, Конан расчищал дорогу к носовой части. В это время вода хлынула в пробоину, и судно накренилось на левый борт.

— Тонем!

Началась паника, пираты стали прыгать в воду.

Варвар оглянулся, чтобы посмотреть, как там «Утренняя звезда». Нос корабля пострадал не столь сильно, как можно было ожидать после такого сокрушительного удара. Саудан уже обходил горящее пиратское судно, чтобы оставить его между собой и вторым преследователем, который подошел совсем близко.

— Конан! — пронзительно закричал Герард.

Краем глаза киммериец увидел пирата, с пятнадцати шагов бросающего в него дротик, и едва успел подставить щит, иначе острое неминуемо вошло бы ему в грудь.

— Спасибо, друг! — Конан бросился вперед и раскроил кочевнику череп, прежде чем тот сумел переложить меч из левой руки в правую.

Когда отряд киммерийца справлялся с последними врагами, корабль пылал уже вовсю. С заднего мостика огонь перекинулся на мачты и алчно пожирал сухое дерево. Облака горящих искр с шипением падали в море.

Тем временем второй корабль уже приблизился на расстояние выстрела, и когда свист вражеской стрелы около уха напомнил об этом Конану, он скомандовал покинуть полузатопленный, но еще державшийся на плаву костер, в который превратилось пиратское судно. Саудан был опытным и расторопным капитаном, не зря он столько лет ходил по морям: он послал лодки, чтобы переправить отряд киммерийца на «Утреннюю звезду».

— Прыгайте, — скомандовал Конан.

Солдаты повиновались, и командир увидел, что их осталось всего четырнадцать да двое раненых, которых бережно уложили на дно лодок.

«А ведь битва еще не кончена,— подумал Конан.— Скольким из них удастся уцелеть?»

Пираты не решались приблизиться к тонущему кораблю, опасаясь что огонь перекинется на их судно. Им все время приходилось маневрировать парусами, потому что, в отличие от «Утренней звезды», весел у них не было. А Саудан все время вставал таким образом, чтобы горящий корабль преграждал дорогу преследователям.

— Ну, и сколько еще мы будем танцевать вокруг этого костра? — угрюмо спросил Конан.

— Могли бы и долго, но он скоро затонет, и тогда, по всей видимости, нам крышка,— обреченно проговорил капитан, не отрывая глаз от вражеского судна.

— Не снимай голову, пока приговор не вынесен,— подбодрил его киммериец.— Надо подумать, выход всегда есть. Сколько, по-твоему, у них людей? — перегнувшись через перила, спросил он Герарда, который, как и капитан, неотрывно смотрел на пиратское судно, то исчезающее в клубах дыма, то вновь появлявшееся на горизонте.

— На палубе суетится человек пятьдесят,— ответил юноша.

— Нас четырнадцать,— пошевелил губами варвар, подсчитывая в уме,— да матросов твоих можно взять человек пятнадцать. Хватит тебе остальных, чтобы управлять парусами? — спросил он капитана.

— Какие тут паруса, когда дело идет о жизни и смерти?!

— Нет, ты не совсем прав,— возразил киммериец.— Есть одна мысль, хоть и рисковая, но другая в мою голову что-то не заглянула. Давай еще разок попробуем их протаранить.

— Ты с ума сошел! — оторопел Саудан.— Мы как раз хотим избежать сближения, чтобы они не взяли нас на абордаж.

— Вот и они так думают,— усмехнулся Конан.— Давай сделаем так...

Не сводя глаз с вражеского судна, Саудан внимательно слушал киммерийца, горячо отстаивавшего свой план. Капитан не сразу согласился с Конаном, но другого выхода действительно не было.

— Хорошо,— твердо сказал он.— Но поторопись, а то мы можем встать по ветру. Мне хватит десятка людей на паруса, так что у тебя вместе с солдатами будет тридцать пять человек. Конечно, они не такие умелые в схватке, как остальные,— грустно прибавил он,— но, уверяю тебя, ребята отважные, и топор им держать не впервой.

Так и порешили. Конан собрал всех, способных нести оружие и сражаться. Он оглядел своих бойцов и остался доволен их решительным видом. Никто не проронил ни слова, все ждали начала боя.

— Тарань корму! — еще раз крикнул варвар Саудану, напряженно ожидавшему удобного момента.

Тот помахал рукой в знак того, что помнит. Еще мгновение, и, кружась в танце вокруг догоравшей пиратской посудыны, корабли расположились таким образом, что пираты встали боком по ходу «Утренней звезды», поймавшей попутный ветер.

— Вперед! Клянусь Эрликом, сейчас будет жарко! — проревел Саудан.

В два счета поставили паруса, и пираты, приготовившиеся долго ждать, когда исчезнет препятствие между ними и «Утренней звездой», с изумлением увидели, как из-за облака дыма вдруг показался нос корабля. Осыпая ругательствами свою команду, предводитель пиратов попытался развернуть свое судно, чтобы избежать столкновения. Поздно!

В воздухе тонко запели стрелы, и Конан еще раз похвалил себя за то, что в плавании они не тратили время даром — стрелки превосходно справлялись со своей задачей. Неприятельское судно охватила паника, отовсюду слышались вопли, крики и ругань. Когда форштвень «Утренней звезды» с треском врезался в борт парусника, расплющив пару не успевших отскочить пиратов, Конан прыгнул на мостик.

От мощного удара корма «Утренней звезды» слегка осела, но это было только на руку киммерийцу и его товарищам. Они попрыгали на капитанский мостик, и теперь все пиратское воинство оказалось внизу, на палубе, и им предстояло взобраться наверх, чтобы сразиться с солдатами варвара.

— Вперед! Удача с нами, клянусь Кромом! — Конан как бешеный вепрь налетел на пиратов, окруживших своего капитана.

Отбив щитом удар дробика, киммериец парой ложных выпадов заставил двух своих противников повернуться лицом друг к другу и взмахом меча снес одному из них голову. Второй, опомнившись, попытался оказать сопротивление, но, захрипев, упал: подоспевший Герард ловко всадил свой меч ему в шею. Все произошло так быстро и внезапно, что капитан пиратского судна даже не успел выхватить свою саблю, и Конан, как честный противник, не стал пускать в дело клинок. Мощным ударом стального кулака он вбил голову несчастного меж перекладин рулевого колеса. Бедняга так и застыл с раскрытым в последнем вопле ртом — точь-в-точь огородное пугало, брошенное за ненадобностью на осеннем поле.

Придя в себя пираты попытались обстрелять нападавших из луков, но стрелять снизу вверх не так удобно, как сверху вниз, и солдаты Конана незамедлительно доказали это — несколько пиратов рухнули под ноги своим товарищам как подкошенные.

— За мной! — Киммериец перемахнул через перила на правый борт, в прыжке отбивая удары врага. — Что, не нравится? — гаркнул варвар, изрубив на куски, подскочившего к нему пирата. — Дерьмо кочевое!

Услышав позади себя грохот, Конан понял, что его товарищи прыгнули вслед за ним. Теперь положению пиратов, пожалуй, никто бы не позавидовал. Они потеряли пятнадцать бойцов, на них градом сыпались стрелы, а в придачу ко всему их уже выталкивали с палубы. Конан с Бахтаром и еще одним солдатом, выставив копья и закрывшись щитами, выпихивали оборонявшихся все дальше и дальше.

Надо отдать должное, пираты сражались отчаянно, но выстоять против рассвирепевшего Конана и его солдат — надежды мало. Вытолкнув оборонявшихся из прохода, варвар первым вырвался на широкую палубу и бросился к трапу, ведущему на капитанский мостик. Несколько пиратов пытались взобраться наверх, чтобы выбить оттуда воинов киммерийца.

— А ну! — Подбадривая себя криком, варвар размахнулся и обрушил свой меч на опору трапа. Трап рухнул и пираты, словно спелые виноградины, посыпались вниз прямо под разящие удары Конана и его товарищей.

— Кровь и смерти! — С этим кличем киммериец бросился на врагов, с каждым шагом тесня их к носовой палубе, а уж оттуда им некуда было деться.

Солдаты варвара крушили все на своем пути, не давая противнику опомниться. Особенно преуспевал Герард, и Конан еще раз подивился тому, как искусно этот худощавый юноша наносит удары своим мечом. Исход схватки был очевиден.

— Добейте их всех! — приказал киммериец, на собственном опыте убедившийся, что милосердие подчас бывает наказуемо.

Вскоре все было кончено. План Конана удался на славу. Вся палуба пиратского корабля была залита кровью и усыпана трупами пиратов. Конан взглянул на свои руки: даже под ногти забились кровь, впрочем, он был измазан кровью с головы до пят.

— Да, — опершись на меч, сказал он стоявшему рядом Герарду, — пожалуй, нас не отличить от мясников на бойне.

— Они сами напросились, клянусь зловредным змеем Сетом, — засмеялся юноша. — Мы ведь спокойно плыли и никого не трогали.

Киммериец вновь удивился тому, как странно блестят глаза юноши, когда он смотрит на лужи человеческой крови.

«Может быть, — подумал он, — мне все это кажется. Парень-то очень хорош в бою. Пойду лучше кликну Саудана, пора уходить отсюда подальше».

Однако капитана звать не пришлось — он уже перебрался на палубу пирата и деловито прохаживался по кораблю с парой матросов, прикидывая, что можно забрать на «Утреннюю звезду». Тем временем солдаты Конана собирали оружие поверженных врагов, а их тела сбрасывали в море. Дракон, вырезанный на носу «Утренней звезды», вторя легкой волне, качал головой с разинутой пастью, словно одобрял действия своих подданных.

— Видишь? — указал на дракона Саудан. — Боги за нас.

— На них надейся, но и сам не теряйся, — рассмеялся Конан, который не раз убеждался в том, что боги не способны углядеть за всем, даже если они и на твоей стороне.

Глава первая

Забрав с вражеского корабля все, что могло им пригодиться на судне, солдаты и моряки вернулись на «Утреннюю звезду». Пиратскую посудину подожгли, и она запылала над водой как гигантский костер. Искрясь и потрескивая, этот костер, подгоняемый ветром, медленно поплыл к восточному берегу моря — туда, где Тенгри и Тенгиз, два достойных братца, ожидали возвращения своих кораблей с богатой добычей.

— Как ты думаешь, успеет он доплыть до берега или сгорит раньше? — спросил Конан капитана.

— Успеет, — немного подумав, ответил Саудан, — берег совсем рядом, до него на веслах меньше чем полдня пути. Да и ветерок хороший — поможет.

Они смотрели на объятый пламенем корабль, медленно удалявшийся в ночь, и каждый думал о своем. Капитан переживал, что для «Утренней звезды» это наверняка последний рейс. Хорошо еще, если они дойдут нормально — все-таки посудина очень старая, да и два тарана дадут о себе знать.

«Только бы бурь сильных больше не было, — подумал он, — иначе не дойдем».

А киммериец тем временем размышлял о своем отряде. «Да, к сожалению, мало кто из моих уцелел», — мрачно заключил он.

И правда, после двух схваток с пиратами в живых осталось лишь десять человек, не считая его самого. Конечно,

такие бойцы, как Бахтар и в особенности Герард, стоили целой дюжины, но легче ему от этого не стало.

— Ты здесь давно ходишь? — спросил он Саудана. — Мы еще можем нарваться на пиратов?

— Знаешь, — капитан развел руками, — надо всегда быть готовым к худшему. Я вот о чем думаю: не зайти ли нам в Султанапур? Он не так далеко, прямо на запад. — Саудан указал на розоватую полоску неба на горизонте. — «Утреннюю звезду» немножко подремонтируем, а тебе, быть может, удастся подобрать пяток-другой солдат.

— Ха! — хмыкнул киммериец. — Мысль неплохая, да только мне не очень хочется светиться в ваших туранских городах. Впрочем, — рассудил он, — пусть ребята развлекутся в порту, а нужных людей и Бахтар набрать сможет. У меня, вообще-то, в Султанапуре тоже имеется кое-какое дельце, только мне надо проверить его, не особенно показываясь на людях.

— Так и сделаем, — подвел черту Саудан. — Наш поход сложился не очень удачно, надо бы чуток отдохнуть, пару деньков хотя бы.

Приказав рулевому держать курс на запад, Саудан произнес:

— В Султанапуре будем через три дня. А если боги нас не забудут и ветер изменится в нашу сторону, то, возможно и раньше.

Киммериец глядел, как на небе разгораются звезды. Ему вдруг вспомнилось, что такое же ясное небо было там, в пустыне. Тогда рядом с ним была Акила...

«Где-то она сейчас? — подумал он. — Может быть, так же, как я, плывет на каком-нибудь корабле к себе на север и тоже смотрит на звездное небо».

От волнующего воспоминания усталость от прошедшей битвы как рукой сняло, он уже не сожалел о потерях в отряде — в конце концов на Серые Равнины неизбежно отправятся все, кто ныне живет на земле, — да и вообще настроился на более веселый лад.

— Давай-ка еще бочонок приговорим, — предложил он капитану, — надо воздать жертву богам за то, что мы остались живы.

— Уговорил, — с готовностью согласился Саудан; ему и самому не терпелось промочить горло кружкой-другой хорошего вина.

* * *

С ветерком повезло, и через день, ближе к вечеру, «Утренняя звезда» уже входила в гавань Султанапура. Город взбегал вверх по холмам, как бы обнимая большую удобную бухту, прикрывавшую от ветра стоявшие в порту корабли. Под косыми лучами склоняющегося к закату солнца весело блестели разноцветные купола храмов, верхушки башен, яркие черепичные крыши домов, зеленеющие свежей весенней листвой сады — в общем, город казался приветливым и уютным.

Саудан уверенно провел свое судно сквозь строй мелких лодок и баркасов, возвращавшихся в город с уловом рыбы и разных морских гадов, и пришвартовал его к дальнему пирсу, где, как он знал, находились мастерские корабельных плотников. На «Утреннюю звезду» тут же явилась портовая стража. Пришлось раскошелиться да еще и бочонок вина поставить, чтобы не очень придирчиво интересовались, что везешь да кто с тобой плывет; но это дело привычное для капитанов в любом порту благословенного Турана.

Под завистливые вздохи тех, кто оставался на вахте, счастливики собирались на берег, заранее предвкушая добрую пирушку в каком-нибудь кабачке. Киммериец решил остаться на «Утренней звезде» до сумерек, когда ему будет легче не привлечь к себе внимания, потому что никакая одежда не в силах скрыть его гигантский рост и могучую фигуру. Как знать, а вдруг найдется какой-нибудь чересчур памятный ублюдок, который вспомнит бывшего капитана туранской армии Конана.

— Бахтар, — напутствовал варвар своего солдата, — гулять гуляй, но не забывай о деле. Попробуй подыскать еще кого-нибудь к нам в отряд. Пусть Герард тебе поможет, он в этом деле разбирается.

— Будь спокоен, сделаем! — помахал рукой Бахтар, прямо-таки приплясывающий на месте от нетерпения.

— Где вы будете? Я, может быть, подойду попозже.

— Наверное, в «Самарре» или у Абдулатипа в «Ильбарском драконе», там, за ослиным рынком. Найдешь?

— Конечно, конечно, — кивнул Конан, с молодости прекрасно знавший Султанапур.

Матросы веселой гурьбой скатились по трапу на пирс и, окруженные местными мальчишками и хватающими за рукав торговцами, направились к возделенному и манящему берегу. Один Герард, казалось, не особенно радовался предстоящему отдыху на суше. Он пристально взглянул на киммерийца, словно не надеясь увидеть его больше, и направился вслед за остальными спокойной и размеренной походкой, помахивая небольшим кожаным мешочком, который он держал в правой руке.

«Что-то с ним неладное, клянусь Кромом! — уже в который раз сказал себе Конан. — Если бы понять что...» Не найдя, однако, ответа на тревожащий его вопрос, варвар, поглядев на удалявшихся моряков, спустился к себе в каюту.

Глава вторая

Когда на город спустились сумерки, Конан, запахнув поплотнее плащ, тоже сошел на берег. Выйдя через портные ворота на широкую площадь, где последние торговцы рыбой сворачивали свои палатки и убрали длинные деревянные столы, он поднялся по кривой улочке к большому красивому храму Эрлика, который, возвышаясь над бухтой, затмевал своим величием все теснившиеся вокруг здания.

Варвар огляделся, как бы вспоминая дорогу, но потом решительно повернул направо и быстрой походкой направился по обсаженной рядами могучих старых чинар улице вниз, в сторону ослиного рынка. Народу ему навстречу попало немного: большинство горожан уже вернулось домой, а остальные заполнили залы таверн и кабачков, чьи фонари зазывно горели, приглашая зайти и приятно провести время. Миновав еще две-три улочки, киммериец свернул налево и зашагал к калитке в глинобитной ограде. Едва он успел открыть калитку, как под ноги ему с лаем бросилась кудлатая собачонка. Она вертелась у него под ногами, не решаясь, однако, укусить, но и не отставала от него, пока он шел к дому.

Дверь открылась, на пороге появилась женщина. Свет, проникавший сквозь дверной проем, обрисовывал ее формы под тонкой тканью платья, и она — с узенькой талией, покатыми бедрами и длинными стройными ногами — казалась похожей на изящную аргосскую вазу.

— Черныш! Хватит тебе! — прикрикнула она на собаку.

Потом взглядела в приближавшегося к ней человека и, пошатнувшись, оперлась рукой о дверной косяк.

— Не может быть! Ка... капитан Конан

— Ну какой я теперь капитан, малышка, — заключая ее в объятия, пророкотал варвар.

Женщина обмякла в его руках, не в силах даже пошевелиться.

— Давненько мы с тобой не виделись, — целуя ее в сочные полные губы, шепнул Конан.

Женщина ответила на поцелуй с большей страстью, чем он мог ожидать. Обхватив его шею гибкими теплыми руками, она долго не отрывалась от его губ, словно опасаясь, что киммериец — наваждение, которое тут же исчезнет, если его выпустить из объятий. Пряный аромат ее густых волос кружил Конану голову.

— Тамина, — он подхватил ее на руки и внес в дом, — дай посмотреть на тебя, девочка!

Он усадил ее на кушетку и отошел на пару шагов. Девочка! Действительно, когда они виделись в последний раз, она была совсем еще девочкой с только что оформившейся фигуркой. Сколько лет прошло с той поры? Восемь?.. Девять?..

Конан тогда понял, что Тамина влюбилась в него, влюбилась со всей своей полудетской непосредственностью. Киммериец сделал вид, что не заметил ее чувства — не в его правилах было обмануть эту доверчивую девушку, почти ребенка. Он ведь прекрасно знал, что не сможет связать свою жизнь с каким-то одним городом, с какой-то одной подругой...

Но сейчас! Как она красива, эта молодая женщина с изящными и совершенными формами... Точеная шея, лицо, словно из-под резца скульптора, и неотрывно глядящие на него прекрасные черные глаза...

Взгляд был уже не таким, как раньше, но в его глубине Конан снова видел те золотистые искорки, которые вспыхивали всякий раз, когда маленькая девочка украд-

кой смотрела на него. Варвар сел рядом с ней, и они, держась за руки, неотрывно глядели друг на друга, не говоря ни слова.

— Расскажи про себя, как ты жила эти годы, как твой отец? — попросил Конан, отпустив наконец ее руки и глядя пальцами волосы Тамины, словно пытаясь утешить ее.

— Что рассказывать? — с легкой грустью ответила Тамина, на мгновение опустив глаза и покачав головой. — Все было. Но моя жизнь по сравнению с твоей — это полный штиль, тогда как твоя — ураган. Наверное, для тебя в ней нет ничего интересного. Я иногда пыталась проникнуть в пространство и нащупать твои следы, но тебя всегда окружало столько жизненных вихрей, что узнать можно было только одно — жив ты или нет, далеко или близко, а остальное все было закрыто, как шелковый кокон, нити которого мое несовершенное чародейство распутать не в силах.

— А отец? Он же большой маг! — изумился варвар.

— Отец научил меня многому, но он уже несколько лет серьезно болен, к тому же он очень стар и слеп, как ты знаешь. Он очень тебе обрадуется.

Киммериец обнял Тамину и, легонько раскачиваясь вместе с ней, уткнулся носом в нежную шею, вдыхая аромат ее тела. Непонятно почему, но он чувствовал себя виноватым перед ней, и хотя для этого не было оснований — он ни в чем не мог себя упрекнуть, — однако это чувство, смешанное с неясным сожалением, не проходило.

— Постой, — он взял в ладони ее лицо и отстранил от себя, пристально глядя ей в глаза, — чародейка, это ты сделала

— Дурачок, — засмеялась она, вновь обнимая его, — это в тебе говорит твоя совесть.

— Совесть? — напряженно повторил Конан, сясь понять, шутит она или нет, но, взглянув на девушку, рассмеялся сам и покрыл поцелуями ее лоб, и щеки, и глаза, и нос, и долго-долго не мог оторваться от жарких манящих губ.

— Совсем задушил, варвар! — Она отстранилась от него, ловя воздух ртом и не сводя с него влюбленных глаз. — Пойдем к отцу, он будет очень тебе рад. Остальное потом. — Она посмотрела на него взглядом, от которого тело киммерийца окатила горячая волна.

* * *

Старый чародей поднял голову, направив на киммерийца невидящий взгляд покрытых бельмами глаз.

— Конан! Рад, что ты вновь пришел ко мне. — Он указал на подушки рядом с собой: — Садись, поговорим. Уже столько лет прошло...

— Как ты узнал, что это я

— Что ж ты думаешь, старый маг уже ничего и не может? — Кушад легко, почти не касаясь кожи, провел своими пальцами по лицу варвара. — Жизнь оставляет на людях свои отметки. Рассказывай.

Тамина, грациозно и плавно порхая вокруг, застелила стол белой хрустящей скатертью, поставила блюда с мясом, копченой лососиной, сушеными финиками и изюмом, принесла покрытый витиеватым узором старинный серебряный кувшин с вином и, вновь сверкнув на Конана обещающим взглядом, удалилась, оставив мужчин одних.

Они не встретились очень давно, и им было что рассказать друг другу. Много лет назад, когда они виделись в последний раз, старый чародей помог бежавшему из Аграпура Конану золотом и добрым советом.

Беседовали они неторопливо и обстоятельно, большие рассказывал варвар, а Кушад внимательно слушал, кивая головой с венчиком редких седых волос. Изредка он наливал себе вина, чтобы запить им фрукты, которые он брал своими старческими руками с высохшей, как пергамент, желтоватой кожей.

Конан, напротив, отдал должное стоявшим перед ними яствам, обильно сдобривая их отличным аргосским нектаром. Он соскучился и по хорошему вину — на корабле у Саудана вино было так себе, и по умному собеседнику, а тем более старому и преданному другу.

Иногда Тамина заходила к ним, чтобы принести новое блюдо или наполнить кувшин вином, но не задерживалась и, в очередной раз одарив киммерийца пылающим взглядом, вновь исчезала.

Долго продолжалась беседа со старым чародеем, и Конан, который всегда сторонился всяческой магии, чувствовал себя с ним уютно и покойно. Под конец разговора старец спросил варвара:

— Тебя ничего не беспокоит в последнее время, не чувствуешь ли ты какого-то неразрешимого вопроса

— Да, но как ты это узнал

— Это не так сложно, когда ты рядом. А вот на расстоянии это мне уже не под силу, — покачивая головой, ответил Кушад. — Видно, мой час уже близок... И колдунам не дарована вечная жизнь.

Он помолчал несколько мгновений и продолжил:

— Но дело не во мне. Чувствую, что вокруг тебя закручивается какая-то магическая сила... какой-то человек... — Он остановился, пожевал губами, потом добавил: — Женщина, скорее всего...

— Да! — воскликнул варвар. — Я был недавно с женщиной, и закончилась наша встреча довольно странно.

— Это еще не все. — Чародей провел руками вокруг головы Конана. — Она продолжительное время находится рядом с тобой, но кто она и что от тебя хочет, мне неизвестно. Расскажи подробнее про последние дни, не упускай ни одной мелочи.

Киммериец пересказал Кушаду все, что, по его мнению, имело важность для мага, не забыв и бурю, и женщину в белом, и странное поведение этого юноши, Герарда, которое не давало ему покоя.

— Далеко, далеко... — бормотал старец, ощупывая руками костяную пластину с вырезанными на ней человеческими фигурками. — Одно могу сказать: сейчас она тебя отпустит, но не забудет, и ты с ней еще повстречаешься. Берегись ее. Она не хочет тебе зла, ты просто нужен ей как мужчина, но это может повлечь за собой большие неприятности для тебя.

— Кто же она? — воскликнул Конан.

— Этого я не могу разобрать, — вздохнул старый чародей. — Очень сильно закручены магические вихри... Но вот что я тебе скажу: постоянно будь начеку!

— Спасибо тебе. Ты уже в который раз мне помогаешь. Я всегда буду помнить об этом. — Варвар пожал сухие пальцы старика. Береги себя, — повторил старец, подняв голову, как будто пытаясь увидеть киммерийца. — Спасибо, что навел меня. А теперь тебе пора. Прощай.

Глава третья

Здесь тебе понравится, господин. — Хозяин постоянного двора открыл дверь в небольшую комнатку на втором этаже. Помещение и в самом деле было неплохое — светлые стены, большое окно, выходящее в тенистый двор, старая деревянная кровать с балдахином, высокий кованный сундук, над которым висело круглое зеркало, и два стула с плетеными из тростника спинками. В углу на трехногом столике стояли бронзовый кувшин, чаша для умывания и масляная лампа. Все было довольно чистое и крепкое на вид.

— Хорошо, можешь идти, — Герард положил на стул свой мешочек и протянул хозяину несколько серебряных монет. — Я пробуду у тебя два дня.

— Если тебе нужно будет поесть, — хозяин запнулся, пробуя монету на зуб, — спустишься вниз — там у нас небольшая харчевня. Мы всегда рады хорошим гостям. — Кланяясь, он вышел за дверь.

Герард прошелся по комнате, выглянул в окно, закрыл его, задернул занавеску, вернулся к двери, запер ее на задвижку. Потом он вытащил из кожаного мешка, лежавшего на стуле, небольшой ларец черного дерева. Сняв с шеи маленький ключик, он отомкнул ларец и вынул оттуда несколько флакончиков, наполненных разноцветными жидкостями, пиалы, длинный гребень из слоновой кости и какие-то продолговатые полированные камни. Разложив содержимое ларца на крышке сундука, он скинул с

себя одежду и бросил ее на кровать, потом взял флакончик побольше и, слегка поморщившись, отпил несколько глотков. Подождав некоторое время, он взял другой сосуд, накапал снадобья себе на ладонь и, обмакивая в жидкость указательный палец, провел несколько линий на лбу, груди, вдоль живота. Потом он брызнул на себя из третьего флакона и замер, выставив вперед руки с поднятыми вверх ладонями, как будто что-то хотел оттолкнуть от себя.

Внезапно его отражение в зеркале начало стремительно изменяться, лицо стало более тонким и нежным, линии тела приобрели мягкость и округлость, волосы стали длинными, почти до пояса.

Еще несколько мгновений — и вместо худощавого юноши перед зеркалом стояла прекрасная обнаженная женщина, придирчиво оглядывающая свое тело. Легкими движениями ладоней она гладила свои груди, живот и бедра, и ее лицо с пронзительными черными глазами выражало несказанное блаженство.

На кровати вместо небрежно брошенных измятых несвежих рубашек, кожаной безрукавки и шаровар непонятного цвета появились короткое платье, шаровары, накидка и бурнус. Вся одежда была снежно-белого цвета, как будто только что от прачки.

Сбросив ненавистное мужское обличье, Гермия словно избавилась от оков. До чего же ей надоело жить среди этих грубых мужланов в трюме «Утренней звезды»! Желание обрести свой облик было так велико, что она не утерпела и позволила себе на некоторое время снова стать женщиной в ту страшную бурю, когда вся эта мерзкая солдатня либо молилась богам, либо тупо дремала, надеясь таким образом переждать буйство стихии. Никто ее не заметил, даже Конан. Конан! Вот кого она жаждала видеть каждое мгновение!

Гермия присела на край кровати и, расчесывая свои длинные густые волосы, погрузилась в воспоминания о том, как ей удалось увлечь киммерийца там, на берегу реки. Никогда еще она не испытывала большего наслаж-

дения с мужчиной! Если бы только она могла быть рядом с ним, но, разумеется, не в обличье этого рубаки Герарда, а настоящей женщиной, которую он любил бы, как тогда...

Колдунья поежилась — давал о себе знать вечерний холодок. Она накинула на себя одежду и, присев около сундука, принялась сливать в широкое плоское блюдо жидкости из разных флаконов. Смесь шипела и пузырилась, меняла цвет, а Гермия все колдовала и колдовала, пока на блюде не образовалась наконец мазь голубоватого цвета.

Женщина потерла ею висевшее перед ней зеркало и прошептала несколько магических заклинаний. Поверхность зеркала покрылась рябью, потом потускнела, оно как бы вдавилось внутрь стены, приняв форму вогнутой чаши, и в глубине его возникло мутное изображение корабля, охваченного пламенем. Фигура дракона на носу обуглилась и покорежилась.

— Так я и знала! — скрипнула зубами колдунья. — Этой посудине осталось существовать недолго. Придется использовать другой путь...

Гермия нараспев произнесла еще несколько слов, и картинка в зеркале стала тускнеть и уменьшаться и вскоре исчезла совсем. На ее месте возникла другая: два рослых, дюжих воина собирались, по-видимому, в дальний путь.

Они надели на себя перевязи для мечей и, проверив клинки, вложили оружие в ножны. За пояс заткнули несколько кинжалов, за спиной закрепили луки и колчаны со стрелами. Колдунья шепнула еще пару заклинаний, фигурки воинов увеличились, и стало видно, что это две женщины, сильные, как гладиаторы. Могучие мышцы, однако, не уродовали их тел, а только подчеркивали их красоту.

Лица воительниц, обрамленные густыми светлыми волосами, спадающими на плечи, были красивы и решительны, как у бойцов перед схваткой. Одна из женщин обернулась назад и подозвала к себе кого-то. Гермия сделала несколь-

ко округлых движений перед зеркалом, и там появился какой-то дворик, где конюхи седлали лошадей и навьючивали поклажу на мулов.

— Вот вы-то мне и нужны! — Глаза колдуньи загорелись, она быстро собрала свои принадлежности в ларец, опустила его в кожаный мешочек, затем, взмахнув рукой, вернула зеркало в прежнее состояние и, поглядев через щель двери, осторожно выскользнула из комнаты.

Неслышными шагами она спустилась по лестнице, миновала пустой коридорчик внизу и вышла на улицу. Оглянувшись по сторонам, Гермия устремилась вперед по пустынной улице.

Она не знала точно, куда идет, но сила вела ее в нужном направлении, она уверенно находила в сплетении улиц нужные повороты и перекрестки. На ней не было накидки, скрывающей лицо, и пару раз подгулявшие матросы пытались пристать к ней, но она небрежно отмахивалась от них и твердо продолжала свой путь.

Вот перед ней показалась цель ее путешествия — небольшая гостиница на окраине города. Она уже видела закрытые ворота дворика, причем точно знала, что ей надо именно туда.

— Не спеши так, красotka! — раздался совсем рядом чей-то голос.

Гермия не оглядываясь прошла мимо кривого проулка, в глубине которого стояли, впившись в нее глазами, трое вооруженных людей.

— Стой, я тебе говорю! Вот сучка, ты что, не слышишь? — Подбежавший к ней подвыпивший человек — видимо, чей-то охранник, судя по оружию, которым он был обвешан, — схватил ее за локоть. — Давай прогуляемся, ты мне подходишь, — развязно предложил он, крепко впевившись в рукав ее платья.

— Отстань, ублюдок! — Гермия смерила нахала презрительным взглядом.

— Ха, гляди-ка, Вархид, эта шлюшка еще сопротивляется! — Человек цокнул языком, подзывая своих приятелей.

— Да? — удивился один из них. — Сейчас мы ее выучим, как обращаться с настоящими мужчинами.

Молниеносно извернувшись, как змея, колдунья левой рукой такхватила по уху назойливого охранника, что бедолага осел на землю, даже не сообразив, что произошло.

— Ах, ты так! — Его приятель сдернул с пояса плетень. — Хаммад, лови ее, сейчас я ей покажу...

* * *

— Ну вот, пожалуй, и все! — Акила поправила перевязь, на которой висел внушительных размеров прямой меч. — Паина, мы можем выезжать.

— Да, уже смеркается, самое время, — ответила ее подруга и, подзвав к себе вошедшего караванщика, спросила: — Все готово?

— Еще немного, госпожа, лошади уже оседланы, осталось погрузить пару вьюков, и можем отправляться.

— Поторопись, — вмешалась Акила, — нам надо выйти из города еще до ночи.

— Иду, госпожа! — Караванщик, повернувшись на каблуках щеголеватых хауранских сапог, вышел из комнаты и поспешил во двор.

— Ленивое туранское племя! — выругалась Паина, когда дверь за ним закрылась.

— Они все такие, что поделаешь, — вздохнула Акила.

Подруги с трудом наняли караванщиков, согласившихся пройти с ними через пустыню и степь к северному берегу моря Вилайет. Правда, и цену те запросили немалую, но дело того стоило. В тюках, которыми был навьючен десяток смиренных и равнодушных ко всему мулов, находилось оружие. Акила рассчитывала уже летом собрать своих сторонников и начать борьбу со своей сестрой Бризейс за трон Страны амазонок.

Когда они очутились в Султанапуре, Акила случайно встретила там одну из своих соплеменниц — амазонки иногда приходили в Туран договориться о поставках оружия или купить какой-нибудь товар, которого не было у

них в стране. Эта женщина рассказала ей, как обстоят там дела, как воительницы стонут от правления Бризейс, и, самое главное, с готовностью согласилась сообщить тем, на кого можно было рассчитывать, что Акила скоро появится. Теперь, когда она прислала гонца с сообщением, что ее ждут, можно было выступать, чтобы, как надеялась Акила, сбросить с трона эту мерзавку, ее вероломную сестрицу.

Можно было, конечно, нанять корабль, но это обошлось бы еще дороже, тем более что дальше все равно пришлось бы идти по суше. Так лучше уж сразу везти все караваном — так решили они с Паиной, ее единственной оставшейся в живых подружкой.

Женщины спустились вниз, где их ожидали закончившие наконец погрузку караванщики. Акила уже приготовилась дать команду выезжать, как вдруг с улицы донеслись крики, звон оружия и какой-то шум. Приоткрыв створку ворот, Акила выглянула наружу. То, что она увидела, было лучше самого веселого представления, которое ей приходилось когда-либо видеть.

— Ты посмотри, Паина! — подозвала она подругу.

На площади перед постоялым двором двое мужчин пытались поймать молодую женщину в белом платье.

— Лови ее, Хаммад! Экая сучка! — Краснорожий широкоплечий здоровяк со всего размаху опустил плеть на спину женщины.

Акила, хотя и привыкла ко многому, на мгновение зажмурила глаза, ожидая услышать треск разрываемой кожи и отчаянный крик боли, но женщина непостижимым образом уклонилась в сторону. Мелькнула в воздухе узкая ладонь, и здоровяк с воем схватился за лицо, мигом окрасившееся кровью.

— Вот это да! — Акила не могла отвести глаз от происходящего.

— Ну, ты у меня сейчас получишь, мерзавка! — Его товарищ выхватил узкую кривую саблю и бросился на женщину. — Я из тебя шашлык сделаю! — заорал он, взмахивая клинком.

Женщина в белом в мгновение ока оказалась вдруг сзади мужчины и обрушила на его затылок удар сомкнутых замком рук. Хаммад, как называл его приятель, рухнул на колени и, качнувшись, ткнулся лицом в мостовую.

Женщина выпрямилась. И в это время откуда ни возьмись появился третий мужчина, которого Акила до этого не видела. Держа обеими руками широкий ятаган, он намеревался ударить свою противницу сзади.

Акила, тут же сообразив, что не успеет предупредить незнакомку, одним прыжком одолела расстояние до нападавшего мужчины и, развернув его на себя, мощным толчком швырнула на стену. Теперь все трое приятелей мирно отдыхали на земле.

— Спасибо за помощь. — Женщина поклонилась Акиле, не спуская с нее темных глаз, в которых горело возбуждение от только что закончившейся схватки.

В это время охранник с плетью попытался встать на ноги, но Акила ударом ноги вновь опрокинула его наземь.

— Кто тебя научил этому? — спросила она.

Незнакомка откинула назад густые темные волосы и ответила:

— Моя мать. Это она показала мне, как нужно отбиваться от похотливых двуногих тварей, которых я ненавижу.

Акила и Паина переглянулись.

— Куда ты идешь? — спросила Паина.

— Не знаю. Мой дом сгорел... Теперь у меня ничего нет...

Акила и Паина переглянулись еще раз. Они и без слов прекрасно понимали друг друга.

— Поедем с нами. Я чувствую, что мы будем полезны друг другу, — предложила Акила.

Женщина кивнула. Было похоже, что ей все равно, куда направляться.

— Верхом умешь

— Да.

— Дайте ей коня, посмотрим, — кивнула Акила караванщику.

Подвели вороного жеребца. Женщина, чуть тронув носком стремя, взлетела вверх и замерла в седле, словно изваяние.

Акила и Паина переглянулись в третий раз. В их взглядах читалось искреннее восхищение.

— Тогда отправляемся, — бросила караванщикам Акила. — В дороге и поговорим, — повернулась она к своей новой спутнице. — И из оружия что-нибудь подберем.

Та наклонила голову в знак согласия, и караван потянулся из ворот постоянного двора, держа путь к Северным воротам Султанапура.

Глава четвертая

Варвар еще раз поклонился Кушаду — так, будто тот мог его видеть, и вышел из комнаты старика, аккуратно прикрыв за собой дверь. В тот же момент в прихожую вышла Тамина — она словно ожидала его появления.

— Пойдем, — приложив к губам палец, тихо промолвила женщина, беря киммерийца за руку.

Они вошли в ее комнату и, так и не расцепив рук, остановились, с нежностью глядя друг на друга. Конан испытывал некоторое смущение, которое никак не мог себе объяснить. Это было совсем ему не свойственно, но он просто смотрел на стоявшую перед ним Тамину, ничего не предпринимая, не пытаясь даже притронуться к ней.

— Мой капитан, — певуче прошептала она, — прошло столько времени, и я уже не маленькая девочка. Чего же ты ждешь?

Она отошла в угол комнаты, где рядом с ее ложем висело большое зеркало в серебряной оправе, и, не глядя на Конана, стала медленно расстегивать на плечах пряжки, на которых держалось ее платье. Лямки упали вниз, обнажив совершенной формы грудь, похожую на две мраморные пилы. Перламутрово-розовые соски вызывающе и маняще набухли. Тамина гибко повела бедрами, и платье соскользнуло, оставив ее совершенно нагой. Не помня себя, Конан бросился к ней, подхватил на руки и покрыл ее всю поцелуями — от маленьких, прелестной формы ушей, до изящ-

ных ноготков на пальцах ног. Никогда он не испытывал к женщине столь нежного и одновременно почти братского чувства. Это чувство было для него ново. В его душе вдруг проснулось то, о чем он даже не подозревал.

Он бережно уложил ее на белый покров ложа и, в два приема сорвав с себя одежду, как подрубленный, рухнул с ней рядом, не в силах сдержать бившее через край желание. Тамина обнимала его, прижималась губами к шрамам на его лице и теле, орошая их слезами счастья, которого она ждала так долго, что уже боялась, что она его просто придумала. Но все оказалось так хорошо, так невыразимо прекрасно, и это не могло произойти по-другому.

Конечно, в ее жизни были мужчины, и немало, но воплощение ее полудетской мечты о Конане возбудило в них обоих такой прилив чувств, что они пришли в себя только тогда, когда лучи солнца заглянули в маленькое оконце ее спальни.

— Может быть, мне бросить все и остаться здесь с тобой навсегда? — Конан не мог оторвать взгляда от прекрасного тела женщины, чуть порозовевшего от утреннего света.

— Да разве можешь ты задержаться на одном месте? — тихо засмеялась женщина, глядя на варвара немножко усталыми, но счастливыми глазами.

— А что, могу стать начальником стражи или вот купцом, например, — сказал киммериец, однако не очень уверенно, потому что в глубине души сам понимал неосуществимость того, о чем он говорил.

— Может быть, где-то и сможешь, но не здесь, в Туране. Ты ведь уже пробовал, помнишь

— С тобой все забудешь, — со вздохом улыбнулся киммериец. Он, к сожалению, хорошо помнил, чем закончилась его служба в туранской армии.

— Нет, мой капитан, — с еле уловимой печалью в голосе сказала Тамина, легко касаясь пальцами прядей его разметавшихся по плечам черных волос. — Нет, тебе уготована другая судьба. Не будем перечить воле богов и возблагодарим их за то, что мы с тобой все-таки встретились. А теперь я попробую узнать, что ждет тебя впереди. — Она

грациозно, как газель, соскочила с ложа и направилась к небольшому алтарю, стоящему в глубине комнаты. Киммериец не мог оторвать глаз от ее стройного гибкого тела.

Тамина зажгла маленькую лампаду, слабый огонек которой был почти невидим при ярком свете наступившего утра, посыпала розоватым порошком серебряную полированную пластину и поднесла ее к пламени. Варвар, заинтересовавшись ее манипуляциями, подошел и встал рядом.

— Садись вот сюда, — указала ему Тамина на маленький пуфик.

Конан повиновался.

Тамина натерла ему виски чем-то пахучим и свежим, отчего у него слегка закружилась голова.

— Арсая, из Вендии, — объяснила Тамина, производя плавные движения ладонями, как бы обволакивая его голову. — Тебе не мешает малость освежить память последних дней.

Она продолжала плавно водить ладонями, и в глазах киммерийца все поплыло, предметы стали терять свои очертания. Единственное, что он видел отчетливо, так это серебряную пластину, которую Тамина, держа прямо перед ним обеими руками, подносила все ближе и ближе к его лицу. Неожиданно перед глазами киммерийца вспыхнул яркий синеватый огонь, будто сполох в темном предгрозовом небе, и он перестал что-либо ощущать.

Он не мог сказать, сколько времени прошло, прежде чем он снова сумел собраться с мыслями и ясно различать предметы. Тамина, уже одетая, сидела рядом с ним. Когда женщина увидела, что варвар очнулся, она поднесла к его носу небольшой хрустальный флакончик. Резкий неприятный запах вернул его в нормальное состояние, он зачихал, затряс головой.

— Вот что я могу тебе сказать, — начала Тамина, взяв его за руку. — В ближайшее время старайся быть особенно осторожным тогда, когда ощутишь что-то непонятное для тебя, когда тебе будет казаться странным чье-то поведение или чей-то облик. Вокруг тебя сплетаются сейчас магические силы, и ты должен, по возможности, избегать тесного

соприкосновения со всем неясным, иначе возникнет серьезная опасность для твоей жизни.

— Спасибо за заботу,— варвар погладил ее по волосам,— я буду стараться действовать, как ты сказала, но опасности меня не пугают. Они сопровождают меня всюду,— усмехнулся он,— такова моя судьба, предначертанная кем-то свыше. В любом случае, я благодарен тебе за все. Кстати, твой отец уже предупреждал меня о грозящей мне опасности.

— Возьми эту вещицу и постарайся всегда держать ее при себе.— Тамина надела ему на шею тонкий пинурок из сыромятной кожи, к которому был прикреплен маленький мышиный череп со вставленными в глазницы двумя полосатыми камешками.

Киммериец положил череп на ладонь, рассматривая талисман.

— Он поможет тебе в опасности. Мы с отцом навели заклятие на эти камешки, чтобы они уменьшили влияние враждебных для тебя сил.

Прощаясь с Таминой, Конан на короткий миг ощутил себя щепкой, вихрем кружащейся в водовороте жизни, но не в его правилах было долго сожалеть о том, что случилось и чего не случилось, и что могло бы случиться, если бы... Он в последний раз нежно поцеловал женщину и, не оглядываясь, пересек маленький дворик и вышел на еще пустынную улицу.

* * *

Когда варвар добрался до причала, на «Утренней звезде» уже вовсю кипела работа. Портовые плотники вместе с матросами Саудана, облепили нос корабля как муравьи. Фигура дракона лежала на палубе, и мастер, ловко орудуя топором, вырубал в ее основании пазы для нового крепления. Стук топоров, крики и топот множества людей, занятых своим делом,— вся эта рабочая суета напомнила варвару, что пора бы и ему заняться своими прямыми обязанностями, как-никак он был командиром отряда, охраняющего «Утреннюю звезду».

— Привет! — Саудан спустился с мостика, откуда он наблюдал за починкой, и направился к Конану, который, пройдя по шаткому трапу, прыгнул на палубу.

— Привет! Как наши дела?

— Обещают управиться за пару дней,— довольный происходящим, сообщил ему капитан.

— Тогда и мне надо поторопиться.— Киммериец оглянулся вокруг, ища глазами кого-нибудь из своих солдат.

— Не найдешь,— проследил за его взглядом Саудан,— ты же знаешь своих — если загуляют, то надолго.

— Копыта Нергала! — выругался варвар.— Я ведь наказал Бахтару и Герарду подобрать мне пополнение для отряда. Нам так нужны новые люди!..

— Вот они и подбирают,— захохотал капитан,— в теплых постелях портовых шлюх, клянусь Эрликом! Я своих собрал с раннего утра, так для этого мне пришлось самому пройти по всем кабакам. Тебе, я думаю, придется сделать то же самое.

Он долго смеялся, представляя, видно, во всех деталях предстоящую Конану прогулку, а затем, вытирая выступившие на глаза слезы, предложил:

— Иди сначала перекуси, повар ждет тебя внизу, а потом присмотришь здесь за работой, а я схожу еще раз, попытаюсь разыскать твоих вояк. Маршрут-то мне, как-никак, уже известен!

Киммериец только сейчас ощутил, что зверски голоден, поэтому предложение капитана пришлось ему по душе. Он прошел на корму и, обойдя надстройку, вошел в пропахшее пряностями помещение, где толковый улыбчивый корабельный повар до отвала накормил его горячими бобами с бараниной. Сдоблив завтрак хорошим кувшином вина, варвар вернулся на палубу, ковыряя в зубах острием своего кинжала.

— Ты был прав,— поблагодарил он Саудана,— хорошая еда всегда ко времени.

— Проследи за этими бездельниками, чтобы они передний брус закрепили как следует,— наставлял его Саудан, собираясь уходить,— им-то что, а плавать на этой посудине нам.

Капитан в сопровождении двух матросов отправился в Султанапур, а варвар, опершись спиной о мачту, остался наблюдать за плотниками. Он смотрел на спящих туда-сюда людей, а сам никак не мог отвлечься от мрачных мыслей, которые преследовали его последнее время, а после разговоров с Кушадом и Таминой завладели им еще сильнее.

«С чего это вдруг вокруг меня закручивается волшба? Вроде бы я сейчас никому не мешаю... Я не втянут ни в какие дворцовые интриги, ни в междоусобную борьбу... Спокойно плыву себе на север, всего-то делов! Попадаются, правда, пираты, и тут не избежать, чтобы чья-нибудь голова не скатилась с плеч, но это же нормальная жизнь, кланусь брюхом Крома, при чем здесь колдовство?»

Он почесал затылок, словно это могло помочь ему разрешить сложную задачу, но, поразмыслив еще чуток, решил не брать дурного в голову.

«Чему быть, того не миновать, Нергал мне в задницу, чтобы я ломал над этим голову, — решил он. — Поживем — увидим».

Он вытащил из-под рубахи подаренной Таминой мышиный череп и внимательно его осмотрел.

«Кром! — усмехнулся он. — Может быть, эта штучка действительно окажется полезной. Все-таки женщины... те, которые хорошо ко мне относились... не раз умудрялись мне помочь».

Он вспомнил далекое время, когда он был еще юношей... Тогда подаренный любящей женщиной талисман помог ему выпутаться из большой беды. Проклятый колдун чуть не превратил его — на пару с верным приятелем Нинусом — в глиняного болванчика, и если бы Денияра не повязала ему на лоб заколдованную ленту, стоял бы ему сейчас на деревянной полке рядом с фигурками других таких же неудачников. Денияра! Приятные и сладостные воспоминания охватили его. Хорошее было времечко! А какие женщины! И сама Денияра, и три ее служанки! Да и после было о чем вспомнить!

От приятных мыслей его оторвал голос Саудана:

— Принимай, командир!

Киммериец перевел взгляд на причал. Капитан в сопровождении пятерых его солдат поднимался по трапу.

Конан взглянул на прибывших и присвистнул:

— Моча черного верблюда! Вас стало еще меньше, чем было! А где остальные

— Одного зарезали, двоих надо выкупить — они подрались со стражниками, а твоего приятеля Герарда вообще след простыл, — хмуро доложил ему Бахтар, еще окончательно не протрезвевший после вчерашней гулянки в портовой таверне.

— Выкупить? — Киммериец нахмурился. — И сколько монет просят эти ублюдки

— По пять монет за каждого.

— Что думаешь? — поинтересовался Саудан. — Я решил спросить тебя, прежде чем раскошелиться.

— Что тут думать? Надо выручать своих, тем более что бойцы они отменные, — ответил киммериец. — А куда делся Герард? — спросил он у Бахтара.

— Я попытался кое-что разузнать, — ответил за него Саудан. — Сам понимаешь: если долго плаваешь по морю, то в каждом порту есть знакомые. Так вот, похожего на него юношу видели в гостинице, что за храмом Эрлика.

«Совсем рядом с домом Кушада», — произвольно отметил про себя варвар.

— Мы пошли туда, — продолжал Саудан. — Хозяин все подтвердил, даже показал нам комнату, которую дал этому парню, но там никого не оказалось. Исчез, словно испарился!

— Чудеса! — Киммериец на мгновение задумался. — Нергал с ним, искать не будем, хоть и жаль терять такого бойца. Тем более что и тебе прямая экономия, — захохотал он, хлопая капитана по плечу, — плату ведь он не получил!

«Может быть, это исчезновение и к лучшему, — подумал он, — ведь Тамина да и Кушад тоже говорили, чтобы я сторонился всего подозрительного. А в Герарде мне постоянно чудилось что-то странное».

— Тогда выкупи этих двоих, — попросил он Саудана, — да подбери еще хотя бы с десяток человек. Оружия-то у нас

хватит и на сорок вояк, так что не обессудь: придется твоих матросов погонять, пусть на всякий случай будут готовы.

Такая перспектива вполне устраивала Саудана — все-таки меньше расходов. А в том, что киммериец может даже бревно обучить кое-каким приемам военного искусства, капитан ничуть не сомневался. Повезло ему с этим варваром, ничего не скажешь!

— Пошли, — коротко бросил Саудан Бахтару, и они, спустившись на причал, направились к выходу из порта.

Глава пятая

А теперь Расскажи о себе. — Акила обернулась к Гермии, ехавшей чуть позади. После короткой остановки на ночлег караван, вытянувшись вдоль пустынного берега, продолжил свой путь на север. Впереди на мохнатых низкорослых конях ехали трое гирканских наемников, за ними плелись двенадцать навьюченных поклажей мулов, рядом с которыми шли караванщики. Замыкали шествие три женщины — Акила, Паина и Гермия. Акила наняла гирканцев не столько для того, чтобы отбиваться от бандитов, сколько для выяснения отношений с местными сатрапами, хоть и подчиняющимися Турану, но тем не менее являющимися полновластными хозяевами на своих землях.

Акила здраво рассудила, что присутствие в их караване гирканцев поможет им избежать лишних осложнений с караулами и дозорными отрядами, а с бандитами, если таковые появятся, они разберутся и сами — им с Паиной ничего не стоило отбиться от десятка воинов.

К тому же теперь с ними была Гермия, в способностях которой сражаться почти голыми руками они уже имели случай убедиться.

Гермия, тронув поводья, поравнялась с Акилой и Паиной и рассказала им заранее сочиненную историю про свою жизнь, про мать, которая якобы научила ее приемам боевого искусства, про ее смерть и про пожар, который уничтожил ее жилье и имущество. Обе спутницы слушали ее молча, иногда

кивая головой или прищелкивая языком, если какой-нибудь эпизод рассказа производил на них большое впечатление.

— Так ты считаешь всех мужчин скотами? — со смехом переспросила Паина.

— Я их просто ненавижу, козлов двуногих! — с жаром воскликнула Гермия.

— А у тебя был когда-нибудь мужчина? — Акила бросила на нее внимательный взгляд.

Гермия молча кивнула головой.

— И что же, — не отставала Акила — в глазах ее появилось выражение легкого лукавства, — тебе это совершенно не понравилось?

— А что тут может нравиться? — пренебрежительно улыбаясь, спросила Паина.

— Помолчи, — оборвала ее Акила, — ты вряд ли это поймешь. Ну так что, — вновь повернулась она к Гермии, — тебе совсем нечего вспомнить?

— Ну почему же? — вспыхнула Гермия. — Был у меня один мужчина, с которым я была бы не против встречаться еще и еще.

— Вот и со мной такое случилось. — Взгляд Акилы сделался мечтательным, будто она вновь увидела перед собой предмет своих желаний. — Но я думаю, что мы больше никогда не встретимся. Да нам это и не нужно, у каждого из нас своя жизнь.

— Как же, не нужно! — фыркнула Паина. — Так я и поверила! Тебя, госпожа, трое суток было не вытащить из того шалаша, куда вы забрались с варваром.

— Помолчи! — прикрикнула на нее Акила и прищипнула своего скакуна. Конь взвился на дыбы и галопом умчал всадницу далеко вперед, изрядно напугав караванщиков, которые, увидев скачущую во весь опор Акилу, решились, будто что-то страшное.

Всадница, облетев караван по кругу, опять присоединилась к женщинам. Придерживая коня, она ехала рядом с ними, не говоря ни слова.

«И у нее был варвар, — отметила про себя Гермия. — Уж не Конан ли? Ну нет, тебе он не достанется, слониха!»

В столь нелестной характеристике Акилы обуреваемая ревностью колдунья была не права. Акила, несмотря на ее неправдоподобно развитую мускулатуру, совершенно не выглядела мужеподобной, впрочем, как и Паина.

— А теперь я расскажу тебе о нас, — произнесла, немного успокоившись, Акила.

Гермия внимательно слушала рассказ о женщинах-воительницах, которых называли амазонками, о их подвигах, о том, что они используют мужчин только для продолжения рода, а потом избавляются от них, о том, как они воспитывают девочек, и о многом-многом другом...

Акила с горечью сообщила, что ее трон захватила Бризейс, ее родная сестра, но умолчала о причине, по которой ей пришлось бежать из родных краев. Гермия не задавала вопросов в продолжение всего рассказа, но когда Акила закончила, спросила:

— А почему вы пользуетесь теми мужчинами, которые случайно попадают к вам, ведь лучше самим выбрать наиболее достойных и привезти в вашу страну?

— Мы как-то не думали об этом, — отрезала Паина, у которой все эти разговоры про мужчин вызывали только раздражение.

— Уж помолчала бы лучше! — воскликнула Акила. — Вечно тебе все не нравится! Гермия права — от хороших мужчин могли бы рождаться хорошие дети, и наше племя стало бы еще могущественнее.

— Вот ты рассказывала про какого-то варвара... — осторожно начала Гермия.

— Какого-то! — опять вмешалась Паина. — Ты лучше не спрашивай, не то наша королева не даст тебе спуска! Она тоскует по этому мужлану, хотя изо всех сил старается не показать этого.

— Клянусь богами, я тебе сейчас врежу! — Акила пригрозила ей плетью. — Ты забываешься, женщина!

Ее глаза сверкнули так, что Паина инстинктивно опустила плечи и обиженно отвернулась.

— Как его зовут? — не отставала Гермия.

— Не твое дело,— мрачно отрезала Акила. По-видимому, воспоминания о варваре слишком больно терзали ее душу, чтобы она могла спокойно говорить о нем.

Некоторое время три женщины ехали молча. Наконец Акила примирительно произнесла, обращаясь к Гермии:

— Я учту твоё предложение. Когда я отвоюю у сестры свой трон, то непременно подумаю над этим. Кстати, если ты так относишься к мужчинам, то тебе с нами будет легко, хотя ты и не из нашего племени. Хочешь, отправимся в нашу страну? Ты сможешь получить там высокую должность, скажем, главной воспитательницы народа, это я тебе обещаю. Ты, как я вижу, многое умеешь и, наверное, смогла бы научить этому других.

«Мне нужна только чаша Гуйюка, а твоя мерзкая дикая страна пусть провалится в преисподнюю,— усмехнулась про себя колдунья, сделав, однако, вид, что задумалась над предложением королевы.— А еще, похоже, ты на моего киммерийца виды имеешь! — скрипнула она зубами.— Ну погодите! Вот только доберусь до чаши, я вам тогда устрою, слонихи проклятые! Я и сейчас бы с радостью сделала это, да вот добраться мне нужно туда, в тундру, а то бы я вас...»

— Спасибо за щедрое предложение, королева,— поклонилась она Акиле,— но мне еще надо заслужить такую высокую должность. Я буду воевать на твоей стороне, и когда мы победим, тогда и вернемся к этому вопросу.

— Хорошо,— согласилась Акила, и лицо ее посуровело: впереди предстояли нелегкие и, видимо, кровавые испытания.— Надо еще завоевать трон. Или ты сомневаешься в моей победе? — резко спросила она Гермию.

— Как ты могла такое подумать? — Колдунья сделала вид, что обиделась.— Я останусь с тобой до тех пор, пока мы не победим...

«Пока я не заполучу чашу,— поправила она себя.— А может быть, ты перестанешь быть мне полезной куда раньше!»

Дальше они ехали молча, и каждая думала о своем.

Впереди, за грядой невысоких холмов, начинались солончаковые пустоши, по которым ветер гонял сцепившиеся в шары колючие стебли сухой травы.

— Остановимся здесь,— сложив рупором ладони, прокричал гирканец, шествующий во главе каравана,— дальше голая пустыня.

Встали у ручья, чтобы набрать воды и дать отдохнуть мулам перед долгой дорогой через пески. Необходимо было основательно подготовиться к трудному переходу, ибо Акила помнила, как тяжело ей пришлось, когда она в прошлый раз оказалась в пустыне. Если бы не Конан, напоивший ее кровью из собственной жилы, вряд ли бы она осталась жива. Конан, ох, Конан!.. Где ты теперь, могучий упрямый киммериец?..

Глава шестая

Начальнику стражи Султанапура не повезло — первый советник правителя устроил ему страшную головомойку за промахи в службе. Надо заметить, что до того злополучного утра служба текла как обычно, без каких-либо изменений. Привратники так же, как и всегда, дежурили у городских ворот и взимали плату за въезд и выезд из города со всякого пешего и конного, с каждого выючного мула или верблюда, с каждой порожней или груженой повозки. Вечером дань исправно отвозили городскому казначею, и тот, пересчитав монеты, убирал их в кожаные мешки и опечатывал печатью.

Само собой разумеется, в казну попадало далеко не все, что брали стражники у ворот. Надо же и самим как-то жить! Между прочим, тому же первому советнику сам начальник стражи регулярно относил небольшой, но увесистый мешочек с отборными золотыми аквилонской или кофийской чеканки, поскольку первый советник особенно уважал именно эти монеты, и все об этом знали. Ежедневно многочисленные подчиненные начальника стражи обходили улицы и площади города, следя за порядком, вместе со сборщиками налогов и податей наведывались в корчмы, таверны и кабаки, присматривали за торговлей на городских рынках. Конечно, иногда случались кое-какие мелкие недочеты в работе — с кого-то, к примеру, лишний подбор взяли, — но ведь за это никто не станет сердиться на него!..

Старался начальник стражи, прямо из кожи вон лез, чтобы угодить своему хозяину — первому советнику, которому повелитель поручил управлять этой службой. Но вот незадача — никогда не знаешь, каким боком повернется к тебе судьба. Накануне три каких-то матроса повздорили в таверне с тремя солдатами. Эка невидаль! Ну поссорились и поссорились, ну схватились за ятаганы и ножи, ну зарезали одного из моряков... Великие боги, разве это происшествие?! И дело было даже не в том, что они дрались перед входом в таверну и в свалке опрокинули проезжающую по улице коляску — естественно, вместе с седоком... Невелика беда, если кто-то вывалился в пыли да расшиб себе руку. Но в коляске-то ехал, к несчастью для начальника стражи, сам дядя первого советника. И что только надо было этому старому козлу в такой час и в таком месте?! Вот уж боги наказали так наказали! Первый советник был в ярости.

— Мерзопакостная помесь свиньи и крысы! — В гневе он ткнул своей сафьяновой, расшитой шелком туфлей прямо в нос распластавшемуся перед ним начальнику стражи. — Ты хочешь, чтобы я перевел тебя в надзиратели помоек, тухлая отрыжка верблюда? При тебе в нашем городе нет никакого порядка! Может, ты предпочитаешь, чтобы я доложил о тебе правителю, дрянная вошь?

— О нет, мой господин! — в страхе завыл начальник стражи, представив, как правитель, узнав про него, ничтожного, и про его плохую службу, завопит: «А почему неспособные справиться с таким простым делом твари занимают столь почетную должность?» — и, что еще хуже того, добавит: «Приковать на галеры этого слизняка в назидание другим!»

И тогда все пропало, все — и уютный дом с бассейном и садом в хорошем месте, почти у самого главного храма, и сундуки с добротной дорогой одеждой, и чеканная серебряная посуда, которую он выписал себе из Офира, и молоденькие наложницы, придирчиво выбранные им самим на невольничьем рынке (кстати, он заплатил за них совсем недорого — попробовали бы эти купчихи не уступить!), и его павлины, гордо расхаживавшие по саду на зависть гос-

тям и собутыльникам... Все это могло пойти прахом из-за какой-то пьяной драки матросов!..

Начальник стражи попытался схватить туфлю, мелькавшую у самого его лица, и запечатлеть на ней пылкий поцелуй, но промахнулся, потерял равновесие и ткнулся лицом в ковер. Он пополз было на четвереньках к своему повелителю, но получил еще один чувствительный пинок прямо в зубы.

— Чтобы к обеду все было исправлено, вонючая гнида! Почтенному человеку уже нельзя по городу проехать, если дело поручено такой ленивой свинье, как ты! Иди и завтра принеешь мне сто монет, чтобы загладить свою вину, или, клянусь Эрликом, ты пожалеешь, что появился на свет!

Начальник стражи на карачках попытался к входной двери, с ненавистью глядя на злорадно оскалившихся телохранителей первого советника. Он выкатился в прихожую, поднялся, отряхнулся и бросился во двор, где двое его охранников, сидя на жеребцах, держали повод его коня. Начальник стражи хотел птицей взлететь в седло, но, по-видимому, от этой ужасной встряски нервы его совсем расшатались, и он промахнулся и со всего размаху шлепнулся в грязь.

— Чего ржете, шакалы? — заорал он на охранников, которым с большим трудом удавалось сохранять каменное выражение лиц при виде своего хозяина, выбирающегося откуда-то из-под брюха лошади.

Взобравшись наконец в седло, начальник стражи огрел слуг плеткой, чтобы хоть как-то выместить накопившееся раздражение, и все трое поскакали к городской тюрьме, куда вчера вечером препроводили захмелевших участников драки.

«Я покажу им, что такое порядок», — подогревал себя начальник стражи, несясь во весь опор по улицам города.

* * *

Саудан и Бахтар подошли к воротам городской тюрьмы около полудня. Солнце, стоявшее высоко в небе, грело почти по-летнему.

— Эй! — Саудан постучал кулаком в ворота.

— Кто там, Нергал тебя возьми? — В воротах приоткрылось небольшое окошечко, и в нем показалась рожа одного из стражников. — А, это ты, — узнал он Саудана. — Деньги принес?

— Вот. — Капитан высыпал на ладонь десять золотых и показал стражнику.

— Ладно, сейчас приведу твоих ублюдков.

Стражник ушел, гремя ключами, а Саудан и Бахтар прислонились к каменной стене, подставив лица под ласковые лучи солнца. Топот копыт, донесшийся с ближайшей улицы, заставил их приоткрыть глаза.

— Ишь как спешат, — лениво бросил Бахтар.

— Не иначе, важное дело в тюрьме, а может быть, сюда едет какой-нибудь большой начальник, — предположил Саудан. — Давай-ка лучше отойдем в сторонку.

Не успели они сделать и двух шагов, как на площадку перед воротами вылетели трое всадников на разгоряченных от быстрой скачки конях. Это были начальник стражи и двое его подручных.

В этот момент ворота приоткрылись, и стражник вывел двоих солдат из отряда Конана.

Увидев столь высокое начальство, стражник открыл рот и застыл как вкопанный.

Начальник стражи, в свою очередь, тоже открыл рот и заорал:

— Где эти двое, что вчера устроили драку в таверне?

— Вот они, господин, — указал стражник на арестованных.

— Мы как раз пришли их выкупить, уважаемый, — вмешался капитан, подходя к начальнику стражи.

Тот просто затрясся от гнева:

— Выкупить?! Да кто ты такой?!

— Я капитан «Утренней звезды», из Аграпура, — с достоинством ответил Саудан, отвесив легкий поклон.

— А, чтоб вас!.. — Начальник стражи уже плохо соображал, что делает, настолько он был напуган первым советником. — Болтаетесь тут, только порядок нарушаете!

Арестовать их! — неожиданно указал он на Саудана и Бахтара.

На его крик из ворот выбежали еще несколько человек. Несмотря на протесты и сопротивление, они схватили капитана и Бахтара и потащили их за ворота. В другое время начальник стражи трижды бы подумал, прежде чем арестовывать капитана торгового судна. Тот ведь мог служить у какого-нибудь богатого купца из столицы, который наверняка заступился бы за него. И тогда начальнику стражи пришлось бы ой как несладко. Но сегодняшняя выволочка дала о себе знать. Вот почему к солдатам с «Утренней звезды» в тюрьме присоединились ее капитан вместе с Бахтаром.

— Пусть посидят до завтра, — немного успокоившись, решил начальник стражи. — Там, — он указал пальцем вверх и нахмурился, — решат, что с ними делать.

* * *

Наступил вечер, а Саудан с Бахтаром все еще не возвращались. Плотники почти закончили свою работу, осталось доделать самую малость — и можно отправляться. Отсутствие капитана не давало покоя киммерийцу, и он отправил двоих своих солдат узнать, не случилось ли чего. К ночи они возвратились, но сведения были неутешительные: все четверо сидят в городской тюрьме и завтра предстанут перед судом.

Это было совсем некстати. Времени на долгие раздумья не оставалось. Суд проходил раз в неделю, и надо же было такому случиться, что его друзья попались как раз перед этим днем! Варвар знал, что за такие провинности арестантов обычно отправляют гребцами на военное судно. Там их приковывают к палубе, и они, иногда по многу лет, вынуждены тяжким трудом, под плетью надсмотрщиков, искупать свои прегрешения. Хорошо, если повезет и корабль не затонет, или не сгорит в бою, или гребца просто не убьют во время сражения... Надо было немедленно решать, как спасти товарищей.

Киммериец задумался. Попробовать устроить им сегодня ночью побег? Ему приходилось и не такие дела прово-

рачивать, но для этого нужно было время, и немалое, а его то как раз и не было. Хорошо еще хоть, что он отлично знает Султанапур, поскольку бывал здесь не раз. Ему вдруг вспомнились не только встречи с Кушадом и Таминдой, но и необыкновенные приключения, происшедшие с ним, когда он вновь наткнулся в этом городе на своего старого знакомого, одноглазого Ордо — бывшего подручного Карелы Рыжего Ястреба, его, Конана, строптивой и независимой подружки... Тогда, после убийства одного из высших туранских вельмож, судьба забросила варвара из Султанапура в далекую Вендию...

Киммериец вспомнил, как он неожиданно встретил этого головореза Ордо уже в Немедии, когда тот занимался контрабандой оружия, и как они с ним создали Вольный Отряд. Опыт наставника военного искусства весьма пригодился ему, когда он обучал своих солдат... Вот только дисциплина у них, впрочем, как и у тех его ребят, никуда не годится...

В столице Немедии Бельверусе он в очередной раз встретился с Карелой, потом была еще одна встреча — уже в Офире, и последняя — в Аргосе... Варвар усмехнулся: в те годы судьба постоянно сводила и разводила его с надменной красавицей... и несмотря ни на что, они тогда любили друг друга... Очнувшись от приятных воспоминаний, Конан обругал себя: прошлое прошлым, но пора и сегодняшними делами заняться. Людей у него было совсем мало, так что успех предприятия зависел только от того, насколько удачно он составит план действий.

«Думай, думай, киммерийский варвар, — подзадорил он себя, — шевели мозгами. Нельзя же бросать своих товарищей в беде».

— Где будет проходить суд? — спросил он у солдат, принесших неприятное известие.

— На городской площади, как обычно, — ответили те, — но там отбить их мы не сумеем. Стражников будет полно, да и зеваки станут путаться под ногами. Потом тех, кого осудят на галеры, сразу передадут солдатам с кораблей, и они отвезут их в порт.

Даже если он отобьет их у стражи, когда она повезет их на суд, то куда бежать потом? На «Утреннюю звезду»? Но судну не дадут выйти из порта — вон сколько там военных кораблей!

Киммериец с сожалением посмотрел на гавань, где огни многочисленных судов покачивались в такт волнам, уходя далеко в море. Не будешь же с десятком солдат воевать с целым флотом!

— Помощника капитана! — рявкнул вдруг варвар — ему в голову пришла весьма дерзкая, но совсем неплохая мысль.

Помощник прибежал тотчас — рык киммерийца наверняка был слышен не только на «Утренней звезде».

— Садись, давай кое-что обсудим. — Варвар придвинул ему кружку. — Наливай, вино помогает думать.

Они просидели до глубокой ночи и выпили почти целый бочонок вина, прежде чем киммериец утомился, удовлетворенный планом их действий.

Утром работа на «Утренней звезде» закипела с новой силой. Плотники сдержали свое слово, и вскоре гордый дракон, оскалив пасть, вновь покачивался на носу корабля. Помощник Саудана расплатился с мастерами, отдал положенные подати портовым стражникам, и судно спешно вышло из гавани. Поймав попутный ветер, «Утренняя звезда» быстро набрала ход и исчезла из вида. На судне не было ни капитана, ни солдат из отряда Конана — как, впрочем, не было и его самого.

Глава седьмая

На главной площади все было приготовлено для свершения суда: возле старой крепостной стены натянули балдахин, расстелили ковер, поставили возвышение для судьи и клетку для преступников. Помаленьку стал собираться народ, охочий до зрелищ; не замедлили появиться и торговцы сластями и фруктами, водоносы, фокусники — в общем, все те, кто зарабатывает свой хлеб на большой толпе. Как правило, приговор суда за мелкие прегрешения приводился в исполнение прямо на площади, поэтому плотники установили тут несколько помостов, на которых, по решению судьи, если таковое последует, наказуемых должны были сечь кнутом или бить палками по пяткам. Толпа в предвкушении зрелища плотным полукольцом окружила место суда.

— Едут, едут! — донеслись выкрики с дальнего конца площади. Народ стал расступаться, пропуская отряд стражников в белых тюрбанах, с алебардами в руках. Замешкавшиеся зеваки тут же получали увесистый удар тупым концом оружия, так что проход был расчищен довольно быстро. Стражники встали вокруг помоста в несколько рядов. Шестерка рабов принесла паланкин, из которого, крихтя, выбрался старикашка с желчным морщинистым лицом, одетый в расшитый шелком дорогой халат. В сопровождении писцов и слуги с опахалом он важно прошествовал к своему возвышению и, взгромоздившись на него, неподвижно замер, как коршун. Сходство с пернатым усиливали его крючковатый нос и тюрбан с павлиньим пером.

Через проход, обозначенный в толпе двумя рядами стражников, провели арестованных. Сегодня их было на удивление немного. Несчастных грубо затолкали в клетку из толстых деревянных жердей. Толпа затихла, ожидая начала суда.

— Давай! — махнул рукой судья старшему стражнику.

Вывели первого заключенного и поставили его на колени в двух шагах от судьи. Судья по всему, он был незначительным и совсем небогатым человеком, скорее всего мелким торговцем или ремесленником.

— Читай, — приказал судья.

Стоявший слева от него подручный развернул свиток и зычным голосом, покрывавшим даже непрекращающийся гул толпы, произнес:

— Самид, владелец лавки пряностей. Ударил сборщика податей.

— О справедливый господин! — возопил несчастный Самид, воздевая руки к судье. — Я ему уже заплатил, а он пришел и сказал, что мало. Но я заплатил все, клянусь тебе!

— Помолчи! — прикрикнул на него другой подручный и два раза огрел его длинной многохвостой плетью.

На спине под белым халатом отчетливо проступили кровавые полосы. Самид замолчал, исподлобья уставившись на судью затравленным взглядом и вздрагивая от боли.

Судья немного подумал, пожевав губами, затем обратился к писцу, который примостился рядом:

— Пиши! Двадцать пять плетей, и десять монет в казну. Следующий! — Он опять махнул рукой.

Торговца, не обращая внимания на его стенания, схватили и потащили на помост. Его растянули на досках, сорвали одежду, руки привязали к жердям. Под рев толпы двое палачей стали размеренно хлестать его плетями. Третий палач стоял рядом и считал удары. Спина несчастного мгновенно оросилась кровью, а отчаянные его крики были слышны даже в самом дальнем углу площади.

Тем временем судья так же быстро вынес следующий приговор. Арестованного подхватили и потащили к помосту, который возвышался справа от судьи.

Суд в Султанапуре вершился скоро. Зрителям было уготовлено представление на разные вкусы, и скоро на всех помостах закипела работа. Вопли несчастных смешались с криками зрителей, подбадривающих палачей или наказуемых. Знатоки оценивали искусство мастеров плети, заядлые спорщики заключали пари, сколько продержится та или иная жертва, пока не лишится чувств. Потерявших сознание отливали водой, и наказание продолжалось до тех пор, пока каждый не получал назначенного ему количества ударов.

Когда все помосты оказались заняты, судья потребовал себе вина и сластей. Попивая маленькими глотками из серебряного бокала, он терпеливо ожидал, когда освободится место для экзекуции и можно будет продолжить суд.

— А это кто? — спросил он вполголоса у подручного слева, когда к нему подвели Саудана, Бахтара и двоих солдат из отряда киммерийца.

— Это те, которые опрокинули коляску дяди нашего...

— Не продолжай, понятно, читай дальше, — прервал его судья.

— Четыре моряка с судна «Утренняя звезда». Устроили потасовку в таверне «Ильбарский дракон».

— Откуда вы? — обратился к ним судья.

— Мы из Аграпура, — ответил за всех Саудан.

— Моряки, значит, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, проговорил судья — Пиши, — обратился он к писцу: — На пять лет на галеры, гребцами.

Услышав столь суровый приговор за довольно обычное дело, толпа ахнула, на некоторое время даже потеряв интерес к зрелищу, происходившему на помостах.

— Но, уважаемый... — начал было Саудан.

— Молчать, сучий потрох! — На спину капитана обрушился удар плети. — Передать их морской страже!

Скрипя колесами, подъехала повозка, в которой осужденных обычно отвозили в порт, чтобы потом переправить на суда, где им предстояло быть гребцами. Стражники, подталкивая Саудана и его товарищей алебардами, повели их к соскочившему с повозки вооруженному человеку в

форме офицера туранского флота. Несчастные вздрогнули, увидев приближающегося к ним моряка.

— Четыре человека, вот список.— Стражник протянул моряку свиток.

Офицер подал знак спрыгнувшему с козел матросу, и тот загнал осужденных в клетку, стоявшую на повозке, после чего запер дверь на большой железный замок. Толпа с сочувствием смотрела на арестантов, понимая, что выдержат на галерах пять лет удастся не многим, так что судья фактически осудил их на верную смерть. Махнув рукой стражникам, офицер сел рядом с возницей.

— Послушай,— вдруг обратился к нему старший стражник,— что-то я тебя раньше не видел. А почему сам Шарип не приехал?

— Он в море,— отрезал офицер и кивнул вознице: — Поехали!

Стражник почувствовал что-то неладное.

— Стой! — закричал он и, видя, что его призывы повисли в воздухе, обернулся к своим: — Взять их! Измена!

Возница хлестнул лошадей, и повозка стремительно рванулась с места. Несколько стражников бросились к своим коням. Вдруг в дальнем углу площади показался всадник исполинского роста в полном боевом облачении. В ту самую минуту, когда повозка сворачивала на боковую улицу, а стражники, оседлав коней, устремились за ней в погоню, он, в мгновение ока преодолев расстояние до толпы, выставил перед собой копьё и, дав коню шпоры, повернул его прямо на людей.

Толпа в ужасе кинулась в разные стороны, преграждая дорогу стражникам. Возникла страшная давка. Народ, убегающий от всадника, снес возвышение, на котором восседал судья, хотя стражники изо всех сил пытались воспрепятствовать этому.

Крики, визг, ругань, ржание лошадей, свист плетей — все смешалось в невообразимом шуме. Палачи руками и ногами вцепились в помосты, стремясь удержаться на них, но помосты угрожающе шатались: казалось, еще немного, и толпа опрокинет их. Большинство стражников попыталось

пробиться сквозь толпу, а некоторые — более умные — повернули назад.

Галопом облетев площадь, они, однако, наткнулись на исполинского всадника. Это был Конан. Одного из четырех стражников он насквозь проткнул копьём. Оставив копьё в теле стражника, Конан выхватил меч и направил своего коня навстречу трем другим. Преимущество варвара было очевидным: его огромный рост, мощные руки и длинный меч не позволяли противникам даже дотянуться до него, а воспользоваться алебардой, сидя на коне,— задача весьма трудная.

Схватка закончилась быстро: одному из стражников киммериец снес голову и, уклонившись от брошенного в него дротика, ринулся на двух оставшихся. Те дрогнули и обратились в бегство. Варвар не стал их преследовать, а, развернув коня, ринулся вслед за повозкой.

— Скорей! — крикнул он, догнав своих друзей, и спешил.— Сейчас сюда сбежится вся стража Султанапура!

Оставленный Конаном солдат, нетерпеливо поджидавший беглецов, подвел к ним оседланных лошадей.

Конан развернул повозку с клеткой поперек улочки. Упершись в мостовую, он налег на телегу плечом и опрокинул ее вместе с бившими в постромах лошадьми.

— Отличная преграда! — рассмеялся он.— А теперь к Северным воротам, да побыстрее!

Все вскочили на лошадей, и кавалькада помчалась по улочкам Султанапура. Прохожие испуганно жались к стенам.

— Ну что, галерники, живы? — рассмеялся он, подскакав поближе к Саудану.— Вот уж не думал, что Султанапур окажется таким же мерзким городишкой, как Аграпур!

— Да уж, тут крыть нечем,— понурившись, ответил Саудан,— я даже не ожидал, что нас здесь так встретят...

Им повезло. Северные ворота были открыты — стражники пропускали в город стадо овец, гонимое пастухами на продажу.

— Стой, стой! — заорали они, увидев вооруженных всадников, врезавшихся прямо в середину гурта. Овцы шарах-

нулись в стороны, образовав узкий коридорчик, и отряд Конана беспрепятственно проскочил за городские ворота.

Конан обернулся и увидел, что один из стражников схватился за лук.

— Берегись! — закричал киммериец.

Все пригнулись к гривам коней, а варвар, наклонив голову, метнул из-под левой руки нож. Хотя такое случалось с ним не часто, но он все же промахнулся: нож лишь слегка задел плечо целящегося лучника, однако и этого оказалось достаточно, чтобы стрела, пущенная им, просвистела, никого не задев.

— Свобода! — поднявшись на стременах, закричал киммериец.

Его товарищи дружно засмеялись, и отряд помчался дальше на север.

Глава восьмая

Теперь хорошо бы избежать встречи с дозорами, — задумчиво произнес киммериец, когда, некоторое время спустя, они пустили лошадей шагом, давая им отдохнуть. — Они рыскают вокруг города, и их отряды, как правило, весьма многочисленны. Ни стража у ворот, ни тем более городские охранники нам теперь не страшны — не догонят, но на дозор лучше не нарываться.

— Как тебе удалось организовать все это? — спросил Саудан.

— Очень просто, — засмеялся Конан. — Мы перехватили повозку с клеткой, когда она въехала в пустынную улочку. Трупы сбросили в ближайший колодец. Главное, нам надо было быстро переодеться, да так, чтобы этого никто не заметил. Но здесь нам повезло. Однако самым трудным оказалось узнать, когда и по какому пути их повезут на площадь. Спасибо твоему помощнику — это он все разведдал, вот кого тебе благодарить надо.

— Смотрите! — прервал их беседу один из солдат.

Впереди показался небольшой отряд вооруженных людей. Он был еще далеко, так что определить, сколько в нем человек, было невозможно.

— Давайте все сюда, за этот холм! — скомандовал Конан. — Схватка нам сейчас ни к чему.

Отряд свернул с дороги и рысью понесся по изумрудно-зеленому полю, усеянному желтыми и красными тюльпанами. До холма оставалось совсем немного, когда их все же

заметили. Это стало ясно по тому, что отряд растянулся в цепочку и понесся галопом, вздымая клубы пыли.

— Мерзопакостный змей Сет! — выругался варвар. — Придется уходить!

Они пришпорили лошадей, намереваясь побыстрее укрыться за гребнем холма. Обогнув холм, отряд Конана выскочил в небольшую узкую долину. За невысокой грядой синела зеркальная гладь моря.

— Туда! — Варвар указал на ложбину между двумя возвышенностями, и отряд поскакал в том направлении. Конан оглянулся: преследователей не было видно.

«Оторвались», — удовлетворенно подумал киммериец.

Но он ошибался.

— Конан! — крикнул один из его товарищей. — Слева!

Варвар повернул голову и увидел, что с противоположной стороны холма, который они обогнули, показалась еще одна группа всадников.

«Не дураки! — мысленно похвалил своих противников киммериец. — Разбили отряд на две группы и хотят отрезать нам путь на север...»

Когда варвар и его товарищи проскочили ложбину, взорам их открылось бескрайнее море. Совсем близко — всего в нескольких сотнях шагов от берега — стоял корабль.

— «Утренняя звезда»! — закричал Саудан, узнав свою драгоценную посудину.

— А то! — довольно ответил ему варвар. — Не зря же мы полночи просидели с твоим помощником. Толковый моряк, ничего не скажешь!

— Теперь бы успеть унести ноги! — крикнул Бахтар и нещадно пришпорил своего коня.

Но лошади устали от бешеной скачки, бока их лоснились от пота, на губах выступила пена. Преследователи на свежих конях быстро догоняли отряд Конана. Киммериец попридержал своего скакуна и, отстав от товарищей, огляделся. Положение еще не было смертельным. Но и приятным его не назовешь. Основной дозорный отряд находился примерно в пятистах шагах. Он расположился веером, готовясь окружить беглецов. Конан прищурился.

«Так, человек пятнадцать, — прикинул он, — а где вторая группа?» — оглянулся он в другую сторону.

К счастью, его преследователи выполнили маневр не совсем успешно. Та группа, которая должна была отрезать им путь, выскочила на равнину слишком далеко к северу: они, видимо, предполагали, что беглецы пойдут вдоль берега, но никак не напрямик к морю.

«С этими все ясно. — Варвар списал со счета часть отряда, удалившуюся на весьма приличное расстояние. — А вот основные их силы того и гляди окажутся рядом».

Тем временем на «Утренней звезде» обнаружили приближающихся к берегу всадников. Это было заметно по тому, как сразу замельтешили, засуетились фигурки матросов, как оживилось движение на палубе. Немного погодя Конан увидел, что от судна отделились две лодки и направились в их сторону.

Беглецы наконец приблизились к самому берегу, но здесь их подстерегала новая неприятность: берег, как будто срезанный гигантским ножом, был слишком крут и обрывист. Всадники заматались вдоль обрыва, высматривая хоть какое-нибудь мало-мальски пригодное для спуска место.

— Вон там! — Саудан первым увидел узкую тропинку, змеившуюся среди каменных выступов.

Все бросились к тропинке.

— Оставьте коней и спускайтесь к берегу! — закричал варвар. — Я их здесь задержу!

На «Утренней звезде» тоже заметили преследователей. Матросы на лодках, почувствовав, что на берегу не все ладно, удвоили свои усилия. Их весла замелькали быстрее, за кормой взвихрились пенные буруны.

Беглецы, спрыгнув с коней, стали спускаться морю. Конан еще раз огляделся. О Кром, преследователи уже совсем близко! Видны даже оскаленные морды коней и блеск доспехов всадников.

Лошади, брошенные беглецами, толпились между двух больших камней, откуда начиналась тропинка к морю. Маленький табун мог, конечно, задержать преследователей, но

лишь на какие-то мгновения. Надо было срочно что-то предпринимать.

Варвар пришпорил своего скакуна и бросился навстречу преследователям. Прижавшись к шее коня, чтобы не получить ненароком стрелу из лука, он решил встретить неприятеля на его правом фланге, поближе к берегу. Обернувшись назад, он краем глаза увидел, что кто-то из его товарищей уже достиг узкой полоски берега и что лодки почти пересекли пенный прибой и вот-вот окажутся рядом с ними.

«Спасены! — мелькнуло в мозгу киммерийца. — Теперь пора и о себе подумать!» Неожиданный маневр варвара несколько озадачил противников и заставил их чуть придержать коней.

А Конан, когда до ближайшего к нему всадника оставалось не более тридцати шагов, внезапно выпрямился в седле и метнул дротик, который он держал наготове. Свист стрелы мгновенно напомнил ему о том, что противник тоже далеко не новичок в ратном деле. И тут же дротик, пущенный мощной рукой варвара, пробил кирасу несущегося на него врага, и тот опрокинулся на круп лошади.

«Один есть», — удовлетворенно подумал киммериец.

Предводитель отряда, сообразив наконец, что перед ним только один из преследуемых противников, а остальные уже вне пределов его досягаемости, осадил коня и крикнул своим:

— Стой!

Всадники полукольцом окружили варвара, тем самым отрезав ему путь к берегу, и остановились. Несколько человек, натянув тетивы луков, держали Конана под прицелом.

— Сдавайся! — зычно крикнул командир отряда. — Тебе не уйти, сам видишь!

Киммериец понял, что тот решил взять его живым, и усмотрел в этом спасительный для себя шанс.

— Вот тебе, ослиная задница! — Варвар сделал красноречивый жест рукой, не оставлявший собеседнику никаких сомнений в его намерениях.

Конан выигрывал время, стараясь найти хоть какой-нибудь выход из положения. Боковым зрением он видел, что лодки с его товарищами уже отчаливают от берега, тогда как несколько спешившихся преследователей еще только начали спускаться вниз. Впрочем, и они вскоре остановились, понимая, что беглецов уже не настичь.

Мгновенно приняв решение, Конан пришпорил коня и направил его на воина, стоявшего с самого краю. Однако остальные тут же, по команде своего командира, бросились к нему на помощь. Киммериец понял, что шансов пробиться сквозь строй из пятнадцати бойцов у него нет. Свистнули две стрелы, и конь под ним осел. Варвар едва успел высвободить из стремян ноги и спрыгнуть на землю. Времени на размышления не оставалось. Свист очередной стрелы и резкая боль в левом плече напомнили ему, что противник не шутит. Конан стремительно шагнул к обрыву и прыгнул в воду.

«Если здесь мелко — мне конец», — промелькнуло в мозгу киммерийца, пока он со скоростью молнии летел с огромной высоты вниз. Однако перед тем как войти в воду,

Конан успел сгруппироваться. Раздался глухой всплеск. Мгновение спустя набежавшая волна стерла образовавшиеся на месте падения круги. Несколько стрел, пущенных всадниками с обрыва почти наугад, ушли в воду, не причинив варвару вреда.

Киммерийцу повезло — глубина оказалась достаточно большой, но тем не менее он чуть не врезался в пестаное дно. Удар о воду, несмотря на предпринятые им предосторожности, был очень силен, и варвар едва не потерял сознание. Стайка рыб, испуганная его падением, метнулась в стороны, он почти ощутил на своем лице прикосновение их плавников.

Варвар сделал два мощных гребка и поплыл под водой, стремясь отутиться как можно дальше от берега, чтобы стрелы лучников не достигли его, когда он вынырнет, чтобы глотнуть воздуха. Тяжелая кольчуга, наплечники и ножные латы тянули его ко дну. Конан достал кинжал и, торопливо перерезав ремни, сбросил с себя кольчугу. От не-

хватки воздуха в голове бухал чудовищный молот, казалось, она вот-вот лопнет изнутри. Конан стремительно взмыл вверх.

Вынырнув на поверхность, он жадно глотнул воздуха и вновь погрузился в волны.

— Вот он! Давайте, сучьи дети, что же вы спите! — заорал командир.

Но Конан не услышал его возгласа — толща воды поглотила все земные звуки.

Лучники пустили еще несколько стрел туда, где только что была голова варвара, но с таким же успехом они могли стрелять в любое другое место — киммериец был уже вне пределов их досягаемости. Он перерезал ремни на ножных латах и тоже их сбросил, потом сорвал наплечные доспехи. Дикая боль пронзила все его тело, когда он прямо с мясом вырвал из левого плеча наконечник вражеской стрелы. Зато теперь ему стало гораздо легче плыть, хотя плечо нестерпимо болело, и кровавая струйка тянулась за ним, как след за кормой корабля. Берег остался далеко позади, и киммериец вынырнул на поверхность. Он лег на спину, посмотрел, как на обрыве в бессильной ярости мечутся его преследователи, и, преодолевая боль в левом плече, поплыл к «Утренней звезде», покачивавшейся на волнах всего шагах в двухстах от него. На корабле неотрывно следили за тем, что происходило на берегу, и на подмогу киммерийцу уже спешила лодка.

«Вот так, туранские придурки, хрен вам, а не Конан!..» — гребя из последних сил, удовлетворенно подумал варвар.

Его подняли на лодку, когда он уже почти потерял сознание. Еще несколько мгновений, и он бы пошел ко дну.

— Давайте быстрее на корабль! — закричал Саудан.

Это было последнее, что услышал киммериец. Мгновение спустя его сознание затуманилось, перед глазами поплыли огненные круги, и он провалился в черноту.

Часть четвертая ОСТРОВ БОГА ЭТАНА

Глава первая

Дальнейшее плавание проходило спокойно, ничто не тревожило «Утреннюю звезду» и ее команду: ни волнение на море, ни пираты, ни погоня туранских военных кораблей, чего так опасался варвар. Судно приближалось к своей цели. Саудан вел корабль так близко к левому берегу моря Вилайет, что иногда суша была очень хорошо видна: сначала тянулись голые, без единого живого стебелька, солончаковые пустоши, потом пошли степи с высокой густой травой и сбегавшими к морю узенькими речушками. Пару раз капитан останавливал свою посудину, и матросы на лодках подходили к берегу, чтобы пополнить запасы пресной воды или, для разнообразия стола, подстрелить тура или бизона — большие стада этих диких животных бродили по степи, пощипывая молодую траву. В этих местах уже явно ощущалось дыхание севера: воздух был прохладным и свежим, а весна как будто затормозила свой приход, и иногда вместо мелкого моросящего дождика вдруг начинал хлопьями валить мокрый липкий снег. Киммериец потихоньку оправлялся от нанесенной ему туранским лучником раны.

Может быть, стрела была отравленной, а может, что-то еще, но он несколько дней не приходил в сознание, и капитан уже начал думать, что варвар не выживет. Однако железное здоровье Конана победило — рана затянулась, и немного погодя он уже всю муштровал саудановских матросов, обучая их премудростям военного искусства. Народ на «Утренней звезде» был тертым, бывалым, морякам за

свою жизнь не раз приходилось браться за топоры и сабли, но подучить их кое-каким военным премудростям не мешало, тем более что делать им было все равно нечего — корабль плыл себе и плыл, управляемый искусной рукой опытного капитана. Они забрались уже очень далеко на север, даже Саудан ни разу не бывал в этих краях. Правда, он старался проложить курс корабля по старой карте, хранившейся, как реликвия, под стеклом на столе в какой-то хозяина, но неизвестно, насколько можно было верить этому пожелтевшему листу, протертому на сгибах до дыр. Кто знает, когда и кем были нанесены на карту эти острова и мели... К тому же природа наверняка не сберегла чего-нибудь или, наоборот, что-то произвела на новом месте.

Шли они медленно, опасаясь наскочить на подводные камни или сесть на какую-нибудь новоявленную мель. Море в этих местах было густо усеяно небольшими островками, кое-где поросшими невысокими корявыми соснами, что сразу напомнило Конану его суровую родину: на границе с Ванахеймом такие же сосны упрямо карабкались вверх по скалам. Он вспомнил Ледяного Гиганта Имира и его дочь Атали, за которой он пустился в погоню по снежной пустыне.

Да, было времечко! Еле ноги тогда унес, спасибо богам!

Саудан осторожно вел корабль по узким протокам между островками. Временами о борт шуршали льдины, не успевшие растаять после студенной зимы. Большинству матросов «Утренней звезды» не доводилось забираться в эти края, а многие из них вообще никогда в жизни не видели плывущих по воде ледяных островков. До места, куда капитан должен был доставить смертоносный груз, оставалось совсем недалеко, и сейчас надо было быть особенно осторожным, потому как нападение могло произойти с любого из островов, до которых было рукой подать. А в этом лабиринте островов и узкой вязи проходов не спасут никакие паруса.

Минуло еще несколько дней. «Утренняя звезда» прошла скопление островов и вышла на чистую воду.

— Скоро будем на месте. — Саудан поплотнее натянул на голову свою выдавшую виды шапку.

С утра дул резкий холодный ветер, моросил мелкий нудный дождь. Киммериец стоял рядом с капитаном на мостике, разглядывая далекие вершины горной гряды, протянувшейся к западу от них. Копна его густых черных волос, развевавшаяся под порывами ветра, как грива льва, защищала голову не хуже капитанской шапки.

— Хорошо, что кончились эти острова, — сказал варвар, — спокойнее будет. Оттуда каждый миг можно было ждать нападения.

— Да нет, — не согласился капитан, — на островах нет людей. По-моему, только сумасшедший захочет здесь жить. Сам посуди: холодно, мокро... — Он кивнул на гонимые ветром низкие клочковатые облака, временами скрывавшие от взгляда горные вершины.

— У меня на родине тоже холодно, — возразил ему Конан, — и ничего, живем.

— Это конечно, — согласился капитан и положил руль направо: надо было изменить направление, потому что немного изменился ветер.

Паруса на некоторое время опали, потом захлопали и дружно наполнились ветром. «Утренняя звезда» вновь набирала ход.

— Поймал, — удовлетворенно хмыкнул капитан.

И хотя этот маневр он наверняка проделывал за свою жизнь много тысяч раз, однако каждый раз он радовался, если совершал его быстро и ловко.

— Кстати, — продолжал он, указывая рукой вперед, — там дальше должен быть еще один островок, если моя карта не врет. На ней даже указано, — он понизил голос и наклонился поближе к уху киммерийца, — что там закопан какой-то клад.

Предосторожность оказалась явно излишней, потому что на мостике не было никого, кроме них двоих, да и за шумом волн и завыванием ветра вряд ли что-нибудь можно было расслышать.

— Клад? — так же тихо переспросил варвар. — Это весьма заманчиво. Давай, если хочешь, остановимся там на некоторое время.

— Я не против,— согласился Саудан.— Правда, на карте не указано, где именно лежит клад.

— Это не беда, разберемся на месте! — загорелся Конан, которого уже начинала раздражать монотонность плавания.

Некоторое время они молчали. Конан, облокотившись на перила, лениво окидывал взглядом волны и думал о чем-то своем. Саудан внимательно следил за морем и парусами, время от времени немного изменяя курс, а иногда отдавал громкие команды своим матросам, и тогда они взбирались по мачтам и снимали или вновь ставили паруса. «Утренняя звезда» неуклонно приближалась к конечной цели своего путешествия. Остров возник перед ними так неожиданно, как будто вырос из моросящего дождя и пелены низких туч, сливавшихся с волнами. Если бы не белые шапки волн, вдалеке вообще нельзя было бы различить, где кончается вода и начинается небо.

— Похоже, это он,— обратился Саудан к Конану.— Ну что, делаем остановку?

— Как договорились,— оживился киммериец.— Возьму с собой трех-четырёх человек и высажусь на берег. Ты, кстати, не хочешь?

— На кой мне этот берег,— ответил капитан.— Если что найдешь, то, надеюсь, поделим, а ползать по земле или пещерам, клянусь Эрликом, у меня нет никакой охоты. Мы бросим здесь якорь, все равно ночь придется переждать. Берег уже близко, лучше мы подойдем к нему завтра днем.

— Ну и хорошо.— Конан спустился с мостика и направился в трюм, чтобы отобрать несколько человек из желающих сойти на остров.

Он не сомневался, что таких будет много, потому что скука последних дней могла надоесть не только ему. Через некоторое время шестеро человек спустили лодку, и она стала медленно удаляться от корабля, направляясь к безымянному островку и исчезая в пелене дождя, который так и не унимался, хотя моросил не переставая уже вторые сутки.

— Кто-нибудь бывал здесь? — спросил киммериец у своих спутников.

— Нет, командир,— ответил за всех Бахтар, налегая на весло,— так далеко мы не забирались.

Путь от корабля до острова оказался недолгим, и вскоре лодка ткнулась носом в песок, желтой каймой окружающий каменистую, поросшую лишайниками неприветливую землю. Судить о размерах острова было невозможно, потому что берег уходил вперед и справа и слева, теряясь в пелене дождя.

— Вот что,— решил киммериец, прыгивая на мокрый песок,— мы с Бахтаром пойдем по берегу, а вы четверо плывите по морю. Дальше посмотрим. Он здраво рассудил, что с моря береговая линия будет видна получше, и если гребцы заметят что-нибудь интересное, то просигналят ему. Сам же он надеялся найти на берегу какие-нибудь знаки, указывающие путь к сокровищам. А в том, что они есть на этом острове, он почему-то не сомневался. Он сам не мог объяснить себе, почему так думает, но какой-то внутренний голос подсказывал ему, что здесь может быть кое-что интересное.

Они с Бахтаром пошли по берегу моря, направляясь к находящейся невдалеке от них небольшой возвышенности. Песок, на который время от времени накатывались ленивые волны слегка подернутого рябью моря, был влажным и источал запах прелых листьев и морских водорослей. Слева от них стеной стоял невысокий густой кустарник, чуть подальше за ним торчали верхушки деревьев. Все на этом острове было каким-то замшелым и безжизненным, как будто не то что человек, а даже и зверь давно не появлялся в этом забытом богами месте.

Глава вторая

Подножие холма, до которого они добрались довольно быстро, устилала густая зеленая трава, почва под ними чавкала, словно они попали на болото, хотя под ногами не было никакой сырости. У Конана создалось такое впечатление, будто он идет по огромному ковру с очень длинным ворсом, который к тому же положен на груды мягких подушек.

— Смешно! — оглянулся он на Бахтара, с самого начала пути молча следовавшего за ним, но тот как сквозь землю провалился, хотя варвар мог поклясться, что мгновение назад слышал шуршание его шагов. «Охвостье Нергала, куда он делся?» — спросил себя киммериец. — Бахтар! Где ты? — позвал он и вдруг замер как вкопанный.

От того, что он увидел, его бросило в холод. Они прошли по этой мягкой сочной траве буквально несколько шагов, а оказалось, что это зеленое поле простирается до самого горизонта. Холм, правда, оставался на месте, а вот берег моря исчез.

Выругавшись про себя, Конан решительно повернул назад, намереваясь выбраться из этой проклятой травы. Он все шел и шел, а берег так и не приближался, хотя варвар точно знал, что идет в нужном направлении.

— Что же это творится, рога Нергала мне в задницу! — Он остановился, соображая, что же ему делать.

В какую бы сторону он ни повернулся, везде была эта ненавистная зеленая равнина, и только в той стороне, где

возвышался холм, ничего не изменилось. Холм как стоял, так и остался стоять. По его склону кое-где торчали покрытые мхом валуны. Выбора не было — надо идти вперед. «Может, забраться наверх: оттуда наверняка видно получше», — подумал варвар и стал карабкаться по склону холма.

Почти достигнув его вершины, он осмотрелся, но картина оставалась такой же безрадостной: повсюду, насколько хватал глаз, расстилалась бескрайняя зеленая равнина. Киммериец полез дальше. Забравшись наконец на верх холма, он снова огляделся. Увы, так ничего и не изменилось...

Перед ним лежала плоская возвышенность, мало чем отличавшаяся от склона, по которому он только что взбирался: та же трава и те же замшелые камни. Камни были небольшие, где-то в половину человеческого роста, и не мешали обзору.

Однако приглядевшись внимательнее, Конан заметил, что камни, расположенные чуть подальше, имеют более солидные размеры, а потом и вовсе образуют сплошную стену. Возможно, это ему просто показалось, потому что воздух был насыщен влагой и туман сгустился шагах в двухстах от него.

«Делать нечего, надо идти вперед... Все хоть какое-то разнообразие», — решил варвар и осторожно двинулся в путь, на всякий случай сжимая в руке рукоятку меча, чтобы при малейшей опасности мгновенно выхватить его.

В самом деле, глаза его не обманули: пройдя шагов двести, он уткнулся в высокую, примерно в три его роста, каменную стену, до бесконечности тянувшуюся в обе стороны. Киммериец прошел немного вдоль стены, чтобы найти хотя бы некое подобие двери, но ничего не обнаружил.

«Пожалуй, так я могу ходить, как баран, довольно долго. Лучше попытаюсь взобраться наверх», — заключил он.

Камни, образующие стену, были старыми, неровными, со множеством трещин и сколов. В далекой Киммерии умением лазать по скалам обладал каждый — оно пере-

давалось им по крови, так что варвар долго не раздумывал: он поправил перевязь с мечом и, выбрав наиболее пригодное для подъема место, стал карабкаться вверх по стене.

Он отыскивал глазами трещины в камне и цеплялся за их края своими железными пальцами, как клещами, потом нащупывал опору для ног и подтягивался наверх, потом опять находил новую трещину для рук... Довольно скоро его голова сравнялась с краем стены. Немного подтянувшись на руках, он осторожно заглянул за стену.

То, что увидел варвар, весьма его удивило. Стена образовывала большой круг, в центре которого стояло здание, сложенное из таких же камней. Дверей и окон в здании, по-видимому, не было.

Конан снова опустился на руках и оглядел стену — она по-прежнему расходилась в обе стороны, и не было ей ни конца и ни края. Варвар недоуменно покрутил головой и во второй раз заглянул внутрь: стена образовывала ровный круг, где-то шагов сто в поперечнике. «Что тут думать? — плюнул с досады киммериец — Опять в какую-то магию вляпался, как пить дать!»

Он перевалился через край стены и спрыгнул вниз, на выложенный плоскими плитами двор. И тотчас же он услышал шум ветра, шелест листвы, отдаленное пение птиц... Киммериец вдруг осознал, что, пока он шел по зеленой равнине и по вершине холма, его окутывала полная тишина.

Варвар тряхнул головой, как бы отгоняя от себя наваждение, и направился к стоявшему в центре двора зданию. Он обошел его вокруг, старательно отыскивая вход, и ему повезло: он увидел дверь, сколоченную из старых, прогнивших досок, криво висевшую на одной петле.

— Ну, Податель Жизни, если можешь меня уберечь — сделай это, — произнес киммериец, берясь за позеленевшую медную ручку.

Хлопанье крыльев большой птицы, совсем рядом с ним, заставило его пригнуть голову. Варвар взглянул наверх —

ничего, оглянулся назад — шагах в десяти от него стоял Бахтар.

— Как ты сюда попал? — изумленно спросил киммериец.

Бахтар ничего не ответил и продолжал глядеть на него, тупо улыбаясь. Конан почувствовал неладное. Он пригляделся к своему товарищу повнимательнее. Тот был какой-то странный, как будто не от мира сего: стоял, замерев как статуя, и смотрел, оскалившись, на варвара.

Конан сделал два шага ему навстречу. Бахтар вдруг взревел, как медведь, выхватил из ножен меч и бросился на киммерийца. Однако варвар с быстротой змеи ускользнул в сторону.

Если бы он чуть промедлил, клинок Бахтара вонзился бы ему в живот. Бахтар развернулся и снова устремился на варвара. Конан выхватил свой меч, сталь ударила о сталь. Отбивая выпады своего товарища, киммериец нечаянно заметил, что тот как бы сливается с фоном стены здания, а контуры края его фигуры подернуты легкой дымкой.

— Бахтар! — в последней надежде вскричал варвар.

Бахтар молчал, и взгляд его совсем не походил на человеческий. «Все понятно, — догадался Конан, — это призрак. Бедолага подвергся чародейским штучкам!»

Киммериец с удвоенной энергией заработал мечом, и вскоре его удар настиг Бахтара. Клинок вошел в тело, как в вату, киммериец рассек его донизу и выдернул оружие на себя. Его товарищ развалился на две части, но из страшной раны не вытекло ни единой капли крови.

Конан стоял, опершись на меч, и смотрел, как обе половинки тела съеживались, становясь все меньше и меньше, пока не превратились в два шара, каждый величиной с арбуз. Несколько мгновений шары покачивались, излучая легкое сияние, а потом вдруг вспыхнули ярким огнем, и перед варваром возникли два Бахтара, только рост их был гораздо меньше человеческого. Оскалив зубы, они бросились на киммерийца.

— Ну, шакалы задницы! — Конан, потрясая мечом, стремительно рванулся им навстречу.

Мощным взмахом меча он снес голову первому из созданий, но вот со вторым ему пришлось повозиться чуть подольше. Однако исход дела был предрешен: киммериец, помимо всего прочего, был почти в два раза крупнее своего противника. «Чем-то они похожи на мерзких тварей Лиаренуса», — подумал вдруг Конан, вспомнив созданных колдовством заморанского мага мускулистых чело-вечков, с которыми ему как-то пришлось сразиться в Шадизаре.

Воссоздание Бахтаров повторилось, но киммериец, обрет-ший полную уверенность в победе, молниеносно изрубил в куски четверых Бахтаров размером с овцу. Вновь образо-вавшиеся маленькие человечки не смогли оказать ему ни-какого сопротивления.

Они падали, превращались в шары, снова обретали человеческий облик... И с каждым разом все мельчали, мельчали, мельчали... Когда штук тридцать маленьких Бахтаров величиной с курицу окружили его и, улыбаясь идиотской улыбкой, стали размахивать мечами размером с ножичек для очинки карандашей, варвар не выдержал и расхохотался. Он просто-напросто затоптал их ногами, затоптал, наверное, так же легко, как слон затаптывает стадо черепах.

Остатки того, что раньше так походило на Бахтара, съе-жились, изошли легким дымком и исчезли, как будто ни-чего этого и не было. «Это была хорошая мысль — затоп-тать их», — похвалил себя киммериец, отирая со лба пот, выступивший от напряженной работы.

Стоя перед старой дверью, державшейся на ржавой пет-ле, Конан глубоко задумался. Выбора у него не было. За стеной — бескрайняя зеленая равнина, по которой, судя по всему, можно проплутать всю оставшуюся жизнь. Значит, надо идти в это проклятое здание. Он решительно взялся за ручку двери. Дверь поддалась.

Птица вновь зашлепала крыльями, и варвару почуди-лось, что тень ее на мгновение затмила свет, когда он, при-гнув голову, осторожно проник в узкий проход. Хотя в здании не было окон, внутри оказалось светло. Откуда ис-

ходил свет, Конан не видел: казалось, это от самих стен исходит неяркое, но ровное красноватое свечение. Варвар закрыл за собой дверь, и тотчас же в нее снаружи что-то ударило, издав чавкающий звук, как будто кто-то с силой бросил в дверь кусок сырого мяса. Киммериец кинул бы-стрый взгляд через плечо и, не заметив ничего особенного, прошел немного вперед и огляделся.

— Хвост Нергала! — не смог он удержаться от изумлен-ного восклицания.

Действительно, здесь было чем восхититься! Вдоль всех стен шла широкая, с ладонь, полоса, густо усыпанная дра-гоценными камнями, сверкающими всеми цветами радуги. Столько самоцветов сразу киммериец видел впервые в жиз-ни. Голубые сапфиры, кроваво-красные гранаты, зеленые изумруды всевозможных оттенков — от сочного, как весен-няя трава, до благородного, как хвоя, алые рубины, алмазы, искрящиеся холодным стальным блеском, фиолетовые аме-тисты... От этой сказочной красоты просто глаза разбега-лись...

Конан наклонился, чтобы рассмотреть камни получше. Они были неограниченными, над ними еще предстояло пора-ботать руке ювелира, но и сейчас они потрясали своей чис-лотой и блеском.

— Карта не соврала, — сказал варвар, выпрямляясь. — Но неужели я первый, кто нашел сюда дорогу?

От этой мысли киммериец похолодел. Он оглянулся, но ничего, кроме ровной, сложенной из камней стены, за его спиной не было. Дверь исчезла... Куда же идти даль-ше?

Конан сделал несколько шагов вперед и увидел в полу медное кольцо, прикрепленное, по всей видимости, к крыш-ке люка. Он подошел ближе, наклонился, смел рукой пыль и мелкие камешки и действительно обнаружил отверстие, прикрытое деревянным щитом. Варвар потянул на себя кольцо, крышка поддалась, и открылся ход, ведущий куда-то вниз. Крутые ступени, сложенные из того же камня, что и все вокруг, резко уходили вправо и исчезали за поворо-том.

— Вперед! Храни меня, Солнцеликий! — подбодрил себя Конан, и стал медленно спускаться, придерживаясь рукой за потолок туннеля.

Примерно через два десятка ступенек ход повернул направо, лестница кончилась, перейдя в длинный неширокий коридор, в конце которого виднелся вход в подземелье. Свет, озарявший туннель, казалось, не имел источника — он исходил отовсюду и не давал теней ни от камней под ногами, ни от неровностей стен.

Киммериец еще раз поймал себя на мысли, что здесь светится все, даже, может быть, и он сам... Ровное неяркое сияние обволакивало его, как прозрачная вода, насквозь пронизанная солнечными лучами. Пройдя коридор, варвар, нагнув голову, чтобы не ушибить ее о притолоку, вошел в высокий просторный зал. Первое, что бросилось ему в глаза — каменное изваяние величиной в половину человеческого роста, установленное на возвышении, устроенном посреди подземелья.

Конан приблизился, чтобы получше его рассмотреть. Если бы не трудность положения, в котором очутился киммериец, едва ли бы у него хватило сил удержаться от смеха.

Скульптура изображала сидящего на корточках маленького тщедушного человечка с огромной уродливой головой и большими оттопыренными ушами. Этот каменный божок наверняка бы опрокинулся вперед, если бы не опирался на солидные, сделавшие бы честь и слону, принадлежности мужского пола, которые, как третья нога, удерживали его в равновесии.

— Ничего себе! — хмыкнул киммериец, почесывая щеку и уважительно глядя на божка. — Экое счастье тебе привалило, клянусь бородой Крома!

— Да, привалило. Завидуешь небось? — скрипучим голосом проговорило божество; его каменные веки поднялись, и на варвара уставились два нефритовых глаза.

Происшедшее не очень испугало Конана — он был далеко не робкого десятка, однако внутри ощутил неприятный холодок — скорее от неожиданности, чем от страха.

— Нет, — ответил Конан, не отрывая взгляда от неподвижных глаз божка, — я не завистлив. Что есть у меня, то мое, а что у тебя — твое. Такая судьба.

— Верно говоришь, козявка, — согласно проскрипела статуя. — Тогда, если ты всем доволен, зачем разбудил меня?

— Я здесь оказался случайно и даже не предполагал, что попаду к тебе, — попытался разъяснить ему ситуацию киммериец.

— Ха, ха, ха... — Истукан залился смехом, подобным грому, раскаты которого гулко отдавались в каменных стенах подземелья. — Сюда случайно не попадают, и ты об этом прекрасно знаешь.

Божок снова захохотал; тело его так тряслось от смеха, что варвар даже испугался, как бы он, несмотря на три точки опоры, не свалился с пьедестала.

— Может быть, ты хочешь узнать, где чаша Гуйюка? — Истукан наклонился к киммерийцу, устремив свой неподвижный взгляд куда-то вдаль. — Ты хоть и разбудил меня, но и повеселил, и я, так и быть, открою тебе эту тайну. Чаша Гуйюка находится далеко на севере, в тундре, в пещере Красной горы.

— Да на кой она мне? — изумленно пожал плечами варвар. — Я даже не знаю, что это такое.

— Не знаешь? — удивился божок и затряс ушами. — Ничтожный, если ты не знаешь об этом, тогда что тебе от меня надо?

— Я хочу выбраться отсюда! — брякнул Конан первое, что пришло ему в голову.

— Иди! — Божок указал куда-то себе за спину. Конан посмотрел вперед и увидел дверь в стене подземелья. — Иди же, козявка, — удовлетворенно повторил истукан. — Сегодня я прощаю тебя, но если разбудишь меня еще раз, тебе несдобровать.

— Прости, — киммерийцу по-прежнему не давал покоя один вопрос, — неужели я первый, кто побеспокоил тебя?

— Иди, там увидишь. — Божок сонно опустил веки и застыл.

Конан подошел к двери и отворил ее. Глазам его предстало пасмурное небо и большая каменистая площадка. Он сделал шаг вперед и вдруг застыл на месте — вся площадка была усыпана человеческими костями: и отполированными до белизны, и коричневато-желтыми, совсем старыми, лежавшими, видимо, здесь давным-давно, и почти черными, от малейшего прикосновения готовыми рассыпаться в труху.

Глава третья

Внезапно над головой Конана возник знакомый звук, напоминавший шум орлиных крыльев. Он поднял голову. Прямо на него, выпустив вперед скрюченные когтистые лапы и раскрыв жадный клюв, падала огромная, размером с быка, хищная птица, похожая на гигантских размеров грифа. Из ее разверзтой пасти капала зловонная слюна, черный раздвоенный язык извивался, как две змеиные головы.

«Митра, спаситель! Вот отчего здесь столько костей! Да, я далеко не первый...» — промелькнуло в голове варвара. Он отпрыгнул к стене дома и выхватил меч, намереваясь, если придется, дорого продать свою жизнь.

Чудовищная птица сделала круг над площадкой и, приземлившись в десятке шагов от него, нетерпеливо переступала упругими когтистыми лапами прямо по человеческим костям. Время от времени монстр поводил головой из стороны в сторону, и тогда клочки перьев на его голой жилистой шее вздымались, образуя подобие воротника. Темные глаза, наполовину прикрытые полупрозрачной пленкой, зорко присматривали за добычей.

Конан, прислонившись к стене, ждал, что будет дальше, внимательно следя за действиями гигантского грифа. Дождь продолжал моросить, перья монстра блестели, как отполированный камень. Выждав некоторое, тварь двинулась к киммерийцу. Ее гигантские крылья раскрылись, как огромные ладони, и охватили все пространство вокруг варва-

ра. «Как в капкане, — подумал он. — Ну ладно, сейчас посмотрим, на что ты способна, пташечка!»

Птица сделала еще несколько шагов, и тут, совсем неожиданно для нее, киммериец резко бросился вперед. Он сделал три прыжка и, упав на спину, рубанул мечом по опускающемуся на него клюву чудовища. Маневр удался. Надо было обладать силой и ловкостью варвара, чтобы суметь одним махом наполовину укоротить жуткий костистый клюв птицы. Раздался громкий, словно шум водопада, клет, и монстр взмыл вверх, мотая головой и поливая все вокруг зловонной слюной. Конан вскочил на ноги.

— Ну что, сучий потрох, не любишь? — ликующе закричал он.

Монстр снова бросился на него, но варвар уже приготовился отразить удар.

Он, как змея, выскользнул из-под накрывавших его лап и, точным движением нанес удар мечом по туловищу твари, выскочил позади нее. Меч отскочил от оперения, как от железной кольчуги, выбив сноп искр. Чудовище, потеряв человека из виду, перебирало лапами, похожими на корни огромного дерева. Киммериец стремительно перемещался позади него, стараясь не попасться ему на глаза, однако маневр ему не удался. Монстр заметил его и, взмахнув крыльями, резко повернулся и ткнул варвара клювом.

Он не мог схватить его, поскольку клюв был наполовину обрублен, но мощный удар все же сбил Конана с ног, и он отлетел на несколько шагов в сторону. Птица крутила шеей, выбирая место для следующего удара, и это спасло Конана. Он метнул кинжал, и тот, просвистев в воздухе как стрела, воткнулся в глаз монстра, выбив фонтан бурой жидкости. Чудовище дернуло шеей, намереваясь попасть в киммерийца, но с одним глазом ему это не удалось. Покалеченный клюв ткнулся в землю рядом.

Варвар, собрав все свои силы, нанес двумя руками удар мечом в самое основание шеи монстра, туда, где стальное оперение не закрывало голую кожу. Из раны хлынула темная масса, чуть не сбившая варвара с ног. Он отскочил в сторону — и вовремя: гигантская тварь билась в судорогах,

ее свернувшаяся набок голова описывала круги по земле, сметая клювом кости и мелкие камни. Огромные крылья, словно плуги, вспахивали землю вокруг. Конан отбежал еще дальше от бьющейся в агонии твари, чтобы не оказаться ненароком задетым.

— Благодарю тебя, Митра Животворящий! — Грудь варвара вздымалась как кузнечные мехи — схватка выдалась нелегкой.

Вдруг он почувствовал боль во всем теле и обнаружил, что из многочисленных царапин и порезов, оставленных клювом и острыми перьями чудовища, обильно сочится кровь. В пылу битвы он не заметил ран, но сейчас они дали знать о себе. Моросящий дождь смывал кровь, но она проступала снова, оставляя на теле варвара багровые потеки.

Конан бросил взгляд на издыхающее чудовище. Оно дернуло еще пару раз крыльями и затихло.

И тут же и чудовище, и стена, из которой киммериец совсем недавно вышел, и поляна, усеянная костями, — все вдруг стало стремительно сжиматься, как бы отъезжая вдаль, и через несколько мгновений киммериец стоял на покрытой редким кустарником плоской вершине длинного холма, протянувшегося через весь остров, на самом деле оказавшийся не таким уж большим.

На море, недалеко от берега, дрейфовала оставленная им лодка, и два гребца что-то весело горланили ему во всю глотку.

— Конан! — услышал он возглас и посмотрел вниз, на подножие холма. Шагах в пятидесяти от него стоял Бахтар и махал ему рукой. — Где ты был? — кричал он. — Скрылся в тумане — и ни слуху ни духу. Мы уж думали, опять пропал.

— Я иду к тебе! — Варвар бегом спустился с холма.

— Где это ты так? — встревожился Бахтар, указывая на многочисленные порезы на теле киммерийца.

— Наверное, пока продирался сквозь кустарник, — мрачно ответил Конан. — Ладно, пошли к лодке, пора возвращаться на корабль.

Они вернулись на «Утреннюю звезду». Варвар никому не рассказал о происшествии, случившемся с ним на острове, рассудив, что не стоит давать людям повод для лиш-

них искушений! Ведь не всем по силам преодолеть то, что выпало ему, а охотников повторить путь к сокровищам может найтись немало.

— Врет твоя карта,— сообщил он Саудану,— островок маленький, и никаких признаков, что там когда-то были люди.

— Но клады оставляют не только люди,— осторожно возразил капитан.

— А вот от этого надо держаться подальше,— отрезал варвар,— волшба — это не для меня.

Часть пятая В ГОРАХ СТРАНЫ АМАЗОНОК

Глава первая

Когда Акила со своим караваном приблизилась к подножию гор, обнимающих северный берег моря Вилайет, весна еще только вступала в свои права.

Было промозглое, дождливое утро, солнце почти не выглядывало из-за мохнатых серых облаков, быстро несущихся по небу совсем низко над землей. Вершины гор почти сплошь были укутаны этим серым бесконечным покровом.

— Здесь надо двигаться осторожнее,— предупредила ее Паина,— твоя сестричка могла выставить дозоры.

— Сама знаю! — сурово отозвалась Акила.— Поедешь вперед и посмотришь, все ли там спокойно, а мы пока встанем здесь лагерем.

— Можно, я поеду с ней? — спросила Гермия.

— Ну что ж, я не против, если вам вдвоем будет веселее. Но смотрите, не напоритесь на дозор. Сама знаешь, что с тобой сделают,— напомнила она, обернувшись к Паине.

— Не беспокойся,— усмехнулась та,— не первый день живу на свете.

Подстегнув плетками коней, женщины ускакали вперед по узкой тропинке, огибающей низкие отроги.

— Стой! — скомандовала Акила караванщикам.— Привал. Подождем здесь до завтра.

Лагерь разбили на защищенной от ветра поляне. Мулы и лошади охотно принялись щипать молодую травку, как будто поспешившую вылезти из земли к их приезду, кара-

ванщики развели костер и поставили палатки, чтобы укрыться от дождя, а Акила, взяв лук, отправилась на охоту. Она знала, что здесь должны в изобилии водиться горные козы, по мясу которых она соскучилась за время странствий вдали от родной земли.

Акила легко перепрыгивала с камня на камень, пробираясь к видневшимся вдали зарослям кустов, где, как она знала, любили лакомиться молодыми веточками эти чуткие животные.

Когда до кустарника осталось шагов сто — сто пятьдесят, она двинулась крадучись, прячась за камни, чтобы не спугнуть дичь. Она увидела шевелящиеся ветки и почти сразу разглядела небольшое стадо коз, неторопливо бредущее среди редких кустов, рядами поднимавшихся по склону холма. До стада было еще далеко для уверенного выстрела, и она подобралась поближе. Наконец, выбрав свою цель — коза стояла боком и методично срывала с куста приглянувшиеся ей листья, — Акила наложила стрелу и, натянув тетиву, спустила ее. Стрела попала в цель, но не очень удачно, в заднюю ногу. Коза издала жалобно «ме-е-е», и все стадо помчалось вдаль по склону холма.

Акила огорченно вздохнула. Однако она знала, что козы далеко не уйдут, поэтому пошла вслед за стадом. Охотница шла упругим быстрым шагом, обходя большие камни или перепрыгивая с одного на другой. Близость родных мест, сам воздух этих гор несказанно ее радовал, и даже пасмурная погода не могла испортить приподнятого настроения.

Она была права — стадо отбежало шагов на триста, не более, и вот уже видно несколько коз среди зарослей. Акила вновь стала неслышно подбираться к ним. Коза, которую она ранила, слегка припадала на заднюю ногу: видимо, стрела все-таки серьезно задела ее.

Она опять оказалась ближе всего к Акиле. Охотница подкралась поближе к стаду и выстрелила.

На этот раз стрела вонзилась точно в цель, животное дернулось, будто пыталось прыгнуть, а затем упало и покапало вниз по склону холма.

Остальные козы, испуганные падением своей товарки, стремглав помчались прочь.

«Одной хватит», — решила королева.

Она прошла шагов пятьдесят, направляясь к тому месту, куда, как она заметила, скатилась коза, и обогнула край холма. Блеснула гладь воды, и Акила поняла, что море совсем рядом. Амазонка сделала еще несколько шагов, и то, что она увидела, заставило ее стремительно броситься на землю.

Акила осторожно подползла к большому камню и выглянула из-за него. Ей не померещилось. Корабль! Совсем недалеко от берега покачивалось на волнах большое двухмачтовое судно, точь-в-точь как те, на которых обычно путешествуют туранские купцы. Если приглядеться, можно заметить расхаживающих по палубе людей и мерные взмахи больших весел.

Корабль явно шел к берегу, но предполагаемая стоянка была скрыта от глаз Акилы изгибом берега. Маловероятно, что царю могут заметить с корабля, и все-таки осторожность не помеха. Акила внимательно осмотрелась, запомнив, где искать убитую козу. Она решила выяснить, что здесь понадобилось этим туранцам.

Насколько она знала, в этих местах не было ни караванных троп, ни больших городов; не было и людей, кроме ее племени. Женщины-воительницы, которых остальные народы называли амазонками, считали эти земли своими. Время от времени сюда забредали гирканские кочевники, тогда между ними и амазонками случались боевые столкновения. По-разному бывало. Иногда расходились мирно, постреляв издали друг в друга из луков, в лучшие времена снисходили до разговоров и, случалось, даже до обмена товарами.

Однако это происходило редко.

У амазонок было все необходимое для жизни, и они не стремились к общению с этими двуногими животными — мужчинами. Однако кое-чего им все же не хватало — железа. Мечи, стальные наконечники копий и стрел, топоры — все это приходилось покупать в других странах. Поэ-

тому время от времени снаряжались караваны к побережью, бывало, что посланцы женщин-воительниц доходили до самого Султанапура и договаривались с тамошними купцами, иногда, огибая горы с севера, они шли в Меру или Дамаст, но так или иначе, если в этих водах появлялся корабль, можно было с уверенностью сказать, что он везет оружие или железные полосы.

Акила, стараясь держаться кустарника или каменных осыпей, чтобы не заметили с корабля, довольно долго бежала по склонам холмов, но соревноваться в скорости с парусно-весельным судном ей было не под силу. Купец уходил все дальше и дальше на север.

Она совсем отчаялась узнать, куда он идет, как вдруг ей показалось, что отрыв стал сокращаться. Так и есть, судно остановилось, и она увидела, как на его скуле блеснула якорная цепь.

— Спасибо тебе, Митра Животворящий! — прошептала Акила. — Легли в дрейф...

Она решила возвратиться к биваку, тем более что уже смеркалось. Бросив последний взгляд на судно, одиноко маячившее на бесконечной глади моря, она побежала обратно.

Ей повезло. Ни лисы, ни шакалы еще не успели добраться до убитой ею козы, так что охота не была напрасной. Акила взвалила неостывшую тушу на плечи и, легко ступая по земле и больше ни от кого не таясь, побежала к лагерю.

— Где ты была? Мы уже забеспокоились! — встретили ее Паина и Гермия, которые, очевидно, уже давно вернулись в лагерь.

Акила сбросила козу и кивнула караванщикам.

— Приготовьте к ужину! А что у вас? — обратилась она к подругам, хватаясь за кувшин с вином (целый день во рту — ни капли). — Новости есть?

— Послушай, королева, — взяв ее под руку и отведя в сторону, начала Паина, — мы видели отряд: две дюжины всадниц и очень много порожних вьючных лошадей. Очень похоже, что...

— ...Что пришел корабль с оружием, — договорила за нее Акила.

— Да, я только что видела его в море. А ты не догадываешься, кому привезли это оружие?

— Если не нам, значит, его заказала Бризейс, — с легкой обидой в голосе ответила Паина. — Надо быть круглой душой, чтобы не догадаться.

— Правильно. — Акила примирительно погладила ее по плечу. — Хотелось бы знать, когда они начнут разгрузку.

— Мы видели отряд вот здесь. — Паина выбрала ровный клочок земли и клинком принялась чертить на песке подобие карты.

— И это было далеко за полдень. Наверное, завтра к вечеру они доберутся до корабля.

— Значит, завтра или послезавтра они получают оружие. Их человек двадцать... — задумчиво сказала Акила.

— Напасть на караван? Это самоубийство...

— Помолчи! — буркнула королева амазонок. — Дай подумать...

— Ты хочешь захватить судно? — догадалась ее подруга.

— Угу, — усмехнулась Акила. — Ночью можно перебить охрану, если ее выставят, а остальных запереть в трюме.

— Ничего у вас не выйдет, — проговорила молчавшая до этого момента Гермия.

— Это почему же? — с вызовом произнесла королева.

— На этом корабле плывет Конан, — усмехнулась Гермия.

— Конан?! — в один голос воскликнули Паина и Акила. — Откуда ты знаешь?

— Я видела в Султанапуре, как он садился на этот корабль.

— Почему ты знаешь, что... — начала Акила, но тут в ее мозгу сверкнула догадка. — Уж не тот ли это мужчина, с кем ты не прочь встретиться еще раз?

— Может быть, и он, — вызывающе ухмыльнулась Гермия, — но не в этом дело.

Паина переводила взгляд с одной женщины на другую — их глаза пылали, и казалось, они готовы растерзать друг друга. Она встала между ними, раскинув руки.

— Да, ты права, — тяжело дыша, медленно проговорила Акила. — Дело не в этом. Ты точно знаешь, что это тот самый корабль?

— Ничуть не сомневаюсь, — отрезала Гермия и, круто повернувшись, направилась к костру, где караванщики уже поворачивали над огнем освежавшую добычу Акилы.

Глава вторая

Мне донесли, что сестричка направляется сюда, дабы отнять у меня трон! — Бризейс, вертя в руках царский посох, прохаживалась перед сидящими на длинных лавках командирами отрядов — воетельницами с суровыми, но не лишенными красоты лицами, со следами былых сражений на мускулистых телах. Они одновременно поворачивали головы и смотрели в спину королеве, пока она шла в дальний угол зала, потом — в лицо, когда она приближалась, и опять поворачивали головы.

Даже среди этих богатырш Бризейс выделялась статью и ростом.

— Так вот, — продолжала королева, — через несколько дней придет корабль. Я уже послала к берегу караван, потом надо будет раздать оружие. Надеюсь, все вы будете верны мне, и никто не перейдет на сторону Акилы. Или я ошибаюсь?

Она сверлила их взглядом, не сулившим ничего доброго отступникам. Командиры выдержали свирепый взор своей повелительницы. Здесь, в суровом краю, междоусобицы были не в чести, и верность правительнице почиталась за благо. Правда, Бризейс сама организовала свержение родной сестры — законной королевы, но тем не менее амазонки служили, не щадя ни сил, ни жизни, той властительнице, которая сидела на троне в данный момент. Далеко не все были довольны ее правлением, иные глухо роптали, но открыто высказываться против не решался никто.

— Девочек этого года придется выпустить раньше, чем пройдет срок их совершенствования. Этим займешься ты, Кунильда.— Королева ткнула посохом в сидящую с края женщину.

— Но, светлейшая,— опешила та,— наши обычаи...

— Сейчас не время думать об этом! — перебила Бризейс, гневно стукнув посохом о каменный пол — с такой силой, что брызнули искры.

— Мне нужно сильное войско, и сорок бойцов лишними не будут.

Командиры опустили глаза, чтобы не встречаться взглядом с разгневанной королевой. Вряд ли большинству из них нравилось, что она идет наперекор древним обычаям племени. Девочек, достигших пятнадцатилетнего возраста, отправляли на северные холмы — обширные пустоши, покрытые вереском и густыми зарослями кустов. Там в изобилии водилась дичь, но хватало и хищного зверья. Девочек оставляли одних. У каждой были праща и нож, и ничего больше. Осенью забирали выживших... но ведь сейчас еще весна! Девушки должны провести на холмах еще полгода — самые, может быть, главные полгода, решающий период воспитания, который позволит им войти в общество взрослых полноправными воительницами. Командиры угрюмо молчали, но никто не проронил ни звука.

— Вот так-то лучше,— удовлетворенно процедила Бризейс.— А теперь расходитесь по своим отрядам и ждите приказов. Хемилья и Оримби, задержитесь.

Женщины встали и направились к выходу. Проходя мимо королевы, каждая склоняла голову — прощалась.

— Я вижу, у нас появились недовольные,— сообщила Бризейс двум оставшимся в зале женщинам.— Поэтому кое-кого придется проучить, чтобы остальным было неповадно. Кунильду сегодня ночью приведете в подземелье, я с ней поговорю.

Хемилья и Оримби пользовались особым доверием королевы, первая командовала ее личной гвардией, а второй подчинялись все шпионы, которыми Бризейс наводнила страну за время своего правления.

Обе женщины были преданы ей, как собаки своему хозяину, и готовы разорвать в клочья любую, кто осмелился идти против повелительницы.

— Мы ее отучим возражать,— с кривой усмешкой сказала Хемилья и любовно потрогала висевшую на поясе короткую толстую плеть.

— Ступайте,— отпустила их Бризейс и, оставшись одна, присела на скамью.

Открылась потайная дверца в стене, и в зал вошла старуха с морщинистым, как сушеная смоква, лицом. Седые волосы были собраны на затылке в пучок, придавая голове еще большее сходство с этим фруктом. Тело было сухоощавым и жилистым, оно еще сохраняло признаки былой силы.

— Что слышно, Питфея? — спросила королева, указывая на скамью рядом с собой.

Старуха по привычке огляделась по сторонам и, склонившись к уху королевы, зашептала:

— В третьем отряде несколько молодых высказывались против тебя и вспоминали твою сестру.

— Имена?

— Вот,— старуха вытащила из рукава рубахи свиток.

— Хорошо, давай дальше,— потребовала королева.

— Оримби...

— Оримби?! — воскликнула королева, вздрогнув от неожиданности.

— Да, моя повелительница,— продолжала старуха,— Оримби. Она вчера тайно встречалась с командиром пятого отряда Рунитой, той самой, что дружила с Акилой. Мы за ней следим, но пока не узнали ничего предосудительного. Однако зачем ей, спрашивается, встречаться с Оримби?

— Хорошо, я это запомню, а ты следи за ними, и в случае чего немедленно доноси.

Когда старуха ушла, Бризейс еще долго сидела в одиночестве и размышляла.

«Не доверяй никому, иначе кто-то обязательно предаст,— говорила она себе.— Даже Оримби! Мои глаза и уши...— Холодок пробежал по телу королевы.— Неужели и она против меня? Надо хорошенько следить за ней... А может,

просто заманить в подвал и пытаться, пытаться, пытаться...— Она в ярости сжала кулаки.— ...Пока не скажет правду? Ладно, с этим можно немного обождать. Акила еще далеко, время пока есть».

Вроде бы все в государстве было спокойно, но тем не менее шпионы ежедневно доносили повелительнице о крамольных речах ее подданных. Бризейс до поры до времени не проявляла своей осведомленности, не хотела настраивать против себя народ, только сосредоточенно внимала всему, о чем докладывали соглядатаи, и заносила имена в особый секретный свиток. У нее был план: всех, кто окажется в этом списке, собрать в один отряд и перед появлением сестры отослать подальше, на границу с Меру. Когда же голова Акилы украсит собою длинный заостренный шест, королева призовет ненадежное войско обратно, и никто даже не пикнет, когда она будет решать, какой смерти они достойны.

* * *

— Я считаю, тебе надо проникнуть на борт и поговорить с Конаном,— сверкнув глазами, сказала Паина.— Ведь раньше вы с ним прекрасно находили общий язык.

— Заткнись! — вспыхнула Акила.— Опять забываешься! Сама знаю, что делать.

Королева хмурила лоб и, сжав кулаки, большими шагами мерила поляну. Она сама оттолкнула киммерийца, и теперь гордость запрещала идти к нему с просьбой. Гордость женщины и гордость королевы! Но она так же хорошо понимала, что мерзавка Гермия права — Конана им не одолеть, даже если они нападут втроем, а уж победить целый отряд и вовсе нереально.

— Что тут такого — обратиться к нему с просьбой? — дерзко продолжала Паина.— Он же любит тебя и сделает все, что захочешь.

— Почему ты знаешь? — ехидно спросила Гермия.

— Обе заткнитесь! — закричала Акила, прижав ладони к ушам.— Я сказала, заткнитесь! Трепещите, как сороки...

Караванчики, улегшиеся спать на дальнем краю поляны, за гаснущим костром, недовольно забормотали.

— Тихо! — прикрикнула на женщин Акила, будто это они подняли шум.— Паина, лучше подбрось веток в костер!

Паина, бурча под нос, подчинилась, и вскоре над костром вновь залясали языки пламени, выхватывая из темноты темноты взволнованные женские лица.

«Боги, помогите мне принять решение!» — молила королева. В ней боролись чувство долга и боязнь унизиться перед киммерийцем, которому в Стигии она прямо сказала, что рядом с ней нет места мужчине.

«Нет, этого я понять не могу!» — мрачно размышляла Паина.— Разве можно отдавать мужчине сердце, чтобы потом терпеть такие страдания?

Кому это нужно?

Мужчина — просто двуногая тварь, он может сделать тебе ребенка, но больше ни на что не годен... Ну, разве что в рабы, да и то хлопот не оберешься. Не понимаю Акилу, не понимаю!

Конечно, этот Конан не такой, как все, он несколько раз спасал Акилу в пути — и в пустыне, и в Джанагаре...

Но ведь он всего-навсего мужчина!

«Пожалуй, мне пора действовать самостоятельно,— думала между тем Гермия.— До Страны амазонок я добралась, а кто победит в их междоусобице, мне в высшей степени безразлично. Пожалуй, лучше, если это будет сестрица Акилы. Как-никак, в ее руках сейчас власть...

Значит, надо браться за дело!»

Неожиданно Акила и ее подруга почувствовали, как на них навалилась огромная тяжесть, веки точно свинцом налились, и очень скоро их поглотил мертвый сон.

— Вот и хорошо, полежите, пока я с вами разберусь.— Гермия легко поднялась и подошла к спящим караванщикам.— Да и вам не помешает заснуть покрепче.— Сделав над ними несколько плавных пассов руками, она направилась к лошадям.

Колдунью не пугала ночная поездка, в темноте она видела не хуже, чем в ярком свете. Лошадь, ведомая твердой

рукой, рысью бежала вдоль подножия холма по узкой, заросшей травой тропе, к темнеющим вдаль горам — там, по словам Акилы, встал лагерем караван, присланный Бризейс за грузом оружия.

Гермия была довольна собой, даже напевала вполголоса давным-давно услышанную песню. Было тихо, только временами налетал ночной ветерок и шумел в кронах деревьев, которые небольшими купами возвышались над низким кустарником. Внезапно острый слух Гермии уловил тишайшие звуки, их источник находился где-то впереди. Колдунья прислушалась: так и есть, в ее сторону направляется всадник.

— Что ж, поглядим! — Она спешила и, взяв кобылу под уздцы, отошла в тень ближайших деревьев.

Скоро на сером фоне облачного неба показался силуэт. Всадник осторожно пробирался по тропе в сторону лагеря, только что покинутого колдуней.

«Так, — определила Гермия, — женщина.

Уж не к моей ли слонихе она направляется? Что ж, — хихикала она, скрипнув зубами, — интересно посмотреть, умеет ли она летать».

У коня вдруг подломились передние ноги, застигнутая врасплох амазонка перелетела через его голову и упала на землю. Не дожидаясь, когда она поднимется на ноги, к ней подскочила Гермия и приставила кинжал к горлу.

— Говори, мерзавка! Что тебе здесь нужно? Ты ищешь Акилу?

— Ты на ее стороне? — обрадованно воскликнула пленница, совсем еще юная девушка. — Я должна найти королеву Акилу и помочь ей встретиться с ее сторонниками. Недалеко отсюда наше становище, и там есть женщины, которые сочувствуют Акиле. Но это должно остаться тайной до тех пор, пока мы не не заберем оружие с корабля. Нас немного, но если я приду с Акилой, мы победим сторонниц Бризейс.

— Я сама приведу Акилу, — пообещала Гермия. — Ты мне не нужна.

Девушка хотела возразить, но нож Гермии полоснул по ее горлу.

Колдунья подержала голову жертвы несколько мгновений, чтобы та не дернулась и не забрызгала ее кровью, потом, убедившись, что амазонка не шевелится, приложила ртом к ране и долго наслаждалась вкусом теплой крови. Насытившись, Гермия оттолкнула труп.

— Доставайся шакалам, тварь!

Колдунья вновь вскочила в седло и тронулась, напевая под нос все ту же песенку.

Глава третья

Ты уверен, что мы пришли, куда хотели? — спросил Конан.

— Что-то я на берегу никого не вижу...

— Не волнуйся, старый моряк не подведет. Может быть, они еще не подошли. Амазонки далековато отсюда живут. Мы договорились встретиться именно здесь, видишь вон ту скалу, — Саудан указал рукой на берег, — похожую на верблюда?

— Вижу, — кивнул киммериец, очень не любивший ждать.

Сюда они добрались еще вчера днем и долго шли вдоль берега, пока Саудан не велел остановиться. Теперь надо ждать, когда придут покупатели... то есть покупательницы. Делать нечего, товар заказной, не везти же обратно. Тем более, что половину денег за него Саудан должен был получить здесь, на месте. На этом, собственно, почти заканчивалась работа Конана.

Обратно «Утренняя звезда» пойдет налегке, со свистом, как говорил ему Саудан. Варвар и сам понимал это, в море он выходил далеко не в первый раз.

Он повел вокруг ленивым взглядом: кромка горных вершин на севере и бесконечная зеркальная гладь со всех остальных сторон. Стоял полный штиль, взошедшее солнце отражалось в воде мириадами лучиков, и море искрилось, как драгоценный самоцвет.

Было тепло, нудный дождь, моросивший в последние дни, напоминал о себе только легкими струйками испаре-

ний над палубой, заставлявших дрожать контуры гор и берега.

— Хорошая погода, — радостно отметил Саудан, — по старому поверью, если приходишь на место в штиль — это к удаче, клянусь Вечноживым Таримом!

— Посмотрим, — буркнул киммериец, который не очень-то верил в приметы. Сколько раз в его жизни случалось так, что, по приметам, вроде все должно выйти как нельзя лучше, а на деле выходит совсем наоборот.

— Идут! — донесся крик дозорного из бочки.

— Ну вот, а ты сомневался! — спустился с мостика еще более повеселевший Саудан.

Конан пригляделся и увидел, как из-за ближайшего холма выползает длинная вереница лошадей, сопровождаемых несколькими вооруженными всадниками.

«Неужели я сейчас увижу Акилу?» В это слабо верилось.

— Ну что, идем? — нетерпеливо спросил он капитана.

— Подожди, — остановил его тот. — Сейчас привезут лоцмана, она подведет корабль к берегу. Я не знаю прохода, могу напороться на мель.

Лодка птицей понеслась к берегу и вскоре возвратилась.

Киммериец перегнулся через борт, надеясь, что лоцманом окажется Акила, хотя и понимал, что не царское это дело — водить суда. Так и получилось — вместе с гребцами в лодке сидела высокая загорелая женщина, лишь овалом лица и полными губами слегка напоминавшая его возлюбленную. Варвар, зная, как обстоят дела в этом государстве, не решился лезть к ней с расспросами, тем более что сурово сжатые губы и ледяной взгляд, которым она окатила выслупавшихся на ее прелести матросов, не особо располагали к беседе.

Женщина поднялась на мостик и, повинуясь ее звонким и отрывистым командам, «Утренняя звезда» медленно-медленно поползла к берегу.

Чем ближе становилась береговая полоса и различимее — женщины, расположившиеся в ожидании корабля, тем

меньше надежд оставалось у киммерийца на встречу с Акилой.

Когда «Утренняя звезда» встала на якорь в пятидесяти шагах от берега, едва не «поцеловавшись» с оконечностью каменного мыса, варвар окончательно убедился, что Акилы здесь нет.

«Надо осторожно разузнать, для кого предназначается оружие», — решил он, сбега по сходням на мыс.

Однако как ни пытался киммериец обратить на себя внимание женщин, снимавших с коней тюки, чтобы уложить в них оружие с «Утренней звезды», как ни восхищался вслух их фигурами, вооружением и прочими достоинствами, его не удостоили и взглядом.

Мужчины, даже такие могучие и красивые, как Конан, для них попросту не существовали.

Варвар, отчаявшись что-либо разузнать, вернулся на корабль и, спустившись к себе в каюту, решил маленько подождать, хоть и понимал в душе, что ждать особо нечего.

Предводительница женщин и Саудан отправились в капитанскую каюту, подальше от людских глаз — пересчитывать монеты, а матросы приступили к выгрузке оружия из трюмов «Утренней звезды».

В это время из-за ближайшего холма показалась всадница на вороном коне, ведущая в поводу двух лошадей с чем-то вроде тюков на спинах. Грузчицы дружно оторвались от работы и воззрились на вновь прибывшую — молодницу с рассыпанными по плечам черными локонами, в белых шароварах и белой же блузе. Оставив выючных коней в некотором отдалении, она спокойно приблизилась к судну.

— Кто ваш командир? — спросила она твердым, властным голосом.

— Она на корабле, — ответила одна из амазонок. — А ты кто такая?

— После узнаешь! — усмехнулась незнакомка. — Быстро пошли кого-нибудь за ней.

Женщины-воительницы не привыкли к такому тону. Одна из них выступила вперед и с угрозой произнесла:

— Ты на нашей земле, и здесь приказываем мы! Слезай и иди сюда!

Всадница даже не шелохнулась. Впилась своими черными, как уголь, глазами в амазонку и, почти не разжимая губ, повторила:

— Я просила послать кого-нибудь за командиром. С ней и буду говорить.

Было в ней что-то, что заставило обступивших ее амазонок немедленно выполнить просьбу — или, скорее, приказ. Одна из женщин сбежала за командиром отряда. Та появилась, недовольная тем, что ее оторвали от дела, и достаточно грубо спросила незнакомку:

— Ну, зачем я тебе?

— Хочу поговорить, — ответила брюнетка, — но давай отойдем в сторонку.

Они отошли и довольно долго разговаривали. Амазонки, видя, что дело застопорилось, решили не терять времени, развели костер и стали жарить на нем привезенные с собой большие куски мяса. Сидя у огня, они время от времени оглядываясь на своего командира и черноволосую гостью.

Глава четвертая

Матросы, радуясь передышке, дружной гурьбой вернулись на корабль.

— Давайте по кружечке,— предложил один, и все спустились в трюм промочить горло. Все опустело: и каменный мыс, и палуба «Утренней звезды», по которой только что сновало множество людей, и берег, остались только группа девушек у костра да небольшая куча выгруженных металлических полос на желтоватом песке.

Между тем две женщины продолжали разговор:

— Посмотри, кто со мной.— Брюнетка подошла к выючным лошадям и откинула кошму, которая прикрывала ношу одной из них.

С уст воительницы сорвался изумленный возглас:

— Это же Акила! Как тебе удалось поймать ее?

Она не ошиблась, через седло было перекинута Акила. Ее руки и ноги были связаны под лошадиным животом, изо рта торчала грязная тряпка. Почувствовав свет, она открыла глаза и замотала головой, потом напряглась, пытаясь высвободиться. Могучие мускулы напряглись, веревки впились в тело, но ничего не получилось: колдунья связала ее крепко.

— А здесь кто? — спросила предводительница, указывая на вторую лошадь.

— Паина,— ответила Геринда.

— А где остальные подруги Акилы?

— Последние легли костями в пустынях Шема,— ответила колдунья.

— Но не в этом дело. У тебя в отряде измена. Мне известно, что несколько женщин сочувствуют Акиле и хотят, перебив остальных, завладеть оружием с «Утренней звезды».

При этих словах Акила еще раз дернулась в своих путах и что-то произнесла, но кляп превратил слова в мычание. Конь, ощутив движение поклажи, забеспокоился.

— Стой! — придержала его под уздцы колдунья, а Акилу ударила плетью по плечам, да так, что багровая полоса перечеркнула загорелую кожу королевы.— Лежи смирно, потаскуха, а то получишь еще!

Акила замолчала, и только блеск ее светло-серых глаз выражал такую жгучую ненависть, что предводительница амазонок невольно отвела взгляд.

— Как же мне узнать, кто замыслил измену? — наморщила лоб командир.

— Выбери тех, в ком уверена абсолютно,— посоветовала Гермия.— Остальных надо обезоружить, а потом разберешься.

— Пожалуй, ты права,— решила предводительница.— Я так и сделаю.

— Только надо действовать очень осторожно, чтобы они ничего не заподозрили,— предупредила колдунья.— А эту неудавшуюся королеву отвезем к Бризейс, пусть она сама придумает ей наказание.

Командир усмехнулась, она прекрасно знала, что ждет пленницу: жестокие пытки, а потом смерть на каменном алтаре. Махнув рукой, она повернулась, чтобы идти к своим женщинам. В это время Акиле удалось-таки выплюнуть тряпку, она изогнулась, как натянутый лук и, повернув голову к колдунье, прорычала:

— Мерзавка! Предательница! Подожди, я еще возьму верх, и ты проклянешь то мгновение, когда шлюха, которую ты называешь своей матерью, произвела тебя на свет!

— Заткнись! — Гермия еще раз протянула Акилу плетью и, подобрав кляп, снова заткнула ей рот, несмотря на яростные попытки освободиться от пут.

Крики Акилы слышали у костра. Некоторые воительницы вскочили и схватились за оружие, но остановились в замешательстве, не зная, как быть. Королева явилась неожиданно-негаданно и, сама того не желая, разрушила их план.

— Вот вы себя и выдали! — злобно прошипела предводительница, подбегая к костру. — Взять их! — скомандовала она остальным, указывая на вставших.

Это оказалось не таким простым делом. Хотя изменниц и было вдвое меньше, чем сторонниц Бризейс, они, встав спина к спине, решительно отражали выпады своих бывших подруг, намереваясь дорого продать свою жизнь. Отбиваясь, они медленно отступали по каменному мысу к кораблю. На узкой полосе нападавшие не имели преимущества в маневре, но все-таки численное превосходство позволяло им теснить заговорщиц к «Утренней звезде».

Все произошло довольно быстро, так что двое вахтенных матросов, пригравшихся под ласковыми лучами полуденного солнца, сообразили, что происходит, лишь когда девушки попрыгали на корабль и сбросили в воду сходни. Матросы бросились к люкам трюма с криками:

— Тревога! Все наверх!

Однако эти возгласы запоздали. Две воительницы столкнули вахтенных в трюм и с помощью подоспевших подруг задраили люки.

— Якорь наверх! — скомандовала старшая.

Две девушки выбирали якорную цепь, а остальные прикрывали их щитами от стрел, которыми осыпали их с мыса бывшие подруги, сохранившие верность Бризейс. Из трюма слышались крики и ругань матросов вперемешку с глухими ударами весел в крышки люков, но дерево на «Утренней звезде» было хоть и старым, но крепким.

Конан лежал на своем рундуке, заложив руки за голову. Он был погружен в раздумья, а потому не сразу понял, что наверху происходит что-то необычное. Он выскочил из каюты и попытался выбраться на палубу, но люк оказался задраен снаружи. За переборкой вопили матросы, мощные удары сотрясали корпус судна.

— Что там творится, Нергал мне в печень? — гаркнул киммериец и навалился плечом на крышку люка. Та заскрипела, но выдержала. Киммериец покрутил головой, но не увидел ничего подходящего для взлома.

— Рога Нергала! — Он разбежался, насколько позволяла ширина каюты, и всем телом обрушился на доски. Раздался треск, в крышке люка появилась щель. Киммериец повторил прием, трещина увеличилась. С третьего удара крышка развалилась на две половины, и Конан вместе с ними вылетел из каюты и растянулся на палубе.

Увиденное привело его в ярость: «Утренняя звезда» горела — это нападавшие, боясь упустить изменниц, обстреляли корабль огненными стрелами.

Несколько юных воительниц металось по палубе, пытаясь загасить пламя. Берег постепенно удалялся от них, легкий ветерок уносил судно в открытое море. Удары по палубе из трюма и яростные крики матросов, почуявших дым, довершали картину разгрома.

Амазонки, увидев Конана, прекратили борьбу с огнем, столпились на баке и приготовились встретить нападение киммерийца. Ему же было не до них. Он откинул рангоутное дерево, подпиравшее крышку люка, и на палубу высыпали озверевшие матросы. Среди них оказался и капитан.

— Что происходит? — заорал киммериец.

— Сам не понимаю, клянусь Эрликом! — горестно развел руками капитан, глядя, как огонь пожирает его корабль. Матросы, столпившись около варвара, ожидали его приказа, но сами не решались нападать на оцетиненную оружием группу амазонок.

— Шлюпки на воду! — велел киммериец матросам, махнув рукой, а сам направился к воительницам, подняв руки. — У меня нет оружия, — крикнул он. — Я вам не угрожаю! Объясните, в чем дело!

От группы отделилась девушка и, сделав два шага вперед, воскликнула:

— Это наши проблемы, и тебя они не касаются!

— Хорошенькое дело — не касаются! — проворчал Конан. — Вы же сожгли наш корабль!

Действительно, корма «Утренней звезды» пылала как костер, нос еще не занялся, но уже не было никакой надежды спасти судно. Матросы торопливо спускали шлюпки и прыгали в них. Саудан метался по палубе и отдавал приказания.

— Это не мы,— указывая на горящую корму, за которой в дыму был едва различим берег, прокричала воительница,— это сторонницы Бризейс!

— А вы-то чьи? — удивился в свою очередь киммериец.

— Мы за Акилу! — сообщила девушка.

— За Акилу?! — взревел варвар.— Где она?

— Там, на берегу,— ответила амазонка.— Королева попала в плен.

— Копыта Нергала! — выругался киммериец.— Тогда быстро со мной на берег! Надо выручать Акилу.

Шлюпки, переполненные матросами, гребцами и амазонками, в общем, всеми, кто уцелел в огненном кошмаре, которым обернулась «Утренняя звезда», направились к берегу. Те, кому не хватило места на шлюпках, плыли рядом, держась за борта. Саудан со слезами на глазах неотрывно смотрел на плавающий в море костер.

— Чтоб вас, потаскухи! Какой корабль загубили! — проклинал он воительниц, прижимая к животу кожаный мешочек с монетами, который все-таки ухитрился с риском для жизни вынести из своей каюты.

Матросы дружно налегли на весла, и лодки понеслись к берегу. Сторонницы Бризейс, столпившиеся у кромки прибоя и наблюдавшие за гибелью «Утренней звезды», всполошились, увидев, что спасшиеся с горящего корабля значительно превосходят их числом. Амазонки заматались по берегу, хватаясь за тюки и выгруженное оружие, надеясь спастись бегством, пока шлюпки не достигли суши. Конан с развевающейся по ветру гривой волос стоял на носу передней шлюпки и сжимал в руке меч, ему не терпелось ринуться в бой, он кипел от гнева и готов был разорвать на части любого, кто осмелится встать на его пути. Позади раздался треск, и все оглянулись: это рухнула, взметнув тысячи искр, грот-мачта.

Остатки «Утренней звезды» обреченно покачивались на волнах.

— Эх! — вздохнул убитый горем Саудан, и по его щекам покатались крупные слезы.

— Давай, ребята, давай! — молил Конан матросов, которые и так старались изо всех сил.— Не успеваем, Нергал мне в кишки! — горестно выдохнул он, увидев, что цепочка конников и выючных лошадей растянулась и все дальше отползает от берега. Хотя до цели оставалось не более двухсот шагов, было уже ясно, что преследователи не догонят караван: воительницы увели всех лошадей.

Когда нос шлюпки ткнулся в песок, киммериец соскочил на берег, но успел увидеть вдали, между двумя склонами, лишь последнюю лошадь уходящего каравана.

— Охвостье Нергала! Мерзкий змей Set! — От злости он чуть ли не наполовину воткнул в песок меч.— Не успели!

Матросы выбрались на берег и в ожидании распоряжений столпились вокруг Конана и Саудана. В сотне шагов стояли девушки-амазонки, чье бегство на корабль невольно послужило причиной его гибели. Они хмуро смотрели на мужчин, которые вытаскивали из шлюпок то небольшое, что удалось спасти от пламени. На берегу валялись железные полосы и даже кое-какое оружие, которое беглянки не успели собрать в спешке.

Конан овладел собой, вложил в ножны бесполезный в этой ситуации меч и хмуро бросил Саудану:

— Капитан, собери, что у нас осталось: оружие, провиант — все, что есть. А я поговорю с этими красавицами.

— Что с ними говорить? — закричал кто-то из матросов.— Спровадить на Серые Равнины, но сначала хорошенько ими попользоваться.— он прищелкнул языком.— Будут знать, как прыгать на чужие корабли!

— Попробуй,— усмехнулся Конан, знавший этих женщин не понаслышке.— Иди, возьми какую-нибудь из них,— предложил он, махнув рукой в сторону девушек, которые, сообразив, что речь зашла о них, обнажили клинки.

Матрос посмотрел на воительниц повнимательнее, и желание позабавиться с ними вмиг пропало.

— Да нет, это я так, пошутил...— промямлил он под дружный смех товарищей.

— Ну и хорошо, шутка нам сейчас не мешает, клянусь Кромом,— ободряюще ухмыльнулся Конан и направился к женщинам.

Те угрюмо и настороженно смотрели на него. Шагах в десяти от них киммериец остановился и, подняв руку, произнес:

— Обстоятельства сложились так, что нам лучше действовать сообща. По крайней мере,— добавил он,— нам нет нужды враждовать. Мало будет проку, если мы перебьем друг друга. Я хочу поговорить с вашей предводительницей. Подумайте, а когда решите, позовите меня. Я обещаю, что в любом случае мы не причиним вам зла.

Варвар повернулся и пошел обратно. Он не опасался удара в спину, так как знал амазонок — в частности, знал, что им знакомо слово «честь».

Глава пятая

Теперь надо решить, что делать дальше,— обратился он к Саудану.

— У нас осталось пятьдесят шесть человек,— хмуро сообщил ему бывший капитан,— из них тридцать невольников с гребной палубы,— слегка понизив голос, добавил он.— Оружия хватит человек на двадцать, не больше. Провизия сгорела почти целиком. Так что соображай, что здесь можно предпринять.

Варвар присел на камень и, подперев голову руками, задумался. Положение было не из приятных, и огорчало больше всего то, что он не успел спасти Акилу, и теперь ее везут на расправу к Бризейс. Нехватка еды — не проблема: в лесу и горах дичи полно, и только ленивый не сумеет добыть пищу.

Главное — найти лошадей, потому что пешком караван не догнать.

— Конан! — прервал его раздумья Бахтар.— Красотки хотят с тобой поговорить.

Киммериец поднялся на ноги и посмотрел на амазонок. Одна из них — должно быть, предводительница — махала рукой. Конан направился к ней.

— Откуда ты знаешь нашу Акилу? — спросила девушка.

— Я провел с ней несколько недель,— ответил киммериец,— и с тех пор она мне не чужая.

— Подумаешь! — фыркнула девушка, по своему истолковав его слова.— Каждая из нас рано или поздно бывает с мужчиной, но это ничего для нас не значит.

— Для вас — может быть, но не для меня, — мягко ответил варвар. — Однако у нас нет времени для пустой болтовни. Я хочу спасти Акилу и спасу ее. Если желаете помочь, то нам есть о чем поговорить, а если не желаете, то катитесь на все четыре стороны.

Он повернулся и двинулся назад, но девушка не сочла разговор законченным.

— Мы вам не доверяем, но у нас нет другого выхода, — сказала она ему вдогонку. — Подойди поближе, я хочу тебе кое-что рассказать.

Киммериец вернулся к амазонке, которая стояла, слегка расставив ноги и напряженно глядя на него. Она была одета, как и ее подруги, в рубаху без рукавов и короткие кожаные штаны, обмотки из оленьей шкуры защищали длинные стройные ноги. Девушка была выше ростом, чем большинство матросов-туранцев, а ее развитые мускулы могли вызвать зависть у любого из оставшихся у Конана солдат.

Холодные серые глаза, словно ледяные кристаллы, сверкали на загорелом обветренном лице, а еще на нем выделялись яркие сочные губы. «Девчонка не лишена приятности, стройна, и грудь крепкая. Пожалуй, без одежды она еще краше», — невольно усмехнулся про себя варвар.

Даже в таких обстоятельствах киммериец не мог оставить без внимания женские прелести.

Воительница почувствовала, как варвар раздевает ее взором, и, вспыхнув, откинула со лба пепельные волосы, но продолжала надменно смотреть ему прямо в глаза. Этот взгляд напомнил киммерийцу Паину — верная подруга Акилы, с которой Конан сражался бок о бок, тоже испытывала к нему чувство, весьма напоминающее ненависть.

— Ты собиралась что-то рассказать, — напомнил девушке варвар.

— Если ты и вправду хочешь помочь нашей королеве... — начала девушка, но Конан нетерпеливо перебил:

— Это я уже говорил! Ближе к делу.

— Где-то недалеко отсюда — караван с оружием, который Акила привела из Турана. — Серые глаза неотрывно смотрели на киммерийца, видно было, что разговор с муж-

чиной дается амазонке нелегко. — Там много коней, но надо торопиться. Королева в плену, и караванщики могут повернуть обратно, ведь тут больше делать нечего.

— Это здорово! — встрепенулся варвар. — Сейчас же и пойдем. Он вернулся к Саудану и его людям.

— Капитан, заночуем здесь. Попли кого-нибудь на охоту, наверное, тут полно всякой дичи. Я возьму Бахтара и еще двоих, и надеюсь, завтра мы вернемся с лошадьми и оружием. Тогда и решим, что делать.

— Хорошо, — кивнул Саудан, все еще не пришедший в себя после гибели судна. — Будем ждать.

— Будьте осторожны, — предупредил киммериец. — Эти девицы могут вернуться и напасть на вас. И если они застигнут вас врасплох, я и дохлой мыши не поставлю на вашу жизнь, клянусь Кромом! Я с этими женщинами слегка знаком.

* * *

До стоянки каравана они добрались довольно скоро, еще и солнце не успело зайти. Девушки не знали точного местоположения лагеря, и варвар опасался, что придется долго искать, а то и бежать по следу караванщиков, решивших уйти в Туран. Однако им повезло.

Конан первым услышал звуки, доносившиеся из рощича за отрогом холма. Он принялся: так и есть — дым.

Значит, караван еще здесь. На ночь глядя он, конечно, не уйдет, так что время есть.

Он приложил к губам палец, призывая своих спутников к осторожности, и остановился.

— Сделаем так. Вы, — он обратился к предводительнице отряда, — спуститесь с того склона и обойдете их справа, а мы пройдем здесь. На всякий случай выйдем с двух сторон. Вряд ли караванщики будут сопротивляться, мы постараемся договориться по-хорошему, но подготовиться надо. Мало ли что может случиться... Вдруг там есть ваши подруги? — усмехнулся он, подмигнув девушке. — Так что придете на помощь, если понадобится.

Амазонка молча кивнула и, махнув воительницам, повела их по склону в обход роши.

Конан и трое его товарищей осторожно двинулись через лесок. Шагов через сто—сто пятьдесят они оказались на опушке. Киммериец осторожно раздвинул ветви и в незаметно подкрававшихся сумерках увидел десятка два коней, пасущихся невдалеке, и несколько человек вокруг костра. Больше варвар не заметил никого, как ни оглядывался.

— Подождем немного,— шепнул он присевшим рядом на корточки спутникам.— Пока вроде все спокойно. Это простые караванщики, не бойцы. Думаю, мы с ними поладим.

Выждав еще некоторое время, они вышли из леса и не таясь направились к костру. Когда приблизились, караванщики слышали шаги и завертели головами. При виде вооруженных людей они вскочили на ноги и выхватили сабли.

— Не бойтесь! — Варвар поднял руку.— Мы вам не сделаем ничего плохого.

— Кто вы такие? — спросил один из караванщиков, видимо, старший,— худощавый кривоногий туранец в засаленном халате.

— Нас послала Акила, чтобы забрать оружие и лошадей,— солгал Конан, подходя ближе.— Оглянитесь назад.— Он указал рукой.

За спинами караванщиков, шагах в ста, двигались силуэты. В сумерках не было видно, мужчины это или женщины, но в том, что они вооружены, сомневаться не приходилось.

Караванщиков было всего семеро, и, взглянув на приближающихся воинов, они сообразили, что шансов на победу в схватке у них маловато.

— Вы обещаете нас не убивать? — с тревогой спросил старший.

— Мне ваши жизни не нужны,— уверил его Конан.— Мы возьмем только оружие и лошадей.

— А как же мы доберемся домой? Неужели ты не оставишь ни одного коня?

Киммериец отрицательно покачал головой.

— Мне нужны все кони. А вы прогуляетесь пешком, не маленькие. Как-нибудь дотопаете до Султанапура.

Глава шестая

На следующее утро, едва занялся рассвет, они стали собираться в путь. Киммериец решил, что отправит вольничу вслед за отрядом, увезшим Акилу, а сам вернется на берег и наберет добровольцев среди людей Саудана: Через день его отряд догонит амазонок, и тогда они вместе попытаются освободить королеву. Он договорился с немногословной предводительницей о встрече в горной долине сразу за кряжем, протянувшимся вдоль берега. Энида (только сейчас Конан узнал имя этой девушки), поглядывая на него исподлобья, острием дротика выводила на песке кроки, почти не сопровождая это занятие словами. Киммерийцу они и не требовались, ему не раз случалось ходить по незнакомой местности, располагая куда более скудными описаниями пути. Столько дорог исхожено и изъезжено, столько горных хребтов и рек преодолено, столько раз он бродил в лесах, степях и пустынях, что теперь почти в каждой стране чувствует себя, как в горах родной Киммерии.

— Понял,— стирая кроки подошвой сапога, вымолвил он.— Послезавтра встречаемся у этого ручья. Без меня ничего не предпринимайте, даже если догоните их, хотя вряд ли это возможно. Договорились?

Энида кивнула и, не говоря больше ни слова, отошла к своим подругам, которые уже ждали приказа отправляться в путь.

Небольшой караван направился в узкую долину меж невысоких гор. Конан со своими товарищами поскакал к

лагерю на берегу моря. Они гнали перед собой десяток коней для тех, кто пожелает принять участие в войне за трон амазонок.

* * *

С седла путь до лагеря выглядел совсем коротким. Солнце еще не успело доползти до зенита, когда внизу появился знакомый берег. Съехав по склону холма на ровную полосу пляжа, варвар подумал, что заблудился и свернул не в ту ложину.

Однако, приглядевшись, понял, что сбылись его худшие опасения.

Когда четверо всадников приблизились к лагерю, в воздух поднялась стая стервятников. Кроме птиц, их не встречал никто — на месте высадки потерпевших кораблекрушение были только погасшие костры и трупы на камнях и песке. Было похоже, что их застали врасплох, может быть, спящими, — не осталось почти никаких следов сражения, только трупы, трупы и трупы, большинство с перерезанным от уха до уха горлом, и считанные раны были нанесены не кинжалом, а мечом.

— Как же так? — недоумевал варвар, медленно шагая вдоль берега и оглядывая неподвижные тела своих товарищей. — Неужели Саудан не выставил сторожей? Не могу поверить, что такой опытный моряк...

— Конан! — окликнул его Бахтар. — Смотри, тут еще двое наших!

Он указывал на большие камни в начале тропы, уходящей в горы. Конан подошел поближе. Двое солдат его отряда лежали друг подле друга со стрелами в спинах.

Конан и Бахтар обошли весь берег и обнаружили еще несколько трупов в стороне от лагеря. Значит, караул был. Всех сторожей убрали одинаково, выстрелом в спину, на что указывали застрявшие в телах обломки стрел.

— Странно! Почему они ничего не предприняли, даже не разбудили остальных? — Киммериец повернулся к Бахтару. — Такое впечатление, что они ничего не видели и не

слышали. Но не мог же весь караул проморгать атаку. Ведь они были не новички, клянусь Кромом! — Он прикоснулся к ближайшему покойнику. Кожа холодна, хотя утро солнечное, теплое... — Это случилось либо вчера вечером, либо ночью.

— Ухлопать почти шестьдесят человек! И чтобы никто ничего не заподозрил! Нет, я тоже ничего не понимаю! — почесал в затылке Бахтар.

— Тут дело нечисто, — подвел итог Конан. — Это не девушки Бризеис постарались — они, конечно, хорошие воины, но не настолько же! Втихую перерезать глотки полусотне здоровых мужчин — это работенка не для них.

— Что будем делать? — спросил Бахтар.

— Эй, ребята, давай сюда! — окликнул варвар двоих оставшихся у него бойцов, которые обшаривали тела своих бывших товарищей — не завалилось ли чего в кошельках и карманах.

Подойдя к Конану, они расстелили плащ и высыпали на него несколько горстей монет и перстней.

— У капитана был кожаный мешок, — вспомнил киммериец.

Солдаты только развели руками.

— Понятно. — Конан скрипнул зубами. — Кто-то знал про эти деньги, это была плата за оружие. Поскольку со временем у убийц было туго, они не стали грабить остальных.

Он снова обошел вокруг лагеря, внимательно глядя под ноги. Следов было немного, похоже, на лагерь напало не больше десяти человек. Киммерийцу все это совсем не нравилось. Здесь явно не обошлось без магии!

Может, на моряков наслали сонную одурь?

— Пошел! — Он кинул камень в осмелевшего стервятника, который устроился поблизости ждать, когда уйдут люди.

Птица нехотя захлопала крыльями, но отлетела недалеко. Она неторопливо прохаживалась, следя за людьми блестящим черным глазом.

Живые предали мертвых земле и завалили могилу вадунами. Останки их товарищей — вчера еще здоровых и

крепких мужчин — не достанутся шакалам и стервятникам.

— Раздели на всех! — велел киммериец солдату, указывая на монеты и украшения. — Вот что я вам скажу. — Он присел на камень, помолчал несколько мгновений, а потом продолжил: — Я остаюсь здесь, пойду воевать на стороне Акилы. Кто хочет, идемте со мной. Не знаю, чем все кончится, знаю только, что риска будет вот сколько. — Он провел ладонью над головой. — Да и девицы эти, хоть и хороши собой, в общении — вовсе не сахар. Так что уговаривать не стану, каждый волен поступать, как ему вздумается.

Солдаты в замешательстве переминались с ноги на ногу. Было видно, что им не очень-то нужна война, на которой запросто можно сложить голову, а вот заплатят ли — это еще вопрос.

Варвар ссыпал в кошель свою долю.

— Ну, кто со мной?

Все молчали.

— Никто не хочет. — Киммериец не удивился. — Я так и думал. Ну что ж, спасибо за службу, и прощайте, ребята. Пусть боги будут к вам милостливы. Бахтар, — добавил он, — советую взять коней и догнать караванщиков, они вам заплатят. Вдесятером путешествовать все-таки легче, да и веселее, — усмехнулся он. — А мне хватит двух коней, но я возьму лучших. Договорились?

— Конечно, командир. — Солдаты вздохнули с облегчением, хоть и не без стыда: как ни крути, они бросали Конана одного.

— Доброго пути! — махнул им на прощание варвар. — Может быть, еще свидимся. — Он привязал к седлу поводья запасного коня, и, не оглядываясь, направился к тропе, что вела в горы.

Немало друзей он потерял на своем веку, но на этот раз нелепая смерть спутников особенно опечалила киммерийца. Он ехал и вспоминал плавание «Утренней звезды», как ловко и споро работала команда под началом Саудана, каким смелым и находчивым был сам капитан — и вот

теперь все они покоятся в наспах вырытой могиле, слегка прикрытой сверху камнями... Такова жестокая судьба, и ничего тут не попишешь.

Он вздохнул, решив, что все рано или поздно отправятся на Серые Равнины, и лучше думать о том, что впереди.

«Только бы мои девушки не встретились с отрядом до того, как я их догоню, — подумал он. — Мои девушки? — усмехнулся он про себя. — Ишь, как я о них...»

Он рассмеялся вслух и хлестнул коня — надо было спешить.

Глава седьмая

Тропа вилась между скал. Пробираясь по ней, он шарил взором вокруг, искал следы каравана. Следы всегда остаются: вон там на ветке повисла нить — видимо, лошадь, проходя, зацепила вьюком; вон там вмятина от копыта на мягкой земле среди камней; здесь осыпались камни, а на этой поляне чернеет пятно от костра. Возле него Конан спешился и тщательно осмотрел всю поляну, потрогал остатки кострища. Земля чуть теплая, значит, это место последней ночевки и, возможно, караван ушел недалеко. Надо удвоить осторожность, чтобы не заметили.

День клонился к вечеру. Скоро караван остановится на ночь, и тогда по далекому дыму или отблеску огня Конан его обнаружит.

«Где-то неподалеку должен быть ручей,— вспомнил он кроки неразговорчивой предводительницы «его девушек»,— там мы должны встретиться. Скорее всего,— решил киммериец,— сторонницы Бризейс заочуют именно там.

Тогда свидание с девушками придется отложить на завтра, если, конечно, им хватит ума не попасть в лапы к своим бывшим товаркам».

Варвар продолжал свой путь по еле заметной в надвигающихся сумерках тропе, останавливаясь перед каждым поворотом и открытым местом, чтобы ненароком не столкнуться с дозором отряда Бризейс или не оказаться у него на виду. Когда совсем стемнело, он решил остановиться и переждать ночь в небольшой ложбине, где из-под камней

бил прозрачный ключ, и несколько деревьев с почти распустившейся листвой предлагали уютное подобие крова.

Киммериец стреножил коней, вынул из седельной сумки лепешку, задумчиво посмотрел на нее, отломил половину и медленно сжевал, запивая чистой ключевой водой. Вторую половину он приберет: еще неизвестно, когда он сможет порхотиться или добудет другую лепешку. Сейчас у него есть дела поважнее поисков еды. Вечер был тихий и теплый, даже легкий ветерок, который обдувал его весь день, затих, и горы окутала тишина.

Киммериец растянулся на мягкой траве и подложил руки под голову. Где-то невдалеке раздались трели птицы.

«Черный дрозд»,— мельком отметил про себя варвар.

Птица вновь пропела свою песню, слева от Конана ей ответила другая, и опять все стихло. Через некоторое время голос птицы зазвучал совсем рядом.

«Это какого же демона черный дрозд орет по вечерам?»— вдруг спросил себя киммериец.

Он напряг слух, потом бесшумно, как летучая мышь, метнулся к деревьям, от них легко и быстро отполз к обрыву и спрятался среди камней, почти слился с ними в темноте. «Чего-чего, а птичьего пения я еще в детстве наслушался,— усмехнулся он.— Посмотрим, что это за пташки». Он обладал необычайно острым зрением и видел в темноте ненамного хуже, чем ночной хищник. Сосредоточив все внимание на поляне, варвар замер. Все было тихо, но вдруг он различил слева на травяном склоне легкое, почти незаметное шевеление травы.

Запомнив это место, киммериец еще раз пошарил взором в других направлениях, и не зря: вдалеке в заросшей кустами расселине чуть ниже лужайки качнулась ветка, и там явственно зазвучала знакомая трель.

«Привет, птичка,— улыбнулся Конан и перевел взгляд влево,— ага, и тебе привет, похоже, я не ошибся»,— мысленно поздравил он себя, когда оттуда послышался ответный свист.

Он послушал, не раздастся ли где-нибудь третий голос. У киммерийца было преимущество: он знал, где находятся

«птицы», а они его обнаружить не могли, даже если и знали, что он здесь остановился.

Правда, варвар сомневался, что они осведомлены о его присутствии и пришли убить, скорее всего, это просто разведчики осматривают местность, не подозревая, что рядом с ними кто-то находится. Только кто бы это мог быть?

«Сейчас увидим,— подумал он.— Наверняка они скоро наткнутся на моих лошадей. Подожду, ночь впереди, спешить некуда». Конан продолжал наблюдать за движением травы и кустов и вскоре обнаружил, что оба разведчика движутся к поляне, где у них, скорее всего, назначена встреча. Птичьи крики вновь и вновь нарушали ночную тишину, и это помогало варвару следить за незнакомцами. «Нергал мне в кишки! — подумал киммериец.— Что же делать? Я, конечно, не промахнусь даже ночью, но вдруг это мои девушки,— тут он снова усмехнулся,— и я сам уменьшу свой отряд? Если брать живыми, то может получиться шум. Вот незадача, клянусь брюхом Крома! Они все очень похожи, как я отличу своих от чужих?»

От этих мыслей у него противно зачесалось в носу. Конан был человеком действия, и к таким раздумьям у него не лежала душа. Киммериец прикинул расстояние: тот или та, кто прятался в траве, находился раза в три ближе, чем «дрозд» из кустов.

Решение, как всегда, созрело молниеносно. Он ящерицей скользнул вдоль скалы и, заметив движение травы, метнулся коршуном, почти бесшумно.

Прижавшийся к земле человек даже не успел повернуть головы. Конан навалился на него всем телом и, сжав своими ногами его ноги, руками поймал обе руки и вытянул их вперед, а грудью прижал к земле голову так, что незнакомец не мог ею даже шевельнуть. Напрасно он дергался и напрягал мускулы — у варвара была стальная хватка. Конан перехватил оба запястья пленника левой рукой, а освободившейся правой сдавил шею и держал ее до тех пор, пока не почувствовал, что тело противника обмякло. Тогда он рывком перевернул его на спину.

Девушка!

Это была амазонка, но вот вопрос, из какого отряда? Конан снял с нее пояс и скрутил ей руки за спиной, потом, сорвав рубаху, заткнул рот. На мгновение он залюбовался крепкой смуглой грудью девушки, но крик птицы совсем неподалеку напомнил, что дело еще не завершено.

Киммериец ответил на крик и, чуть приподняв голову, осмотрелся. Вторая девушка была уже на поляне, подкрадывалась к его коням.

«Вот и вторая птичка.— Варвар бесшумно пополз в ее сторону, почти сливаясь с подножием скалы.— Что делать, придется чуть подпортить ей перышки», — с сожалением подумал он, и когда до нее оставалось шагов десять, метнул нож.

Он попал, куда метил,— клинок глубоко вошел в ляжку. Девушка взвизгнула. Острая боль заставила ее согнуться и схватиться за нож, и этого мгновения варвару хватило, чтобы оказаться на ногах и в два прыжка очутиться рядом с ней. Бедняжка успела только выпрямиться — и тут же рухнула на траву: удар кулаком под ложечку в исполнении Конана мог свалить и быка. Киммериец перевернул ее на спину, вытащил нож из раны и проделал с пленницей то же самое, что и с ее подругой. Потом остатками рубахи перевязал ей ногу и, подтащив амазонку к дереву, привалил к стволу.

Она слабо застонала и открыла глаза.

— Быстро очухалась, красавица,— похвалил ее варвар. Он принес из сумки два ремня и одним из них аккуратно привязал ее за шею к стволу.— Посиди пока,— шепнул он ей на ухо,— да не скучай. Сейчас у тебя будет компания.

Девушка вновь застонала, и голова ее свесилась набок: видимо, рана причиняла сильную боль и вызывала головокружение. «Ничего,— решил варвар,— со временем придет в себя. Амазонки — бабы крепкие, рана заживет, как на собаке». Он вернулся к первой девушке. Она тоже очнулась и пыталась освободиться от пут.

— Потерпи, милая.— Киммериец взвалил ее на плечо, перенес на поляну, усадил рядом с подругой и тоже привя-

зал за шею к дереву. Тусклая невысокая луна исполосовала поляну длинными тенями, и две почти нагие девушки, сидящие под деревьями, казались статуями, изваянными умелым мастером.

Конан присел на корточки в трех шагах от них, с удовольствием глядя на женские тела, чью красоту несколько не портили развитые мускулы.

— Начнем с тебя.— Он подсел к первой пленнице и, взявшись за кляп, объявил: — Сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы. Если попытаешься крикнуть, то вот нож.— Он приподнял рукой ее левую грудь, задержав пальцы чуть дольше, чем следовало, и приставил к нежной коже острие.— Чувствуешь? Мне ничего не стоит воткнуть его по самую рукоятку. Я это сделаю и в том случае, если будешь молчать.

Она опустила голову в знак того, что понимает. Конан уже определил, что девушки не из его союзниц — он запомнил почти всех воительниц из отряды Эниды.

— Сколько человек у вас в отряде?

Девушка, с ненавистью глядя на него, молчала и часто дышала — видимо, он слишком глубоко засунул кляп, и она чуть не задохнулась. Конан слегка надавил ножом.

— Ты, видно, забыла мое обещание.

— У нас в отряде много сильных воительниц, и тебе несдобровать,— метнув в него ненавидящий взгляд, выпалила пленница.

— Это не твоя забота,— парировал варвар.— Я спрашиваю: сколько там человек?

— Больше ста,— подумав, ответила девушка.

Это не очень сходилось с наблюдениями киммерийца. Судя по следам, в отряде не более четырех-пяти десятков.

— Что ж,— процедил он сквозь зубы,— проверим.

Варвар вновь заткнул ей рот тряпкой и повернулся к другой девушке. Внимательно посмотрев на нее, он отвесил ей короткую, но увесистую оплеуху, отчего та сразу пришла в сознание и заморгала, в то же время пытаясь вытолкнуть кляп. Конан подверг ее той же процедуре, что и первую амазонку.

— Теперь ты мне расскажешь про свой отряд,— дав ей время отдышаться, объявил киммериец.— Ну! Сколько вас в отряде?

— Две сотни,— не моргнув глазом, сообщила пленница. Она снова поморщилась, видимо, рана причиняла сильную боль.

— Хорошо еще, что вас всего двое,— тихо рассмеялся киммериец,— а то могло бы дойти и до тысячи, демоны вас возьми! Жаль, что я вам не приглянулся,— с сожалением добавил он,— ну что поделаешь, вы же дикарки. Вижу, не остается ничего другого, как разузнать все самому.

Он посмотрел на них, раздумывая, как поступить. Зарезать, чтобы не оставлять лишних врагов? Пожалуй, это не очень хорошо, вот если б на их месте были мужчины, киммериец не колебался бы ни мгновения. Он понимал, что, ввязавшись в междоусобицу, он не раз прольет кровь амазонки — но одно дело убивать в бою, и совсем другое — прикончить беспомощных пленниц. На это у него просто не поднялась рука.

— Вы сами выбрали свою судьбу,— обведя их тяжелым взглядом, заявил варвар.— Я ничего вам не сделаю, но оставлю здесь. Если не задохнетесь и ночью вас не разорвут шакалы или волки, то, клянусь брюхом Крома, можете считать, что вам повезло. А если нет...— Он развел руками.

Конан оттащил амазону подальше в рощицу, чтобы их не было видно с тропы, плотно вставил кляпы, пропустив в них что-то вроде уздечек, которые привязал к деревьям, притянул за шеи к стволам и, полюбовавшись делом рук своих, стал собираться.

Прежде всего он увел с поляны лошадей и привязал их за длинный повод к дереву все с той же целью — чтобы никто не увидел с тропы, потом заткнул за пояс три метательных ножа, вынул из седельной сумки веревку покрепче, проверил, надежно ли держатся на широком кожаном поясе меч и кинжал, и, бросив последний взгляд на пленниц, кошачьей поступью ушел с уютной лужайки, где ему, увы, так и не довелось отдохнуть.

Глава восьмая

Когда большой отряд останавливается на ночлег, то какие бы ни предпринимались меры для скрытности, все равно наметанный глаз издали обнаружит присутствие множества людей и животных.

Конан старался держаться в стороне от тропы. Иногда это было не очень удобно, поскольку приходилось карабкаться по скалам или продираться сквозь кустарник, но зато и обнаружить его было почти невозможно. Киммериец двигался мягко и бесшумно, как крадущаяся пантера.

Признаки лагеря появились совсем скоро: варвар обладал острейшим слухом, а запахи чуял, как зверь. Фырканье лошадей, запах дыма и конского пота, шуршание травы и похрустывание сухих веток — все это заставило его удвоить осторожность.

Киммерийца беспокоили не люди, здесь в умении прятаться ему не было равных, но вот собаки могли учуять его приближение.

Конан, послунив палец, определил направление ветра и начал забирать вправо, карабкаясь по камням, чтобы подойти к лагерю с подветренной стороны — так было безопаснее. Звуки стали явственнее, скоро сквозь негустую растительность он увидел отблески костра. Конан осторожно проскользнул сквозь переплетенные ветки невысокого кустарника, облепившего край скалы, и оглядел местность. Яркий огонь трех костров, как бы окружавших небольшую поляну шагах в ста прямо под ним, мешал разглядеть, что

посередине, надо было подождать, пока глаза привыкнут к свету.

Постепенно он различил сидящих у костров вооруженных караульных, пасущихся чуть поодаль лошадей, а потом и спящих прямо на траве воительниц. Луна уже поднялась высоко и хорошо освещала поляну, но все же с такого расстояния варвар не мог выяснить главного: где они держат Акилу и Паину.

Он еще раз внимательно обшарил глазами лагерь. Собак не видать, и это очень даже неплохо. Хоть и не совсем понятно, что делать.

«Одному не справиться, их слишком много, — размышлял варвар, не спуская глаз с бивака. — Конечно, не сто, но полсотни будет. В карауле десятков, — еще раз оглядел он костры, — всех за один раз не уберешь, поднимут шум».

Он почесал переносицу, будто это могло помочь в раздумьях. Ничего путного в голову, однако, не приходило.

«Вот если бы моих девушек сюда, а их двенадцать человек все-таки, при внезапном нападении это уже кое-что». — Он опять поймал себя на мысли, что называет этих женщин «своими», и в очередной раз посмеялся в душе.

«Ну а что, мысль неплохая, — подумал киммериец. — Сегодня мы с ними встретимся, а завтра можем и подобраться к лагерю, как сейчас».

Правда, по своему опыту варвар хорошо знал, что завтра сильно отличается от сегодня, и то, что получилось однажды, может не повториться. Если поймал момент, надо его использовать, другого такого может и не быть, да наверняка и не будет. Тем не менее он решил подождать до утра, чтобы при солнечном свете точно узнать, и сколько человек в этом отряде, и как они охраняют своих пленниц — в общем, разведать все, что удастся.

Он пролежал на гребне скалы всю ночь, наблюдая за спящим лагерем, успел даже выучить смену караульных и мог заранее сказать, когда девушка встанет у костра и пойдет сменять свою товарку, затаившуюся недалеко от поляны. Когда утренние лучи солнца позолотили верхушки гор за долиной, лагерь пробудился. Но киммерийца ждало ог-

ромное разочарование. Акилы среди воительниц не было. С надеждой он переводил взгляд с одной группы девушек на другую, но ни королевы, ни Паины различить среди них не смог.

Холодный пот выступил у него на спине. Как же так? Куда они делись?

«Может быть, пленниц отправили с частью отряда вперед, пока остальные расправлялись с людьми Саудана?» Эта догадка, первой пришедшая ему в голову, скорее всего была самой верной.

Теперь предстояло решить, что же делать дальше. Мысли роились в голове, но ясного ответа ни на один из своих вопросов он пока не находил.

«Рога Нергала мне в печени! Провалился здесь целую ночь, а мог бы найти Акилу,— укорял он себя.

— ...Так, их всего... восемнадцать, нет еще двое... двадцать в этом отряде.— Варвар не забывал следить за лагерьем.— ...Перебьем как цыплят... если только встречу своих девушек...— Мысли набегали одна на другую, мешая сосредоточиться.— ...На кой мне этот отряд?..

Но здесь все-таки оружие... Ладно, потом с ними разберусь... Сначала надо спасти Акилу...

Кстати, вот и ручей, да и место точь-в-точь, как нарисовала Энида».

Конан отполз за край скалы, потом еще подальше, пока гребень не скрыл его совсем. Тогда он приподнялся и знакомым путем поспешил назад, на лужайку, где оставил коней.

По врожденной привычке он непрестанно озирался в пути, временами останавливался и прислушивался. Когда лужайка была совсем близко, киммериец упал на землю и прижался к ней ухом. Ничего не уловив, он все-таки дал крюк по восточному склону, чтобы подобраться к рощице через кустарник, а не спускаться со скал, где при дневном свете он был бы виден как на ладони. Жизнь приучила его к осторожности. Вдруг воительницы решат искать своих пропавших друзей?

Скоро варвар в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность. Услышав хруст сухой ветки, он мгновенно

бросился на землю, потом, подтянувшись на руках, выглянул из-за камня. Амазонка, временами оглядываясь по сторонам, внимательно смотрела на землю, видимо, изучая следы, которые он оставил ночью, подбираясь к лагерю. Варвар узнал ее — она была из отряда изменниц, то есть «его девушек», как он их называл. Решив подшутить над ней, он подобрал камешек и, уловив момент, бросил, целясь чуть левее девушки. Воительница мгновенно обернулась на звук, и тогда вторым камешком щелкнул ее по затылку. Она, как змея, молниеносно обернулась, выхватывая кривой ятаган.

— Молодец,— похвалил ее Конан, поднимаясь из-за камня,— у тебя был шанс уцелеть. Где твои подружки?

Девушка, глядя на него не очень дружелюбно, поманила за собой. Они вышли на то место, где он оставил своих коней и пленниц.

Картина, открывшаяся взору, заставила варвара содрогнуться. Кони мирно щипали травку, но остальное... На поляне, окровавленные и обезображенные до неузнаваемости, лежали два трупа, а поодаль что-то обсуждали между собой три женщины из отряда сторонниц Акилы.

— Ты был у лагеря? — спросила одна из них.

— Да,— коротко ответил Конан,— но вашей королевы там нет.

— Мы знаем. Они нам все сказали.

«Да,— подумал киммериец.— Даже камень заговорит, если подвергнуть его таким пыткам».

Он подивился свирепости женского племени, но вслух ничего не сказал.

— Акилу отправили вперед. Хотят доставить ее в Куюпху, пока мы не напали на них.

— Что это за Куюпха?

— Вон за тем хребтом,— амазонка указала на север,— в долине несколько больших селений. Самое ближайшее отсюда — Куюпха. Там Акилу посадят в клетку и под большой охраной повезут в столицу, к Бризейс.— Видимо она не питала надежды, что королеву удастся спасти, и это располагало ее к непривычному многословию.

— Сколько дней пути до этой Куюпхи? — отрывисто спросил варвар.

— Они опережают нас на день и завтра к вечеру будут у селения, — печально вздохнула девушка.

— А нет ли другой дороги туда?

Амазонка отрицательно покачала головой.

— Здесь только одна караванная тропа.

— При чем здесь караван? — вспыхнул Конан. — Если с вами не будет Акилы, на что вам оружие?

— Вообще-то, у нас есть одна женщина, она знает горную тропу, по которой можно добраться до долины, но только пешком, без коней.

— Умница, — похвалил киммериец — в его голове уже созрел план.

— Где ваша предводительница? Идем к ней.

План Конана состоял в следующем: в обход по горам догнать отряд, который везет пленниц, и любой ценой отбить их, потому что иначе все будет потеряно. Он предполагал, что Акилу смогут ввезти в селение только тайно, чтобы не взбудоражить ее сторонниц, — скорее всего ночью, поэтому у Конана и Эниды есть два дня. Если они не успеют за этот срок, то игра будет проиграна.

— А вдруг они тоже выслали гонца по горной тропе? — задала вопрос Энида.

— Все может быть, — ответил киммериец, — но все равно надо поторопиться. Даже если они вышлют отряд нам навстречу, то он дойдет на конях только к вечеру.

Решили коней и тюки с оружием оставить в укромном месте и потом вернуться за ними, если все пройдет успешно.

— Теперь вперед, и пусть удача нас не оставит! — промолвил варвар.

Глава девятая

Они двинулись в гору. Назвать тропой тот путь, которым они карабкались по скалам, можно было с большой натяжкой — по правде говоря, она годилась лишь для горных коз. Киммерийцу было не привыкать лазать по каменистым кручам, но он с удивлением отметил, что воительницы от него почти не отстают. К полудню они забрались на самую высокую точку кряжа и вышли на небольшое плато, покрытое редкой травой. Со всех сторон, кроме северной, были видны вершины окрестных гор.

— Там, впереди, — показала предводительница, — крутой обрыв, а дальше — долина.

Они шли быстро, почти бежали, по ровной твердой земле и скоро вышли к обрыву. Конан подошел к краю и поразился грандиозности открывшегося перед ним зрелища.словно гигантская пасть откусила край горного хребта и проглотила огромный кусок. отвесная стена уходила прямо до самого дна долины и тянулась вправо и влево почти до горизонта.

— Смотри! — Энида указала на запад.

Варвар пригляделся и увидел, как между дальними холмами движутся несколько еле различимых точек, то скрываются в зарослях, то вновь появляются на открытых местах.

— Это они!

Проводница направилась к двум огромным черным камням, жестом позвав за собой остальных. Между камнями

Конан увидел узкую расселину — по ее крутым стенам им предстояло спуститься.

Путь был не из легких, то и дело приходилось повисать на вытянутых руках над бездной, но девушки справились со спуском, и отряд оказался в долине задолго до того, как солнце склонилось к горизонту.

— Быстрее, быстрее! — подгонял киммериец своих спутниц.

Они бежали по узкому ущелью вдоль неширокой речки, которая расширялась перед каждым порогом, так что почти все время приходилось идти по пояс в воде. Варвар часто поглядывал на девушек и замечал на их лицах признаки огромной усталости, хотя никому даже в голову не пришло пожаловаться вслух.

«Все-таки мужчина он и есть мужчина», — мелькнуло в голове у варвара, но потом он сообразил, что вряд ли кто, кроме него самого, выдержал бы такой переход, и он невольно проникся уважением к этим мрачным и немногословным воительницам.

Они выбежали из ущелья на небольшую полянку, и предводительница жестом велела остановиться.

— Караванная тропа в ста шагах отсюда, — бросила она в ответ на недоуменный взгляд Конана.

Теперь надо было действовать очень осторожно. Они вышли на тропу и тщательно осмотрелись. Скорее всего, отряд Бризейс прошел здесь недавно — следы конских копыт на участках, где среди каменных осыпей пробивалась редкая трава, были совсем свежи. Даже запах конского пота не успел рассеяться.

— Скорее всего, они заночуют у озера, — сказала Энида, — мы всегда разбиваем там лагерь.

— Это далеко? — спросил варвар.

— До сумерек как раз успеем.

— Тогда есть смысл немного отдохнуть и подумать, как мы них нападём.

— Согласна, — кивнула амазонка, и варвару показалось, что девушки смотрят на него уже без ненависти. Все-таки общее дело и общие трудности сближают даже таких разных людей.

Воительницы хорошо знали местность — как-никак, это была их земля. На песке начертили кроки: озеро, подходящие к нему тропы, лесок на берегу, река.

— Обычно лагерь разбивают здесь, — Энида ткнула острием кинжала в песок, — а караулы выставляют тут, тут и, — задумалась она на мгновение, — тут.

— Но их всего десять человек, — возразил киммериец, — поэтому столько караулов им не выставить. Скорее всего, они перекроют тропу вот здесь, — он показал на карту, — и здесь. С северной стороны они могут и не поставить никого, потому что оттуда они нас не ждут.

— Правильно, — взглянув еще раз на рисунок, согласилась воительница, — тогда мы можем рассчитывать, что здесь и здесь, — она вновь ткнула в план концом кинжала, — будет по два человека.

— Почему по два? — не понял варвар.

— У нас такое правило: в карауле на каждом посту стоят двое, — отрезала предводительница.

Киммериец недоуменно почесал в затылке: двое так двое, ему все равно, но про себя решил, что когда людей слишком мало, устав можно и нарушить.

— Их всего десять, — вслух повторил варвар, — значит, в самом лагере останется шесть. Если мы снимем караулы, то нас будет вдвое больше, чем их.

Сидевшие до тех пор молча амазонки дружно фыркнули, что должно было означать: ты сначала попробуй сними наших караульных!

Киммериец пропустил этот выпад, рассчитывая, что он один справится с двумя караульными без особых сложностей.

«Это, дорогие мои, — усмехнулся он про себя, — вам не с гирканцами воевать. Посмотрим, как у вас получится с варваром из Киммерии!»

Когда стало смеркаться, весь отряд направился по тропе на предполагаемое место стоянки их противниц. Решили, что Конан и еще трое воительниц попытаются аккуратно снять караульных, а остальные в это время будут ждать команды неподалеку. Если рухнет первый план, придется напасть на лагерь в открытую, и тогда уж будь что будет.

Предводительница амазонок не ошиблась: бивак был там, где она и рассчитывала. Издалека они увидели костер, и тогда по сигналу варвара трое девушек, с которыми пошел и он, начали скрытно приближаться к лагерю, а остальные с оружием наизготовку остались ждать на месте.

Когда до цели осталось шагов двести, киммериец и его спутницы опустились на траву и поползли вперед, прислушиваясь к каждому шороху. Тишину нарушало только потрескивание веток в костре.

Конану эта тишина совсем не нравилась. Казалось, все в округе вымерло или спало безмятежным сном. Караульных не было видно, у огня вообще ни одной живой души. Опять что-то нечисто!

Ему не было видно с этого расстояния — мешала стена травы, — есть ли кто-нибудь в лагере.

«Может, ловушка? — мелькнула мысль. — Надо быть осторожным».

Варвар обернулся к ползущим вслед за ним воительницам, чтобы предупредить, но никого не увидел.

«Рога Нергала! — выругался он. — Только что они были рядом!»

Он повернулся и пополз назад по примятой траве. И через несколько шагов наткнулся на своих спутниц. Они совершенно неподвижно лежали на траве, как будто их мгновенно сморил сон. Варвар подполз поближе и приложил ухо к груди одной из девушек. Ее дыхание было ровным и спокойным — нормальное дыхание здорового спящего человека.

«Демоны! — ошарашенно подумал киммериец. — Что же это такое?»

Он попытался растормошить своих спутниц, но с таким же успехом можно будить каменные изваяния.

«Что делать? — лихорадочно заматались мысли в голове Конана. — Что за проклятые места, не иначе снова какая-то волшебба...» Рука непроизвольно дотронулась до шеи. На месте! Он нащупал кожаный ремешок с мышиным черепом, который подарила ему Тамина.

«Помни, что вокруг тебя сейчас вихри магических сил, — вспомнил он ее слова, — этот талисман будет тебя охранять».

Варвар перевернулся на спину и лежал так несколько мгновений, глядя в темную бездну, усыпанную яркими мерцающими огоньками.

«Ждать нечего, — решил он, — что бы ни случилось, все равно надо попытаться найти Акилу и вытащить ее отсюда».

Конан вновь пополз вперед, удвоив осторожность, но ничто, казалось, вокруг него не двигалось. Даже стебли травы не колыхались от легкого ветерка. Не встреченный никем, он приблизился к самому лагерю и увидел воительниц, безмятежно спящих на расстеленной возле огня кошме. Чуть поодаль стояли их лошади. Они тоже выглядели странно — совершенно неподвижные, будто скованные какой-то силой. Варвар оглянулся по сторонам еще раз, но не увидел никого, кто бы охранял сон этих людей.

Он протер глаза, не веря им, но ничего нового не увидел. Ровно горел костер, даже языки пламени были какие-то безжизненные, они совсем не колебались, а просто тянулись вверх, как нарисованные.

Глава десятая

Киммериец приподнялся на локтях, высматривая среди спящих Акилу, и вдруг почувствовал на своей шее подошву чужого сапога.

— Не шевелись,— услышал он мягкий и, как ему показалось, знакомый голос,— мне бы не хотелось, чтобы твоя жизнь закончилась так нелепо. Но я тебя сразу прикончу, если дернешься.— В подтверждение слов острый металл уперся ему в шею справа, прямо за ухом, под черепом.

«Нергал мне в печень! — промелькнуло в мозгу варвара.— Как же это я так оплошал?

Как я мог ничего не заметить? И где я уже слышал этот голос?»

— Кто ты? — хрипло спросил он, пытаясь чуть повернуть шею, чтобы увидеть обладательницу знакомого голоса.

— Не оборачивайся.— Острые надавило чуть сильнее.— В свое время узнаешь. Скажи лучше, зачем ты здесь?

«Надо что-то придумать,— лихорадочно заматались мысли киммерийца,— так я выиграю время. Если она не убила меня сразу, значит, есть шанс выкарабкаться».

— Я разбойник,— начал он,— хотел поживиться имуществом этого каравана...

— Что ты разбойник, Конан,— послышался сверху тихий смешок,— это всем известно, но куда ты пришел не за этим.

— А зачем же тогда? — тихо спросил варвар, и тут же почувствовал, насколько глупо это прозвучало.

— Во-первых, можешь говорить и погромче,— ответила женщина,— все, кто попал в этот круг, будут спать, пока я не позволю им проснуться. А во-вторых, я могу тебе сказать, зачем ты здесь. Ты пришел, чтобы освободить эту великаншу Акилу, не так ли?

«Откуда она знает? — подумал киммериец.— Я же никому не говорил, кроме сторонниц Акилы».

— Можешь не отвечать.— В женском голосе послышалась издевка.— Я знаю, что у тебя с этой слонихой было, и зачем она здесь, и зачем здесь ты.

Варвар попытался что-то сказать, но женщина резко перебила:

— У меня такое впечатление, что ты любишь эту великаншу. Ну, что ж, как полюбится, так и разлюбится. Я предлагаю сделку.

— Какую?

— Очень простую. Ты мне сразу понравился, еще при первой нашей встрече. Мне нужен как раз такой мужчина, как ты. К тому же, мне кажется, ты знаешь, где найти чашу Гуйюка.

«Откуда ей все известно?» — металось в голове киммерийца.

— Ты ничего не сказала о своем предложении,— напомнил он.

— А ты еще не догадался? — Голос звучал мягко, но в нем все-таки сквозили нотки презрения.— Я отпущу твою королеву, потому что мне совершенно все равно, кто будет править этой дикой страной, но ты...

— Что — я?

— Дашь слово, что будешь сопровождать меня и заодно покажешь, где чаша.

— Я могу рассказать тебе, где чаша,— попытался торговаться варвар,— в обмен на свободу для меня и Акилы.

— Ты меня не понял,— укоризненно сказала женщина.— Мне нужны и чаша, и ты сам.

«Кто она такая? — Он напряг память.— Голос. Где же я все-таки его слышал? — Догадка, как молния, опалила

мозг.— Кром! Да ведь это женщина в белом, которую я встретил тогда на реке! Она наверняка колдунья. Только этого мне и не хватало!»

— Какие гарантии, что ты меня не обманешь? — осторожно спросил киммериец.

— Сейчас я свяжу этих воительниц, кроме твоей возлюбленной и ее грубиянки-прислужницы, — ответил ему голос сверху, — потом мы с тобой сядем на коней, и я сниму сонное заклятие.

— А если я после этого решу с тобой расстаться?

— Куда ты денешься? Я тебе тоже свяжу руки, а потом, когда мы будем далеко отсюда, посмотрю, как ты сможешь меня одолеть! — Колдунья опять засмеялась.

— Согласен. — Варвар чуть шевельнул затекшей шеей.

— Не торопись, — предупредила женщина. — Заложи руки за спину, я надену оковы.

Конан медленно завел обе руки за спину. Женщина на мгновение ослабила нажим клинка и, видимо, наклонилась к нему, чтобы сковать руки. Киммериец только этого и ждал: он прогнулся в спине, ударил обеими пятками, и женщина повалилась ничком перед ним. Он тотчас вскочил на ноги и выхватил меч.

— Мерзавец! — взвизгнула женщина. Очевидно, она не очень пострадала от падения, поскольку оказалась на ногах едва ли не быстрее варвара и стремительным выпадом чуть не проткнула ему живот.

Конан отразил удар. Да, он не ошибся — перед ним, словно разъяренная змея, выжидая мгновение для нового броска, стояла та самая женщина в белом. Ее черные густые волосы были растрепаны, белизна одеяния отчетливо выделялась в темноте.

— Сука! — яростно прошипел киммериец. Его выпад тоже был стремительным и мощным. — Тебе не помогут мерзкие колдовские штучки!

Однако противница была под стать Конану. Она ловко уклонилась от свистящей стали и тут же нанесла ответный удар. Клинки встретились, их звон, наверное, был слышен далеко вокруг.

Варвар парировал выпад и почувствовал, как не женски тверда рука его противницы. Он сделал шаг вправо, пытаясь поймать ее на ложном движении, но она почти опередила его, и если бы киммериец не успел увернуться, острие меча вонзилось бы ему прямо в грудь.

Противники были одинаково искусны в фехтовании, на выпад одного следовал удар соперника, они кружили друг против друга, как танцоры, но ни у кого не было преимущества. В быстроте и ловкости движений женщины было что-то демоническое.

«В точности, как Герард», — пришло на ум варвару, и внезапно его, словно гром, поразила догадка.

— Я тебя узнал, Герард! — крикнул киммериец.

Женщина в белом вздрогнула и на мгновение отвлеклась. Этого мига Конану хватило, чтобы выбить меч у нее из рук. Крутясь в лунном свете, словно волшебный диск, клинок отлетел в сторону. Варвар сделал свой коронный выпад, чтобы разрубить колдунью от плеча до бедра, но она каким-то непостижимым образом уклонилась и, отпрыгнув в сторону, побежала к лошадям. Киммериец на миг пошатнулся, потеряв равновесие, поскольку всю свою силу вложил в этот удар, потом бросился за ней, но женщина уже вскочила на вороного коня. Неподвижный до этого момента, как каменная статуя, конь взвился на дыбы, и до варвара донесся ее возглас:

— Ты еще пожалеешь, что отверг меня, Конан!

Киммериец, почти не надеясь на успех, остановился и метнул нож, но тщетно — она была словно заколдована от ударов, а может, так оно и было на самом деле. Нож просвистел над головой женщины, не причинив ей вреда. Ответом варвару был стук копыт уносящегося бешеным галопом коня. Конан оглянулся, почувствовав движение за спиной. Он не ошибся, колдунья сняла заклятие, и весь лагерь зашевелился. Воительницы просыпались и привычно хватались за оружие. Теперь киммерийцу предстояло сразиться с десятком сильных противников.

Он на мгновение замер, оценивая обстановку, но услышал шум со стороны дороги — это бежали на подмогу его

девушки. Все же у Конана было небольшое преимущество во времени.

Пока амазонки продирали глаза, он, увидев среди них Акилу, успел подскочить и кинжалом перерезать ее веревки. И толкнул ее в спину.

— Беги!

В следующий миг варвару пришлось отбиваться сразу от трех подскочивших воительниц. Их кривые ятаганы грозили ему со всех сторон, и Конан был вынужден призвать на помощь все свое умение и ловкость, чтобы не попасть под разящий удар. Отбиваясь, он пытался к деревьям, возле которых стояли лошади. Киммериец рассчитывал повторить маневр колдуньи, внезапно вскочить на коня и ускакать; он понимал, что против десятка противниц ему не устоять. Краем глаза он увидел, что Акила поняла его намерения и уже бежит к лошадям.

Конан, отбив два удара ближайших к нему воительниц, сделал резкий выпад и поразил одну из них, но тут же почувствовал, что острое клинка задело и его. Варвар отпрыгнул назад, поближе к костру и, когда противницы сделали два шага вперед, прыгнул изо всех сил. Такой прыжок мог совершить только киммериец — нападавшие на мгновение оказались под ним и слегка растерялись. Снизжаясь, он успел двумя ударами покончить с обеими женщинами.

Третья, находившаяся позади них, пыталась зарубить его, но варвар успел отскочить в сторону.

Он бросил взгляд на поле боя: остальные амазонки были уже в нескольких шагах от него, и Конану предстояло сразиться сразу с восемью разъяренными женщинами.

— Я с тобой! — услышал он голос Акилы, которая, подобрав ятаган одной из убитых, встала с ним рядом.

— Спина к спине! — крикнул варвар, но Акилу не надо было учить, она уже заняла эту позицию.

Им пришлось потрудиться совсем немного, потому что как раз подоспели сторонницы Акилы. Конан увидел, как его девушки ворвались на поляну, и теперь нападавших было четырнадцать против восьми, и среди них — такие

бойцы, как Акила и Конан. Шансов на победу у женщин Бризейс не осталось.

— Сдавайтесь! — крикнула Акила. — Я сохраню вам жизни!

Женщины побросали оружие. Победа была полной. Конан двинулся к Акиле, но она холодно осадил его:

— Не подходи! То, что было, прошло, сейчас у меня другие заботы. А за помощь спасибо.

Она сделала несколько шагов в сторону от костра. Варвар, хоть и обиженный столь суровым приемом, не сдержал улыбки: там билась, силилась освободиться от веревок, верная подруга опальной королевы. В пылу схватки все забыли о Паине.

Когда они с Акилой подошли к остальным, Конан дружелюбно обратился к девушкам:

— Я пришел помочь вам.

— Мы тебя об этом не просили! — отрезала королева. — Хотя, — она задумалась на мгновение, — подожди, раз уж ты здесь...

Акила подошла к пленницам, сидевшим на земле под присмотром ее девушек.

— Кто согласен перейти на мою сторону?

Встали все.

— Ну вот, — указала на них Акила, — теперь это твой отряд. Будешь у них командиром.

Услышав эти слова, пленницы побледнели так, что это было заметно даже в неярком свете костра. Идти под начало двуногого животного? Наверное, смерть принять куда легче.

Девушки бросились на колени, умоляя Акилу изменить решение. Варвар от души рассмеялся, глядя на эту сцену.

— Хватит! — прервала Акила мольбы своих бывших противниц. — Как сказала, так и будет! Это же, в конце концов, не на всю жизнь, — слегка смягчилась она, — и потом, вам будет только польза. Другого такого воина, как Конан, я не встречала.

Смягчив таким образом суровый прием, который был оказан киммерийцу, она отошла в сторону с Энидой. Варвар

приблизился к бывшим пленницам, те на него взирали со страхом и плохо скрываемой ненавистью.

— Ничего, красавицы! — разглядывая их, сказал Конан. — Привыкнете со временем, клянусь брюхом Крома! Что так смотрите, — поддразнил он их, — мужика не видели, что ли? Вот ты, — он ткнул пальцем в женщину постарше, — наверняка ведь знаешь, что это такое!

Женщина одарила его таким взглядом, что стало ясно — общение с мужчиной не доставило ей ровным счетом никакого удовольствия, скорее наоборот.

— Да, — вздохнул варвар, — извини, тебе не повезло. Ну, боги нас простят — я ведь, как ни крути, за всех мужчин не ответчик. Сейчас получим приказы на завтра, а там и поспать будет время, все-таки ночь, — добавил он, позевывая — как-никак, не спал вторую ночь подряд.

Он не ошибся. Подошедшая Акила назначила караульных из числа своих сторонниц, а остальные дела оставила на утро.

— Завтра все объявлю!

Конан отошел в сторонку, растянулся на траве, подложив могучие руки под голову, и мгновенно заснул.

Несмотря на жаркий бой с амазонками и встречу с колдуньей, ему снилось только съестное: баранья нога, запеченная с чесноком, аппетитные ломти королевского осетра и другие вкусности — мало того, что не спал двое суток, у него за это время в животе погостила только сухая лепешка. Любимая женщина, столь сурово встретившая его после долгой разлуки, не снилась.

Глава одиннадцатая

Утром Конан проснулся от радостных криков и звонкого смеха. Он приподнялся на локте и посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Увиденное заставило его только горестно вздохнуть и перевернуться на другой бок, чтобы не терзать себя понапрасну: в озере неподалеку от бивака купались воительницы.

Крепкие загорелые тела, щедро позлащенные утренним солнцем, мелькали в радужной туче водяных брызг. Это зрелище, наверное, и мертвого подняло бы из могилы, а киммериец далеко еще не был трупом.

«Пожалуй, зря я сунулся в эту компанию, — вздохнул он, — хотя нет, все-таки вряд ли они спасли бы Акилу без моего участия».

Правда, настроение слегка улучшилось, когда женщины окликнули его, приглашая на завтрак: в отряде припасов еще хватало, поэтому варвар, не стесняясь, набил себе желудок, памятуя о том, что никогда не надо откладывать на завтра то, что можно съесть сегодня. Женщины старались не встречаться с ним взглядом. Чувствовалось, что его присутствие им не очень приятно, но они не решаются перечить воле Акилы, сохранившей им жизнь.

— Теперь слушайте меня, — объявила Акила, когда с едой было покончено. — Я возьму с собой шесть человек, и мы поедем в Куюпху. Ты, Конан, возьми остальных — вы встретите караван, который идет за нами следом. Вы должны их остановить и, если не захотят перейти на нашу

сторону, убить всех. Их больше, но ваше появление будет для них неожиданностью.

Киммериец слушал молча, ковыряя в зубах кинжалом. Он еще не знал, долго ли будет вместе с Акилой, но решил не торопить события, тем более что его участие, по-видимому, могло оказаться полезным Акиле и ее сторонникам.

— Будь осторожна, — напутствовал варвар королеву, — колдунья уже в селении.

— Не беспокойся, — Акила бросила на него холодный взгляд и, огрев плетью коня, помчалась вперед.

Конан со своим отрядом двинулся навстречу каравану. Женщины хорошо знали эти места, они решили встретить противник в узком ущелье, лишит их маневренности. Как и вчера, им пришлось бежать, чтобы подойти к ущелью раньше каравана. Варвар не уставал восхищаться выносливостью амазонок.

— Вот здесь, — указала одна из них на узкую расселину между двумя высокими скалами.

Киммериец осмотрел ущелье — тропа здесь была настолько узкой, что с трудом могла протиснуться лошадь с вьюками. О лучшем месте для встречи противника нельзя было и мечтать. Чуть дальше за тесниной дорога шла вдоль крутого обрыва. Конан заглянул за край — голый склон уходил вниз почти отвесно, и только на самом дне пропасти он расширялся и полого переходил в поляну, за которой виднелся лес, тянувшийся далеко к горизонту.

— Почему вы не ходите к морю низом? — не удержался он от очередного вопроса. — По-моему, это легче, чем карабкаться по этим тропинкам.

Женщина смерила его презрительным взглядом.

— Ты видишь лишь клочок этой земли. Вокруг — непроходимые болота.

Варвар послал двоих женщин с луками на левый обрыв — единственное место, где они могли взобраться, поскольку вторая скала, вернее, огромный камень, прилепившийся к обрыву, был настолько крут и гладок, что даже киммериец вряд ли бы влез на него. Остальные воительницы спрятались за изгибом скалы и стали ждать каравана.

Когда караван показался из-за поворота, одна из амазонок вошла в проем между скалами и встала на пути неприятеля, подняв правую руку.

— Стойте! Вам лучше сдаться по-хорошему! — крикнула она. — Мы перешли на сторону Акилы, и скоро она сбросит с трона мерзавку Бризейс.

— Изменницы! — услышала она. — Прочь с дороги, или от вас останется мокрое место!

Расчет киммерийца на то, что его лучницам удастся перестрелять большую часть вражеского отряда, не оправдался. Караван растянулся так далеко, что последних воительниц нельзя было достать выстрелом. Все они мгновенно спешились и укрылись за лошадьми с поклажей. Пришлось идти вперед напролом. Вряд ли без киммерийца сторонницы Акилы могли надеяться на победу. Он, как таран, шел впереди всех и расчищал путь остальным.

«Все-таки сила кое-что значит, — удовлетворенно подумал варвар, когда очередная его противница не удержала меч в руках после того, как они спшиблись в схватке, — это вам не гирканцев-малоростков гонять».

Но надо было отдать должное его противницам: бой продолжался очень долго, пока ему не удалось оттеснить уцелевших сторонниц Бризейс на более широкое место, где обрыв уходил вниз к зеленым полянам. Конан вывел из строя человек пять-шесть — он точно не считал, — и теперь амазонок было почти поровну с каждой стороны.

На поляне схватка закипела с новой силой. Но отряд Конана все-таки одолевал, командир бился разом с двумя, а то и тремя воительницами, и под ударами длинного меча падали все новые жертвы.

Киммериец, отбив последний удар, отпрыгнул к краю обрыва и оглядел поле битвы. Его соратницы в разных местах поляны добивали последних сторонниц Бризейс.

«Дело сделано». Конан перевел дух.

Это было последнее, о чем варвар успел подумать. Когда он услышал свист стрелы, было уже поздно.

Одна из противниц, спрятавшаяся в расселине скалы и никем не замеченная, сумела-таки отомстить за своих под-

руг: киммериец почувствовал удар в грудь, пошатнулся, взмахнул рукой, стараясь в последней судороге сознания восстановить равновесие, но ему это не удалось. Он падал очень долго, увлекая за собой мелкие камни, которыми был усеян склон, ломая хрупкие ветви кустов уже внизу, и не видел и не знал, как закончился бой.

— Он нам хорошо помог. — Женщины без особого сожаления глядели на распростертое внизу тело их бывшего командира. — Оно и к лучшему, — решили они, — все равно мужчине среди нас не место.

Часть шестая

ЧАША ХОЛОДА

Глава первая

Так ты говоришь, что в отряде Акилы мужчина? Ее любовник? — Губы Бризейс сжались в злобешнюю тонкую линию. — Мерзавка совсем сошла с ума, но это и к лучшему — такое нарушение наших обычаев настроит против самозванки большинство моих подданных.

Бризейс сидела на троне, покачивая правой рукой царский посох, и жадно слушала рассказ Гермии. Колдунья, избежав меча киммерийца, прискакала в Куюпху, откуда наместница королевы не мешкая отправила ее в столицу в сопровождении большой охраны, дабы с обладательницей столь важных сведений ничего не случилось. И вот теперь колдунья рассказывает Бризейс обо всем, что происходит сейчас на южных окраинах ее государства.

— Говоришь, он очень силен? — недоверчиво взглянула она на рассказчицу.

— Не думаю, что кто-то из твоих подданных может оказать ему сопротивление, даже если их будет пятеро против него одного, — подтвердила Гермия. — Исключая, конечно, тебя, — слегка поправилась она, и добавила, подумав: — И твою сестру.

— Да. — Бризейс самодовольно повела могучими плечами. — Нам нет равных. Что ж, после того, как я раздавлю эту самозванку, такой мужчина нам пригодится, — усмехнулась она. — Для продолжения рода, конечно, а на что еще они годны, эти двуногие животные? — сплюнула она на пол.

— Твоя сестра, кажется, думает немного иначе,— заметила Гермия.

— Поэтому я во дворце,— стукнула посохом королева,— а она — там! Сейчас она прячется в степях,— добавила она, скривив губы в злой усмешке,— а скоро будет здесь, на дыбе, а потом я насажу ее голову на кол!

Она некоторое время молчала, покусывая полную нижнюю губу.

Хотя Бризейс и старалась не выдавать беспокойства, в ее душе был страх. Шпионы доносили, что у нее много врагов, что далеко не все довольны ее правлением, а теперь еще и поговаривают, что она незаконно лишила Акилу трона. И вот появилась она, ее сестра, которая столько лет скиталась где-то, но которую почему-то не забыли.

Холодок пробежал по спине королевы, на миг она почувствовала бесконечную ледяную тоску. Никому нельзя доверять!

И это сильнее всего терзало ее душу. Отовсюду можно ждать удара, даже от самых, казалось бы, преданных... Бризейс стиснула зубы. Эта мерзавка Оримби, которой она верила, как себе самой, командир личной гвардии! Как она умоляла пощадить ее, как клялась в верности! Но Хемилья развязала ей язык, она прекрасно умеет это делать, все рассказала предательница. Но лучше бы этого и не слышать... По словам изменницы, почти все командиры отрядов спят и видят, как бы поскорее сбросить ее с трона.

Надо срочно послать войско в Куюпху, чтобы не дать сестренке развернуться. И объявить всем, что она связалась с мужиком! Вот это будет удар под дых!

— Хорошо.— Она оторвалась от своих дум и благосклонно взглянула на Гермия.— Ты мне очень помогла. Я могу чем-нибудь отблагодарить тебя?

— Да, королева.— Черные глаза колдуньи встретились с тяжелым взглядом Бризейс.— Может быть, кто-нибудь из твоих подданных знает про чашу Гуйюка?

— Чаша Гуйюка? — Бризейс опустила веки, на мгновение задумавшись.— Я слышала давным-давно легенду об этой чаше... уже плохо помню.— Она наморщила лоб.—

Что-то связанное с кем-то из двуногих скотов-производителей?

— Почти,— улыбнулась Гермия краешком рта, вспомнив анатомические особенности каменного божка.— Его имя бог Этан. Но это не сказка. Чаша существует на самом деле, и она находится где-то в твоих землях.

— Хм.— Бризейс оперлась о подлокотник трона.— Интересно. Может быть, Питфея знает. Она вообще все знает.

Словно по неслышному приказу в стене отворилась потайная дверь.

Крепкая старуха с пучком седых волос на затылке подошла к королеве.

— Молодец,— похвалила ее Бризейс,— ты, как всегда, не пропускаешь ни слова.

— Я знаю, где эта чаша.— Старуха склонила голову, ожидая, какой будет реакция королевы.

— Рассказывай,— разрешила та, указав кивком головы на Гермия, застывшую в ожидании.

— На севере, в десяти днях пути от нас, стоит Красная гора. Там должна быть пещера, в ней и находится эта чаша.

— В десяти днях, ты уверена? — переспросила Бризейс.— Ведь в этих местах вечные снега!

— Насчет Красной горы уверена,— подтвердила Питфея,— но добраться туда очень не просто. Перевалив через Северные горы, надо ехать несколько дней по тундре на оленях. Сама я там не бывала, но мне рассказывали караванщики, торгующие там со снежными гирканцами. Оттуда мы привозим белые шкуры и жир, он хорошо помогает от морозов, если зимой смазывать им кожу. Что же касается этой чаши, то я сказала все, что знаю.

— Я тебе дам проводницу и несколько бойцов. Они доведут тебя до снегов.

Дальше уже не наши земли.

— Благодарю тебя, королева,— склонила голову Гермия. Она была чрезвычайно довольна собой, и близость желанной цели согревала ей душу.

Глава вторая

Конан с трудом разлепил веки, тяжелые, словно отлитые из свинца. Шея затекла, он с усилием повернул голову и завращал глазами, силясь определить, где он и что с ним.

«Стрела!» — подумал варвар, и все приключившееся в тот проклятый день стало медленно всплывать из глубин памяти.

Киммериец пошевелил руками и пальцами ног и с некоторым удивлением почувствовал, что может ими двигать. Потом поднял глаза. Он лежал на спине в просторной комнате со стенами из толстых бревен.

Низкий потолок из такого же кругляка нависал над ним, точно свод пещеры. Свет проникал через единственное оконце. Под потолком по стенам висели пучки трав и веток, сухие венки из полевых цветов. В комнате стоял тяжеловатый, но приятный дух, придававший этому странноватому жилищу домашний уют.

— Очухался, приятель?

В противоположной стене открылась дощатая дверь, и в потоке яркого солнечного света появился высокий, почти не уступающий ростом киммерийцу, широкоплечий человек. Солнце било Конану почти в глаза, и он не мог разглядеть лица, но подсвеченная солнечными лучами седина не оставляла сомнений — это был старик.

Когда он сделал несколько шагов вперед, варвар разглядеть резкие, будто вырубленные из камня, черты его лица,

глубокие морщины под глазами и на лбу, прямой крупный нос, четко очерченный рот и серые, глубоко посаженные глаза.

Глаза эти смотрели внимательно и слегка насмешливо.

— Как же это тебя угораздило поймать стрелу и не раскроить себе череп, упав с такой высоты? — спросил старик. — Вот, благодари его, а то бы так и подох на опушке.

Варвар скосил глаза и увидел рядом со стариком огромного лохматого пса. Он был величиной с шандаратского мастафа, но казался еще крупнее благодаря густой рыжеватой шерсти. Пес подошел к Конану и дружелюбно лизнул ему руку, потом сел на задние лапы и, высунув язык, внимательно, как и его хозяин, уставился на киммерийца.

— Видишь, — со смешком сказал старик, — понравился ты ему, не иначе. А то бы не стал спасать.

— Как я попал сюда? — с трудом ворочая языком, спросил Конан.

— Боги решили, что по пути на Серые Равнины ты можешь отдохнуть здесь, — широко улыбаясь, сообщил ему старик. — Вот я и ждал, заберут они тебя или оставят пока мне. Похоже, они решили, что еще рановато приходить за тобой. А если без шуток, то я подобрал тебя два дня назад на поляне у обрыва. Шуркан нашел и привел меня к тебе. Сначала я думал, что лучше тебя оставить, но когда увидел знак Кушада, решил: попробую вылечить. Тяжелый ты, — пожаловался он. — В мои годы таскать на плечах таких медведей...

— Что еще за знак Кушада? — не сразу понял варвар.

— Мышиный череп. — Старик нахмурился. — Откуда он у тебя?

— Ах, да, — вспомнил киммериец. — Это Тамина дала.

— Хорошая девочка, — сказал старик. — Давно ты знаком с Таминой и ее отцом?

— Давно, — вздохнул Конан и поморщился от боли, в груди жгло, каждый глоток воздуха давался с трудом. — Лет десять уже, наверное.

— Не знаешь, как они сейчас?

— Почему не знаю? — Киммериец сглотнул слюну. — Месяц тому, как виделись.

— Потом расскажешь. — Старик протянул ему деревянную плоску: — Вот, выпей, полегчает.

Конан с трудом сделал несколько глотков буроватой и маслянистой, но удивительно свежей на вкус жидкости, и ему сразу же задышалось легче и стихла боль в голове.

— Теперь отдохни. — Старик накрыл его медвежьей шкурой, и варвар опять провалился в глубокий сон.

* * *

Через два дня киммериец стараниями старика был представлен на ноги. Рана затянулась, хотя еще побаливала при резких движениях.

— Эти сучки смазывают наконечники стрел соком ядовитых грибов, — сообщил варвару старик. — Тебе еще повезло, видать, зелье было старое, подсохшее. Или ты очень здоровый, поэтому в тебя надо было всадить две или три такие стрелы...

Они вели неспешный разговор, сидя на крыльце лачуги колдуна. Старик, имя которого было Мерид, очень давно жил в этом краю, среди густых лесов и непроходимых болот.

Люди сюда забредали редко, и он был рад поговорить с киммерийцем, особенно когда узнал, что Конан старый друг его давнего приятеля Кушада.

— Сюда почти никто не попадает по своей воле, видишь, какие места? — Мерид повел рукой, показывая на густой и высокий лес вокруг поляны, на которой стоял его дом — настоящее жилище лесного чародея, срубленное из огромных, в два обхвата, бревен.

— А эти, воительницы? — спросил киммериец.

— Иногда приходилось вытаскивать их из болота или выводить из леса. Хорошие были девки! — Он, хитро улынувшись, щелкнул языком, и варвару стало понятно, что, наверное, немало девушек в этой стране обязаны Мериду своим появлением на свет.

— Пора и мне покинуть твой гостеприимный кров... — начал варвар.

— Не торопись, побудь еще денек-другой, пока не наберешься сил. За что демоны забросили тебя в эти края? — полюбопытствовал старик.

Киммериец рассказал обо всем, что произошло с ним за последнее время, стараясь не упустить ни одного события.

— Думаю, надо тебе забыть эту Акилу, — сочувственно выслушав Конана, посоветовал Мерид. — Поверь мне — а я этих женщин знаю хорошо, слава богам, уж сколько лет живу рядом, — ничего путного из этого не выйдет.

Они странные, их обычаи непонятны мне, тем более отношение к нам, мужчинам. Мало с кем удавалось мне найти общий язык, а уж я старался, как мог... В молодости, знаешь ли, у меня это получалось неплохо.

— Мне это не в диковинку. — И Конан поведал старику о странной впадине в заморанской пустыне, которая называлась Тангой и где ему довелось побывать в юности.

— Там нашего брата тоже не жаловали, — подытожил он свой рассказ, — но все-таки не убивали, как эти амазонки.

— Слышал я об этой Танге, — выслушав его, сказал Мерид. — Кажется, это рядом с проклятым городом Ларши?

— Точно, — подтвердил киммериец. — Нечистое местечко, колдовское. Наверное, магия как-то воздействует на женщин, вот они и сходят с ума. Здесь тоже, наверное, какое-то сильное магическое влияние, потому-то воительницы маленько того... — Он покрутил пальцем у виска.

— Может, и так, — усмехнулся старик. — Возьми-ка, чтобы руки не скучали. — Он бросил Конану зайцев, вытащенных утром из силков. — Освежуй, а я приготовлю ужин.

Мерид был еще крепок, хотя его волосы были белы, как шкура северного медведя. Умением работать челюстями он не уступал киммерийцу, и скоро от четырех довольно крупных длинноухих остались одни косточки, их с довольным урчанием приканчивал лохматый пес.

— Вот чего у меня нет, так это вина, — с сожалением сказал старик, вытирая рот рукавом рубахи, — кончилось. Кстати, расскажи-ка мне подробнее про эту чародейку, которая превращалась в мужчину. Кого-то она мне напоминает...

Стараясь не упустить ни малейшей подробности, Конан описал Мериду свои встречи с колдуньей.

— Что ж ты мне сразу не сказал, что она ищет чашу Гуйюка? — упрекнул тот киммерийца. — Это совсем плохо и чревато большими несчастьями для многих, — добавил старик, и его лоб избороздили морщины.

— Почему? — любопытно спросил Конан.

— А вот слушай...

И старик рассказал ему длинную легенду, которую в свое время, слышал от матери, а та — от бабушки, в общем, начало этой истории терялось в такой глубине времени, что и умом не охватить. По его словам выходило, что чаша эта в давние времена принадлежала гиперборейцам, но в войнах против номадов она была утеряна, и никто не знает, где она сейчас.

С давних пор они разыскивают ее, и особенно в этом заинтересована ведьма Луки из Похьелы. Говорили, что там, где находится эта чаша, кончается вечный холод, и если ее перенести в другое место, то граница вечного холода двинется вслед за ней. Это произойдет не сразу, может быть, пройдут десятилетия, но вечный холод может оттеснить соседние племена к югу, и их земли достанутся гиперборейцам.

— Очень похоже, что твоя колдунья — дочь Баэлины, — озабоченно сказал Мерид.

— А кто такая Баэлина?

— Дальняя родственница ведьмы Луки, очень дальняя, так мне рассказывали, — ответил Мерид. — Но дело в том, что весь этот клан повязан клятвой Белой Руки, и где бы ни находились родичи, они помнят о своем главном предназначении — крепить могущество Гипербореи. Они как угри, которые возвращаются из дальних морей в родную реку. Люди из этого клана всегда помнят, что их предки были гиперборейцами.

— Так ты думаешь, эта мерзавка хочет овладеть чашей и перенести ее на юг? — обеспокоенно спросил варвар.

— В том-то и дело, — медленно проговорил старик. — Представь, что она привезет ее в Султанапур или еще куда-нибудь.

Тогда, если легенда не обманывает, через сколько-то лет вечная мерзлота дойдет до тех мест.

Море Вилайет будет зимой покрываться льдом до самого Острова Железных Идолов. Холод постепенно проникнет до самого Хаурана, все покроется снегом, не будет ни пастбищ, ни таких лесов, как этот. Ты был когда-нибудь в тундре?

— Мне пришлось в молодости побывать в Гиперборее, — усмехнулся киммериец, вспомнив ненавистную Халогу, — в самой ледяной пустыне.

— Вот такое может быть и здесь, — мрачно кивнул Мерид. — Кушад давным-давно рассказывал мне, что, по его сведениям, Баэлина ищет эту чашу, но у нее что-то не ладится с магией.

Среди магов тоже ходят слухи, — усмехнулся он, — по нашей, по колдовской части: кто что поделывает, кому что удалось, а кому нет, клянусь Эрликом!

— И что же теперь делать?

— Боги не должны допустить этого, но, — старик с сомнением покачал головой, — все может случиться. Если эта молодая стерва заполучит чашу в свои руки, то нарушится Великое Равновесие, и никто не знает, что может тогда произойти. Эх, обленился я здесь! — Он сокрушенно ударил ладонью по коленям. — Не слежу за тем, что творится в мире. Сами боги послали тебя ко мне, киммериец! Мне кажется, сейчас один ты способен помочь — не только мне, но и многим другим.

— Говори, что я должен делать. — Варвар истосковался без дела. — Я готов, клянусь бородой Крома!

— Будь я неладен! — опять обругал себя Мерид. По его лицу было видно, что он сильно расстроен. — Я не могу тебя быстро переместить, потому что Серую Шкуру

одолжил Ток-тогулу, к которому и надо тебе попасть. Эх, кто же мог знать! Я же говорю — обленился, не слежу... Если бы я вовремя узнал, что произойдет в ближайшем...

— А где этот Ток-тогул? — перебил киммериец. Его не пугали большие расстояния: жизнь научила многому, и трудным переходам в том числе.

— Он живет на краю тундры, за Северными горами, где начинаются земли снежных гирканцев. Туда дней десять пути верхом.

— Ну, так это не дорого! — рассмеялся Конан. — Десять дней, тоже мне путешествие, клянусь Кромом!

— Дело в том, что эта колдунья придет туда раньше, чем ты доберешься до Ток-тогула, а он ничего не знает о ней, да и неизвестно, сможет ли ей помешать.

— Но она же не знает, где искать чашу!

— А ты знаешь?

— Знаю!

— Как узнал ты, так мог узнать и другой. Эти воительницы живут здесь с незапамятных времен, может, кто-нибудь из них и слышал о чаше.

— Я об этом не подумал, — сокрушенно потупился варвар.

— Ничего страшного, — махнул рукой старик, — человек не может предусмотреть всего. Главное, что у тебя есть защита от чародейки, и ты в силах ей помешать. Вот только как бы предупредить Ток-тогула, чтобы он задержал ее на несколько дней...

Старик погрузился в глубокие раздумья. Киммериец, заложив руки за голову, прислонился к нагретой солнцем бревенчатой стене старого дома и тоже задумался. Он вспомнил ледяную пустыню — не в Гиперборее, а в Асгарде, — где как-то пришлось провести несколько дней.

Это было давно, но он будто наяву видел припорошенные снегом синеватые глыбы и острые, как стекло, ледяные осколки под ногами. «Бр-рр... — поежился варвар. — Однако ничего не поделаешь, если надо, то придется еще раз прогуляться в такие места».

— Кажется, придумал, — оторвался от своих размышлений Мерид. — Правда, тебе придется сделать небольшой крюк, но это все-таки выход из положения.

Поедешь на запад, там начинается тундра и там живет старая Акаста. Она моя родственница, и должна помочь тебе. Возьмешь моего лучшего коня и через два дня будешь там.

— Сделаю все, что скажешь, — заверил старика киммериец, — можешь на меня положиться.

Глава третья

Перид сам проводил варвара лесными тропами, известными только ему, к последней гряде гор, за которыми начиналась степь, переходящая в тундру.

— Пройдешь перевалом между этими горами,— указал старик на плоские, изъеденные временем голые вершины,— а когда спустишься на равнину, то держись края леса, чтобы не угодить в болото, и выйдешь прямо к Акасте. Других жителей в этом месте нет, так что не промахнешься. Передашь ей привет от меня и расскажешь то, что поведал мне.— Старик подержался за стремя его коня.— Ну, прощай, пусть боги нам помогут.

— Спасибо тебе за все.— Конан тронул поводья и направился по узкой, почти незаметной тропинке к видневшейся вдали впадине на горном кряже.

Дорога была нетрудной, а коня старик дал доброго, так что киммериец еще до конца дня перевалил через хребет и спустился в долину. На той стороне гор, еще на склоне, он почувствовал холодное дыхание зимы. Будто и не приходила сюда весна, травяной покров был еще желт и только кое-где пробивались островки юной зелени. Лес, края которого велел держаться Мерид, был низкорослым и чахлым — сосны и ели, что по ту сторону гор были высокими и могучими, по эту напоминали высокий кустарник.

Слева, насколько хватало глаз, тянулась бесконечная кочковатая равнина, покрытая редкой травой, озерцами темной воды и торчащими кое-где хилыми деревцами. Варвар, каж-

дый раз поминая демонов, с трудом находил путь между болотной жижей и усыпанным камнями чахлым лесом. Все время навстречу ему дул злой колючий ветер, иногда приносивший с собой хлопья редкого мокрого снега.

«Хорошо, что старик дал мне этот плащ.— Конан поглубже надвинул капюшон, стараясь укрыться от холодных порывов ветра.— Понятно, почему здесь никто не живет»,— усмехнулся он, окидывая взглядом тоскливую буровато-желтую поверхность болот.

Он с трудом нашел более-менее сухую поляну, пригодную для ночлега, пустил коня понастись на опушке чахлого леса, где приметил островки свежей травы, а сам, наломав сучьев, разжег костер. Сырое дерево горело неохотно, но все-таки давало тепло, и киммериец смог переночевать у огня, поплотнее завернувшись в плащ. Старик щедро снабдил его в дорогу едой, и это грело душу даже лучше, чем скудное тепло тлеющих коряг.

Утром, едва рассвело, варвар продолжил свой путь. Лес кончился вместе с последними отрогами гор, точнее, уже плоских холмов, и теперь Конана окружал со всех сторон унылый простор болота; за ним едва угадывалась тропа, по которой он надеялся добраться до старухи. Все время, пока его конь ступал по зыбкой, хлюпающей под копытами почве, мертвая тишина, окутавшая все вокруг, нарушалась только порывами ветра да чавканьем болотной жижи. За весь день киммериец не встретил по пути ни зверя, ни птицы.

«Вот уж местечко так местечко.— Он вертел головой, тщась найти хоть малейший признак жизни.— Сам Неграл вряд ли захотел бы здесь поселиться!»

Когда солнце склонялось к горизонту, он учуял дым, а еще через некоторое время увидел стелющееся почти по самой поверхности болота клочковатое марево.

«Слава Митре, доехал»,— с облегчением вздохнул киммериец, направляя коня к видневшемуся вдали небольшому холму, где, как он предполагал, и жила та самая старуха.

Однако попасть к ней оказалось не таким простым делом.

Конан объехал вокруг всего холма, но нигде не нашел хотя бы намека на вход. Не было и дымохода, дым просто сочился откуда-то снизу, как будто горел весь пригорок.

— Акаста! — заорал Конан во всю мощь своих легких. — Где ты прячешься? Меня прислал Мерид!

— Ну вот, так бы сразу и сказал, — слышалось откуда-то сверху. — Можешь заходить.

Варвар поднял голову, но кроме белесоватого, покрытого клочками облаков неба, ничего не увидел.

— Не туда смотришь, парень, — снова раздался тот же голос, — гляди перед собой.

Киммериец присмотрелся и только теперь увидел, что у пригорока менялись очертания: он рос ввысь и в то же время проваливался, напоминая гигантскую воронку. Конь испуганно заржал и попытался назад, но было уже поздно, земля под ними поехала, и какая-то сила начала затягивать и коня, и варвара внутрь этой воронки. Скоро они очутились между двумя высокими стенами, сложенными из желтоватого камня.

Сила продолжала тащить их все глубже и глубже, пока не скрылось и небо, и чахлая болотная равнина, и вообще все вокруг — и снизу, и сверху, и с боков — была только каменная поверхность.

Наконец движение прекратилось, и Конан очутился в большом круглом зале без окон и дверей. Мягкий свет зажженных по углам больших светильников делал помещение просторнее, чем было на самом деле. Зал был почти пуст, если не считать каменного подиума напротив киммерийца; на подиуме в большом старинном резном кресле сидела сморщенная старушонка, с любопытством глядевшая на гостя.

— Слезай с коня, — посоветовала она варвару, — чего застыл?

Конан, несколько ошарашенный всем происшедшим, при звуках ее голоса соскочил с седла и поклонился.

— Здравствуй, почтенная, меня прислал Мерид.

— Слышала уже, — отмахнулась старуха. — Заберите у него коня, — приказала она кому-то, стоявшему, по-видимому, за спиной варвара.

Он оглянулся, но никого не увидел — как, впрочем, и своего коня, который мгновенно исчез, словно растворился в воздухе.

— Ну подходи, садись да Расскажи, что поделывает этот старый пень, — поманила его старуха.

Конан подошел поближе и хотел уже было присесть на подиум, но тут заметил невесть откуда появившееся кресло, такое же, как у старухи.

— Садись, садись, — подбодрила его Акаста, — а то все седло да седло, притомился небось.

Киммериец был несколько смущен встречей и удивлен творящимися вокруг чудесами, поэтому он потрогал кресло, убедился, что оно твердое, и лишь после этого осторожно присел на краешек.

— Не бойся, не развалится, — успокоила его старуха, — единственное, что может здесь развалиться, — это я сама.

Варвар взглянул на нее повнимательнее: действительно, с виду она была очень древняя, глубокие морщины покрывали все лицо и сложенные на коленях руки. Кожа была темного, почти орехового цвета, какая бывает у стариков, проживших много-много лет.

— Небось обленился совсем мой племянничек? — спросила старуха, не дождавшись, когда киммериец соберется с мыслями. — Гонять его надо хорошенько! — Она вдруг сурово поджала тонкие губы. — Совсем отбилась от рук без присмотра!

Было видно, что колдунью не так интересовало, что расскажет гость, как хотелось выразить свое недовольство поведением племянника. Варвар, несколько удивленный ее суровым тоном и осведомленностью в делах живущего далеко отсюда Мерида, молчал, не зная, с чего начать.

— Или это девки сбивают его с толку? — Старуха то ли задала вопрос, то ли продолжала говорить сама с собой. — Старый пень, а туда же, мать его... — энергично выразилась она напоследок и взглянула на Конана.

Варвар открыл рот, чтобы вставить слово, но не успел.

— И не защищай его! — замахала ведьма руками. — То же, наверное, такой же кобель! Все вы одинаковы, — продолжала развивать она мысль, которая, видимо, давно не давала

ей покоя.— Дела забываете, клянусь Митрой, когда только почувете...

Она вдруг съежилась и долго ловила ртом воздух, Конан испугался, не хватил ли ее удар, но она только чихнула, зато с такой силой, что закачалось пламя свечей.

— Пока он там гуляет по лесу да лапает амазонок, мне приходится делать за него его работу,— пожаловалась Акаста варвару, как будто он понимал, о чем идет речь, и по крайней мере мог повлиять на нерадивого племянника.— А я уже в возрасте,— подняв палец, продолжала она.— Ведь его обязанность — никого не допускать на остров. Впрочем,— старуха подозрительно посмотрела на Конана,— тебе это знать ни к чему.

Но за птицей присмотреть бы мог,— все-таки желание пожаловаться было выше ее сил,— сколько раз ему твердила, да он все не слушает, ленивый обалдуй! Вот и добездельничался, птица стала слабее курицы и, конечно, сразу же нашелся какой-то мерзавец, который прикончил нашу кроткую пташку. А это не к добру, если кто-то побывает на острове и сможет унести оттуда ноги.— Старуха опять замолчала, видимо, соображая, какое отношение может иметь варвар к неизвестному ему острову.

Вспомнив, что киммериец явился сюда совсем по другому делу и вряд ли может посочувствовать ей в потере столь нежного создания, каким, несомненно, была птица со стальным оперением, она обреченно махнула рукой.

— Думаешь, если колдунья, так все и могу? Нет! — печально вздохнула старуха.— У каждого свое предназначение. Ну, хорошо,— успокоилась Акаста и, как показалось Конану, взглянула на него благосклонно.— Спасибо, что порадовал бабку новостями.

Варвар разинул рот от удивления: он же ни слова не сказал. Но затем решил, махнув про себя рукой: и у колдунов бывает маразм.

— Ты ведь с дороги, наверное, есть хочешь?

Конан, не раскрывая рта, просто кивнул, считая за благо не провоцировать старуху на новое словоизвержение.

— Дайте ему поесть,— кивнула старуха пустоте, и рядом с киммерийцем тотчас возник стол, уставленный кушаньями.

Нельзя сказать, что пища была особо изысканной, однако она казалась сытной и обильной: жареная оленина, копченая рыба, какие-то мелкие печеные птахи под ароматным соусом, и — самое приятное и неожиданное для киммерийца,— большой кувшин вина. Он взял кувшин и с сомнением понюхал, но из горлышка действительно пахло вином и, похоже, неплохим. Чудеса, да и только!

— Угощайся,— показала на стол старуха и отправила себе в рот большой кусок рыбы.— Особо побаловать тебя нечем, но голодным не останешься.

Акаста оказалась неплохой сотрапезницей. Конан дивился, как такое тщедушное существо способно поглощать количество пищи, с каким даже ему ему вряд ли справиться. А ведь он не считал себя плохим едоком.

«Наверное, это у них семейная черта,— вспомнив отменный аппетит Мерида, решил киммериец.— Собственно, наплевать мне на это, здесь хватит на всех, клянусь брюхом Крома!»

— Ну,— сытно рыгнув, обратилась к нему старуха, когда блюда опустели,— теперь и отдохнуть пора. Знаю я вас, кобелей.— Она погрозила ему пальцем.— Тем более что ты дружок моего племянника. Отведите его в спальню! — опять кивнула она кому-то невидимому.

Конан поднял голову — выяснить, куда его поведут, и тут же очутился в другом помещении, меньших размеров. Стены были увешаны дорогими туранскими коврами, а посередине находилось большое ложе с десятком мягких подушек.

Киммериец не успел в очередной раз открыть рот от удивления, как вдруг невесть откуда в комнате появилась молодая красивая женщина с распущенными по плечам роскошными волосами, все ее одеяние составляла узенькая, не шире ладони, расшитая бисером полоска на бедрах.

— Если я тебе нравлюсь, я проведу с тобой ночь,— нежным голосом проговорила незнакомка.

«Не снится ли мне все это? — задал наконец себе вопрос варвар, разглядывая девушку. — Может, я просто сплю на этом проклятом богами болоте?»

Красавица откинула назад густые светлые волосы, закрывавшие ее грудь, и протянула руки к киммерийцу.

— Что же ты стоишь? Или я тебе не по вкусу?

Конан шагнул вперед, уже не различая, где кончается явь и начинается сон. Ему было все равно.

* * *

— Вижу, что ты хорошо отдохнул, — приветствовала его старуха.

Конан не помнил, как он опять очутился в большом зале, где перед ним, как и вчера, стоял стол с едой.

— Подкрепись хорошенько, — посоветовала ему Акаста, принимаясь за еду, — у косоглазого Ток-тогула тебя так не попотчуют.

«Откуда она все знает, — подумал варвар, — ведь разговора об этом еще вроде не было».

Но он не стал обременять себя лишними думами, тем более, что в волшебстве разбирался весьма слабо — хотя ничуть не жалел об этом.

«Знает — и хорошо, — налегая на оленину, думал Конан, — спасибо, что не превратила в паука или кучу дерьма, а накормила и... — он припомнил подробности минувшей ночи, и остатки сомнений улетучились как дым, — чего, спрашивается, еще желать?»

— Теперь садись на эту шкуру, — сказала старуха, когда трапеза закончилась.

Варвар спрыгнул с подиума и, выполнив приказание Акасты, сел на шкуру белого медведя, расстеленную на полу. «Здоровый был зверюга, — разглядывая потертый мех, прикинул он, — кому-то пришлось сильно потрудиться, чтобы добыть такого».

— Твой дружок Мерид был неплохой охотник, — подтвердила старуха его мысли. — Отправьте его к Ток-тогулу, — махнула она кому-то рукой.

Глава четвертая

Ключая пурга вихрем налетела на киммерийца, норовя набить снег во все отверстия его одежды. Конан поднялся на ноги и огляделся: белая равнина, смыкавшаяся со столь же белым небом так плотно, что дальше пятидесяти шагов ничего не разобрать. Порыв ветра снова хлестнул его снегом по лицу. Варвар потуже затянул пояс плаща.

Мгновение назад он был еще в теплом и уютном жилище Акасты, и то, что его выбросили в снег и метель, не могло особо радовать.

«Ну и шуточки у этой карги, — сокрушался Конан, прикидывая, что же теперь делать, — хоть бы предупредила, что ли!»

Он пребывал в замешательстве, не имея понятия, где он и куда направляться. Помнится, старуха упомянула Ток-тогула, к которому надо попасть, но больше ничего не сказала.

«Может, забыла, старая ворона? — подумал киммериец, растирая руки, уже начинающие мерзнуть. — Или забросила куда-нибудь не туда, ошиблась по дряхлости, а мне теперь ломать голову, как выбираться отсюда...»

Снежный вихрь кружил по-прежнему, не давал возможности хотя бы определить, в какую сторону идти.

«Отсюда, эка хватил, — передразнил себя варвар. — Если бы знать, где я, то можно и подумать, откуда выбираться. Хорошо хоть, есть шкура, — не сразу замерзну».

Он сошел с медвежьей шкуры и нагнулся, чтобы взять ее за край, но не успел: с тихим свистом шкура скукожилась до лоскутка и растаяла в пурге.

— Эти колдовские штучки, дерьмо ослиное! — выругался киммериец.

Он решил двигаться хоть в каком-то направлении — если стоять на месте, то и в сосульку превратиться недолго.

Варвар довольно долго шел по равнине, пока не заметил впереди темное пятно.

«Слава богам, — обрадовался он, — хоть какое-то разноеобразие, а то снег и снег, спятить можно».

Конан прошел еще немного вперед, и ему показалось, что пятно тоже перемещается. Он присмотрелся, и сомнений не осталось: какой-то предмет двигался в его сторону. Через некоторое время киммериец различил сани, запряженные четверкой низкорослых животных с ветвистыми рогами. Киммериец сложил ладони воронкой, и могучий голос, споря с завываниями ветра, огласил снежную равнину:

— Эй! На санках!

Седок приподнялся, видимо, услышав крик варвара, и сани повернули к Конану. Через некоторое время киммерийца приветствовал узкоглазый маленький человечек, одетый в штаны и куртку из оленьего меха и мохнатую медвежью шапку.

— Я тебя чуть не полдня ищу! — пожаловался он киммерийцу. — Меня послал Ток-тогул. Эта Акаста вечно что-нибудь перепутает... Садись.

Варвар сел рядом с ним в сани, и человечек набросил ему на плечи мягкую накидку из пышного желтоватого меха.

— Наверное, замерз? У нас здесь не разгуляешься без теплой одежды. — Он тронул оленей длинной тонкой палкой, и сани помчались сквозь пургу. — Я знаю, что тебя зовут Конан и что Мерид прислал тебя, чтобы помешать Гермии достать чашу.

— Откуда тебе это известно? — не удержался от вопроса варвар.

— У хозяина свои секреты, — усмехнулся человечек и прикрикнул на оленей, и те, повинувшись его голосу, рванули быстрее.

Через некоторое время равнина сменилась холмами, и между ними заплетал санный след. Склоны были безлесые, почти сплошь покрытые снегом, и лишь кое-где из-под белого покрова проглядывали камни и редкая трава.

Сани обогнули холм, и Конан увидел темное углубление, по-видимому, вход в пещеру, которое отчетливо выделялось на белом снежном покрывале.

— Ну вот и приехали, слава Митре! — удовлетворенно сказал возница, придерживая оленей. — Ступай туда. — Он указал на темный зев пещеры. — Тебя ждут.

Киммериец повиновался и, сделав несколько шагов под каменным сводом, обнаружил потемневшую от старости дверь. Он толкнул ее и, войдя в полутемное помещение, огляделся по сторонам. Небольшой зал, вырубленный прямо в скале, освещался одним большим светильником в виде широкой чаши на каменной колонне. Пламя колебалось от сквозняка, и причудливые тени на неровных стенах, казалось, плясали в такт движениям огня. Отворилась дверь на противоположной стене, человек в такой же, как у возницы, одежде, поманил варвара пальцем. Конан, пригнувшись, вошел в соседнее помещение.

Этот зал был в несколько раз больше предыдущего.

Варвар поднял голову, но не увидел потолка пещеры, так высоко уходили каменные стены. Вокруг разложенного посреди зала большого костра, помогая себе ударами в бубен и высоко подбрасывая колени, кружился человек в одежде из лисьего меха. Его тонкое смуглое лицо было сосредоточенно и неподвижно, сполохи красноватого пламени очерчивали выступающие скулы и слегка приплюснутый, как у всех гирканцев, нос. Человек скакал вокруг огня, выводя высоким голосом заунывную мелодию, лисьи хвосты, украшавшие его одежды, подпрыгивали в такт его движениям.

Чуть поодаль от костра, шагах в десяти от танцующего, сидели кружком еще около десятка человек, хлопками в

ладони и протяжными выкриками они сопровождали каждый удар бубна.

Варвар прошел несколько шагов вслед за впусившим его человеком и остановился недалеко от огня. И застыл в ожидании, заложив руки за спину.

— Вижу, вижу,— разобрал варвар слова танцующего,— вижу женщину в белых одеждах...

Сидящие кружком опустили головы на ладони и глухо повторяли вслед за человеком в лисьих одеждах:

— Видим... видим...

Все реже звучали удары бубна, а вместе с ним затихала и тягучая песня, и замедлялись движения человека у костра, пока наконец он не остановился и не рухнул в изнеможении на каменный пол. Вслед за ним участники церемонии дружно повалились ничком и затихли. Киммериец с любопытством взглянул на человека, который привел его сюда, однако смолчал, ожидая, что же последует дальше. Человек, в свою очередь, посмотрел на Конана и приложил палец к губам, потом отошел немного в сторону и присел на корточки, дожидаясь, когда участники церемонии придут в себя и смогут говорить. Прошло немного времени, человек с бубном поднялся с земли и как ни в чем не бывало направился к киммерийцу.

— Хорошо, что ты здесь,— произнес он.— Колдунья уже в наших землях, а духи говорят, что, кроме тебя, никто не сможет ее остановить. Меня зовут Ток-тогул, я главный шаман этого края.

Он направился в дальний угол пещеры, сделав варвару знак следовать за собой. Когда они прошли через весь огромный зал, Конан увидел, что в каменной стене есть еще одна маленькая дверца. Колдун открыл ее и пропустил киммерийца вперед. Тому пришлось снова согнуться чуть ли не до пояса, чтобы протиснуться сквозь узкий проход. Следующий зал был совсем небольшой и скорее напоминал камеру темницы, потому что освещен был весьма скудно, а из мебели в нем стояло лишь небольшое деревянное ложе.

— Садись,— предложил Ток-тогул киммерийцу и сам опустился на отполированные временем темные доски ложа.

Варвар сел и приготовился выслушать очередного колдуна — после визита к старой карге Акасте ему казалось, что все в этих краях обожают поговорить.

— Ты с дороги,— начал Ток-тогул,— так что для начала следует подкрепиться.

Конан по своему обыкновению не возражал, хотя совсем недавно он плотно набил желудок яствами колдуньи.

Ток-тогул сбросил меховую куртку, под ней оказалась красиво расшитая цветным бисером кожаная рубаха. Неизвестно откуда он достал резной костяной свисток, из которого извлек, надувая щеки, смешные хрюкающие звуки. Дверца отворилась, и в комнату вошли люди в таких же мягких рубахах из оленьей кожи. Каждый нес в руках уставленный снедью поднос и, опустив его перед Ток-тогулом и Конаном, выходил. Люди сменяли друг друга так быстро, что у варвара зарябило в глазах, а когда мельтешение прекратилось, на ложе между ним и Ток-тогулом остались скатерть и деревянные блюда, на которые были навалены ломти соленой и копченой рыбы, куски горячей, только что с огня, оленины, печеные яйца и небольшие плоски с северными ягодами.

— Угощайся,— предложил шаман.

Киммерийца не надо было просить дважды. Он отведал всего, что лежало перед ним.

«С чем хорошо в этой стране,— подумал он, шумно высасывая мозговую кость,— так это с едой. Здешний народ и поесть любит, и на угощение не скупится».

После трапезы Ток-тогул велел слугам найти для киммерийца что-нибудь из теплой одежды, но сделать это оказалось не просто — Конан был чуть ли не вдвое выше и шире любого из местных богатырей.

Вздохнув, Ток-тогул усадил дюжину мастериц шить теплые вещи для варвара. Пока девушки, напевая какую-то грустную песню, трудились в большой пещере над принесенным ворохом различных шкур, колдун напутствовал киммерийца:

— Красная Гора находится в трех днях пути отсюда. Как поведали мне духи, эта черноволосая колдунья уже

направилась туда. Но это не страшно, потому что я дам тебе пестерку самых быстрых оленей и лучшего погонщика. Ты настигнешь ее, в этом нет сомнения, а что будет дальше — зависит от тебя. Покажи мне свой талисман.

Киммериец вытащил из-за ворота рубахи мышиный череп с агатовыми глазами. Ток-тогул внимательно посмотрел на него.

— Однако, — пожевал он губами, — вижу, что заклятие уже немного ослабло. Давай-ка я защищу тебя дополнительно своей силой.

Варвар не возражал, тем более что он не понимал в этих делах ровным счетом ничего. Колдун принес кожаный мешочек, вытащил из него несколько медвежьих клыков, шкурку белой мыши, две шкатулки, вырезанные из бивней моржа. Он долго шептал над мышиной шкуркой, потом посыпал ее белым порошком и положил сверху самый большой клык, уже пожелтевший от времени.

Порошок стал обугливаться, и вдруг шкурка вспыхнула ровным голубым пламенем. Ток-тогул сунул в пламя кусочек шерсти, потом свой палец и, удовлетворенно хмыкнув, обратился к киммерийцу:

— Поднеси поближе свой талисман.

Конан снял мышиный череп с шеи и поднес к пламени. Он удивился: огонь совершенно не грел и, казалось, был даже холоднее, чем воздух в пещере.

— М-мм, м-ммаа, м-ммооо... о-о-о... — замычал Ток-тогул.

Агатовые глаза черепа вдруг вспыхнули красноватым блеском и, мигнув несколько раз, снова погасли. По телу Конана прошел легкий озноб, но это длилось лишь мгновение.

— Надевай, — скомандовал колдун, — теперь ей тебя ни за что не усыпить.

— Ты знаешь, где чаша? — спросил варвар.

— Нет, — ответил, прищурившись, Ток-тогул. — Я никогда не бывал у Красной горы, потому что мне туда путь заказан. Табу, — пояснил он. — Но мой человек знает путь.

Мастерицы работали не покладая рук, и после полудня одяние для киммерийца было готово. Он надел штаны и

куртку из двойного меха: верх из оленьих шкур, а подбой из заячьих, — и стал похож на местных жителей, если, конечно, не брать в расчет его громадный рост и могучие плечи. Варвар нацепил свой пояс с мечом и кинжалом и, надев шапку из лисьих хвостов, вышел из пещеры.

— Ну, вот и хорошо! — обрадованно воскликнул Ток-тогул, увидев преобразенного варвара. — Сейчас приедут сани, и можешь ехать. Да вон они, — указал он на клуб пороши, летящий к ним от ближайшего холма.

Через некоторое время четверка оленей замедлила свой бег, и погонщик, что привез сюда киммерийца, соскочив на ходу с саней, побежал к Ток-тогулу. Шаман, увидев погонщика, нахмурился:

— Почему ты вернулся один? — недовольно спросил он. — Где наша лучшая пестерка и проводник?

Тот, покосившись на киммерийца, что-то зашептал на ухо Ток-тогулу. Шаман напряженно внимал, и лицо его мрачнело все сильнее. Наконец он, не в силах сдержать раздражение, бросил под ноги свою шапку.

— Мешок с дерьмом, я ему сейчас покажу! — Он кинулся к саням, взмахом руки позвав варвара за собой.

— Гони! — закричал Ток-тогул, и сани вихрем понеслись по снежной дороге.

Глава пятая

Путь оказался недолог. Едва они обогнули холм, как появилось селение в несколько десятков конических жилищ из жердей и тюленьих шкур. Видимо, там в самом разгаре был праздник — слышались звуки бубна, радостные возгласы, смех и пронзительный женский визг. У большого костра человек пятьдесят самозабвенно кружилось в веселом хороводе. Сани подлетели к костру, и погонщик резко остановил оленей.

Пляска чуть замедлилась, некоторые танцоры мельком взглянули на вновь прибывших, но тут же вернулись к прерванному занятию. Конан слез с саней и посмотрел на веселящихся. Все до одного были в стельку пьяны.

— Отрыжка бешеного волка, ублюдки! — заорал на них Ток-тогул, соскакивая с саней. — Где этот вонючий червь Кунаибай?

Плясуны остановились и тупо уставились на шамана, бубен затих. Наступила тишина, слышалось только прерывистое дыхание десятков людей. Наконец один человек, видимо наименее пьяный и сохранивший остатки соображения, заулыбался и повалился в снег, норовя облобызать шаманские сапоги.

— Ток-тогул, однако! — радостно завопил он. — Смотрите, великий шаман приехал! — сообщил он односельчанам.

Те, слегка протрезвев, уставились на Ток-тогула, некоторые узнавали его и приветливо махали руками.

— А, чтоб тебя, ослиная задница! — Ток-тогул в сердцах пнул гуляку, и тот с радостным смехом опрокинулся на спину.

— Где, я спрашиваю, этот мешок с дерьмом, где Кунаибай? — В ярости шаман принялся пинать своих соплеменников.

— Он устал, он спит, — покачиваясь на носках взад-вперед, словно колодезный журавль, сообщил один из гирканцев.

— Я вырву его печень и брошу псам! — закричал шаман, белея от ярости, и побежал к одному из шалашей.

За ним помчался погонщик; киммериец, сопровождаемый восхищенными возгласами пьяных местных красавиц, не спеша последовал за своими спутниками. Когда он подошел к шалашу, оттуда с воплями и ругательствами погонщик и шаман вытащили какого-то человечка и, осыпая пинками и затрепинами, принялись возить его лицом по снегу — видимо, надеялись привести в чувство. Все их попытки, однако, оказались тщетными, и наконец Ток-тогул, оставив в покое Кунаибая и его соплеменников, принялся расспрашивать бегающих по селению детей — только они и остались трезвы. После долгих мытарств удалось выяснить, что сегодня утром в селение приехали несколько женщин. Все они были светловолосыми, рослыми и красивыми, но самая красивая была с черными волосами. Они привезли много вина, очень много — несколько бочонков, и все селение пило это вино. Женщины уехали обратно, а самая красивая уехала туда — дети показали на север, — на самых быстрых оленях, которые дал этой женщине Кунаибай.

Выслушав рассказы детворы, Ток-тогул и Конан хмуро переглянулись. Все было ясно: в селение приехала Гермия с воительницами и, хорошенько подпоив жителей, падких на дармовую выпивку, колдунья умчалась на лучшей оленьей упряжке к Красной горе.

— Чтоб тебя бешеный волк обмочил! — В сердцах пнул Ток-тогул все еще валявшегося в снегу и блаженно мычавшего Кунаибая. — Затащи его обратно, — велел он погонщику, — да врежь еще раз как следует...

Расстроенный шаман приказал погонщику запрячь в сани свежих оленей, и поскольку тот, кого намечали в проводники, был не более трезв, чем его односельчане, Токтогул решил, что киммерийцу надо добираться до места самому, а там положиться на милость богов. Отчасти варвар был даже рад такому повороту событий, потому что от него почти ничего не зависело — он, как щепка в водовороте, вынужден был следовать указаниям передававших его из рук в руки колдунов и чародеев. Конан не стал дожидаться, чем закончится праздник в селении. Взяв еды на дорогу, он распрощался с Токтогулом.

— Не горюй, — успокоил он шамана, — клянусь Кромом, я постараюсь все сделать как надо.

Он запахнул новую меховую куртку, поудобнее устроился на маленьких легких санях и тронул переднего оленя длинным шестом. Послушные животные, дружно перебирая тонкими ногами, понесли его на север. Пурга прекратилась, и на снегу были отчетливо видны следы саней, на которых совсем недавно промчалась колдунья.

«Зачем мне проводник? — рассуждал варвар, погоняя оленей. — Если боги удержат погоду, следы сами приведут меня к этой мерзавке».

* * *

Удача не оставляла Конана: след бесконечной лентой тянулся впереди, ему оставалось только погонять оленей. Когда темнота опустилась на равнину, пришлось остановиться на ночлег, но утром, как только мутный серенький рассвет слегка обозначил восточный край неба, варвар снова пустился в погоню за колдуньей. Он не боялся ее магии, так как был вполне уверен, что подарок Тамины защитит его от волшбы. А если Гермия возьмется за оружие, то на этот раз великолепное владение клинком не спасет ее от смерти.

Боги пока благоволили ему, было хоть и пасмурно, но безветренно, и снег не падал, и киммериец только направлял оленей, поглядывая вперед, не появится ли на снегу черная точка.

Но, видимо, олени, которых Куанбай дал Гермии, действительно были самыми быстрыми. Прошел еще один день, а сани колдуны так и не показались впереди. Пришлось заночевать во второй раз. Это несколько обеспокоило Конана, потому что до Красной горы, по словам Токтогула, было всего три дня пути, и может случиться так, что он доберется слишком поздно.

Однако Гермия приготовила киммерийцу небольшой сюрприз. На следующее утро, едва он покинул свой бивак, олени вдруг замедлили бег и через несколько шагов встали.

Варвар, соскочив с саней, подбежал к животным. Они спали, и как ни пытался он их распелелить, не желали просыпаться.

«Сука! — выругался киммериец, припомнив, как то же самое случилось с конями воительниц. — Опять заколдованный круг».

Ему пришлось распрячь оленей, перетащить на плечах на то место, где чары не действовали, и снова запрячь. За день он был вынужден это проделать несколько раз, поминная недобрым словом Нергала и даже других, куда более приличных богов. Но после полудня, когда он проделывал это в последний раз, далеко впереди показалась вершина большой горы.

«Неужели? — обрадовался Конан. — Красная гора! Догоню, теперь ведьма от меня не уйдет, клянусь Солнцеликим!»

Олени, словно чувствуя за собой вину, быстро мчались по снегу, и гора росла буквально на глазах. Скоро стало ясно, видно, что такое название ей дали не напрасно — кое-где слой снега был сметен ветрами, и большие рыжевато-бурые пятна четко выделялись на белом фоне. Чуть позже Конан заметил впереди темное пятно, и сердце его радостно забилося.

— Не уйдешь! — крикнул он, хотя понимал, что с такого расстояния его слова колдунья не услышит.

Киммериец безжалостно погонял своих оленей, но когда они встали и свесили головы в очередной раз, он не стал их выпрыгать, а побежал к горе. Он мчался изо всех сил,

стараясь не упустить из виду маячившие впереди сани Гермия. Стало жарко, и варвар сбросил сначала куртку, потом меховые штаны и остался в старой легкой одежде.

Пар валил от него, как от скакуна, но Конан, стиснув зубы, бежал и бежал вперед, как будто за ним гналась стая голодных волков. Он почти догнал колдунью, но когда ее сани остановились у подножия горы, она оглянулась назад и увидела бегущего варвара. До нее еще было шагов двести-триста. Киммериец припустил быстрее, грозя ей кулаком, но Гермия, не обращая на него внимания, прыгнула с саней и исчезла из виду. Через некоторое время Конан добежал до того места, где видел колдунью в последний раз, но нашел только пустые сани и шестерку оленей, — наверное, они наслаждались отдыхом после долгой скачки.

«Куда же она сгинула?» — лихорадочно соображал варвар, оглядывая снега.

— Не уйдешь! — он заметил цепочку узких следов, огибающих подножие Красной горы.

Киммериец бросился по следам колдуньи, и те вскоре привели его к узкой расселине в толще скал, куда он еле протиснулся.

Пройдя несколько шагов, он наткнулся на железную дверь.

— Открывай, сука! — Конан так шарахнул кулаком по двери, что она загудела, словно барабан.

Из-за нее послышался короткий смешок, а потом из щели под дверью с гудением вырвался язык пламени. Варвар едва успел отпрянуть.

— Ты еще пожалеешь, что пренебрег мной, дикарь! — донеслось изнутри, потом раздался быстрый топот ног, и все стихло.

— Мерзавка! — Конан огляделся в поисках чего-нибудь подходящего для взлома, но вокруг были только снег да камни. Он попробовал ударить самым большим, какой только смог поднять, валуном, но не смог протаранить дверь, металл был слишком толст. Только гул от ударов камня о сталь — вот и все, чего он добился.

Киммериец бросил бесполезный камень, надо было искать другой способ.

«А вдруг есть еще один выход? — Эта мысль словно ожгла его мозг. — Пока я тут топчусь, она просто-напросто удерет через него!» Он бросился к оленям колдуньи, решив проехать на них вдоль этого склона и посмотреть, не окажется ли верной его догадка. Уже садясь в сани, он подумал:

«Пока я тут катаюсь на оленях, она может уйти с чашей. Погоди же, я тоже сделаю тебе подарок!»

Варвар соскочил с саней и принялся носить к двери валявшиеся поблизости камни. Он так торопился, что обдирает руки, но куча камней все росла и росла, пока не завалила всю дверь. Несмотря на свою силу, он испытывал страшную усталость, но не покладал рук до тех пор, пока не заполнил камнями всю расселину.

«Вот теперь пусть попробует выйти!» Довольный собой, киммериец уселся в сани и поехал вдоль склона горы. Он проделал довольно большой путь в одну сторону, потом, решив, что этого достаточно, направился обратно. Конан разогрелся от бега и работы и не чувствовал холода, но поездка в санях напомнила ему о том, что сюда весна еще не пришла. Он соскочил на снег и побежал рядом с оленями. Варвар быстро согрелся, он не задумывался, что будет потом, как он отсюда выберется, весь его ум был поглощен одной мыслью — не допустить, чтобы колдунья завладела чашей Гуйюка.

Глава шестая

До расселины оставалось еще шагов триста, когда киммериец вдруг услышал глухие удары — как будто кто-то огромный долбил гигантским молотом внутри горы. Конан ударил оленей жердью, они побежали быстрее; наконец он соскочил с саней и побежал к заваленной им двери. Удары доносились оттуда. Куча камней, которыми варвар завалил вход, подрагивала, но не сдвигалась с места: он поработал на славу, и надо обладать чудовищной силой, чтобы отворить дверь изнутри.

— Ну, как тебе мой подарочек? — не в силах сдержать радость, крикнул Конан.

Ответа изнутри не последовало, но удары посыпались с новой силой. Через некоторое время варвар увидел, как подножие горы чуть повыше заваленной расселины стало покрываться трещинами и из них потекли струйки зеленоватого дыма. Погода стояла безветренная, и дым, словно туман, окутал склон горы. На всякий случай киммериец отошел подальше и приготовился к любым неожиданностям.

Дым сгущался, тянулся вверх по склону, устремляясь к самой вершине Красной горы. Удары раздавались с равными промежутками, как будто внутри раскачивался гигантский маятник, которому не хватало места. Трещины в каменном монолите расползались, дыма все прибавлялось, и уже не было видно ни красного цвета самого камня, ни белизны снега: все пространство скрыл зеленоватый туман, и гора напоминала замшелый, чудовищных размеров валун.

Вслед за дымом из трещин выглянули язычки пламени, сначала маленькие и слабые, они постепенно вырастали, пока наконец не стали похожи на гигантские красные цветы, расцветшие среди дымного покрова. Пламя было таким сильным, что даже с того расстояния, на котором находился варвар, он чувствовал его опаляющее дыхание.

Похоже, своими действиями Конан разбудил силы, какие ему и не снились.

«Снова я ввязался в какую-то пакость, клянусь кишками Нергала! — привычно посочувствовал себе киммериец. — Что ж, значит, судьба такова», — не менее привычно заключил он, продолжая наблюдать за происходящим.

А посмотреть было на что. Вся гора подрагивала, ее очертания изменялись, трещины, опаленные огнем, закрывались, но рядом появлялись новые, потоки талой воды сбегали по склонам, иногда низвергались водопадами и разлетались тучами сверкающих брызг. Сталкиваясь с пламенем и разогретым камнем, вода обращалась в пар, и белые облака его, кружась, уходили вверх, совершенно скрыв из виду вершину Красной горы.

Вдруг варвар услышал жуткий хохот в горе, похожий на раскаты отдаленного грома. За леденящим душу смехом послышались какие-то слова, но рев пламени и шум падающей воды не давали разобрать их.

Словно гигантская пасть, набитая камнями, пыталась выговорить фразу, но снаружи было слышно только бормотание:

— За...ммм, аз...дила...

Конан прислушался, и ему показалось: «Зачем разбудила?»

Гора уже ходила ходуном, даже ее подножие, казалось, двигалось взад и вперед в медленном и страшном танце. Дым и пар начали рассеиваться, и киммериец вдруг увидел, что в толще камня начали проступать черты гигантского лица. Холодок пробежал у него по спине. Лицо горы двигалось, ежесекундно изменяя свои очертания, но с каждым этим превращением оно становилось все явственней, все резче проступали скулы, нос и глаза какого-то знакомо-

го лика, но варвар не мог вспомнить, чьего же именно. Когда из красного монолита стали выступать огромные словенские уши и голый округлый череп, Конан хлопнул себя по лбу:

— Вспомнил! Это же божок, которого я видел на острове в море!

Киммериец стоял, не в силах двинуться с места, и смотрел, как исчезает сама гора, а вместо нее на снежной равнине на фоне мутного неба вырастает исполинская уродливая голова. Наконец движение камня прекратилось, и веки шириной с поле, на котором можно пасти сотню овец, начали приподниматься — все выше и выше, пока зрачки зеленых нефритовых глаз не уставились на Конана, пригвоздив его к месту.

Каменные губы дрогнули, стряхнув с себя последние остатки нерастаявшего снега, и вихрь, вырвавшийся оттуда, чуть не сбил киммерийца с ног. Варвар с трудом удержался на снегу, припав на одно колено, но тут же выпрямился.

Раздался печальный вздох, а затем губы закрылись и стали расползаться вдоль подножия горы, пока киммериец не сообразил, что каменный исполин улыбается.

— Ты молодец, варвар! — Рык, а не голос возник где-то в глубинах земли и неся по равнине вместе с потоками горячего воздуха из гигантской пасти.

Конан распластался на земле и вцепился в наст, но это не помогало — каждое слово, произнесенное этой чудовищной головой, относило его все дальше по скользкой равнине. Чуть в стороне от него пронесся по снегу какой-то клубок, в котором Конан узнал упряжку оленей Гермии. Бедные животные, сцепленные упряжью, были не в силах удержаться на месте, и мешанина из их тел, постромков и остатков саней исчезла из вида, подгоняемая снежным вихрем.

Гора продолжала говорить:

— Я благодарен тебе, что ты помог остановить эту тварь. Если бы не ты, я проспал бы ее появление, и Великое Равновесие могло бы нарушиться. Возьми ее! — Губы сложились в трубочку, и голова выплюнула что-то.

Продолговатый белый предмет, неразличимый с такого расстояния, вылетел из пасти и, вращаясь в воздухе, упал в снег. Варвар поднялся на ноги и, заметив место падения, побежал туда. Когда он приблизился, увидел, что на снегу лежит тело Гермии.

Конан наклонился к ней, но услышал только предсмертный шепот колдуньи:

— Напрасно...

Еще мгновение она была неподвижна, потом черты ее лица исказились, все тело стало съеживаться, изменять очертания, и перед глазами изумленного киммерийца осталась только кучка красноватого пепла. Она быстро растворялась в слегка подтаявшем снегу, пока не исчезла совсем, и только бурое пятно напоминало о существовании черноволосой колдуньи.

— Что ж, — рассудил Конан, постояв еще некоторое время, — надо рассчитывать свои силы, иначе... — Он не договорил и повернулся к каменному лицу.

Взгляд его застыл на горе, которая, казалось, как стояла тут вечно, так и будет стоять, словно ничего не произошло. Гигантская голова исчезла, дым рассеялся, и только коричневатокрасный монолит торчал посреди белой бесконечной равнины.

Варвар огляделся по сторонам. В нескольких шагах от него билась в конвульсиях олень из упряжки Гермии, а чуть поодаль варвар заметил и своих оленей, которые все еще неподвижно стояли в очерченном колдуньей круге.

Ее магия еще действовала, несмотря на то что самой Гермии уже не было в живых.

Пора было собираться в обратный путь. Варвар направился к бившимся оленям и ударами кинжала прекратил страдания животных с переломанными ногами и свернутыми шеями.

Потом он разыскал сброшенные на бегу меховые одежды и с удовольствием натянул их на себя — холод уже давал о себе знать. Вытащить своих оленей из магического круга и вновь запрячь их в сани было нелегким, но уже знакомым и почти привычным делом. Конан бросил пос-

ледный взгляд на Красную гору и пустился в обратный путь.

Вечерело. Заблестели высоко в небе те же звезды, которые светили ему на его далекой родине.

Он поплотнее закутался в теплые меха и неожиданно для себя запел услышанную в далеком детстве грустную песню:

И где бы ты ни был, всегда над тобой
Огромное небо под нашей звездой.
Свою Киммерию покинул, забыв,
Но звезды увидев, услышишь призыв
И, глянув на север, под блеском лучей,
Знакомых и ярких, заплачешь о ней.
Ты вспомнишь, ты вспомнишь родные края,
И скажешь, и скажешь — прости, это я,
Твой сын непокорный, брожу одинокий,
Но край свой любимый я помню далекий...

Часть седьмая

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Глава первая

Спуск в долину был легким и приятным: по эту сторону кряжа было тепло, и не требовалась меховая одежда, которую варвар бросил на перевале. Птицы пели свои песни, зеленела молодая листва, а сочная трава вымахала ему почти до колена. Ничто не напоминало оставленную за горами бесконечную снежную равнину, продуваемую злым и колючим ветром.

«А если бы эта Гермия унесла чашу Гуйюка,— подумал Конан,— то и здесь, наверное, через два-три года стало бы так же холодно, как и там».

Эта приятная мысль добавила ему и уважения к собственной персоне. Еще бы, он предотвратил такие беды! Поэтому настроение у киммерийца было превосходным, и его не смутило появление всадниц у самого выхода в долину.

— Стой! — Размахивая копьями, к нему мчалось несколько амазонок, видимо удивленных прибытием с той стороны огромного варвара.

Конан остановился и ждал, пока они приблизятся.

— Кто ты такой? — строго спросила женщина, несколько опередившая остальных.

Она осадил своего коня, который храпел и нетерпеливо гарцевал, чуть не касаясь варвара грудью.

— Я друг твоей королевы Акилы, — ответил варвар, схватив коня под уздцы.

Конь, почувствовав стальную руку киммерийца, замер и только косил на него глазом, не решаясь даже мотнуть

головой. Варвар ответил так не просто на всякий случай. Он предполагал, что Акила за это время могла одержать победу над своей сестрицей. Подскакавшие к тому времени остальные женщины окружили киммерийца и направили на него копьа.

— Откуда ты знаешь, что Акила вернулась? — осведомилась хмурая воительница.

— Послушай, красавица, — мягко начал варвар, которому уже надоел допрос, да и тон амазонки был ему не по душе, — я иду своей дорогой и в твои дела не лезу. Для вас будет лучше, если и вы поедете своим путем.

Воительница несколько оторопела. В ее стране за подобные слова любой мог сразу поплатиться жизнью, но такого человека она видела впервые. Конан был чуть не вдвое крупнее любого представителя туземных племен, а огонь, пылавший в его глазах цвета сапфира, вызвал к осматрительности каждого, кто осмеливался на разговор с ним. Внушительная фигура и мощные мускулы, перекатывающиеся под смуглой кожей при самом легком движении его тела, произвели должное впечатление на воительниц, не уважавших ничего, кроме своих обычаев и физической силы.

— Ты пойдешь с нами к командиру, — произнесла женщина, но уже без прежней надменности. — И она решит, что с тобой делать.

— Ха-ха-ха! — засмеялся варвар. — Зачем? Я ведь и так знаю, что она скажет. Она разрешит тебе и им, — кивнул он на остальных воительниц, которые смотрели на него с обычными презрением и ненавистью, — а тебе в первую очередь, — повторил варвар, подмигивая ей, — переспать со мной. Но лучше будет, — он опять захохотал, — если мы займемся этим прямо сейчас, не дожидаясь ее разрешения. Идет? — Он свободной рукой погладил ногу амазонки и легонько ущипнул за нежную выпуклость живота чуть ниже пупка.

Женщина вскрикнула от неожиданности, конь под ней дернулся, но поскольку его голова была в руках варвара словно в железных тисках, то он подбросил крупом, отчего воительница чуть не свалилась с седла.

— Не торопись, даже если согласна, — усмехнулся Конан, поддерживая ее за талию, — всему свое время.

— Пусти! — попыталась вырваться амазонка, вспыхнув то ли от гнева, то ли от возникшего против ее воли желания.

Конан со вздохом притворного сожаления позволил ей выпрямиться. Она возмущенно повела плечами и замерла в нерешительности, не зная, как поступить дальше. Ее подчиненные смотрели, потрясенные нахальством чужеземца, но не решались ничего предпринять без команды.

— Я вижу, девочки, — потешался киммериец, — что мы приходим к согласию. Осталось бросить жребий, кто из вас будет второй. — И опять громогласный хохот потряс поляну.

— Ты что себе позволяешь?! — воскликнула командир дозора, оправясь наконец от смятения. — Сейчас от тебя... — Она взмахнула плетью, но не успела ни ударить, ни докончить свою фразу.

Варвар, чуть опередив ретивую воительницу, дернул коня за повод с такой силой, что бедное животное рухнуло на колени, а суровая всадница, перелетев через его голову, шлепнулась на землю. Не обращая на нее больше внимания, киммериец схватил за запястье ее подругу, попытавшуюся взмахнуть мечом, и выдернул ее из седла. Вскочив на освобожденного коня, он двинул его на двух оставшихся воительниц. Они попытались оказать сопротивление, но Конан легко выбил оружие сначала у одной, потом у другой. Долгое время он нигде не мог проявить свои навыки бойца и успел соскучиться по настоящим схваткам.

— Ну что, курочки? — усмехнулся он, прищурясь. — Начнем, что ли? Вот ты мне нравишься больше всех, — указал он мечом на одной из двух своих противниц, еще оставшихся в седлах, — так что если твоя подруга не против, первой можешь быть ты.

Девушка в ужасе шарахнулась от варвара, но он успел поймать повод ее коня и, схватив за талию, как пушинку, перенес амазонку на своего скакуна и бросил перед собой на луку седла. Она визжала и вырывалась, но Конан, во-

ткнув меч в ножны, занялся с ней обеими руками. Он не был насильником и сейчас не собирался воспользоваться своим преимуществом, он просто решил раз и навсегда отбить у этих надменных созданий желание смотреть на него как на низшее существо, да еще и пытаться командовать им. В два приема он сорвал с нее одежду и, не обращая внимания на отчаянные вопли, перешедшие в плач, впился губами в алый и свежий рот. Она что-то замычала, но он не отпускал ее и скоро почувствовал, как обмякло в его руках крепкое и упругое тело.

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно сказал варвар, опуская ее на землю. — Беги к своим. — Он слегка плел по соблазнительному округлому зад и с удовольствием наблюдал, как это красивое и стройное существо со всех ног помчалось к своим подругам, которые стояли в сторонке, не решаясь ничего предпринять.

Конан тронул своего коня и направился к женщинам. Они не отважились взяться за оружие и обреченно ждали его приближения, глядя по голове и успокаивая свою всхлипывающую подругу.

— Ну ладно, — примирительно поднял руку варвар, — я пошутил. Никто не собирается вас насиловать. Не хотите, как хотите — вам же хуже. Лучше расскажите мне, как идут дела.

Женщины, с опаской глядя на варвара, все же сообщили ему, что они воюют на стороне Акилы и что поначалу дела у них складывались неплохо, они разбили войска, верные Бризейс, в сражении под Куюпхой. Но потом эта подлая Бризейс пригласила Акилу на переговоры, а когда та согласилась, вероломно напала на нее и захватила в плен. В войске поднялась паника, Бризейс удалось отвоевать часть страны, и теперь войска Акилы здесь, на севере, готовятся отразить еще один натиск коварной королевы.

— А где же Акила? — упавшим голосом спросил киммериец, его хорошее настроение улетучилось, как утренний туман.

— Акила в плену у Бризейс. Говорят, ее держат в темнице и могут казнить в ближайшие дни, — был ответ,

сопровождаемый горестным вздохом. — Тогда все пропало.

— Что ж вы, песьи головы, ударились в панику? — Конан был вне себя от ярости. — Где ваше войско?

— Недалеко отсюда наш лагерь, но мы укрепились и ждем нападения Бризейс.

— Укрепились! — заорал на них варвар, как будто именно эти девушки были виноваты в том, что происходило. — Вам не укрепляться надо, а идти вперед, спасти Акилу! Где лагерь? Быстро туда!

Он вскочил на коня, махнув воительницам, чтобы следовали за ним, и они во весь опор помчались к войскам.

Лагерь и в самом деле был совсем недалеко, варвар вскоре увидел частокол, видимо окружавший расположение войск. Они подскакали к воротам, но караульные не открывали их, видимо не решаясь впустить киммерийца.

— Это друг Акилы! — кричали прискакавшие с Конаном девушки, но стоявшие на вышке дозорные отвечали, что не могут впустить чужака, пока не подойдет их командир.

По всей видимости, командир была занята, потому что прошло довольно много времени, а варвар успел прийти в невиданную ярость, когда ворота наконец приотворились и в щель проскользнула воительница, узнавшая киммерийца. Он тоже узнал ее: они вместе участвовали в засаде, после которой варвар очутился у Мерида.

— Кто у вас командир? — рыкнул варвар на женщину, его раздражало, что приходилось ждать, когда надо действовать.

— Это тебя не касается, — недружелюбно ответила женщина.

— Не касается?! — Варвар буквально закипел от гнева. — Упрямые ослицы, я вам сейчас всем головы поотрываю и эту вашу крепость разнесу в клочья, если вы меня не пропустите! Вы что, все с ума посходили? Надо не укрепляться и ждать, пока вашей королеве отрубят голову, а идти вперед! Погибнуть или победить, а не отсиживаться!

За воротами послышался слабый шум, потом они закрипели и стали отворяться. Варвар тронул своего коня, намереваясь пробиться вперед, но тут навстречу ему вышла со своим обычным хмурым выражением лица не кто иная, как сама Паина, ближайшая соратница его Акилы. Она была в полном боевом облачении, на шлеме блестела фигурка золотого орла.

— И ты здесь! — Киммерийца просто затрясло от ярости. — Вы и впрямь лишились последнего ума. Акиле грозит смерть, а вы тут готовитесь к осаде. Клянусь Кромом, я вырву твою печень и брошу ее псам, если мы сейчас же не выступим! Тебе не орла на шлеме носить, а хвост шакала!

Паина, в свою очередь, сжала кулаки, но, взглянув на Конана, поняла, что тот пойдет на все. Она не понаслышке знала, что варвар угрозы на ветер не бросает и, если понадобится, достанет ее из-под земли и сделает то, что сказал. Вдобавок она стыдилась того, что не бросилась спасать свою госпожу — ее отговорили командиры, не уверенные в победе. Приход Конана все решил. Времени для раздумий в самом деле не оставалось, и Паина, обернувшись, сказала кому-то, кого варвар не видел за створкой ворот:

— Труби сбор, и пусть все командиры придут сюда.

— Так-то. — Варвар слегка отошел от гнева, но все же не успокоился до конца, пока не увидел, как пять женщин с золотыми орлами на шлемах, выйдя из ворот, присоединились к Паине.

— Теперь слушать меня! — сказал Конан, и такова была сила его убежденности, что воительницы не сделали ни малейшей попытки возразить или хотя бы вставить слово.

Киммериец не говорил — он, словно строитель, укладывал каменные глыбы в основание крепостной стены, так веско, тяжело и гневно звучали его слова. Взгляд, полыхавший холодным синим пламенем, словно пронзал все их существо, и воительницы против своей воли и привычек готовы были повиноваться ему беспрекословно, без раздумий и страха. Он возвышался над женщинами, спокойный и могучий, как каменный монолит, сила и уверенность, ис-

ходившая от него, не оставляли у женщин никаких сомнений — разве что невольное изумление тому, что впервые в жизни они повинуются мужчине.

— Карту мне!

Мгновенно откуда-то (варвар даже не повернул головы, чтобы посмотреть, откуда) возник пергамент.

— Где отряды Бризейс?

Паина ткнула пальцем в карту.

— Это здесь, недалеко от столицы.

— Теперь слушайте внимательно. — Эти слова были излишни, амазонки и так внимали ему, не в силах даже шелохнуться. — Собрать всех лучших коней, чтобы хватило на два отряда. Ты, Паина, — варвар направил на нее палец правой руки, — выберешь лучших из лучших, это будет твой отряд. Выступаем немедленно, половина коней на подмену, чтобы после полудня были у столицы.

Паина кивнула. Конан обвел взглядом остальных.

— Еще два отряда подойдут к вечеру и охватят столицу с двух сторон, тут и тут. — Он ткнул пальцем в карту и усмехнулся. — На всякий случай. Я думаю, особого сопротивления нам не окажут. Выступаем немедленно!

Лагерь зашевелился. Топот тысяч ног, звон оружия, ржание лошадей — вся эта суматоха подготовки к бою была близка и радостна киммерийцу, он чувствовал себя в родной стихии. Последнее время судьба перебрасывала его с места на место, как мячик — от колдуна к колдуну, от приключения к приключению, упрямо оберегая его от милых сердцу сражений, и даже последней схватки с Гермией, собственно говоря, и не было. Он лишь по мере своих сил способствовал чему-то, но все делалось какими-то другими силами. Но теперь наконец все в его руках!

Киммерийца охватило знакомое возбуждение перед опасным походом, все его мускулы были упруги и напряжены, все чувства обострены, как у хищного зверя, выходящего на охоту.

Никакая сила не могла остановить его, он готов был смести и разорвать в клочья любое препятствие.

Глава вторая

Конан скакал впереди, его лицо было хмурым и сосредоточенным, губы упрямо сжаты. Временами он оборачивался, чтобы посмотреть, как идет за ним отряд воительниц. Все было в порядке, они нахлестывали коней, чтобы не отстать от предводителя. По ветру трепетали кончики синих лент, повязанных ими на головы, чтобы отличать в бою своих. Амазонкам передались сила и уверенность киммерийца, и теперь это было не просто войско, а закованный в железо и ошетилившийся оружием смерч, способный разнести в щепки любое препятствие, и горе тому, кто попадет на его пути! Уже дважды поменяли коней, и скоро должны были показаться башни столицы, но тут им повезло. Правда, варвар знал всегда: везет тому, кто этого достоин.

Вылетая галопом из-за небольшой рощицы, варвар первым увидел идущие прямо на них в походном строю войска Бризейс — королева решила, наконец, выступить, чтобы разбить остатки отрядов изменниц. Уверенные в том, что их противник находится в лагере за день пути от них, командиры Бризейс даже не удосужились выслать вперед разведку. За беспечность они были тотчас наказаны. Увидев летящих на них во весь опор воительниц, отряды даже не успели перестроиться, и Конан со своими соратниками вломился в колонну, как пантера в стадо пугливых антилоп. Натиск и ярость нападавших были столь сильны, что противник просто не в силах был оказать мало-мальски достойное сопротивление.

Варвар, рубя мечом направо и налево, промчался дальше, опрокидывая вражеские порядки и сея вокруг смерть. Противник дрогнул и в беспорядке начал отступать, но Конан со своими бойцами продолжал преследовать его, не давая ни мгновения передышки. Паника — мать поражения — охватила войско Бризейс. Все смешалось: крики командиров, топот множества конских копыт, звон мечей, лошадиное ржание, стоны раненых, истошные вопли боли и страха, скрип тележных колес, и над всем этим господствовала громадная фигура киммерийца, один вид которого был способен довести до смертельного ужаса любого, кто оказался на его пути.

— За мной!

Увлекая передние ряды своего войска, Конан преследовал уже не отступающие, а беспорядочно бегущие толпы, не разбирающие дороги и ничего не видящие, неуправляемую массу людей, которая совсем недавно была сильным войском. В панике амазонки мчались к раскрытым воротам города, не думая уже ни о чем, кроме спасения. Части армии Бризейс еще выходили из городских ворот, когда бегущие и растерзанные остатки войска смяли их и растеклись по улицам столицы. Киммериец, а за ним его соратники, ворвались в город, почти не встречая сопротивления. Варвар просто отшвыривал с дороги тех, кто дерзал встать на его пути, оставляя своим воительницам возможность добивать противниц или брать их в плен.

Его целью был царский дворец, куда он стремился попасть как можно быстрее.

Ворота дворца были заперты, но киммериец, не останавливая коня, встал на его спину и, когда поравнялся с дворцовой оградой, просто взлетел, как птица, на верхнюю кромку каменной стены.

Он спрыгнул в сад и бегом направился к дворцу.

Две вооруженные мечами женщины попробовали преградить ему путь, но двумя взмахами клинка он избавился от них и прыгнул на крыльцо портика — парадного входа, судя по страже с алебардами. Гвардейцы даже не успели изготовиться к отпору — так стремительно и неожиданно

было появление варвара. Он отшвырнул их, как котят, даже не прибегая к оружию, и ворвался во дворец. Очутившись в прохладном пустом вестибюле, киммериец на мгновение остановился, не зная, куда бежать дальше. Произведенный им шум уже привлек стражников из покоев дворца.

Конан притаился за дверью и, когда почувствовал, что створка начала движение, сначала изо всех сил рванул на себя, а затем толкнул обратно. Раздался удар, вскрик, и две воительницы рухнули на пол, не успев даже сообразить, что произошло.

Конан распахнул дверь и схватил за горло третью стражницу, прежде чем она успела вскрикнуть. Он вырвал у нее саблю и, заломив ей руку за спину, приподнял ее так, что их лица оказались на одном уровне.

— Где Бризейс? — хрипло выдохнул киммериец.

Женщина даже не пыталась вырваться, ужас сковал ее при виде гиганта с развевающимися черными волосами и горящими яростью синими глазами.

— В подвале, там. — Она откинула голову назад, показывая, куда следует идти варвару. Ни на что большее она не была способна.

— Прочь!

Киммериец швырнул ее в дверной проем и, не оглядываясь, помчался по коридорам дворца в направлении, которое указала стражница. Раза два ему попадались вооруженные женщины, но он даже не остановился, на бегу отбрасывая их в сторону ударом могучего кулака.

Наконец он увидел лестницу, ведущую вниз, и ринулся по ней, перепрыгивая через несколько ступенек. В лицо дохнуло холодом и затхлостью подземелья. Варвар достиг нижней площадки и толкнул ногой первую попавшуюся дверь.

Помещение, куда он ворвался, было просторным, с высоким потолком. Стены были из неотесанных каменных плит, почти под самым потолком — несколько зарешеченных окошек, почти не пропускавших свет солнца. По углам стояли светильники, их желтоватый свет смешивался с пламенем очага в алькове.

Но Конану было не до архитектурных особенностей помещения. В глаза ему сразу бросилась совершенно нагая женщина, она висела вниз головой над бочкой с водой. Веревка, концом которой были связаны ее ноги, была перекинута через блок и перекладину, и дальше шла к вороту. Ворота медленно крутила женщина в кожаном фартуке на голым телом. Она стояла боком к варвару, все ее внимание было отдано пытке.

Голова жертвы погрузилась в воду, и женщина забилась в своих путах. Конан не видел лица несчастной, потому что она висела спиной к нему, но по линиям ее тела, по рельефным мускулам спины, на которой отчетливо выделялись багровые полосы, по плечам и рукам, тоже хранившим следы плети, он узнал ее.

— Акила! — закричал варвар.

Женщина, которая крутила ворота, вздрогнула, но посмотрела не на него, а чуть правее. Киммериец перехватил ее взгляд и увидел еще одного человека, которого не заметил сразу: со скамьи у стены поднималась, глядя на него округлившимися от ужаса глазами, женщина, очень похожая на его возлюбленную. Такие же серые глаза, полные яркие губы и пепельные волосы... Он понял: это — Бризейс!

— Ну, пададь, молись своим богам! — прохрипел варвар, заноса руку с мечом. — Только вряд ли это тебе поможет...

Палач бросила ворота, который начал раскручиваться, и метнулась в дальний угол, но Конан, почти не глядя на нее, метнул вдогонку нож, и тот вонзился в голую спину. Не мигая, варвар смотрел на Бризейс и медленно приближался к ней. Глаза киммерийца словно пригвоздили королеву к месту, она замерла, как кролик под взглядом удава, не в силах пошевелиться.

— Допрыгалась, сука?

Варвар сделал еще один шаг. Бризейс наконец преодолела оцепенение и попыталась выхватить меч, но Конан был быстрее. Он не дал ей шанса сразиться с ним — краем глаза он заметил, что голова Акилы погрузилась в воду и

тело судорожно выгнулось. В других обстоятельствах варвар, может быть, и позволил бы Бризейс умереть в честном бою, но сейчас было не до этого. Конан нанес два удара: первый — обманный, заставивший королеву податься вправо, а второй настоящий. Клинок, опускаясь сверху налево, поймал отблеск пламени очага, и голова королевы с глухим стуком упала на пол. Все было кончено в один миг.

Киммериец бросился к Акиле, чья голова почти полностью погрузилась в воду. Амазонка уже билась в судорогах. Варвар, дотянувшись кончиком меча до веревки, перерезал ее и подхватил тело. Акила почти потеряла сознание, она вся дрожала и хватала ртом воздух. Конан отнес ее к скамье и осторожно уложил на спину. Голова Акилы безжизненно откинулась, руки свесились плетьюми.

«Неужели опоздал?...» — похолодел варвар.

Он похлопал Акилу по щекам, она содрогнулась и слабо застонала.

«Все в порядке, — обрадовался киммериец, — выживет, никуда не денется».

Он принялся энергично растирать ее, и это возымело действие: веки затрепетали, потом открылись глаза. Акила несколько мгновений бессмысленно смотрела в потолок, потом перевела взгляд на варвара.

— Конан? — прошептала она, не веря своим глазам.

— Я, я, — улыбнулся киммериец, — лежи, сейчас принесу что-нибудь из одежды.

— Подожди. — Акила схватила его за руку. — Разве ты не погиб?..

— Как видишь, нет, — усмехнулся варвар, — и, главное, успел вовремя вернуться.

— Где моя сестрица и эта... — королева поморщилась от боли, — эта сука Хемилья? — с трудом договорила она.

— А вот, — просто ответил варвар, подняв за волосы голову ее сестры и показав Акиле. — А ее подруга вон там отдыхает, — он махнул рукой в дальний угол. — Мертвая, — добавил он.

— Мог бы и не уточнять, — ответила Акила, которая знала способности киммерийца.

Силы постепенно к ней возвращались, но все же после пыток она была очень слаба и даже говорить ей было трудно. Конан оглянулся вокруг в поисках кувшина с вином или еще чего-нибудь подходящего к случаю, но, кроме орудий пыток, ничего не увидел. Вдруг ухо варвара уловило топот множества ног и бряцание лат: приближалась группа вооруженных людей. Это напомнило киммерийцу, что бой еще, наверное, не кончен. С мечом в руке он бросился к двери и посмотрел в щель, но, увидев бегущих по лестнице женщин с синими повязками на лбу, широко ее распахнул.

— Твои! — коротко бросил он Акиле.

В комнату вбежали несколько амазонок во главе с Паиней.

— Жива? — Она бросилась к своей госпоже.

— Жива, жива, — ответил киммериец. — Вы, амазонки, бабы крепкие. Как там наверху?

— Тысяч пять сдались в плен. Остальных, кто сопротивлялся... Но таких было немного.

— Можешь не продолжать, — усмехнулся варвар, зная исключительную жестокость амазонок. — Давай лучше перенесем ее в покои, да пошли кого-нибудь за лекарем. Надо вправить королеве суставы, да и вообще подлечить.

Глава третья

Через несколько дней Акила пришла в себя окончательно, а за это время ее приближенные во главе с Пайной навели полный порядок в столице, и уже ничто не напоминало о скоротечной битве и даже о более чем десятилетнем правлении Бризейс. За время своего царствования она так настроила против себя амазонок, что только страх мог удержать их в повиновении, и когда вероломной королевы не стало, то и оплакивать, и жалеть ее было некому.

В эти дни варвар не видел Акилу, она не звала его к себе, поэтому он расхаживал по городу, с любопытством наблюдая за тем, как воительницы убирают улицы: подметают мостовые, вставляют новые стекла взамен выбитых, разбирают обуглившиеся бревна на пепелищах — в день штурма столицы было много беспорядков.

Для амазонок зрелище свободно разгуливающего по улицам мужчины было сродни тому, как если бы сам Нергал или Бел явились в город: некоторые, увидев его, презрительно плевали; другие замирали в изумлении, решив, что у них что-то неладно с головой; те, кто уже слышал о нем или видел в бою, смотрели на киммерийца со смесью страха и восхищения; но были и те, кто поглядывал на него с затаенным в глазах огнем желания. Его гигантский рост выделял его везде, в какой бы стране он ни появился, но здесь, в толпе женщин, большинство из которых было обьязано своим происхождением гирканским или туранским отцам, он возвышался, как башня.

Среди девушек-воительниц попадались очень даже хорошенькие. Варвар, глядя на свежие лица и стройные девичьи тела, сожалел о том, что попользоваться ими вряд ли возможно, потому что обычаи и дисциплина в этой стране были сильны, а наказание за вольность — жестоко.

Мужчины, которые попадали сюда, доставались тем девушкам, на которых падал выбор совета.

У амазонок не было таверн или кабачков, где можно было бы посидеть и выпить кувшинчик вина, поболтать или сыграть в кости.

Для Конана во дворце были отведены особые покои; с приказом выполнять любые его прихоти к нему были представлены две девушки. На второй день своего пребывания в столице амазонок киммериец решил, что он, пожалуй, загостился, да и дела все переделаны. Он отправился в покои королевы, прошел несколько залов, где у каждой двери, как и во времена Бризейс, стояли гвардейцы. Но стражницы не решались задержать его или хотя бы задать вопрос. Они слишком хорошо помнили, как он ворвался в город, и никто не хотел будить лиха — кто знает, что на уме у этих мужчин...

Конан подошел к покоям Акилы и кивнул воительнице у двери.

— Доложи, что я здесь.

Та юркнула за дверь и через некоторое время появилась, дав знак войти.

Акила полулежала на низком диване в углу комнаты и что-то говорила Пайне, которая напряженно ловила каждое слово.

— Присядь.— Королева указала варвару на низкую скамейку рядом с диваном.

Конан сел, с любопытством оглядывая комнату, в которой оказался впервые. Амазонки не отличались любовью к роскоши, и помещение скорее напоминало солдатскую казарму, чем царские покои: стены не были покрыты коврами или драпировками, голый, хоть и отесанный камень был буроватого цвета. Он сразу напомнил киммерийцу объятую дымом Красную гору. Окно было большое, с решетками из

стальных прутьев, но стекла в нем были цветными, и это хоть как-то смягчало суровость обстановки. Из мебели был только длинный диван да пообочь него пара скамей, на одной из которых сидела Паина, а на другой Конан. Пол был каменным, без ковров или циновок.

«Где она спит? — удивился варвар. — На этом диване, что ли?» Он присмотрелся внимательнее и увидел низкую дверь в соседнее помещение.

«Наверное, настоящие покои там, а это только приемная», — решил он. Киммериец привык, что короли и правители имеют роскошные покои, где они принимают послов, пируют или собирают сановников, поэтому убогий вид этого помещения несколько удивил киммерийца. Однако, подумав немного, он решил, что в этой далекой от цивилизованного мира стране свои обычаи, да и послов, как где-нибудь в Офире, Кофе или Аквилонии, тут не бывает. Хотя бы по той простой причине, что вести переговоры здесь не с кем, да и незачем — все проблемы с соседними народами воительницы решают силой оружия.

Акила закончила разговор с Паиной и отпустила ее. Когда она проходила мимо Конана, тот от изумления едва не свалился со скамьи: в обращенных к нему глазах суровой воительницы вместо обычной надменности он увидел смешанную с уважением благодарность.

— Акила... — начал Конан, когда дверь за Паиной закрылась.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — ответила королева. — И я знаю, что в долгу перед тобой, Конан, но...

— Какие могут быть «но», — перебил ее варвар. — Если уж на то пошло, ты сама знаешь, что после взятия города солдатам всегда дают три дня на его разграбление. Кто взял вашу столицу?

— Ты, — ответила Акила, уже понимая, к чему он клонит.

— Так неужели, — варвар присел рядом с ней, намереваясь обнять, — ты не дашь мне хотя бы эти три дня? Помнишь, как было в прошлый раз?

Она отодвинулась от киммерийца и посмотрела ему прямо в глаза. Конан увидел, что желание, скрытое в глубине

души, не может пробиться сквозь решение, которое она приняла еще тогда, в Стигии, когда навсегда, как она думала, рассталась с ним.

— Но у вас же принято давать женщине мужчину на месяц, — испробовал варвар другой подход. — Таков ваш обычай.

— Да, — сказала Акила, — я могу дать тебе любую девушку, какую захочешь, и поверь, она будет счастлива. — Потаенный огонь на мгновение вспыхнул в глазах королевы. — Но мне сейчас недосуг заниматься любовью. Даже с тобой, — прибавила она со вздохом. — Слишком много дел...

— А как твои дела могут нам помешать? — беспечно, хоть и с некоторым удивлением, настаивал на своем Конан. — Делами ты будешь заниматься днем, а быть вместе мы можем и ночью.

— Ты не понимаешь, — не без раздражения ответила Акила. — Мой народ вынес много горя под пятой Бризеис. Он не поймет меня сейчас, если рядом со мной будет мужчина. Тем более, что ты знаешь, как большинство из нас к ним относится.

— Видел, — усмехнулся Конан. — Но, во-первых, ты за это время, надеюсь, поняла, что некоторые мужчины годны не только в быки-производители, — подмигнул он королеве, — а во-вторых, ты как раз и подашь им пример, как надо к нам относиться.

— Какой пример? — вспыхнула Акила. — Что, я должна переспать с тобой на центральной площади, у всех на виду?

«Интересная мысль, — подумал киммериец, — пожалуй, на моем веку ничего подобного еще не было. Клянусь стройными бедрами Иштар, это было бы довольно забавно! Ради такого случая уж я бы постарался не ударить в грязь лицом...» Варвар представил на мгновение, как вылупят глаза амазонки, и чуть было не рассмеялся, хотя ему было совсем не до веселья.

Он смотрел на Акилу, которая была от него на расстоянии вытянутой руки и все же дальше, чем когда бы то ни было — даже более чужая, чем в тот раз, когда он впервые

увидел королеву амазонок в захудалом трактире столь же захудалого бритунского городишки. Он с первого взгляда почувствовал влечение к этой необыкновенной женщине. Но тогда у него была надежда, а сейчас киммериец видел, что между ними выросла стена, и не понимал, откуда она взялась и как ее разрушить. В его жизни было много женщин, но Акила особенно запала ему в душу, и столько всего было между ними, и вот теперь выходит, что она больше не желает его знать.

Сознание варвара отказывалось постигать такую несправедливость.

— Ваши обычаи не могут принести ничего, кроме вреда,— пошел Конан в последнюю атаку.— Вспомни, как живет остальной мир. Ты же, в отличие от твоих подданных, повидала его.

— Нам наплевать на остальных,— отрезала Акила.— Наши обычаи существуют много веков, и, как видишь, нас они устраивают. Думаю, именно они помогают нам выжить. В общем, как я решила (и, заметь, решила не вчера), так и будет. Говорить больше не о чем!

— Ну, что ж.— Конан поднялся со скамьи.— Если ты действительно так решила, я не буду спорить. Только все же подумай о том, что такая жизнь, как у вас,— это не жизнь. Может быть, со временем ты поймешь это, тогда позови меня. Найдешь, если будет желание.

Он повернулся и, не оглядываясь, вышел из покоев королевы. Пройдя дворцовые коридоры, он вошел в свою комнату и гаркнул на появившихся в тот же миг прислужниц:

— Коня!

Когда Конан покинул столицу амазонок, солнце уже клонилось к горизонту. Его конь мерной рысцой бежал по пыльной дороге, а киммериец, бросив поводья и предоставив скакуну держать путь, медленно обводил взглядом зеленую равнину, белеющие на фоне синего неба вершины гор и рассуждал о бренности жизни, о промысле богов и о том, что ждет его впереди.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ О БЕЛИТ

<i>Р. Говард. Королева Черного Побережья</i>	7
<i>Т. Рейли. Кормчие судьбы</i>	37

К. Уэйпрайт

ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ

Часть первая. Происшествия в Агратуре	183
Часть вторая. Приключения на море Вилайт	233
Часть третья. Султанапур	281
Часть четвертая. Остров бога Этана	331
Часть пятая. В горах страны амазонок	349
Часть шестая. Чаша холода	408
Часть седьмая. Победы и поражения	445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ГОВАРД
ТОМАС РЕЙЛИ
КРИС УЭЙНРАЙТ

КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Верстка *Елена Посадова*
Технический редактор *Елена Шараева*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.05.97. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. п. л. 24,36. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1907.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г. 194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @info.pro.spb.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.94. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82 от 02.04.93. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

МОРЕ ЗАПАДА

Черный остров

ХЛИБОРОДСКАЯ
ЭРЯ

ИРАНИСТАН

